**Валё Пер, Шёвалль Май**

# Наемные убийцы (Террористы)

## I

Начальник Центрального полицейского управления улыбался.

Эта улыбка, мальчишеская и обаятельная, обычно предназначалась для прессы и телевидения, и лишь изредка ее сияние озаряло ближайших сотрудников — таких, как член коллегии ЦПУ[1]Стиг Мальм, шеф секретной полиции Эрик Мёллер и руководитель группы расследования убийств комиссар Мартин Бек.

Только один из этой тройки ответил на улыбку начальника.

У Стига Мальма были красивые белые зубы, и он охотно улыбался. Сам того не подозревая, он на службе обзавелся целым набором различных улыбок. Та, к которой он прибег сейчас, могла быть определена лишь как заискивающая и подхалимская.

Шеф секретной полиции подавил зевок; Мартин Бек высморкался.

Часы показывали половину восьмого; начальник ЦПУ любил созывать экстренные совещания с утра пораньше, хотя из этого отнюдь не следовало, что у него было заведено всегда являться в этот час в управление. Частенько он прибывал уже ближе к полудню, да и то оставался недоступным даже для ближайших сотрудников. «Мой кабинет — моя крепость» — такой девиз был бы вполне уместен на его двери, и кабинет был в самом деле неприступной крепостью, охраняемой вышколенной секретаршей, которую не зря прозвали Драконом.

В это утро начальник ЦПУ выступал в роли радушного хозяина. Он даже распорядился принести кофе в термосе и фарфоровые чашки вместо обычных пластмассовых стаканчиков…

Стиг Мальм встал и разлил кофе по чашкам.

Мартин Бек наперед знал, что он, садясь, аккуратно поддернет брюки, потом осторожно пригладит ладонью волнистую шевелюру.

Стиг Мальм был его непосредственным начальником, и Мартин Бек не испытывал к нему ни малейшего почтения. Самодовольное кокетство Мальма и манера лебезить перед высоким руководством давно перестали злить Мартина Бека, он считал эти черты просто смехотворными. Но у Мальма были другие качества, которые раздражали Мартина Бека и частенько затрудняли ему работу: косность и полное отсутствие самокритичности, особенно пагубное в человеке, который был абсолютным профаном во всем, что касалось оперативной работы. И если Стиг Мальм тем не менее занял высокий пост, то исключительно благодаря своему карьеризму, политическому приспособленчеству и толике организаторских способностей.

Шеф секретной полиции положил себе в кофе четыре куска сахару, размешал и стал шумно прихлебывать.

Мальм пил кофе без сахара: он берег свою стройную фигуру.

Мартина Бека поташнивало, и его не манил кофе в столь ранний час.

Начальник ЦПУ положил сахару, налил сливок и оттопырил мизинец, поднимая чашку. Выпил ее одним духом, отставил в сторону и пододвинул к себе тонкую зеленую папку, лежавшую на углу полированного стола.

— Вот так, — сказал он и опять улыбнулся. — Сначала кофе, потом можно и за дела приниматься.

Мартин Бек тоскливо поглядел на свою чашку и подумал, что сейчас неплохо было бы выпить стакан холодного молока.

— Что-то ты скверно выглядишь, — сказал начальник ЦПУ с деланным участием. — Уж не собираешься ли снова заболеть? Сам понимаешь, нам без тебя зарез.

Мартин Бек не собирался заболеть, его просто мутило. Естественно выглядеть скверно после того, как ты до половины четвертого утра сидел и пил вино вместе с двадцатидвухлетней дочерью и ее женихом. Однако он не был настроен обсуждать свое похмелье с начальством; к тому же это «снова» он никак не заслужил. В начале весны Мартин Бек три дня пролежал дома с гриппом, с высокой температурой, а теперь, слава Богу, седьмое мая.

— Да нет, — ответил он. — Все в порядке. Так, простыл немного.

— А ты и правда паршиво выглядишь, — вмешался Стиг Мальм. В его голосе не было даже деланного участия, только укоризна. — Совсем паршиво, честное слово.

Он испытующе поглядел на Мартина Бека, и тот с нарастающим раздражением отрезал:

— Благодарю за внимание, но я чувствую себя хорошо. И вообще, насколько я понимаю, мы собрались здесь не за тем, чтобы обсуждать мой вид или мое здоровье.

— Вот именно, — сказал начальник ЦПУ. — Приступим.

Он открыл зеленую папку. Судя по ее содержимому — всего три-четыре листа стандартного формата, — можно было надеяться, что совещание не слишком затянется.

Сверху лежало письмо на бланке, с большой зеленой печатью под размашистой подписью; расстояние не позволяло Мартину Беку разобрать типографский текст вверху бланка.

— Как вы, очевидно, помните, мы уже обсуждали наш не слишком богатый опыт по организации охраны и мер безопасности в связи с официальными визитами и подобными щекотливыми ситуациями. — Начальник ЦПУ автоматически перешел на напыщенный стиль, присущий его публичным выступлениям. — Такими ситуациями, когда можно ожидать особенно агрессивных демонстраций и более или менее тщательно подготовленных террористических актов.

Стиг Мальм поддакнул, Мартин Бек промолчал, а Эрик Мёллер возразил:

— Ну не такие уж мы и зеленые. Самые важные официальные визиты последнего десятилетия прошли на уровне и с точки зрения организации, и с точки зрения безопасности. Или возьмем свежий пример — конференцию по вопросам охраны среды.

— Конечно, конечно, но на этот раз перед нами стоит проблема посложнее. Я подразумеваю намеченный на конец ноября визит сенатора из Соединенных Штатов. Этот визит может оказаться для нас, если можно так выразиться, серьезным испытанием. До сих пор мы не сталкивались с проблемами, сопряженными с приемом высокопоставленных американских деятелей, а теперь вот придется столкнуться. Вопрос этот уже решенный, я получил кое-какие инструкции. Мы должны подготовиться заблаговременно и возможно более тщательно. Необходимо все предусмотреть. Прежде всего, вероятность агрессивных действий со стороны левых экстремистов и патологических фанатиков, которые помешались на вьетнамской войне. Но следует также помнить и про иностранные террористические группы.

На лице начальника ЦПУ не осталось и намека на улыбку.

— На сей раз можно ожидать кое-чего посерьезнее, чем бросание яиц, — сурово заметил он. — Учти это, Эрик.

— Мы примем превентивные меры, — отозвался Мёллер. Начальник ЦПУ пожал плечами.

— Конечно. Но мы не можем выловить, арестовать и интернировать всех, кто способен учинить безобразие, и ты это знаешь не хуже меня. Словом, я получил свои указания, и ты получишь свои.

«И я — свои», — мрачно подумал Мартин Бек.

Он все еще силился прочесть большие типографские буквы в верхней части письма в зеленой папке. Не то POLICE, не то POLICIA. Веки его горели, во рту пересохло, и язык уподобился наждачной бумаге. Он с отвращением отпил несколько глотков горького кофе.

— Но это все — потом, — продолжал начальник ЦПУ. — А сегодня я хотел обсудить с вами вот это письмо. Он постучал указательным пальцем по листку с зеленой печатью. — Оно имеет прямое отношение к нашей проблеме.

Начальник ЦПУ передал письмо Стигу Мальму, чтобы тот показал его остальным, и продолжал — Как видите, это — приглашение, оно получено в ответ на нашу просьбу, чтобы нам разрешили прислать наблюдателя в связи с предстоящим в скором времени официальным визитом. Там ожидается приезд президента соседнего государства, который в данной стране не особенно популярен, поэтому будут приняты все возможные меры для его охраны. Как и во многих других латиноамериканских странах, у них было немало покушений и на своих, и на зарубежных политиков. Так что опыта им не занимать, я даже готов считать тамошнюю полицию и службу безопасности самой квалифицированной в этом деле. Не сомневаюсь, что нам будет очень полезно изучить их методы и ресурсы.

Мартин Бек пробежал письмо, написанное по-английски в весьма официальных и учтивых оборотах. Визит президента был намечен на пятое июня, то есть оставалось меньше месяца, и представителю шведского полицейского ведомства предлагалось прибыть за две недели, чтобы детально ознакомиться с важнейшими этапами подготовительной работы. Затейливая подпись была совершенно неразборчива, но тут же расшифрована машинописью. Фамилия испанская, длинная, с налетом благородства и аристократизма.

Когда письмо вернулось в зеленую папку, начальник ЦПУ объявил:

— Теперь спрашивается, кого мы туда пошлем.

Стиг Мальм задумчиво уставился в потолок, но ничего не сказал.

Мартин Бек опасался, как бы не выдвинули его кандидатуру. Пять лет назад, до того как он расторг свой неудачный брак, Мартин Бек охотно взялся бы за это дело, только бы уехать на время из дому. Теперь ему вовсе не хотелось уезжать, и он поспешил сказать:

— Это, скорее, по части секретной полиции.

— Мне нельзя уезжать. — вступил Мёллер. — Во-первых, я не могу оставить отдел, потому что у нас возникли проблемы с реорганизацией, которые надо срочно решать. Во-вторых, наш отдел достаточно осведомлен о делах такого рода, пусть лучше поедет человек, которому надо пополнить свои знания в вопросах безопасности. Скажем, кто-нибудь из уголовного розыска или из охраны порядка. Все равно ведь он, когда вернется, поделится с нами своими наблюдениями, труд его пойдет на пользу всем.

Начальник ЦПУ кивнул.

— Пожалуй, ты прав, Эрик. И как ты сам сказал, тебя мы сейчас отпустить не можем. Тебя тоже, Мартин.

Мартин Бек облегченно вздохнул.

— К тому же я не говорю по-испански, — добавил шеф секретной полиции.

— А кто говорит-то, — сказал Мальм с компанейской улыбкой.

Он знал, что начальник ЦПУ тоже не владеет кастильским наречием.

— Я знаю человека, который говорит по-испански, — заметил Мартин Бек.

Мальм наморщил лоб.

— Это кто же? Из уголовной полиции?

— Оттуда. Гюнвальд Ларссон.

Мальм еще больше наморщил лоб. Потом недоверчиво улыбнулся и сказал:

— Но ведь его нельзя посылать.

— Почему, — возразил Мартин Бек, — По-моему, он вполне подходит.

Он поймал себя на том, что говорит с вызовом.

Ратовать за Гюнвальда Ларссона не было в правилах Мартина Бека, но его задел тон Мальма. К тому же он привык, что его мнение почти никогда не сходится со взглядами Стига Мальма, и привык возражать ему.

— Этот медведь недостоин представлять наше ведомство, — настаивал Мальм.

— Он в самом деле говорит по-испански? — недоверчиво произнес начальник ЦПУ. — Где же это он научился?

— Когда служил на флоте, побывал в странах, где говорят по-испански, — ответил Мартин Бек. — И в этом городе, наверно, бывал. Там ведь большой порт. Кстати, он еще свободно изъясняется по-английски, по-французски и по-немецки. Знает немножко русский. Можешь проверить по его личному делу.

— Все равно он медведь, — твердил Стиг Мальм.

Начальник ЦПУ задумался.

— Я проверю его личное дело, — сказал он. — Я и сам о нем подумывал. Конечно, он иногда бывает грубоват и очень уж недисциплинирован. В то же время он, несомненно, один из наших лучших следователей, хоть и не любит подчиняться приказам и следовать уставу.

Он повернулся к шефу секретной полиции.

— Что ты скажешь, Эрик? Годится он, по-твоему?

— Ну, особой симпатии я к нему не испытываю, но так-то возразить нечего. Тут нужен человек опытный и наблюдательный. У Гюнвальда Ларссона есть опыт, а самостоятельность и напористость в этом случае только кстати. Знание языка и страны тоже говорит в его пользу.

Мальм насупился.

— По-моему, его никак нельзя посылать. Да он своей неотесанностью всю шведскую полицию опозорит. Ведет себя по-хамски, а выражается скорее как грузчик, чем как бывший офицер флота.

— Может быть, на испанском языке он выражается учтивее, — заметил Мартин Бек. — Бывает грубоват, это верно, но знает меру.

Мартин Бек слегка покривил душой. Он сам слышал, как Гюнвальд Ларссон в присутствии Мальма довольно крепко прошелся по его адресу, но тот, к счастью, не уразумел, что речь идет о нем.

Начальник ЦПУ явно пропустил мимо ушей возражения Мальма.

— А что, и впрямь не такое уж плохое предложение, — задумчиво произнес он. — Думаю, в данном случае можно не опасаться, что он станет вести себя подчеркнуто грубо. При желании он умеет быть вежливым. И биография у него получше, чем у многих других. Он из культурной, обеспеченной семьи, следовательно, получил самое лучшее образование и воспитан соответственно, умеет вести себя в любой ситуации. Такие вещи входят в плоть и кровь на всю жизнь, хотя он всячески старается скрыть свою интеллигентность.

— Что верно, то верно, — пробормотал Мальм.

Мартин Бек догадывался, что Стиг Мальм не прочь поехать сам и обиделся, когда о нем даже не вспомнили. Еще он подумал, что неплохо будет малость отдохнуть от Гюнвальда Ларссона: коллеги недолюбливали его за редкостное умение осложнять людям жизнь и портить им настроение.

Казалось, собственные доводы не до конца убедили начальника ЦПУ, и Мартин Бек поспешил добавить:

— По-моему, надо послать Гюнвальда. У него есть все данные, нужные в этом случае.

— Я заметил, что он следит за своей внешностью, — сказал начальник ЦПУ. — Сразу видно, что у человека есть вкус, он умеет одеваться. Это производит хорошее впечатление.

— Вот именно, — подхватил Мартин Бек. — Это важная деталь.

О самом Мартине Беке — и он это знал — никто не сказал бы, что он одевается со вкусом. Брюки неотглаженные, мешковатые, ворот водолазки после многочисленных стирок растянулся, на поношенной куртке не хватает пуговицы.

— В отделе насильственных преступлений людей достаточно, обойдутся без Ларссона неделю-другую, — сказал начальник ЦПУ. — Или есть еще предложения?

Все отрицательно покачали головой.

Даже Мальм явно сообразил, что для него же лучше, если Гюнвальд Ларссон хотя бы на время уберется подальше, а Эрик Мёллер снова зевнул и был явно рад, что совещание близится к концу.

Начальник ЦПУ встал и захлопнул папку.

— Прекрасно, — заключил он. — Значит, договорились. Я сам извещу Ларссона о нашем решении.

Гюнвальд Ларссон принял известие без восторга. Не был он и особенно польщен характером задания.

Человек весьма самоуверенный, он тем не менее не закрывал глаза на правду и не сомневался, что кое-кто из сослуживцев облегченно вздохнет, проводив его, и пожалеет только о том, что он уехал не навсегда.

Гюнвальд Ларссон отдавал себе отчет в том, что друзей среди коллег у него не так уж много, а точнее, всего один. Знал он также, что его считают своенравным упрямцем и вопрос об его увольнении обсуждался не раз.

Все это его ничуть не трогало.

Любой другой сотрудник полицейского ведомства в его звании и с его заработком был бы по меньшей мере обеспокоен постоянной угрозой временного отстранения от работы, а то и увольнения. Гюнвальда Ларссона мысль об этом ничуть не тревожила.

Неженатый, бездетный, он был свободен от заботы о семье. Родню презирал за буржуазное чванство и давно с ней порвал.

Собственное будущее его не волновало.

За годы службы в полиции Гюнвальд Ларссон не раз подумывал о том, чтобы вернуться на флот. Но когда тебе под пятьдесят, понимаешь, что уже вряд ли доведется выходить в море.

По мере того, как приближался день отъезда, Гюнвальд Ларссон обнаружил, что даже рад этому заданию, которое, хотя и считалось ответственным, не сулило особенных трудностей.

Во всяком случае, он отключится на две недели от служебной рутины. Предстоящая поездка рисовалась ему чем-то вроде отпуска.

Накануне отъезда Гюнвальд Ларссон стоял в одних трусах в своей спальне и рассматривал собственное отражение в большом зеркале на внутренней стороне дверцы гардероба.

Ему очень нравился рисунок на трусах — желтые лоси на голубом поле. Таких трусов у него было полдюжины, а еще полдюжины, но с красными лосями на зеленом поле, уже были уложены в большой чемодан свиной кожи, который стоял на кровати с откинутой крышкой.

Рост — метр девяносто два, сильная, мускулистая фигура, крупные ступни и кисти. Он только что принял душ и, как всегда, взвесился: сто двенадцать килограммов. За последние четыре-пять лет Гюнвальд Ларссон прибавил десяток килограммов и теперь с недовольством смотрел на складку жира выше трусов.

Он втянул живот и подумал, что, пожалуй, стоит почаще ходить в спортзал полицейского ведомства. Или начать плавать, как только будет готов бассейн в новом здании ЦПУ.

Вообще-то, он был вполне доволен своей внешностью.

Ему исполнилось сорок девять, но густая шевелюра ничуть не поредела и не отступила кверху. Две глубокие поперечные складки прорезали низкий лоб.

Коротко стриженные волосы — такие светлые, что проседи совсем не видно. Мокрые, аккуратно причесанные, они сейчас плотно облегают широкую макушку, а просохнут — поднимутся дыбом и будут непокорно щетиниться. Косматые брови были такие же светлые, как волосы; нос большой, прямой, с широкими ноздрями. Светло-голубые глаза казались маленькими на его крупном лице; близко посаженные, они придавали ему обманчиво-туповатый вид, когда он задумывался и уходил в себя. Когда же Гюнвальд Ларссон злился, а это случалось часто, между бровей появлялась сердитая складка, и взгляд его голубых глаз нагонял ужас на самых закоренелых преступников, да и на подчиненных тоже. Его грозные вспышки ярости теперь были так же хорошо известны в шести полицейских участках города Стокгольма, как когда-то если не на семи морях, то, во всяком случае, среди команды и младшего комсостава тех судов, на которых он был офицером.

Он отошел от зеркала, как уже было сказано, в общем и целом довольный своей внешностью.

Единственным, кто ни разу не испытал на себе гнев Гюнвальда Ларссона, был Эйнар Рённ — старший следователь стокгольмского отдела насильственных преступлений и его единственный друг. Самой приметной чертой на лице этого тихого, немногословного лапландца был красный нос, из которого постоянно текло; он как бы заслонял собой все остальное. Эйнар Рённ был одержим непреходящей тоской по своим родным местам под Арьеплугом.

В отличие от Гюнвальда Ларссона, у него были жена и сын. Жену звали Унда, сына — Матс, у самого же Рённа было еще второе имя, которое он предпочитал не вспоминать.

Его мать в молодости преклонялась перед известнейшим киноактером той поры и нарекла своего первенца Валентино.

Поскольку Гюнвальд Ларссон и Рённ служили в одном отделе, они виделись почти ежедневно, но охотно общались и в свободное время. Когда им удавалось совместить свои отпуска, они отправлялись в Арьеплуг и предавались, главным образом, рыбной ловле.

Коллеги не могли взять в толк, как могут дружить два столь разных человека и многие удивлялись способности Рённа стоическим спокойствием и несколькими словами превратить разъяренного Гюнвальда Ларссона в кроткую овечку.

Гюнвальд Ларссон проверил набор костюмов в своем обширном гардеробе.

Он хорошо знал климат страны, в которую направлялся, и в памяти сохранились душные, знойные недели, проведенные много лет назад в ожидающем его городе. Чтобы выдержать тамошнюю жару, надо одеться полегче, а у него было только два достаточно легких костюма.

На всякий случай он примерил их. И с досадой обнаружил, что один вообще не налезает на него, а брюки второго застегиваются лишь с великим трудом после сильного выдоха. К тому же они чересчур обтягивали бедра. Пиджак-то застегивался, но был тесноват в плечах, ограничивая свободу движений и грозя лопнуть по швам.

Он повесил на место совсем непригодный костюм, а второй положил на крышку чемодана. Сойдет. Костюм был пошит четыре года назад из египетской тонкой хлопчатобумажной ткани палевого цвета, в узкую белую полоску.

Кроме трусов, в чемодане лежали полуботинки, ночные туфли, туалетные принадлежности, носки, носовые платки, сорочки, пижама и шелковый халат такой же голубизны, как его глаза.

Гюнвальд Ларссон был непьющий, но припас бутылку спиртного на случай, если встретит пьющего, который сможет оказаться полезным. Завернув бутылку в зеленую майку с красными лосями, он засунул ее под сорочки.

Сверху положил трое брюк защитного цвета, чесучовую куртку и тесноватый костюм. В карман на внутренней стороне чемоданной крышки засунул детективный роман «Голубой след» своего любимого Ю. Региса.

Опустил крышку, застегнул латунные пряжки широких ремней, запер замочки и поставил чемодан в прихожей.

Эйнар Рённ обещал заехать за Гюнвальдом Ларссоном утром следующего дня и отвезти его на аэродром Арланда — как и большинство шведских аэродромов, унылое и неудачно расположенное сооружение. Прибывая в Арланду, исполненные ожиданий гости получали о Швеции более отвратное впечатление, чем страна того заслуживала.

Ларссон слишком дорожил своей машиной «ЭМВ»[2], чтобы оставлять ее на длительную стоянку у аэродрома.

Бросив сине-желтые трусы в корзину для грязного белья в ванной, Гюнвальд Ларссон надел пижаму и лег.

Он не страдал предстартовой лихорадкой и уснул почти сразу.

## II

Представитель службы безопасности был чуть выше локтя Гюнвальда Ларссона, зато плечистый, и он выглядел весьма элегантно в голубом костюме с безупречно отутюженными расклешенными брюками. Кроме того, на нем была розовая сорочка, темно-лиловый шелковый галстук и блестящие черные длинноносые полуботинки. Портрет щеголя нарушался только оттопыривающейся у левой подмышки кобурой. Представителя звали Франсиско Бахамонде Кассаветес-и-Ларриньяга; волосы у него были почти черные, кожа — светло-кофейного цвета, глаза — оливковые. Он происходил из чрезвычайно знатной семьи и занимал высокий пост. Гюнвальд Ларссон тоже принадлежал к знатному роду, хоть и не любил в этом признаваться; сто двенадцать килограммов, несомненно, придавали ему скорее грубый и тяжеловесный, чем утонченный вид.

Франсиско Бахамонде Кассаветес-и-Ларриньяга расстелил на балюстраде план мероприятий по обеспечению безопасности, но Гюнвальд Ларссон смотрел на свой костюм; портной местного полицейского ведомства неделю трудился и достиг отменного результата, ибо в этой стране портняжное искусство все еще стояло на высоком уровне. Единственное разногласие возникло, когда дело дошло до припуска на кобуру под мышкой. Портной считал его обязательным, но Гюнвальд Ларссон никогда не носил оружие под мышкой, он

пристегивал свой пистолет к поясному ремню. К тому же здесь, в заграничной командировке, он, естественно, вообще был без оружия, а костюм ему пригодится и в Стокгольме. Спор продолжался недолго, и Ларссон, разумеется, настоял на своем. Иначе и быть не могло. С глубоким удовлетворением он обозрел свою элегантно одетую фигуру, блаженно вздохнул и перевел взгляд на окружающее.

Они стояли на восьмом этаже отеля, в специально выбранной точке. Кортеж должен был проследовать под балконом и остановиться в одном квартале, у местного дворца. Гюнвальд Ларссон вежливо глянул на план, но без особого интереса, так как успел запомнить его во всех подробностях. Он знал, что всякое движение в гавани было прекращено с пяти утра и гражданский аэропорт закрыт с момента приземления президентского самолета.

Прямо перед ними простирались гавань и лазурное море. На внешнем рейде стояло несколько больших пассажирских и грузовых судов. В движении находились только один сторожевой корабль да несколько полицейских катеров внутри гавани.

Улицу под балконом окаймляли пальмы и акации. Напротив отеля располагалась стоянка такси, рядом с ней стояли живописные конные экипажи. Все они, как и автомашины, были тщательно проверены.

Собравшийся люд, не считая цепочки военной полиции и жандармов по обе стороны улицы, прошел через металлодетекторы того типа, которым теперь оснащены крупные аэропорты.

Жандармы были в зеленых мундирах, военная полиция — в серо-голубых. Первые обуты в сапоги, вторые — в ботинки.

Гюнвальд Ларссон подавил зевок: рано утром он участвовал в репетиции. Все было совсем как взаправду, не хватало только самого президента.

Вот как выглядел кортеж: впереди на мотороллерах — пятнадцать прошедших специальную подготовку сотрудников службы безопасности. За ними — столько же обычных полицейских на мотоциклах и две машины, битком набитые охранниками. Далее следовал предназначенный для президента черный «кадиллак» с голубыми пулестойкими стеклами.

Гюнвальду Ларссону была оказана великая честь: он сидел на заднем сиденье «кадиллака», изображая президента.

За «кадиллаком» следовала открытая машина с охранниками на боковых сиденьях, на американский лад.

Замыкали кортеж полицейские мотоциклы, автобус радиовещания и машины аккредитованных журналистов.

Кроме того, на всем пути от аэродрома были размещены агенты в штатском.

Одна деталь врезалась в память шведского гостя.

На всех столбах висели портреты президента. Путь был достаточно долгим, и Гюнвальду Ларссону осточертели массивная голова на бычьей шее, одутловатое лицо и очки в черной металлической оправе.

Помимо наземной охраны, в воздухе курсировали военные вертолеты в три яруса, по три машины в каждом ярусе.

Сверх того, небо над вертолетами бороздила эскадрилья «старфайтеров».

Словом, все отработано до такой степени, что возможность неприятных сюрпризов была как будто исключена.

Во второй половине дня стало очень душно. Гюнвальд Ларссон слегка вспотел.

Он не предвидел никаких осечек. Визиту предшествовала тщательная, обстоятельная подготовка, планы разрабатывались за месяцы вперед. Особая группа специально проверяла планы в поисках возможных пробелов. Были внесены незначительные поправки. И ведь ни

одно из многочисленных покушений в этой стране не удалось. Пожалуй, начальник ЦПУ был прав, когда говорил, что здешние специалисты — самые квалифицированные в своей области.

Без четверти три Франсиско Бахамонде Кассаветес-и-Ларриньяга глянул на часы и сказал:

— Twenty one minutes to go I presume.[3]

Стокгольм вполне мог послать человека, не владеющего испанским. Кассаветес-и-Ларриньяга изъяснялся на аристократическом английском языке, принятом в наиболее изысканных клубах Белгравии.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на свой хронометр и кивнул.

Часы показывали без тринадцати минут и тридцати пяти секунд три в среду пятого июня тысяча девятьсот семьдесят четвертого года.

Сторожевой корабль остановился у входа в гавань, чтобы выполнить единственное возложенное на него задание: произвести приветственный салют.

Высоко над улицей восемь истребителей выписывали белые зигзаги в ярко-голубом небе.

Гюнвальд Ларссон огляделся по сторонам. Улица упиралась в огромную круглую арену для боя быков, окаймленную кирпичной стеной с красно-белыми арками. В другом конце улицы как раз в эту минуту заработал высокий фонтан с подкрашенными струями; год выдался на редкость засушливый, и фонтаны — их в городе было много — включали только по особо торжественным случаям.

Несмотря на бездну различий, эта страна, как и Швеция, представляла собой мнимую демократию с господством капиталистической экономики и циничных политиков-профессионалов, которые всячески старались создать видимость некоего, именно некоего, социализма.

Из различий особенно бросались в глаза разница часовых поясов, другая религия и тот факт, что здесь монархию давно сменил республиканский строй.

Послышался стрекот вертолетов и вой мотоциклетных сирен.

Гюнвальд Ларссон снова поглядел на часы — кортеж явно опережал график. Он обвел гавань своими ярко-голубыми глазами и убедился, что теперь уже все полицейские катера находятся в движении. Портовые сооружения мало изменились с той поры, когда он бывал здесь в качестве морского офицера, зато суда на рейде выглядели совсем иначе. Супертанкеры, контейнеровозы, саморазгружающиеся плавучие ящики, большие паромы, с которых автомашины чуть ли не вытеснили людей, — ничего этого не было, когда он служил на флоте.

Понятно, не один Гюнвальд Ларссон заметил, что события опережают утвержденный график.

Кассаветес-и-Ларриньяга что-то быстро, но спокойно и четко сказал в микрофон своего портативного передатчика, и на сторожевом корабле развернулась усиленная активность.

Гюнвальду Ларссону подумалось, во-первых, что он таки успел подзабыть испанский язык, во-вторых, что Швеция, не говоря уже о дорогостоящем полицейском аппарате, занимает четвертое место в мире по военным расходам на душу населения.

Закончив говорить в микрофон, Кассаветес-и-Ларриньяга улыбнулся своему белокурому гостю и перевел взгляд на разноцветный фонтан: в той стороне между рядами жандармов в зеленом показались первые мотороллеры со специальными агентами.

Гюнвальд Ларссон посмотрел вниз. Прямо под балконом шагал по улице охранник с сигарой в зубах; видимо, он проверял готовность снайперов, размещенных на окружающих крышах. За цепочкой жандармов стояли черные с голубой продольной полоской такси и

желто-черная пролетка. Одеяние извозчика тоже было выдержано в желтых и черных тонах; желто-черный плюмаж украшал лошадиный лоб.

Дальше выстроились пальмы, акации и ряды зевак. Несколько человек держали единственный разрешенный властями плакат. А именно: изображение массивной головы на бычьей шее, одутловатого лица и очков в черной оправе. Президент явно не пользовался особой популярностью.

Все знали об этом; надо думать, и сам гость тоже знал.

Кортеж передвигался очень быстро.

Первая машина с охранниками уже поравнялась с балконом.

Кассаветес-и-Ларриньяга улыбнулся Гюнвальду Ларссону, ободряюще кивнул и принялся складывать свои бумаги.

В эту минуту земля разверзлась прямо под бронированным «кадиллаком».

Взрывная волна отбросила стоявших на балконе назад, но уж чего-чего, а силы у Гюнвапьда Ларссона хватало. Он вцепился обеими руками в балюстраду и посмотрел вверх.

Казалось, посреди мостовой родился вулкан; из него на полсотни метров ввысь взмыл ревущий столб огня.

На верху столба качались различные предметы.

Бросались в глаза: задняя половина бронированного «кадиллака», опрокинутое черное такси с голубой полосой, половина лошади с черно-желтым плюмажем на лбу, нога в черном сапоге и обрывке зеленого мундира и рука с зажатой в пальцах длинной сигарой.

Гюнвальд Ларссон отвернулся, когда на него посыпались различные горящие предметы. Он с тревогой подумал о своем новом костюме, и в это время что-то тяжелое с силой ударило его в грудь, отбросив навзничь на мраморную плитку балкона.

Он ушибся, правда не очень сильно.

Гул от взрыва быстро стих, послышались стоны, отчаянные призывы о помощи, кто-то плакал, кто-то истерически изрыгал проклятия, потом все прочие звуки потонули в вое санитарных и пожарных машин.

Гюнвальд Ларссон встал и увидел, что за предмет сбил его с ног.

Предмет лежал рядом.

Бычья шея, одутловатое лицо — и даже очки в черной металлической оправе, как ни странно, были на месте.

Эксперт по вопросам безопасности поднялся на ноги, целый и невредимый, хотя уже не такой щеголеватый, как прежде.

Он оторопело воззрился на голову и перекрестился.

Гюнвальд Ларссон обозрел свой костюм. Вернее, то, что прежде было костюмом.

— Черт, — сказал он. Снова перевел взгляд на лежащую у его ног голову. — Может, захватить с собой, — пробормотал он про себя. — В качестве сувенира.

Франсиско Бахамонде Кассаветес-и-Ларриньяга вопросительно уставился на своего гостя.

Слово «сувенир» он понял. Может быть, эти шведы — охотники за черепами?

— Катастрофа, — сказал он.

— Похоже на то, — подтвердил Гюнвальд Ларссон.

У Франсиско Бахамонде Кассаветес-и-Ларриньяги был такой несчастный вид, что он счел нужным добавить:

— Но вы-то тут ни при чем. К тому же он был урод, каких мало.

## III

В тот самый день, когда Гюнвальд Ларссон попал в столь необычный переплет на балконе с красивым видом, в Стокгольмском городском суде слушалось дело девушки по имени Ребекка Линд, обвиняемой в вооруженном ограблении банка.

Ей было восемнадцать лет, и она не имела ни малейшего представления о вещах, к которым в эти минуты был причастен Гюнвальд Ларссон. Она в жизни не слышала о городе, где он пребывал, ничего не знала о стране, где находился этот город, и о теряющих голову высокопоставленных деятелях ей было известно так же мало, как и о том, что фамилия президента США Никсон.

Она знала многое другое, но это в данном случае не принималось в расчет.

Обвинителем по ее делу выступал Бульдозер Ульссон, не первый год числившийся экспертом по вооруженным налетам на банки, которые превратились в форменную эпидемию.

Бульдозер Ульссон был чрезвычайно занятой человек и домой заглядывал так редко, что прошло три недели, прежде чем он обнаружил, что жена покинула его навсегда, оставив взамен коротенькую записочку на подушке. Большой роли в его жизни это не сыграло, так как Бульдозер Ульссон с присущей ему оперативностью в три дня обзавелся другой женой. Новой спутницей жизни стала одна из его секретарш, которая восхищалась им беспредельно и безоговорочно; недаром с той поры его костюмы стали выглядеть не такими мятыми.

Но как бы занят он ни был, Бульдозер Ульссон всегда являлся в очередное присутственное место, как ему казалось, заблаговременно. Вот и на этот раз он, запыхавшись, прибыл в суд за две минуты до начала разбирательства. Тучный, но подвижный, жизнерадостный коротышка, он постоянно ходил в розовых рубашках и таких безвкусных галстуках, что они доводили Гюнвальда Ларссона до исступления, когда тот числился в спецгруппе Бульдозера. Вместе с Ларссоном в ней состояли также Эйнар Рённ и Леннарт Колльберг, но с тех пор прошло много лет. Колльберг успел вообще уйти из полиции. Бульдозер считал, что штаты надо обновлять почаще, вливать в них, так сказать, свежую кровь.

Осмотревшись в голом и скверно отапливаемом коридоре, он обнаружил шесть человек, в том числе своих свидетелей и одно лицо, чье присутствие его крайне поразило.

А именно руководителя группы расследования убийств.

— Ты-то что здесь делаешь? — спросил он Мартина Бека.

— Вызван свидетелем.

— Кто тебя вызвал?

— Защита.

— Защита. А кто защитник?

— Адвокат Роксен, — ответил Мартин Бек. — Очевидно, жребий пал на него.

— Рокотун? — ужаснулся Бульдозер. — Я сегодня уже три совещания провел, да еще два содержания под стражей продлевали. А теперь вот сиди тут до конца дня и слушай Рокотуна.

— Разве ты не следишь, кого назначают защитником? И что ты делал, когда решался вопрос о мере пресечения?

— По таким делам этот вопрос решается элементарно, — ответил Бульдозер. — В три минуты уложились, и защита не была представлена. Обошлись.

Он подбежал к одному из своих свидетелей и начал лихорадочно рыться в портфеле. Нужная бумага явно куда-то запропастилась.

Мартин Бек подумал, что Бульдозер и Рокотун в одном совершенно одинаковы. Говоришь с ними — и вдруг нет их; правда, Бульдозер исчезал в буквальном смысле, например неожиданно юркнув в какую-нибудь дверь, Рокотун же отключался мысленно, словно переносился в другой мир.

Прокурор оборвал на полуслове свой разговор со свидетелем и вернулся к Мартину Беку.

— Что тебе известно об этом деле? — спросил он.

— Не так уж много, но Роксен меня убедил, что стоит прийти. К тому же у меня сейчас нет никаких неотложных дел.

— Ваша группа расследования убийств не знает, что такое настоящая работа, — заявил Бульдозер Ульссон. — У меня вот тридцать девять дел в работе и еще столько ждут своей очереди. Пришел бы к нам — понял бы, что это такое.

— Нет уж, — ответил Мартин Бек. — Я работы не боюсь, но придется вам обойтись без меня.

— Жаль, — сказал Бульдозер. — Иной раз мне кажется, что на мою долю выпала самая лучшая должность в системе нашего правосудия. Жутко интересно и увлекательно. Что ни день — какие-нибудь неожиданности и…

Он осекся, потом добавил:

— Например, предстоящая схватка с Рокотуном. Бульдозер Ульссон редко проигрывал дело. Правда, этот факт свидетельствовал, мягко говоря, отнюдь не в пользу правосудия.

Но об этом предпочитали не задумываться.

— Зато сегодня ты развлечешься, — продолжал Ульссон, — Рокотуна не так-то просто одолеть.

— Я сюда не развлекаться пришел, — отпарировал Мартин Бек.

Разговор был прерван объявлением о начале слушания, и действующие лица, за одним важным исключением, проследовали в зал заседаний, едва ли не самое мрачное помещение во всем здании суда. Окна были большие и величественные; очевидно, это объясняло, хотя ни в коей мере не оправдывало, тот факт, что их давно не мыли.

Судья, помощник судьи и семеро присяжных важно созерцали зал, сидя за длинным столом на возвышении.

Легкое голубое облачко среди пылинок в прорвавшихся с улицы лучах солнечного света свидетельствовало о том, что кто-то из них только что загасил сигарету.

Через маленькую боковую дверь ввели обвиняемую. Ее сопровождала суровая женщина лет пятидесяти в форменном платье. Обвиняемая — девушка с русыми волосами до плеч, обиженно поджатыми губами и невидящими карими глазами — была одета в длинное вышитое светло-зеленое платье из какой-то легкой ткани и черные сабо.

Члены суда снова сели, остальные продолжали стоять.

Судья монотонно произнес вступительную формулу, затем обратился к девушке, которая находилась от него слева:

— Ответчиком по делу является Ребекка Линд. Вы — Ребекка Линд?

— Да.

— Я попросил бы ответчицу говорить погромче.

— Да.

Судья сверился со своими бумагами, наконец спросил:

— Других имен у вас нет?

— Нет.

— Вы родились третьего января тысяча девятьсот пятьдесят шестого года?

— Да.

— Прошу ответчицу говорить громче.

Он произнес эти слова так, будто выполнял обязательный для судебных заседаний ритуал. Впрочем, так оно и было, безотносительно к отвратительной акустике в зале. К тому же ответчики, как правило, не привыкли выступать перед публикой, а мрачная и враждебная обстановка и вовсе их угнетала. Судья продолжал:

— Обвинение представляет старший прокурор Стен-Роберт Ульссон.

Бульдозер никак не реагировал, продолжая сосредоточенно листать свои бумаги.

— Старший прокурор Стен-Роберт Ульссон здесь? — спросил судья бесцветным голосом, хотя отлично знал его в лицо.

Бульдозер подскочил.

— Да-да, — торопливо произнес он, — я здесь, здесь.

— Кто представляет истца?

— По данному делу не предъявлено иска, — сказал Бульдозер.

— Защиту осуществляет адвокат Гедобальд Роксен.

Наступила тишина. Все озирались кругом. Судебный пристав выглянул в коридор. Рокотун не появлялся.

— Адвокат Роксен, очевидно, опаздывает, — заключил наконец помощник судьи.

Он посовещался вполголоса с судьей, и тот объявил:

— Проверим пока наличие свидетелей. Обвинитель вызвал двух свидетелей: кассиршу Черстин Франсен и сержанта полиции Кеннета Квастму.

Оба свидетеля подтвердили свое присутствие.

— Защита вызвала следующих лиц: комиссара уголовной полиции Мартина Бека, сержанта полиции Карла Кристианссона, директора банка Румфорда Бундессона и учительницу домоводства Хеди-Марию Вирен.

Все названные подтвердили свое присутствие. Помолчав, судья объявил:

— Защитник вызвал также в качестве свидетеля продюсера Вальтера Петруса, но таковой заявил, что занят и к тому же не имеет никакого отношения к данному делу.

Кто-то из присяжных хихикнул.

— Свидетелям предлагается покинуть зал. Подчиняясь распоряжению судьи, оба полицейских, одетые, как всегда в таких случаях, в форменные брюки, черные ботинки и малоприглядные штатские куртки, Мартин Бек, директор банка, учительница и кассирша вышли в коридор.

В зале, кроме членов суда, остались ответчица, охранница и публика в количестве одного человека.

Бульдозер Ульссон минуты две прилежно изучал свои бумаги, потом с любопытством воззрился на единственную слушательницу.

Она держала в руках блокнот для стенографирования. Бульдозер прикинул, что ей лет тридцать пять. Рост ниже среднего, метр шестьдесят, не больше, волосы белокурые, прямые, не очень длинные. Одета в застиранные джинсы и рубашку неопределенного цвета. На широких загорелых ступнях с прямыми пальцами — босоножки; под тонкой тканью рубашки угадывались плоские груди с большими сосками.

Самым примечательным в ее облике было скуластое лицо с крупным носом и внимательные голубые глаза, которые поочередно останавливались на присутствующих. Особенно долго рассматривала она ответчицу и Бульдозера Ульссона; последнего она

буквально сверлила взглядом так, что он встал, взял стакан воды и сел позади нее. Слушательница тотчас обернулась и перехватила его взгляд.

Она отнюдь не отвечала его идеалу женщины, если у него вообще был такой идеал, но его терзало любопытство, кто она, собственно, такая. Глядя на нее со спины, он отметил крепкое телосложение без намека на полноту.

Не выдержав ее взгляда, прокурор вспомнил, что ему надо срочно позвонить по телефону, и попросил разрешения выйти. И удалился вприпрыжку, изнемогая от растущего любопытства.

Спроси он Мартина Бека, который томился ожиданием в углу коридора, возможно, и узнал бы кое-что.

Например, что ей не тридцать пять лет, а тридцать девять, что у нее основательная подготовка в области социологии и что сейчас она работает в системе социального обеспечения.

Мартин Бек знал о ней очень много, но вряд ли стал бы вдаваться в подробности, так как они по большей части носили личный характер.

Возможно, на вопрос о ее имени он ответил бы, что ее зовут Рея Нильсен.

Бульдозер управился со своими важными телефонными разговорами меньше чем за пять минут. Судя по жестикуляции, он преимущественно отдавал распоряжения.

Вернувшись в зал, он озабоченно прошелся взад-вперед. Сел. Полистал свои бумаги. Женщина с пронизывающим взглядом теперь смотрела только на ответчицу.

Любопытство Бульдозера достигло предела. В ближайшие десять минут он раз шесть вставал с места и торопливо описывал круг по залу. Один раз достал огромный носовой платок и вытер вспотевший лоб. Все остальные спокойно сидели на своих местах.

С опозданием на двадцать две минуты Рокотун распахнул дверь и вошел в зал. В одной руке он держал дымящуюся сигару, в другой — свои бумаги. Сел и сразу же флегматично углубился в изучение бумаг, так что судье пришлось трижды многозначительно прокашляться, прежде чем адвокат рассеянно передал сигару приставу, чтобы тот вынес ее из помещения.

— Адвокат Роксен прибыл, — ядовито произнес судья. — Позвольте осведомиться, есть ли какие-нибудь препятствия, которые мешают нам приступить к разбирательству?

Бульдозер мотнул головой:

— Нет-нет, с моей стороны — никаких.

Рокотун не реагировал. Он был погружен в изучение документов по делу.

Наконец сдвинул на лоб очки и сказал:

— По пути сюда, в суд, я вдруг подумал о том, что мы с прокурором давние знакомые. Да-да, он сидел у меня на коленях ровно двадцать пять лет назад. Кстати, это было в Буросе. Отец прокурора работал там адвокатом, а я проходил практику. В ту пору я возлагал большие надежды на свою профессию. Не могу, однако, утверждать, чтобы эти надежды оправдались. Если посмотреть, как развивается правосудие в других странах, нам нечем особенно хвастаться. О Буросе у меня остались самые мерзкие воспоминания, но наш прокурор был живым и славным мальчуганом. Однако больше всего мне запомнилась городская гостиница, кажется, она так и называлась — «Городская». В ресторане — обычные столики, пыльные пальмы. Ограничения на спиртное, талоны на еду, да и те отоваривали в исключительных случаях. Причем подавали такое, что у гиены волосы поднялись бы дыбом. Сегодня даже пенсионеры не признали бы этого съедобным. На завтрак, обед и ужин одно и то же: рыба на раковинах. Однажды я обнаружил в своей порции окурок сигары. Впрочем, это, кажется, было в Энчёпинге. Между прочим, известно ли вам, что в Энчёпинге лучшая в

Швеции питьевая вода? Об этом мало кто знает. Нужно обладать редкостной силой воли, чтобы вырасти здесь, в столице, и не стать алкоголиком или наркоманом.

— Есть ли препятствия к разбирательству? — терпеливо повторил судья.

Рокотун встал и прошел в середину зала.

— Разумеется, я и мои родные принадлежали именно к такой категории людей.

Роксен был намного старше большинства присутствующих, могучего роста, с большим животом. Одет он был в весьма скверный костюм старомодного покроя, и не очень разборчивая кошка вполне могла бы позавтракать его жилетом. Несколько минут он пристально смотрел на Бульдозера, потом заключил:

— Если не считать, что эту девочку вообще не было оснований привлекать к суду, никаких препятствий нет. В чисто техническом смысле.

— Протестую! — крикнул Бульдозер.

— Адвокат Роксен может приберечь свои комментарии на будущее, — сказал судья. — Слово предоставляется обвинителю.

Бульдозер вскочил со стула и, наклонив голову, затрусил вокруг стола, на котором были разложены его бумаги.

— Я утверждаю, что Ребекка Линд в среду двадцать второго мая сего года совершила вооруженное ограбление отделения банка в районе Мидсоммаркрансен, после чего совершила еще одно преступление, оказав сопротивление полицейским, которые прибыли на место, чтобы задержать ее.

— Что говорит на это ответчица?

— Ответчица невиновна, — сказал Рокотун. — А потому мой долг отрицать всю эту… галиматью.

Он повернулся к Бульдозеру и печально произнес:

— И не совестно тебе преследовать невинных людей? Мое представление о тебе, каким ты был в детстве, никак не вяжется с твоей, как бы это сказать, нынешней деятельностью.

Бульдозер ликовал. Подлетев к Рокотуну, он сказал:

— Я тоже помню те времена в Буросе. Особенно хорошо запомнилось мне, что от тогдашнего практиканта Роксена всегда разило табаком и дешевым коньяком.

— Господа, — вмешался судья, — здесь не место и не время для личных воспоминаний. Итак, адвокат Роксен отрицает утверждения обвинения.

— Если запах коньяка не плод прокурорского воображения, то он исходил от его отца, — отозвался Рокотун. — Кроме того, ответчица невиновна. И вообще я последний раз применяю термин «ответчица». Эта юная девушка…

Он вернулся к своему столу и начал рыться в бумагах.

— Ее зовут Ребекка Линд, — услужливо подсказал Бульдозер.

— Спасибо, мальчик, — сказал Рокотун. — Ребекка Люнд…

— Линд, — поправил Бульдозер.

— Ребекка так же невиновна, — продолжал Рокотун, — как морковки полевые.

Необычное сравнение явно заставило всех призадуматься. Наконец судья произнес:

— Если не ошибаюсь, этот вопрос предстоит решить суду.

— К сожалению, — ответил Рокотун.

— Как понимать это замечание господина адвоката? — довольно резко осведомился судья.

— К сожалению, я не могу здесь дать исчерпывающее объяснение, — сказал Рокотун. — Не то разбирательство рискует затянуться на несколько лет.

Присутствующие были заметно потрясены такой перспективой.

— Вообще-то предложение судьи, чтобы я написал свои мемуары, представляет интерес, — добавил Рокотун.

— Разве я предлагал что-либо подобное? — удивился совершенно замороченный судья.

— За долгие годы, проведенные в залах, где якобы вершится правосудие, мною накоплен немалый опыт, — говорил Рокотун. — Кроме того, в молодости я некоторое время жил в Южной Америке, где работал на молокозаводе. Моя мать — старушка еще жива — считает, что за всю жизнь я только там, в Буэнос-Айресе, занимался честным трудом. Кстати, я слышал на днях, что и отец прокурора, несмотря на преклонный возраст и растущее пристрастие к спиртному, ежедневно совершает короткие прогулки вдоль речки в Эребру, куда все семейство, очевидно, переехало где-то в сороковых годах. От Буэнос-Айреса при нынешних средствах передвижения рукой подать до новых государств Африки. Мое внимание недавно привлекла интереснейшая книга о Заире…

— Мемуары адвоката Роксена, хотя они еще не написаны, несомненно, представляют интерес, — с ухмылкой перебил его Бульдозер. — Но вряд ли мы собрались здесь за тем, чтобы слушать их.

— Прокурор прав, — сказал судья. — Прошу господина Ульссона продолжать.

Бульдозер посмотрел на слушательницу, но она ответила таким прямым и смелым взглядом, что он, скользнув глазами по Рокотуну, судье, помощнику судьи и присяжным, снова уставился на обвиняемую. Ребекка Линд смотрела куда-то в пространство, словно для нее не существовали ни нудные бюрократы, ни зло, ни добро.

Бульдозер сложил руки на спине и заходил взад-вперед.

— Так-то, Ребекка, — приветливо произнес он. — То, что случилось с тобой, к сожалению, случается со многими молодыми людьми в наше время. Вместе мы постараемся тебе помочь. Кстати, ты не против того, чтобы я обращался к тебе на «ты»?

Девушка как будто не слышала вопроса, если это вообще можно было считать вопросом.

— С чисто юридической точки зрения перед нами простой и совершенно очевидный случай, так что особенно дискутировать тут нечего. Уже когда решался вопрос о мере пресечения, выяснилось…

Рокотун явно был погружен в размышления о Заире или еще о чем-то в этом роде, но тут он вдруг выхватил из внутреннего кармана пиджака большую сигару, прицелился ею в грудь Бульдозера и воскликнул:

— Протестую. Ни я, ни какой-либо иной адвокат не присутствовали, когда выносилось постановление о взятии под стражу. Этой девушке, Камилле Люнд, говорили тогда, что она имеет право на защиту?

— Ребекке Линд, — поправил его помощник судьи.

— Да, да, — нетерпеливо произнес Рокотун. — Следовательно, заключение под стражу было незаконным.

— Ничего подобного, — возразил Бульдозер. — Ребекку спросили, и она ответила, что это не играет роли. Правильно ответила. Потому что, как я сейчас покажу, дело яснее ясного.

— Итак, уже заключение под стражу было незаконным, — решительно заключил Рокотун. — Требую занести мой протест в протокол.

— Хорошо, будет сделано, — сказал помощник.

Он играл в основном секретарскую роль, так как некоторые судебные залы в старых зданиях не были оснащены магнитофоном.

Бульдозер исполнил перед присяжными маленький пируэт, не преминув поглядеть каждому из них в глаза.

— Может быть, теперь мне будет позволено продолжить изложение дела, — сказал он, улыбаясь.

Рокотун рассеянно созерцал свою сигару.

— Итак, Ребекка, — продолжал Бульдозер с подкупающей улыбкой, которую охотно пускал в ход, — давай-ка теперь попытаемся правдиво и четко разобраться, что произошло с тобой двадцать второго мая и почему. Ты ограбила банк, несомненно, по недомыслию и в приливе отчаяния, и ты применила насилие против полицейского.

— Я возражаю против оборотов, употребляемых прокурором, — вмешался Рокотун. — Кстати, об оборотах. У меня был учитель немецкого языка, так он…

Его мысли явно витали где-то далеко.

— Если защитник молча предастся своим воспоминаниям, — сказал Бульдозер, — мы по крайней мере сбережем немного времени.

Несколько присяжных рассмеялись, но Рокотун важно произнес:

— Я протестую против позиции, которую господин прокурор занял по отношению ко мне и этой девушке. И вообще, мои мысли и духовная жизнь его не касаются. Господину прокурору не мешает быть поскромнее. Он не какой-нибудь Уинстон Черчилль, который мог позволить себе сказать о политическом противнике: «Мистер Эттли — скромный человек, так у него есть все основания для скромности».

Реплика адвоката на мгновение озадачила судью, но затем он кивком предложил Бульдозеру продолжать.

Прокурор рассчитывал потратить на изложение дела минут десять, от силы пятнадцать, но Рокотун, невзирая на замечания судьи, перебил его целых сорок два раза, причем большинство его комментариев казались совершенно непонятными.

Например:

— Я заметил, что господин прокурор с вожделением поглядывает на мою сигару. Это напоминает мне одну историю, будто бы на Кубе девушки на табачных фабриках из-за сильной жары сидят голые и скручивают сигары на собственном бедре. И будто бы так делаются наиболее изысканные сигары. Скорее всего, это выдумка.

— Это имеет отношение к рассматриваемому делу? — устало справился судья.

— Как сказать, — ответил Рокотун, уподобляясь оракулу.

— Что вы подразумеваете?

— Мне кажется, что прокурор, мягко выражаясь, не всегда придерживается существа вопроса.

Бульдозер, который никогда не курил, на миг был сбит с толку. Однако он тотчас обрел равновесие и как ни в чем не бывало, жестикулируя и ухмыляясь, довел до конца изложение сути дела.

Вкратце оно сводилось к следующему. Около двух часов двадцать второго мая Ребекка Линд вошла в помещение банка в районе Мидсоммаркрансен и направилась к одной из касс. На плече у нее висела большая сумка, которую она положила на стойку, после чего потребовала денег. Кассирша заметила, что девушка вооружена большим кинжалом, и нажала ногой кнопку вызова полиции. Одновременно она принялась укладывать в сумку пачки ассигнаций, всего на сумму пять тысяч шведских крон. Прежде чем Ребекка Линд успела покинуть помещение со своей добычей, прибыла первая из патрульных машин, направленная к месту происшествия полицейским штабом. Патруль в составе двух полицейских ворвался с оружием наготове в помещение банка и обезоружил грабительницу. Во время возникшей потасовки деньги высыпались из сумки на пол. Полиция схватила грабительницу и доставила ее на Кунгсхольмен. При этом задержанная оказала отчаянное сопротивление и повредила мундир одного из полицейских. Потасовка продолжалась и во

время перевозки задержанной. Грабительницу, оказавшуюся восемнадцатилетней Ребеккой Линд, сначала сдали дежурному, а оттуда перевели в специальный отдел, занимающийся банками. Ей тотчас объявили, что она задержана по вескому подозрению в вооруженном ограблении банка и сопротивлении властям. На другой день, после скоропалительного разбирательства в городском суде, ее взяли под стражу.

Бульдозер Ульссон признал, что при этом были обойдены некоторые юридические формальности, но подчеркнул, что чисто технически это не играло никакой роли. Ребекка Линд сама безучастно отнеслась к предложению вызвать адвоката, к тому же она сразу призналась, что пришла в банк за деньгами.

Рокотун презрительно фыркнул и объявил, что у Ребекки Линд не было никаких средств к существованию.

Все начали посматривать на часы, но Бульдозер Ульссон не любил перерывов и поспешил вызвать своего первого свидетеля, кассиршу Черстин Франсен.

Допрос продлился недолго и в основном подтвердил то, что уже говорилось.

— Когда вы поняли, что речь идет об ограблении? — спросил Бульдозер.

— Как только она положила сумку на стойку и потребовала денег. Потом я увидела нож. Страшный такой нож, вроде кинжала.

— Почему вы положили ей деньги в сумку?

— У нас есть указание, чтобы мы в таких случаях не оказывали сопротивление, а выполняли требование грабителя.

Все верно. Банки не желали рисковать тем, что придется платить пожизненную ренту и крупные суммы в возмещение ущерба пострадавшим служащим.

Казалось, громовой раскат сотряс почтенный зал. Но это просто рыгнул Гедобальд Роксен. С ним это нередко случалось и послужило одной из причин его прозвища.

— Есть ли вопросы у защиты?

Рокотун отрицательно покачал головой. Он старательно выводил на листе бумаги какие-то буквы.

Бульдозер Ульссон пригласил следующего свидетеля.

Вошел Кеннет Квастму и с натугой повторил слова присяги. В Швеции недостаточно просто поднять руку и сказать «клянусь».

Некоторое время ушло на то, чтобы выяснить, что свидетель — сержант полиции, родился в Арвике в тысяча девятьсот сорок втором году, служил на патрульной машине сперва в Сольне, потом в Стокгольме.

Дальше все было проще. Бульдозер опрометчиво предложил свидетелю:

— Рассказывай своими словами.

— Что рассказывать?

— Все, что произошло.

Рокотун снова громко рыгнул. Одновременно он уронил на пол листок, на котором писал. Прописными буквами на бумаге было выведено: РЕБЕККА ЛИНД. Адвокат явно решил в дальнейшем точно выговаривать имя клиента.

— Ну вот, — начал Квастму. — Я ее увидел, убийцу эту. То есть, она никого так и не успела убить. Калле, как всегда, ничего не стал предпринимать, и тогда я набросился на нее, как пантера.

Неудачный образ: Квастму был неуклюжий верзила с толстым задом, бычьей шеей и мясистым лицом.

— Только она хотела выхватить нож, тут я поймал ее за правую руку и объявил, что она задержана, и сразу сгреб ее. Пришлось нести ее в машину, и там она оказала сопротивление

представителю власти, к насилию, значит, прибегла, так что у меня один погон почти оторвался, и жена страх как взбеленилась, когда надо было его пришивать, потому что в это время по телевидению что-то такое показывали, ей хотелось посмотреть, да еще одна пуговица на куртке болталась, а у нее не нашлось синих ниток, у Анны-Греты, у жены моей, значит. И когда мы перед тем, значит, принимали меры по поводу этого ограбления, Калле привел машину в уголовку, а там дежурил один мой знакомый, его зовут Альдор Гюставссон, и он жутко надулся, потому что как раз собрался идти домой есть лапшевник, и назвал нас последними идиотами. Это он-то, который прошляпил убийство на Бергсгатан, но эти сыщики всегда важничают, нас, из охраны порядка, за людей не считают. Ну и все, если не считать, что она меня хреном обозвала, но ведь это нельзя назвать оскорблением представителя власти. Хрен — что тут унизительного или непочтительного по отношению к полиции в целом или к ее отдельному представителю, то есть ко мне в данном случае, как сотруднику охраны порядка. Потом я хотел принять меры к двум бандитам, которых мы еще раньше видели в парке на скамейке, но у Калле было с собой сливочное полено, и он сказал, мол, давай перекусим, и мы перекусили. Она самая меня и обозвала.

Квастму показал на Ребекку Линд.

Пока свидетель демонстрировал свой талант рассказчика, Бульдозер наблюдал за единственной слушательницей. Перед тем она что-то прилежно записывала, теперь же, подперев ладонями подбородок, внимательно смотрела то на Рокотуна, то на Ребекку Линд. Лицо ее выражало озабоченность или, скорее, глубокую тревогу. Вот она наклонилась и принялась одной рукой чесать лодыжку, одновременно отрывая зубами заусеницу на пальце другой руки. Потом опять посмотрела на Рокотуна, и в ее прищуренных голубых глазах отразилось отчаяние пополам с робкой надеждой.

Гедобальд Роксен сидел с отсутствующим видом; можно было подумать, что он просто не слышал показаний свидетеля.

— У меня нет вопросов, — произнес он.

Бульдозер Ульссон был доволен. Дело представлялось ему совершенно ясным, как он и сказал сразу. Вот только очень уж затянулось.

Когда судья предложил устроить часовой перерыв, он энергично кивнул и вприпрыжку помчался к двери.

Мартин Бек и Рея Нильсен воспользовались перерывом, чтобы сходить в кафе «Амарант». К бутербродам и пиву они добавили кофе с коньяком.

Часы до перерыва прошли для Мартина Бека достаточно скучно. Зная Рокотуна, он предвидел, что на скорое окончание дела не приходится рассчитывать; в то же время ему нисколько не улыбалось торчать в унылом коридоре в обществе Кристианссона и Квастму, спесивого директора и двух женщин, явно ошеломленных тем, что их вызвали свидетельницами по такому громкому делу, чуть ли не убийству, о котором сообщалось и в «Афтонбладет», и в «Экспрессен».

Мартин Бек зашел в отдел насильственных преступлений, потолковал без особого удовольствия с Рённом и Стрёмгреном. Стрёмгрена он никогда не любил, а отношения с Рённом у него были довольно сложные. Попросту говоря, в городском полицейском управлении на Кунгсхольмсгатан у него совсем не осталось друзей. Здесь, как и в ЦПУ, одни восхищались им, другие ненавидели его, а третьи, их было большинство, откровенно ему завидовали.

В здании на Вестберга-алле, где размещалась его группа, у него тоже не было друзей после того, как Леннарт Колльберг ушел из полиции. На место Колльберга, с одобрения Мартина Бека, приняли Бенни Скакке. Отношения у них сложились неплохие, но до настоящего контакта еще было далеко. Случалось, Мартин Бек сидел, глядя в пространство, и тосковал по Колльбергу.

Если быть честным — а он теперь предпочитал не лгать самому себе, — Мартин Бек тосковал по Леннарту, как тоскуют по ребенку или любимой.

Итак, он посидел у Рённа, поговорил о том о сем. Но Рённ не был интересным собеседником, к тому же у него хватало дел. Работа в стокгольмском отделе насильственных преступлений была отнюдь не синекурой, а еще Рённ жаловался на то, что вид из его окна стал совсем не тот. В самом деле, окно кабинета смотрело прямо на уже достигшее внушительной высоты огромное новое здание штаба полиции. Через год-другой строительство будет закончено, и все переедут туда, однако мысль об этом отнюдь не наполняла их души ликованием.

— Интересно, как там Гюнвальд, — говорил Рённ. — Я бы не прочь с ним поменяться. Бой быков, пальмы, приемы — а?

Рённ обладал редкой способностью внушать Мартину Беку угрызения совести. В самом деле, почему эта увеселительная поездка досталась не ему, ведь он больше других нуждался в поощрении?

Истина, не подлежавшая разглашению, заключалась в том, что Рённ подвергался дискриминации. Не сочли возможным посылать в такую командировку красноносого провинциала с далеко не представительной внешностью, который к тому же с большим трудом изъяснялся по-английски.

А ведь Рённ был хороший следователь.

Вначале он не подавал больших надежд, теперь же считался одним из китов отдела насильственных преступлений.

Мартин Бек попытался найти какие-нибудь ободряющие слова, но, как всегда, безуспешно.

Ограничился коротким «пока!» и ушел.

Зато теперь он сидел в кафе с Реей, а это было совсем, совсем другое дело.

Правда, у Реи был мрачный вид.

— Этот суд, — говорила она, — до чего унылая картина. Какие типы распоряжаются судьбами людей. Прокурор этот — он же чистый клоун. А как таращился на меня, словно впервые в жизни женщину увидел.

— Бульдозер, — подхватил Мартин Бек. — Он много женщин повидал, к тому же ты не в его вкусе. Но он любопытен, как омар.

— Разве омары любопытны?

— Не знаю. Я где-то слышал это выражение. Кажется, финские шведы придумали.

— А защитник не знает даже, как зовут клиента. Только и делает, что рыгает да вставляет бессмысленные реплики. У девчонки никаких надежд.

— До конца еще далеко. Бульдозер выигрывает почти все свои дела, но Роксена еще ни разу не одолел. Помнишь историю со Свярдом?

— Еще бы, — отозвалась Рея и хрипло рассмеялась. — Это когда ты в первый раз пришел ко мне на Тюлегатан. Дело о запертой комнате. Без малого два года тому назад. Как тут забыть.

Она заметно повеселела.

Глядя на нее, и он повеселел. Чудесно прошли эти два года — разговоры, ревность, дружеские перебранки, но главное — близость, доверие, общность. Хотя Мартину Беку перевалило за пятьдесят и он накопил изрядный жизненный опыт, он много почерпнул от нее.

Он надеялся, что и она что-то от него получила.

Надеялся, но не был совсем уверен: как личность она была сильнее и мыслила смелее, наверно, и остротой ума его превосходила, во всяком случае, быстрее соображала. У нее была тьма недостатков; так, она частенько кисла и раздражалась, но он любил и ее недостатки. Возможно, это звучало глупо или чересчур романтично, однако он не мог придумать лучшего выражения.

Глядя на Рею Нильсен, Мартин Бек подумал о том, что перестал ревновать. Сквозь тонкую ткань небрежно застегнутой рубашки просвечивали крупные соски, она сбросила босоножки и терла друг о друга ступни под столом. Иногда нагибалась и чесала лодыжки. Она принадлежала сама себе, а не ему, и, пожалуй, это было в ней самое лучшее.

Между тем неправильное лицо Реи опять омрачилось тревогой и недовольством.

— Я не очень разбираюсь в юридических тонкостях, — покривила она душой. — Но это дело, на мой взгляд, проиграно. Твои показания могут что-нибудь изменить?

— Вряд ли. Я даже не знаю, что ему, собственно, надо от меня.

— И остальные свидетели защиты не внушают оптимизма. Директор банка, учительница домоводства, полицейский. Хоть кто-нибудь из них был там в тот момент?

— Кристианссон был. Он вел патрульную машину.

— Такой же тупой, как второй фараон?

— Такой же.

— И непохоже, чтобы защитительная речь могла спасти положение. С таким адвокатом.

Мартин Бек улыбнулся. Мог бы знать наперед, что Рея примет это дело близко к сердцу.

— Верно, непохоже. Но ты уверена, что по справедливости должен бы выиграть защитник? Уверена, что Ребекка невиновна?

— С таким дознанием не в суд, а на помойку идти. По-настоящему это дело надо бы вернуть в полицию. Они же ничего толком не выяснили. Вот за что я ненавижу фараонов, впрочем, и за рукоприкладство и за все остальное тоже. Они передают в суд дела, по которым надо бы еще работать и работать. Потом прокурор пыжится, словно петух на мусорной куче, а суд состоит из болванов, которых посадили на это место только потому, что в политике им нет применения и ни на что другое они не годятся.

В основном она была права. Присяжных набирали на помойках политических партий, они нередко были в приятельских отношениях с обвинителем или же шли на поводу у властных судей, которые в душе их презирали. Обычно они не смели перечить юридическим авторитетам и слишком часто представляли шведское молчаливое большинство, которое стоит за законность и порядок вообще, а в частности не вдается.

Попадались прогрессивные судьи, но очень редко. Большинство защитников давно смирились с существующим положением и только сожалели, что не занялись более доходной практикой в мире бизнеса, где можно рассчитывать на крупные куши и на то, чтобы попасть в программу «События недели».

— Может, это звучит странно, — сказал Мартин Бек, — но мне сдается, что ты недооцениваешь Роксена.

По пути в зал суда Рея вдруг взяла его за руку. Это бывало не часто и только в тех случаях, когда ее что-то тревожило или она была сильно возбуждена. Рука, как и сама Рея, была крепкой и доверчивой.

Бульдозер вошел в коридор одновременно с ними, за минуту до конца перерыва.

— С ограблением банка на Васагатан разобрались, — выпалил он, запыхавшись, — но на нас свалились два новых. В одном из них угадывается рука Вернера Руса.

Заметил Квастму и подбежал к нему, даже не договорив.

— Можешь идти домой, — сказал он сержанту. — Или заступать на дежурство. Этим ты сделаешь мне личное одолжение.

К таким словам Бульдозер прибегал, когда хотел отругать человека.

— Чего? — не понял Квастму.

— Можешь заступать на дежурство, — повторил Бульдозер. — Каждый должен быть на своем посту.

— А что, здорово я пригвоздил эту бандитку, — сказал Квастму. — Недаром все детали назубок знал. Не придерешься.

— Да-да, — отозвался Бульдозер, — ты выступил блестяще.

Квастму удалился, чтобы продолжить борьбу против бандитизма.

Перерыв кончился, разбирательство возобновилось.

Рокотун пригласил своего первого свидетеля, директора банка Румфорда Бундессона, подождал, пока тот принесет присягу, и взял слово:

— Не всем дано уразуметь те принципы, или, вернее, ту беспринципность, которая составляет основу капиталистического общества. Большинство слышало о выгребных ямах, а также о таком явлении, как всеобщие выборы, когда социал-демократы и другие буржуазные и капиталистические партии, я бы сказал — так называемые партии, вымогают у народа огромные деньги, чтобы провести формально добровольное голосование за политику, которая на руку привилегированным слоям, а именно капиталистическим дельцам, партийным бюрократам и профсоюзным боссам, объединенным общими интересами — проще говоря, жаждой наживы. И чтобы люди санкционировали названную политику независимо от того, за какую из социал-буржуазных партий они проголосуют.

Бульдозер Ульссон был погружен в изучение какого-то документа, но тут он очнулся и объявил, взмахнув руками:

— Протестую, у нас судебное разбирательство, а не предвыборный митинг.

— В школе нам толковали про Иону в чреве рыбы-кита, — невозмутимо продолжал Рокотун. — Позже выяснилось, что кит никакая не рыба. А просто-напросто кит, млекопитающее. Но лично я китов не видел, разве что на картинках. И у одного клиента в тюремной камере, по телевизору конечно. Сам-то я дома телевизора не держу, он только препятствует полету мысли. Зато у меня есть дочь одних лет с… — Он заглянул в свои бумаги: — …одних лет с Ребеккой Линд, хотя сам я довольно пожилой. Кстати, одна из ее подруг состоит в родстве с каменщиком, которого зовут Лексер Оберг, но он не имеет никакого отношения к артисту Обергу, тому самому, который снял фильм про Эльвиру Мадиган, то есть он-то играл не Эльвиру Мадиган, а лейтенанта Спарре и сам же был режиссером. Он ему такой же родственник, как мастер по художественному выпиливанию Эрнст Ёнссон из Треллеборга родственник артиста Эдварда Перссона.

— А зачем им состоять в родстве? — спросил судья, несколько сбитый с толку.

— На это не так-то просто ответить, — сказал Рокотун.

— Разговаривать с адвокатом Роксеном — все равно, что толковать с муравейником, — сообщил Бульдозер.

И снова обратился к своим бумагам, время от времени делая заметки или всплескивая руками; он не поднял головы, даже когда председательствующий вдруг спросил:

— А какое отношение это имеет к рассматриваемому делу?

— Я бы, пожалуй, сказал, что и на этот вопрос непросто ответить, — отозвался Роксен.

После чего внезапно указал незажженной сигарой на свидетеля и инквизиторским тоном спросил:

— Вы встречали Ребекку Линд?

— Да.

— Когда?

— Примерно с месяц назад. Эта молодая женщина приходила в главную контору банка. Кстати, она была одета так же, как сейчас, но у нее на руках был грудной ребенок, вернее, не на руках, а на каких-то ремнях.

— Вы ее приняли?

— Да, у меня как раз было несколько свободных минут, и к тому же меня интересует современная молодежь.

— Особенно ее женская половина?

— А хоть бы и так?

— Сколько вам лет, господин Бундессон?

— Пятьдесят девять.

— Зачем приходила Ребекка Линд?

— Занять денег. Она явно не разбиралась даже в простейших финансовых вопросах. Кто-то сказал ей, что банки дают деньги взаймы, вот она и пошла в ближайший крупный банк и попросила, чтобы ее принял директор.

— Что же вы ответили?

— Что банки — коммерческие предприятия, дают деньги в долг только под проценты и под надежное обеспечение. Она ответила, что у нее есть коза и три кошки.

— Зачем ей понадобились деньги?

— Чтобы поехать в Америку. Куда именно, она не знала, не знала также, что будет делать, когда приедет туда. Но у нее, по ее словам, был записан один адрес.

— О чем еще она спрашивала?

— Есть ли другие банки, не такие коммерческие, как остальные. Чтобы они принадлежали народу и простые люди могли обратиться туда за деньгами. Я сказал — больше в шутку, — что Кредитный банк формально принадлежит государству, то есть народу. Ее как будто устроил этот ответ.

Рокотун подошел вплотную к свидетелю, приставил кончик сигары к его груди и спросил:

— Вы говорили еще о чем-нибудь?

Директор Бундессон промолчал. Наконец судья напомнил ему:

— Вы принесли присягу, господин Бундессон. Но вы не обязаны отвечать на вопросы, которые уличали бы вас в преступных действиях.

— Говорили, — неохотно произнес Бундессон. — Молодые девушки симпатизируют мне, и я им симпатизирую. Я вызвался помочь ей разрешить самые неотложные проблемы.

Он оглянулся на присутствующих и зафиксировал уничтожающий взгляд Реи Нильсен и лоснящуюся плешь углубленного в свои бумаги Бульдозера Ульссона.

— И что же ответила Ребекка Линд?

— Не помню. Да мы с ней все равно не договорились. Рокотун тем временем возвратился к своему столу и, порывшись в бумагах, сообщил:

— На допросе в полиции Ребекка показала, что ответила следующим образом: «Плевала я на старых похабников». И еще: «На вас тошно глядеть». — Он громко повторил: — Старых похабников. — И сделал сигарой жест, означающий, что допрос окончен.

— Совершенно не понимаю, какое это имеет отношение к делу, — заметил Бульдозер, не поднимая головы.

Рокотун пересек зал, наклонился над столиком Бульдозера и сказал:

— Судя по всему — и да будет всем известно, — после перерыва господин прокурор занялся изучением досье, которое посвящено некоему Вернеру Русу. У меня вопрос к председательствующему: какое это имеет отношение к рассматриваемому делу?

— Интересно, что господин адвокат заговорил о Вернере Русе, — воскликнул Бульдозер, вскакивая на ноги.

И, вперив взгляд в Рокотуна, звонко произнес:

— Что вам известно о Вернере Русе?

— Я попросил бы стороны сосредоточиться на рассматриваемом деле, — сказал судья.

Свидетель удалился с обиженным видом.

Затем наступила очередь Мартина Бека. Вступительные формальности были те же, но, когда защитник приступил к допросу, Бульдозер явно настроился слушать более внимательно.

— Увидев сегодня голубей на лестнице здания суда… — начал Рокотун.

Однако терпение судьи было исчерпано, и он перебил его:

— Зоологические наблюдения адвоката Роксена уместны в других аудиториях. К тому же я уверен, что господин комиссар ограничен во времени.

— В таком случае, — отозвался Рокотун, — буду краток. Вчера до меня дошло, не посредством голубиной почты, а более прозаическим и медленным путем, а именно с простой почтой, что Верховный суд отказал некоему Филиппу Труфасту Мауритсону в пересмотре его дела. Возможно, господин комиссар помнит, что года этак полтора назад Мауритсон был осужден за убийство в связи с вооруженным налетом на банк. Обвинителем по делу был мой, я бы сказал, не такой уж ученый друг, Стен-Роберт Ульссон, который тогда носил звание казначейского прокурора. На мою долю, как это бывает подчас с людьми моей профессии, выпала неблагодарная и морально обременительная задача защищать Мауритсона, который, несомненно, представлял собой то, что в обыденной речи принято именовать преступником. Теперь я хочу задать один-единственный вопрос: считает ли комиссар Бек, что Мауритсон был виновен в ограблении банка и в связанном с этим убийством, и что проведенное прокурором Ульссоном расследование было удовлетворительным?

— Нет, — ответил Мартин Бек.

Хотя щеки Бульдозера внезапно порозовели в тон сорочке, еще больше оттенив чудовищный галстук с золотистыми русалками и пляшущими таитянками, он весело улыбнулся и сказал:

— Я тоже хотел бы задать один вопрос. Комиссар Бек принимал какое-либо участие в расследовании убийства в банке?

— Нет.

Бульдозер Ульссон хлопнул в ладоши и самодовольно кивнул.

Мартин Бек покинул свидетельское место, сел рядом с Реей и взъерошил ее белокурые волосы, на что она ответила ему кислым взглядом.

— Я ожидала большего, — сказала Рея Нильсен.

— А я — нет, — отозвался Мартин Бек.

Глаза Бульдозера Ульссона чуть не выскочили из орбит от любопытства.

Рокотун, казалось, ничего не замечал. Слегка прихрамывая, он подошел к окну за спиной Бульдозера и написал пальцем на пыльном стекле: ИДИОТ.

Потом сказал:

— В качестве следующего свидетеля я вынужден пригласить полицейского.

— Сержанта полиции, — поправил его помощник судьи.

— Полицейского Карла Кристианссона, — невозмутимо продолжал Рокотун.

Вошел Кристианссон, нерешительный малый, который в последние годы пришел к выводу, что полицейское ведомство — особого рода классовое общество, где поведение начальства диктуется не эксплуататорскими соображениями, а просто желанием поизмываться над подчиненными.

Выдержав долгую паузу, Рокотун повернулся и принялся ходить взад-вперед по залу. Бульдозер последовал его примеру, хотя двигался совсем в другом темпе. Ни дать ни взять этакие не совсем обычные часовые. Наконец Рокотун глубоко вздохнул и начал:

— По имеющимся данным, вы служите в полиции пятнадцать лет.

— Так точно.

— Ваши начальники характеризуют вас как ленивого и бездарного, но честного и в принципе такого же квалифицированного — или неквалифицированного — сотрудника, как все ваши коллеги в стокгольмской полиции.

— Протестую! — вскричал Бульдозер. — Защитник оскорбляет свидетеля!

— В самом деле? — сказал Рокотун. — Если я скажу о господине старшем прокуроре, что он, наряду с цеппелином и воздушным шаром, представляет собой одну из наиболее занимательных и речистых пустот в нашей стране — да что там, в целом мире, — вряд ли в этом высказывании будет что-то унизительное для него. Но я этого не скажу, что же касается свидетеля, я только подчеркиваю, что он опытный полицейский, столь же способный и интеллигентный, как остальные полицейские, украшающие наш город.

— Если бы господин адвокат когда-нибудь потратил несколько часов на то, чтобы послушать запись своих речей и сопутствующих звуковых эффектов, я уверен, он был бы так же испуган и шокирован, как все мы, служители правосудия, — сказал Бульдозер Ульссон.

— Если бы господин прокурор появился с таким галстуком в стране, где безвкусица карается законом, — отозвался Рокотун, — его, наверно, приговорили бы к смертной казни. Кстати, откуда у вас эта контрабанда?

— Господин адвокат перед лицом суда обвиняет меня в преступлении, — относительно спокойно произнес Бульдозер.

Он не воспользовался случаем вспылить только потому, что и в самом деле ввез тайком изрядное количество галстуков, конкретно — из Ирана, куда его командировали, чтобы он изучил пути контрабанды наркотиков. Правда, в данном случае на нем был галстук, присланный прокуратурой Андорры, причем на бандероли, по совету Бульдозера, было написано: «Образец. Без цены».

— Чтобы спасти эту бедную девушку… — Бульдозер величественно взмахнул рукой.

Его тотчас перебил Рокотун, который вскинул руку еще более величественно и сказал:

— Слова летят, в покое мысли пребывают.

Бульдозер хотел перейти в контратаку, но судья, опережая его, прокашлялся и объявил:

— Мне представляется, что господа предались частной дискуссии, которую скорее надлежит продолжить с глазу на глаз или перед другой аудиторией.

— Я пытаюсь только воздать должное незаурядным данным и рассудительности свидетеля, — невинно отозвался Рокотун.

Рея Нильсен громко рассмеялась. Мартин Бек накрыл правой ладонью ее левую руку. Рея засмеялась еще громче. Судья призвал публику соблюдать тишину и снова раздраженно воззрился на участников процесса. Бульдозер так пристально уставился на Рею. что пропустил несколько реплик в допросе свидетеля.

Между тем Рокотун, сохраняя полное бесстрастие, спросил:

— Вы первым вошли в помещение банка?

— Нет.

— Вы задержали эту девочку, Ребекку Ульссон?

— Нет.

— Я хотел сказать: Ребекку Линд, — поправился Рокотун, помешкав.

— Нет.

— А что же вы делали?

— Я схватил вторую.

— Выходит, там были две девочки?

— Да.

— И вы, значит, схватили вторую?

— Да.

— Зачем? Кристианссон задумался.

— Чтобы она не упала.

— Сколько же лет было этой второй девочке?

— Что-нибудь около четырех месяцев.

— Следовательно, Ребекку Линд схватил Квастму?

— Да.

— Верно ли будет сказать, что он при этом применил насилие или излишнюю силу?

— Мне совершенно непонятно, что подразумевает и куда клонит защитник, — насмешливо заметил Бульдозер.

— Я клоню к тому, что Квастму, которого мы все видели здесь сегодня…

Рокотун порылся в своих бумагах.

— Ага, вот, — продолжил он наконец. — Квастму весит сто два килограмма. Он владеет приемами карате и занимается вольной борьбой. Начальство отзывается о нем как о прилежном и старательном сотруднике. Но при этом полицейский инспектор Норман Ханссон, который подписал характеристику, отмечает, что Квастму слишком часто проявляет на службе чрезмерное усердие и многие задержанные жалуются на рукоприкладство с его стороны. В характеристике сказано также, что Кеннет Квастму не раз получал взыскания и что его умение изъясняться оставляет желать лучшего. — Рокотун отложил документ и спросил: — Так как, свидетель, применил Квастму насилие или нет?

— Применил, — сказал Кристианссон. — Что было, то было.

Опыт научил его, что лучше не лгать в делах, связанных со службой, во всяком случае, лгать в меру и не слишком часто. К тому же он недолюбливал Квастму.

— А вы взяли ребенка?

— Ну да, пришлось. Он у нее на каких-то ремнях висел, и, когда Квастму стал отбирать нож, она чуть не уронила ребенка.

— Ребекка сопротивлялась?

— Нет.

— Совсем не сопротивлялась?

— Совсем. Только сказала, когда я взял ребенка: «Поосторожнее, пожалуйста, не уроните ее».

— Этот вопрос как будто ясен, — заключил Рокотун. — К насилию я потом еще вернусь. А сейчас хотел бы поговорить с вами о другом.

— Слушаю, — сказал Кристианссон.

— Поскольку сотрудники из специального отдела, которому поручено охранять банки, не прибыли на место… — Рокотун остановился, устремив надменный взор на прокурора.

— Мы работаем день и ночь, — отозвался Бульдозер. — А этот случай был оценен как незначительный, один из многих.

— Однако господин Ульссон вряд ли не спит по ночам, думая обо всех тех невинных людях, которых он обрекает на тюрьму или исправительное заведение своими ошибочными и необоснованными обвинениями.

Рокотун на минуту сбился, фыркнул, произнес «м-да, да-да», наконец зацепился взглядом за Карла Кристианссона, который выглядел совершенным пентюхом в своей белой куртке с голубыми вязаными манжетами, стилизованным львом на груди слева и нашитыми на спине голубыми матерчатыми буквами THE LIONS. В остальном он был одет вполне по форме.

— Стало быть, первоначальное дознание вели полицейские с патрульной машины, — произнес в конце концов Рокотун. — Кто разговаривал с кассиршей?

— Я.

— И что она сообщила?

— Что девушка подошла к стойке с ребенком на руках и положила свою сумку на мраморную столешницу. Кассирша сразу увидела нож и принялась укладывать деньги в сумку.

— Ребекка держала нож в руках?

— Нет. Он висел у нее на поясе. Сзади.

— Как же кассирша его увидела?

— Не знаю. Хотя вспомнил: она увидела его потом, когда Ребекка повернулась спиной. И закричала: «Нож, нож, у нее нож!»

— Это была финка или стилет?

— Да нет, что-то вроде небольшого кухонного ножа. Какие дома в хозяйстве держат.

— Что сказала Ребекка кассирше?

— Ничего. То есть сначала ничего. Потом, по словам кассирши, засмеялась и сказала: «Вот не думала, что так легко будет получить деньги взаймы». И добавила: «Наверно, я должна какую-нибудь квитанцию заполнить?»

— Деньги очутились на полу, — продолжал Рокотун. — Как это вышло?

— Это я могу объяснить. Квастму стоял и держал девушку, пока мы ждали подкрепления. В это время кассирша принялась пересчитывать деньги, проверяла, все ли в наличии. Тут Кеннет мне крикнул: «Стой, это против закона».

— А потом?

— Потом он еще крикнул: «Калле, тебе следить, чтобы никто не прикасался к добыче!» У меня ведь на руках был ребенок, так что я сумку только за одну ручку ухватил, вот они и высыпались. Все больше мелкие бумажки, оттого и разлетелись в разные стороны. Ну, а тут подошла еще одна патрульная машина. Мы отдали им ребенка, а сами повезли задержанную в уголовку на Кунгсхольмен. Я вел машину, а Кеннет сидел сзади с девушкой этой.

— В машине что-нибудь произошло?

— Да, было дело. Сперва она заплакала и спросила, куда мы дели ребенка. Потом совсем расплакалась, и Квастму решил надеть на нее наручники.

— А вы что-нибудь сказали по этому поводу?

— Сказал, что можно обойтись без наручников. Во-первых, Квастму вдвое больше ее, во-вторых, она не оказывала сопротивления.

— Вы говорили еще что-нибудь в машине?

Кристианссон примолк на несколько минут. Рокотун безмолвно ждал. Он даже не рыгал, не повторял вопрос и не талдычил насчет лжесвидетельства и обязанности говорить правду, как это принято у адвокатов.

— Я сказал: «Не бей ее, Кеннет».

Дальше все было просто. Рокотун встал и подошел к Кристианссону.

— А что, разве у Кеннета Квастму заведено бить задержанных?

— Случается.

— Вы видели его погон и болтающуюся пуговицу?

— Видел. Он сам про них сказал. Дескать, жена не следит за его формой.

— Когда это было?

— Накануне.

— Прошу, господин прокурор, — кротко произнес Рокотун. Бульдозер поймал взгляд Кристианссона и долго смотрел ему в глаза. Сколько дел проиграно из-за безмозглых полицейских? И сколько выиграно благодаря им? Пожалуй, последних все-таки больше. Как бы то ни было, эти сержанты полиции — неизбежное зло и для преступников, и для тех, кто борется с преступностью…

— Нет вопросов, — бросил Бульдозер. И добавил как бы вскользь: — Обвинение в сопротивлении представителю власти снимается.

После этого Рокотун попросил объявить перерыв. В перерыве он сперва закурил свою сигару, потом удалился в уборную. Выйдя оттуда, затеял в коридоре беседу с Реей Нильсен.

— Ну и женщины у тебя, — сказал Бульдозер Ульссон Мартину Беку. — Сначала она на глазах у суда смеется надо мной, теперь вот стоит и беседует с Рокотуном. Всем известно, что от его дыхания орангутаны падают в обморок за пятьдесят метров.

— Хорошие женщины, — ответил Мартин Бек. — Точнее, хорошая женщина.

— Значит, новую жену завел. Я тоже. Все как-то веселее жить.

Рея подошла к ним.

— Рея, — обратился к ней Мартин Бек, — познакомься — старший прокурор Ульссон.

— Я уже догадалась.

— Все зовут его Бульдозер, — добавил Мартин Бек. — По-моему, у обвинения дела плохи.

— Да, половина обвинительного заключения рухнула, — согласился Бульдозер. — Но вторая половина прочно стоит. Бьемся об заклад на бутылку виски?

Рея поскребла в затылке и хитро глянула на Мартина Бека, но тот отрицательно покачал головой.

— Бутылка виски, — продолжал соблазнять Бульдозер.

— Нет, — ответил Мартин Бек.

Рея наклонила голову набок, словно собираясь что-то сказать. Но в эту минуту было объявлено, что судебное заседание возобновляется, и Бульдозер Ульссон побежал в зал.

Защитник пригласил своего последнего свидетеля, учительницу домоводства Хеди-Марию Вирен, загорелую женщину лет пятидесяти. Странно было видеть такой загар в краю, где даже погода, казалось, участвовала в заговоре против несчастных аборигенов. И Рокотун первым делом спросил:

— Откуда у вас такой загар?

— Канарские острова, — последовал лаконичный ответ.

— Из личной характеристики, с которой всем вам еще предстоит ознакомиться, явствует, что Ребекка Люнд — знаю, знаю, что она Линд, но я страдаю недугом, который никогда не поражал и, уверен, не поразит обвинителя. А именно, фантазией и способностью проникать в мир заветных чувств и мыслей другого человека.

— Это что же, проявление фантазии — говорить Люнд вместо Линд? — осведомился Бульдозер, обмахиваясь галстуком. — Или признак умения проникать в мир заветных чувств другого человека?

— Лучше уж я задам прокурору один вопрос, — откликнулся Рокотун. — Известно ли господину Ульссону, где сейчас находится четырехмесячная дочь Ребекки Линд?

— Откуда мне знать, — ответил Бульдозер. — Для этого у нас есть отдел охраны детей.

— Молодые родители обычно называют его отделом отравы детей.

Рокотун рассеянно закурил сигару.

Одиннадцать раз с нарастающей укоризной прокашлялся судья, прежде чем адвокат осознал свой проступок. Был вызван судебный пристав, приняты меры.

— Кто-нибудь в этом зале знает, где в данную минуту находится дитя Камилла Линд-Косгрейв?

Воцарилась мертвая тишина.

— Есть такой человек, — продолжал Рокотун. — Это я.

— Камилла, где она? — всхлипнула Ребекка.

— Всему свое время, — ответил Рокотун.

— Позвольте напомнить, что сейчас здесь ведется — во всяком случае, должен вестись — допрос свидетельницы, — сказал судья.

Лицо Рокотуна выразило полное недоумение, и судья уточнил:

— Адвокат Роксен вызвал эту женщину в качестве свидетельницы.

— А-а, — спохватился Рокотун. — Совсем забыл. Невежество прокурора перебило ход моих мыслей. — Он порылся в бумагах, нашел нужную и продолжал: — Ребекка Линд плохо училась в школе. Ее оценки после восьмого класса никак не позволяли ей продолжать учение. Она одинаково плохо успевала по всем предметам.

— Мой предмет она хорошо знала, — вмешалась свидетельница. — Одна из лучших учениц за все время, что я преподаю. У Ребекки было много интересных соображений, особенно это касалось овощей и других природных продуктов. Она понимала, что наше питание сейчас никуда не годится, большинство продуктов в магазинах самообслуживания так или иначе отравлены.

— Вы тоже так считаете?

— Да. Разумеется.

— Выходит, бифштексы с гарниром и виски с содовой, которыми, к примеру, мы с прокурором поддерживаем свое бренное существование, никуда не годятся?

— Вот именно, — подтвердила свидетельница. — Никуда не годятся. Такие продукты вредят не только телу, но и духу, лишают человека способности ясно мыслить. Точно так же вредит мозгу курение табака, от него люди попросту глупеют. А вот Ребекка очень рано поняла, как важно вести здоровый образ жизни. Завела себе огород и всегда стремилась пользоваться тем, что дает нам сама природа. Потому и садовый нож с собой носила. Я часто беседовала с Ребеккой.

— О биодинамической брюкве? — Рокотун зевнул.

— О брюкве тоже. Но я хочу подчеркнуть, что Ребекка здравомыслящая девушка. Может быть, не очень начитанная, но это у нее вполне сознательно. Она не желает загружать голову всякой ерундой. По-настоящему ее интересует только один вопрос — как спасти

природу от полного уничтожения. Ее политические представления сводятся к тому, что нынешнее общество устроено совершенно непонятным образом и его руководители, должно быть, либо преступники, либо психопаты.

— Больше вопросов нет, — сказал Рокотун.

По его лицу можно было подумать, что ему очень скучно и он мечтает уйти домой.

— Меня интересует этот нож, — Бульдозер вдруг вскочил с места, подошел к столу судьи и взял нож в руки.

— Обыкновенный садовый нож, — сообщила Хеди-Мария Вирен. — Он у нее давно. Всякий может убедиться, что ручка потертая и лезвие сточено.

— Тем не менее его можно считать опасным оружием, — заявил Бульдозер.

— Я не могу с этим согласиться. Таким ножом воробья не зарежешь. И к тому же Ребекка крайне отрицательно относится к насилию. Оно ей совершенно чуждо, она даже неспособна дать человеку пощечину.

— А я настаиваю, что это опасное оружие, — твердил Бульдозер, размахивая садовым ножом.

Однако голос его звучал не очень убедительно, и как ни улыбался Бульдозер свидетельнице, ему пришлось мобилизовать всю свою выдержку, чтобы отнестись к ее следующей реплике со своим пресловутым дружелюбием.

— Вы говорите это либо по злобе, либо просто по глупости, — сказала свидетельница. — Вы курите? Пьете спиртное?

— Вопросов больше нет, — отрубил Бульдозер.

— Допрос свидетелей закончен, — подытожил судья. — Будут ли еще какие-нибудь вопросы, прежде чем мы заслушаем личную характеристику и заключительные речи?

Адвокат Роксен встал, цокая языком, и медленно проковылял к судейскому столу.

— Личные характеристики, — сказал он, — как правило, представляют собой всего-навсего дежурные сочинения, составленные ради того, чтобы их автор мог получить свои полсотни крон или сколько ему там положено. Поэтому я — и надеюсь, моему примеру последуют другие серьезные люди — хотел бы задать несколько вопросов самой Ребекке Линд.

Он впервые обратился к ответчице:

— Как зовут короля Швеции?

Даже Бульдозер не сумел скрыть своего удивления.

— Не знаю, — ответила Ребекка Линд. — А это обязательно знать?

— Нет, — сказал Рокотун. — Не обязательно. Вам известна фамилия премьер-министра?

— Нет. А кто это?

— Глава правительства и высший политический руководитель страны.

— В таком случае, он негодяй, — заявила Ребекка Линд. — Я знаю, что Швеция соорудила атомную электростанцию в Барсебеке, в каких-нибудь двадцати пяти километрах от центра Копенгагена. Говорят еще, что правительство виновато в загрязнении среды.

— Ребекка, — приветливо произнес Бульдозер Ульссон. — Откуда вам известно про атомные электростанции, если вы даже не знаете фамилии премьер-министра?

— Мои друзья обсуждают такие вещи, а политика их не интересует.

Рокотун подождал, давая время всем переварить ее ответ, потом сказал:

— До того, как вы пришли к этому директору банка, фамилию которого я, простите, прочно забыл, приходилось вам бывать в каких-нибудь банках?

— Нет, никогда.

— Почему?

— А что мне там делать? Банки существуют для богатых. Я и мои друзья никогда в такие заведения не ходим.

— Но вот вы все-таки пошли. Почему же?

— Потому, что мне понадобились деньги. Одна моя знакомая сказала, что в банке можно получить деньги взаймы. И когда этот поганый директор сказал, что есть народные банки, я подумала, что, может быть, там мне дадут деньги.

— Значит, вы пошли в тот банк, потому что верили, что там вам дадут деньги взаймы?

— Ну да. Только я удивилась, как все оказалось просто. Я даже не успела сказать, сколько мне надо.

Бульдозер, смекнув, куда клонит защита, поспешил вмешаться.

— Ребекка, — заговорил он, улыбаясь всем лицом. — Есть вещи, которые мне кажутся непостижимыми. Как это можно при нынешних средствах массовой информации не знать элементарных фактов о своем обществе?

— Это ваше общество, а не мое, — ответила Ребекка Линд.

— Вот и неправильно, — возразил Бульдозер. — Мы живем вместе в этой стране и вместе отвечаем за хорошее и плохое. Но мне хотелось спросить, как это можно не слышать того, о чем говорят по радио и телевидению, не знать того, о чем пишут газеты?

— У меня нет ни радио, ни телевизора, а в газетах я читаю только гороскопы.

— Но ведь вы девять лет учились в школе?

— В школе нам талдычили всякую ерунду. Я почти и не слушала.

— Но деньги, — продолжал Бульдозер, — деньги всех интересуют.

— Меня не интересуют.

— Где вы получали средства к существованию?

— В социальной конторе. Да мне совсем немного надо было. До последних дней.

Судья монотонно зачитал личную характеристику, которая, вопреки мнению адвоката Роксена, оказалась небезынтересной.

Ребекка Линд родилась 3 января 1956 года в семье, принадлежащей к низшим слоям среднего сословия. Ее отец заведовал канцелярией в мелкой строительной фирме. Семья была вполне обеспеченная, но Ребекка рано ополчилась против родителей, и конфликт особенно обострился, когда ей исполнилось шестнадцать лет. В школе она занималась кое-как, после девятого класса бросила учебу. Преподаватели оценивали ее познания ужасающе низко; она не была совсем лишена способностей, но они приняли своеобразное и далекое от действительности направление. Ребекка не смогла устроиться на работу, да и не очень к этому стремилась. В шестнадцать лет противоречия в семье достигли такой степени, что она ушла из дома. Отец заявил, что так было лучше для обеих сторон, поскольку в семье росли другие дети, которые в большей мере отвечали чаяниям родителей. Первое время Ребекка жила в домике на садовом участке, принадлежащем ее знакомым, и она сохранила возможность пользоваться участком после того, как ей удалось получить маленькую квартирку в старом доме в районе Сёдермальм. В начале 1973 года она познакомилась с американским дезертиром из натовских войск, и они стали жить вместе. Его звали Джим Косгрейв. Вскоре Ребекка забеременела, она мечтала о ребенке, и в январе семьдесят четвертого у нее родилась дочка, Камилла. В это время у маленькой семьи начались затруднения. Косгрейв хотел работать, но его никуда не брали, потому что он был иностранец, да еще и длинноволосый. За все годы, проведенные в Швеции, он только две недели работал уборщиком на пароме, возившем пьянчужек через Ботнический залив. К тому же он тосковал по США. У него была хорошая специальность, он рассчитывал, что вполне

сможет обеспечить себя и семью, только бы вернуться на родину. В начале февраля Косгрейв связался с американским посольством и заявил, что готов добровольно вернуться, если ему дадут необходимые гарантии. Стремясь залучить его на родину, ему обещали, что наказание будет чисто формальным; кроме того, разъяснили, что его охраняет соглашение, подписанное со шведским государством. Двенадцатого февраля он вылетел в США. Ребекка рассчитывала выехать следом в марте, поскольку родители Джима обещали помочь деньгами. Но шли месяцы, а от Косгрейва — ни слуху ни духу. Она пошла в социальную контору, там ей ответили, что ничего не могут поделать, так как Косгрейв — иностранный подданный. Тогда Ребекка решила сама поехать в США, чтобы выяснить, что же произошло. Обратилась в банк за деньгами; чем это кончилось — известно.

Характеристика в целом была положительной. Ее составитель отмечал, что Ребекка хорошо заботилась о ребенке, не предавалась никаким порокам и не проявляла преступных наклонностей. Ей присуща исключительная честность, но она несколько не от мира сего и во многом чересчур легковерна.

Вкратце был охарактеризован и Косгрейв. По словам знакомых, он был целеустремленным молодым человеком, отнюдь не склонным пренебрегать своим долгом и нерушимо верившим в счастливое будущее для себя и своей семьи в США.

Пока зачитывалась характеристика, Бульдозер Ульссон пристально изучал одну из своих папок и красноречиво поглядывал на часы.

Наконец он встал, чтобы произнести заключительную речь.

Рея, прищурясь, наблюдала за ним.

Если отвлечься от нелепого одеяния, этот человек излучал невероятную самоуверенность и жадный интерес к своему делу.

Бульдозер угадал, как будет построена защита, однако не собирался менять свою тактику. Решил ясно и коротко высказаться в том плане, который намечал заранее. Выпятив грудь — вернее, живот, — он уставился на свои нечищеные коричневые туфли и начал бархатным голосом:

— В своей заключительной речи я ограничусь повторением доказанных фактов. Ребекка Линд вошла в банк, вооруженная ножом и с вместительной сумкой, предназначенной для добычи. Долгий опыт расследования мелких налетов на банки, а таковых только за последний год зарегистрированы сотни, убеждает меня, что Ребекка действовала по заранее обдуманному плану. Из-за своей неискушенности в таких делах она сразу попалась. Лично мне, скорее, жаль ответчицу, которая в юные годы поддалась соблазну совершить столь серьезное преступление, и все же забота о правопорядке вынуждает меня настаивать на тюремном заключении. Улики, как показало настоящее долгое разбирательство, неопровержимы. Никакие аргументы не могут их поколебать.

Бульдозер покрутил пальцами галстук и заключил:

— Прошу теперь суд вынести свое определение по делу.

— Готов ли адвокат Гедобальд Роксен произнести заключительную речь защиты? — спросил судья.

Со стороны могло показаться, что Рокотун отнюдь не готов. Он сгреб в кучу свои бумаги, внимательно рассмотрел сигару, сунул ее в карман. Потом обвел взглядом зал суда так, словно впервые здесь очутился. С интересом поглядел на каждого из присутствующих, как будто никогда прежде их не видел.

Наконец встал и начал расхаживать, прихрамывая, перед судейским столом.

Знающие Рокотуна замерли: он мог растянуть защитительную речь на несколько часов, мог уложиться и в пять минут.

Бульдозер Ульссон демонстративно поглядел на часы.

Проходя мимо присяжных и судьи, Рокотун строго посматривал на них. Незаметная поначалу хромота, казалось, усиливалась с каждой минутой.

Наконец он заговорил:

— Как я сказал еще в самом начале, молодая женщина, которую поместили на скамью — вернее, на стул подсудимых, — невинна, и в защитительной речи, собственно, нет никакой надобности. Все же я скажу несколько слов.

Присутствующие с тревогой спросили себя, что подразумевает Рокотун, говоря о «нескольких словах».

Однако тревога оказалась напрасной. Рокотун расстегнул пиджак, облегченно крякнул, выпятил живот и прислонился к возвышению.

— Как указал обвинитель, — начал он, — в этой стране весьма участились ограбления банков. Шумиха вокруг налетов и широковещательные полицейские акции не только способствовали известности господина прокурора — даже его галстуки описываются в прессе, — но и вызвали истерию. Стоит обыкновенному человеку войти в банк, как в нем тотчас видят грабителя или еще какого-нибудь злоумышленника.

Рокотун замолк и уставился в пол, очевидно, собираясь с мыслями. Потом снова заговорил:

— Ребекка Линд не видела от общества ни радости, ни особой помощи. Школа, родители, другие люди старшего поколения не поддержали, не подбодрили ее. Где уж тут укорять ее тем, что она не интересовалась нашим общественным устройством. Когда она, не в пример многим другим молодым, ищет работу, ей отвечают, что работы нет. Надо бы, конечно, остановиться на вопросе, почему нет работы для подрастающего поколения, но я воздержусь. Очутившись в затруднительном положении, она идет в банк. Она ничего не знает о деятельности банков, и ей внушают ошибочное представление, будто Кредитный банк менее капиталистический, чем другие, чуть ли не народный. При виде Ребекки кассирша сразу заключает, что она пришла грабить банк. С одной стороны, ей невдомек, с какой стати такая девушка вообще может обращаться в банк, с другой стороны, она взвинчена бесчисленными директивами, которые за последние годы сыплются на головы банковских служащих. Кассирша нажимает сигнал тревоги и начинает укладывать деньги в сумку, которую девушка положила на стойку. Что же происходит дальше? А вот что. Вместо пресловутых сыщиков господина старшего прокурора, которым некогда заниматься такими мелочами, являются на патрульной машине двое полицейских. Пока один, по его собственным словам, бросается, как пантера, на девушку, второй ухитряется рассыпать деньги по полу. Сверх этого подвига он допрашивает кассиршу. Из допроса явствует, что Ребекка отнюдь не угрожала служащим и не требовала денег. Произошло самое настоящее недоразумение. Девушка вела себя наивно, но это, как известно, не является преступлением.

Рокотун проковылял к своему столику, полистал бумаги и, стоя спиной к судье и присяжным, заключил:

— Я требую, чтобы Ребекка Линд была оправдана и обвинение отвергнуто. О каких-либо альтернативных предложениях не может быть речи, поскольку всякому разумному человеку должно быть ясно, что она ни в чем не виновна и, следовательно, ни о каком наказании говорить не приходится.

Суд совещался недолго, меньше получаса. Затем было зачитано постановление.

Ребекка Линд была оправдана, с освобождением из-под стражи в зале суда. Однако обвинение не было отвергнуто. Пятеро присяжных голосовали за оправдание, двое — против. Судья требовал осуждения обвиняемой.

В коридоре Бульдозер Ульссон подошел к Мартину Беку:

— Вот видишь. Зря ты растерялся, выиграл бы бутылку виски.

— Думаешь обжаловать приговор?

— Нет. Неужели у меня не найдется других дел, кроме как сидеть целый день в апелляционном суде и препираться с Рокотуном? Да еще по такому поводу?

И он заспешил к выходу.

Подошел Рокотун. Его хромота еще больше усилилась.

— Спасибо, что поддержал, — сказал он. — Не каждый на это способен.

— Мне показалось, что я уловил суть твоих мыслей.

— В том-то и вся беда, — отозвался Рокотун, — многие улавливают суть, да мало кто готов за нее постоять.

Рокотун задумчиво поглядел на Рею, откусывая кончик сигары.

— В перерыве у меня состоялась интересная и полезная беседа с этой девушкой, женщиной, дамой.

— Ее фамилия Нильсен, — сообщил Мартин Бек. — Рея Нильсен.

— Благодарю, — тепло произнес Роксен. — Иногда мне сдается, что я проигрываю некоторые дела из-за фамилий. Как бы то ни было, госпоже Нильссон следовало бы пойти в юристы. В десять минут она проанализировала все дело и сделала резюме, на которое прокурору понадобилось бы несколько месяцев, будь он вообще на это способен.

— Гм-м, — произнес Мартин Бек. — Обжалуй он приговор, в апелляционном суде вряд ли проиграл бы.

— Что ж, — ответил Рокотун, — надо учитывать психологию противника. Он не станет обжаловать приговор после проигрыша в первой инстанции.

— Почему это? — спросила Рея.

— Ему важнее, чтобы о нем думали как о человеке, который настолько занят, что у него ни на что не хватает времени. Будь все прокуроры такими, как Бульдозер, скоро половина населения страны очутилась бы в тюрьме.

Рея сделала гримасу.

— В общем, спасибо, — заключил Рокотун и заковылял восвояси.

В подъезде он остановился и закурил свою сигару. И так как он одновременно рыгнул, то покинул дворец правосудия окутанный огромным облаком дыма.

Мартин Бек проводил адвоката задумчивым взглядом. Потом спросил:

— Куда пойдешь?

— Домой.

— К себе или ко мне?

— К тебе. Давно уже не была у тебя.

В данном случае это «давно» измерялось четырьмя днями.

## IV

Мартин Бек жил в Старом городе на улице Чёпмангатан, в самом центре Стокгольма. Дом был вполне приличный, даже с лифтом; любой, кроме закоренелых снобов, владеющих виллами, парками и плавательными бассейнами в аристократических пригородах — Сальтшёбаден, Юрсхольм, — сказал бы, что у него не квартира, а мечта. Ему и впрямь здорово повезло, и самое поразительное, что он получил эту квартиру без жульничества, взяток и закулисных махинаций, с помощью которых работники полицейского ведомства обычно добивались всяких благ. После чего он даже собрался с духом и разорвал длившийся восемнадцать лет весьма неудачный брак.

Потом ему опять не повезло, один психопат прострелил ему грудь, он год пролежал в больнице, и когда выписался, то чувствовал себя не в своей тарелке. Служба ему

осточертела, и он с ужасом думал о перспективе провести оставшиеся до пенсии годы в кресле члена коллегии, в кабинете с ворсистым ковром на полу и картинами признанных живописцев на стенах.

Правда, теперь этот риск свелся к минимуму: боссы в ЦПУ пришли к выводу, что с этим сумасшедшим — ну, почти сумасшедшим — невозможно сотрудничать.

И Мартин Бек по-прежнему занимал пост руководителя группы расследования убийств, на котором ему явно суждено было оставаться, пока сие престарелое, но весьма эффективное учреждение не ликвидируют.

Поговаривали даже, что у группы чересчур высок процент расследованных дел. И, дескать, это потому, что в группе сосредоточены сильные кадры, а работы сравнительно мало, сотрудники могут позволить себе долго копаться.

Сверх того, как уже говорилось, кое-кто из высоких начальников лично недолюбливал Мартина Бека. Один из них даже намекал, будто Мартин Бек не совсем честными способами вынудил Леннарта Колльберга, одного из лучших следователей страны, покинуть уголовный розыск и стать смотрителем зала ручного огнестрельного оружия в Музее вооруженных сил, так что все бремя содержания семейства легло на плечи его несчастной супруги.

Мартин Бек редко приходил в ярость, но когда до него дошла эта сплетня, он еле удержался от того, чтобы пойти и дать автору по морде.

На самом деле все только выиграли от ухода Колльберга. Он сам, поскольку избавился от опостылевшей ему работы и мог больше времени проводить с семьей. Жена и дети, которые скучали без него. Бенни Скакке, который занял место Колльберга и получил возможность копить новые заслуги на пути к своей желанной цели — стать полицеймейстером. И, наконец, выиграли те деятели из ЦПУ, которые, признавая заслуги Колльберга как следователя, тем не менее не уставали жаловаться, что «с ним трудно иметь дело» и «он любитель создавать осложнения».

Если уж на то пошло, только один человек сожалел, что группа расследования убийств, влачившая относительно мирное существование в доме на Вестберга-алле, лишилась Колльберга. И этим человеком был Мартин Бек.

Когда он два с лишним года назад вышел из больницы, его ожидали также проблемы более личного характера. Он почувствовал себя, как никогда ранее, одиноким и неприкаянным. Дело, которое ему поручили для терапии, было уникальным, оно казалось прямо-таки заимствованным из арсенала детективных романов. Это и было то самое дело о запертой комнате. Расследование подвигалось со скрипом, и разгадка не принесла ему удовлетворения. Много раз у Мартина Бека возникало ощущение, будто он сам, а не труп какого-то ничем не примечательного и никому не нужного старика, очутился в запертой комнате.

И вдруг ему опять повезло. Нет, не с расследованием, хотя он нашел убийцу; при последующем судебном разбирательстве Бульдозер Ульссон предпочел повернуть дело так, что обвиняемого осудили за убийство в связи с ограблением банка, к которому он был совсем непричастен. Кстати, именно об этом случае Рокотун вспомнил в этот день в суде. С той поры Мартин Бек испытывал неприязнь к Бульдозеру, уж очень грубо он подтасовывал факты. Впрочем, до открытой вражды не дошло. Мартин Бек не был злопамятным и охотно разговаривал с Бульдозером, хотя и не прочь был вставить палки в колеса старшему прокурору, как, например, сегодня.

А повезло ему с Реей Нильсен. Уже через десять минут после знакомства он понял, что встретил ту самую женщину, которая ему нужна. Да и она не скрывала своего интереса к нему.

Поначалу для него, пожалуй, важнее всего был человеческий контакт: она понимала его с полуслова, да и он безошибочно угадывал ее желания и невысказанные вопросы.

Все началось с этого. Они встречались часто, но только у нее. Рея Нильсен сдавала квартиры в своем доме на Тюлегатан, и, хотя в последнее время роль домовладельца ей приелась, она сумела сколотить там нечто вроде коммуны.

Не одна неделя минула, прежде чем она пришла к нему на Чёпмангатан. Сама приготовила ужин — Рея Нильсен очень любила поесть и умела вкусно готовить. Как показал тот вечер, любила и умела она не только это, причем у них обнаружилась полная гармония.

Хороший был вечер. Едва ли не лучший в жизни Мартина Бека.

Утром они вместе позавтракали. Мартин Бек накрывал на стол и смотрел при этом, как Рея одевается.

Он уже видел ее обнаженной, но у него было сильное подозрение, что не скоро насмотрится.

Рея Нильсен была крепкая, статная. Она могла показаться коренастой, но с таким же основанием можно было охарактеризовать ее телосложение как на редкость целесообразное и гармоничное. И лицо ее можно было назвать неправильным, а можно — волевым и нестандартным.

Больше всего ему нравились в ней строгие голубые глаза, круглые груди, светло-коричневые соски, светлый пушок на животе и ступни.

Рея Нильсен хрипло рассмеялась.

— Гляди, гляди. Мне это даже очень приятно.

Потом они позавтракали — выпили чаю, съели поджаренного хлеба с конфитюром.

Рея сидела задумчивая и озабоченная.

Мартин Бек знал — почему. Он и сам был озабочен.

Сразу после завтрака она ушла, сказав на прощание:

— Спасибо за чудесную ночь.

— Тебе спасибо.

— Я позвоню. Если соскучишься раньше, сам позвони. Постояла в раздумье, потом сунула ноги в свои красные сабо и заключила:

— Пока. Еще раз спасибо.

Мартин Бек в тот день был выходной. Проводив Рею, он пошел в ванную и принял душ. Растерся мохнатым полотенцем. Надел домашний халат и лег.

Но мысли не давали ему покоя, он встал и подошел к зеркалу. На вид не дашь сорока девяти, да ведь от правды не уйдешь. Вроде бы он не очень изменился за последние годы. Высокий, стройный, чуть желтоватая кожа, широкий подбородок. Ни одного седого волоса, никакого намека на лысину.

Или все это самообман? Потому что ему так хочется?

Мартин Бек вернулся к кровати и лег, заложив руки за голову.

Несомненно, эти часы, проведенные с ней, были лучшими в его жизни.

В то же время возникла неразрешимая по всем признакам проблема.

Ему с ней было чертовски хорошо. Ну, а вообще — какая она? Он затруднялся ответить. И все-таки…

Припомнились слова, сказанные о Рее кем-то из жильцов ее дома на Тюлегатан.

Наполовину девчонка, наполовину кремень.

Дурацкое выражение, но что-то в этом есть.

Что можно сказать о прошедшей ночи?

Лучшая в его жизни. Правда, Мартин Бек не мог похвастаться богатым опытом.

Какая она? Надо ответить себе на этот вопрос. Прежде чем переходить к самой сути.

Вроде бы ей с ним не скучно. Иногда смеется. Несколько раз ему казалось, что она плачет.

Как будто все хорошо. Как будто.

Ничего из этого не выйдет.

Слишком многое говорит против.

Я на тринадцать лет старше. Мы оба разведены.

У обоих дети, но если мои взрослые — Рольфу девятнадцать, Ингрид скоро двадцать один, — то ее совсем еще малыши.

Когда мне исполнится шестьдесят и я созрею для пенсии, ей будет всего сорок семь. Не годится.

Мартин Бек не стал звонить. Шли дни, миновало больше недели после той чудесной ночи, и однажды в половине восьмого утра зазвонил телефон.

— Привет, — сказал голос Реи.

— Привет. Спасибо за прошлую встречу.

— Взаимно. Ты очень занят?

— Отнюдь.

— Как бы наша полиция не надорвалась. Когда вы, собственно, работаете?

— У нашей группы выдалась спокойная полоса. Но выйди в город и посмотри. Ты увидишь другую картину.

— Спасибо, я знаю, что творится на улицах.

Она помолчала, прокашлялась, потом продолжала:

— Не пора ли нам поговорить?

— Пожалуй.

— Ладно, я готова в любую минуту. Лучше дома у тебя.

— Потом пойдем куда-нибудь, поужинаем, — сказал Мартин Бек.

— Что ж… Можно. А в сабо пускают в кафе?

— Конечно.

— Значит, приду в семь. Думаю, наше совещание не затянется.

Разговор был важный для обоих, но, как и предсказывала Рея Нильсен, совещание не затянулось.

Да Мартин Бек и не ожидал долгого разговора. Он привык к тому, что они мыслят примерно одинаково, и не видел причин полагать, что на этот раз получилось иначе. Скорее всего, оба пришли к единому мнению по достаточно серьезному для них вопросу.

Рея явилась ровно в семь. Сбросила красные сабо и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его. Потом спросила:

— Почему ты не звонил? Мартин Бек промолчал.

— Потому что все обдумал, — заключила она, — и остался недоволен итогом?

— Примерно так.

— Примерно?

— Именно так.

— Решил, что мы не можем поселиться вместе, или жениться, или заводить еще детей, или затеять еще какую-нибудь ерунду. Потому что тогда все запутается и осложнится, и наши хорошие отношения окажутся под угрозой. Мы набьем оскомину и осточертеем друг другу.

— Да, — ответил он. — Наверно, ты права. Как бы мне ни хотелось поспорить.

Она поймала его взгляд своими пытливыми ярко-голубыми глазами:

— А тебе очень хочется поспорить?

— Очень. Но я воздержусь.

На мгновение она как будто растерялась. Подошла к окну, отодвинула занавеску и произнесла что-то так невнятно, что он не разобрал слов.

Подождала и, не оборачиваясь, громко сказала:

— Я говорю, что люблю тебя. Люблю и уверена, что это надолго.

Мартин Бек опешил. Потом подошел и обнял ее. Подняв голову от его груди, она добавила:

— Я хочу сказать, что делаю ставку на тебя, и так будет до тех пор, пока это взаимно. Ясно?

— Ясно, — ответил Мартин Бек. — Пошли теперь поужинаем?

Они отправились в дорогой ресторан, где красные сабо Реи были встречены презрительными взглядами. Вообще-то они редко ходили в рестораны, потому что готовить Рея любила и могла хоть кого поучить.

Потом они вернулись к нему, и она осталась у него на ночь, хотя днем они об этом и не думали.

С той поры прошло почти два года. Рея Нильсен множество раз навещала дом на Чёпмангатан, и, естественно, теперь квартира в какой-то мере носила отпечаток ее личности. Заметнее всего он был на кухне, которая стала просто неузнаваемой.

А над кроватью она зачем-то повесила плакат с портретом Мао Цзедуна. Мартин Бек никогда не говорил о политике, промолчал он и в этом случае.

Но Рея поддела его:

— Если кто-нибудь надумает делать репортаж «Дома у комиссара полиции», можешь снять его. Если испугаешься…

Мартин Бек не ответил, но при мысли о том, какой переполох это изображение вызвало бы в определенных кругах, решил нарочно не снимать плакат.

Когда они вечером 5 июня 1974 года вошли в квартиру Мартина Бека, Рея первым делом сбросила босоножки.

— Чертовы ремни трут, — посетовала она. — Ничего, скоро разносятся.

Разувшись, она облегченно вздохнула.

Всю дорогу домой Рея говорила почти без передышки. Ход судебного разбирательства, случайность приговора, небрежно проведенное полицейское дознание потрясли ее.

— Можно мне теперь слово вставить? — начал Мартин Бек.

— Конечно. Ты ведь знаешь, я слишком много болтаю. Но сам же уверял, что не считаешь это недостатком.

— Конечно. А теперь я и вовсе привык — даже начал считать словоохотливость достоинством, во всяком случае, если человеку есть что сказать.

— Словоохотливость — учтиво звучит, — рассмеялась она.

— Я заметил, что в одном из перерывов у тебя с Роксеном была весьма оживленная беседа, — продолжал Мартин Бек. — Меня даже заело любопытство: о чем это они говорят?

— Любопытство тоже положительное качество, — заметила Рея. — Ну, просто я обратила внимание на такие стороны дела, которых, как мне показалось, он не учел. Потом-то я убедилась, что он все учел. А еще…

— Да, что еще?

— Еще мы толковали с ним о том же, о чем говорили с тобой сейчас по пути сюда. Дескать, у нас самая дорогостоящая в мире полиция, и, несмотря на это, она проводит дознание так скверно, что заключение не годится для суда. В настоящем правовом государстве суд отверг бы такие материалы и заставил бы полицию их доработать.

— И что же сказал на это Рокотун?

— Сказал, что правовым государством у нас и не пахнет, а дорогостоящая полиция предназначена для охраны режима и определенных привилегированных классов и групп.

— Он мог бы добавить, что уровень преступности в нашей стране чрезвычайно высок.

— А вторая часть вопроса? Почему такой мощный полицейский аппарат не в силах провести обыкновенное дознание? Я и то справилась бы лучше. Ведь речь идет о судьбах, даже о жизни людей! Прошу ответить.

— Ресурсы полиции за последние десять лет возросли неимоверно, это точно. Но изрядную часть этих ресурсов держат в запасе для особых задач. Каких именно, даже не знаю.

— Твой ответ совпадает с тем, что сказал Роксен. Мартин Бек промолчал.

— Но ты сегодня сделал доброе дело, — продолжала Рея. — Много ли сотрудников полиции согласились бы отвечать на такие вопросы?

Мартин Бек по-прежнему молчал.

— Ни один, — сказала Рея. — А твои ответы изменили весь ход дела. Я это сразу почувствовала. Будь у меня время, я бы чаще ходила в суд. Это полезно: обостряет восприимчивость. Там сразу улавливаешь, как люди реагируют и меняют свою точку зрения.

С чем, с чем, а с восприимчивостью у Реи Нильсен было все в порядке, но Мартин Бек не стал этого подчеркивать. Она поглядела на свои ноги:

— Красивые босоножки, но до чего же трут, черт возьми. Какое счастье их сбросить.

— Сбрасывай остальное, если есть желание, — сказал Мартин Бек.

Он достаточно долго знал эту женщину, чтобы предвидеть, что будет дальше.

Либо она сразу последует его совету, либо переведет разговор на что-нибудь другое.

Рея поглядела на него. Он подумал, что иногда глаза ее словно светятся. Она открыла рот, как бы собираясь что-то сказать, но тут же закрыла его.

Вместо этого она живо сняла рубашку и джинсы, и не успел Мартин Бек расстегнуть пиджак, как одежда Реи уже лежала на полу, а сама она — на кровати.

— Черт, как ты медленно раздеваешься, — сказала она и прыснула.

К ней вдруг вернулось хорошее настроение. Это выразилось и в том, как она его обнимала. Они одновременно испытали острое наслаждение и решили, что на сегодня хватит.

Порывшись в шкафу, Рея Нильсен достала длинную лиловую кофту, которую особенно любила и которой дорожила не меньше, чем своей самостоятельностью.

Одеваясь, она заговорила о еде.

— Горячий бутерброд, или три, или пять, что ты на это скажешь? Я накупила всякой вкуснятины, ветчину и паштет, какого ты в жизни не пробовал.

— Верю, верю, — отозвался Мартин Бек.

Он стоял у окна, слушая волчий вой полицейских машин, который доходил даже до его квартиры на тихой улице.

— Через пять минут будет готово, — сказала Рея.

— Верю.

Так было каждый раз, у нее тотчас развивался страшный аппетит, она была способна голая бежать на кухню и приниматься за стряпню. И непременно подавай ей горячее.

Мартин Бек не знал таких проблем, скорее, наоборот. Правда, расставшись с женой, он перестал жаловаться на пищеварение — то ли она скверно готовила, то ли тут играли роль психосоматические причины. Но и теперь, особенно когда Мартин Бек был загружен работой или рядом не было Реи, он вполне мог удовлетворить свою потребность в калориях парой вчерашних бутербродов с сыром и стаканом-другим гомогенизированного молока.

Но против горячих бутербродов Реи было трудно устоять.

Подобно тому, как Бульдозер Ульссон почти всегда выигрывал свои дела, ей почти всегда удавались бутерброды.

Мартин Бек съел три штуки и выпил две бутылочки пива. Рея проглотила семь бутербродов, опустошила полбутылки красного вина, и все-таки через четверть часа снова полезла в холодильник.

— Останешься? — спросил Мартин Бек.

— Ага, — отозвалась она. — Такой уж день выдался.

— Какой такой день?

— Подходящий для нас, какой же еще.

— Понятно.

— Завтра устроим праздник. Отметим День шведского флага. И королевские именины. Придумаем что-нибудь оригинальное, когда проснемся.

— Что ж, давай.

Рея забралась в кресло. Наверно, большинству она показалась бы потешной в этой позе и диковинной кофте.

Мартин Бек не считал ее потешной. Только он решил, что Рея задремала, вдруг она произнесла:

— Я вспомнила, что хотела тебе сказать, когда ты набросился на меня.

— В самом деле? И что же?

— Эта девушка, Ребекка Линд, что с ней теперь станется?

— Ничего. Ее ведь оправдали.

— Ты иногда возьмешь да скажешь глупость. Я знаю, что ее оправдали. Меня другое волнует, что станется с ней чисто психологически. Способна она позаботиться о себе?

— Мне кажется, способна. Она вроде не такая пассивная и апатичная, как многие ее сверстники. А что до судебного разбирательства…

— Вот именно, разбирательство. Что она из него вынесла? Скорее всего, что полиция может схватить ни в чем не повинного человека и заключить под стражу, и вдобавок его еще могут в тюрьму упечь. — Рея нахмурилась. — Тревожно мне за эту девушку. Трудно пробиться в одиночку в обществе, которого не понимаешь. При чуждой тебе системе.

— Судя по всему, американец этот был хороший парень; он в самом деле хотел о ней позаботиться.

— Может быть, это не в его власти, — покачала головой Рея.

Мартин Бек молча посмотрел на нее, потом сказал:

— Хотелось бы возразить, но ведь у меня тоже было тревожно на душе, когда я увидел эту девушку. Да только что мы можем для нее сделать? То есть в частном порядке можно подбросить ей денег, но, во-первых, вряд ли она примет такую помощь, а, во-вторых, нет у меня лишних денег.

Рея поскребла в затылке.

— Ты прав. Пожалуй, она и впрямь не примет помощь, которая отдает благотворительностью. И в бюро социального обеспечения по доброй воле не пойдет. Может, попытается работу искать, так ведь не найдет.

Мартин Бек поежился и впервые за много лет высказал суждение, которое можно было назвать политическим:

— Мы явно нуждаемся в помощи. Кто нам ее окажет? Уж не он ли — тот, что на плакате?

— Все, у меня туман в голове, — произнесла Рея. — Одно мне ясно: Ребекке Линд не суждено стать сколько-нибудь заметным членом общества благоденствия.

Сказала и тут же уснула, не подозревая, как ошибалась.

Мартин Бек вышел на кухню, вымыл и убрал посуду. Между тем Рея явно проснулась, потому что в комнате заговорил телевизор. Дома у себя она не завела телевизора, вероятно, из-за детей, но у него иногда смотрела какую-нибудь программу. Мартин Бек услышал, как она что-то крикнула, и вернулся в комнату.

— Экстренное сообщение, — объяснила Рея.

Начало он пропустил, но и без того было ясно, о чем идет речь.

Диктор говорил сурово и торжественно.

— …покушение состоялось недалеко от дворца. Мощный заряд взорвался под мостовой в ту самую минуту, когда в этом месте проезжал кортеж. Президент и другие лица, сидевшие в бронированной машине, были убиты на месте, тела их сильно искалечены. Машину забросило на близлежащее здание. Имеются и другие жертвы, в основном охранники, но есть среди них и гражданские лица. По данным городского полицеймейстера погибло шестнадцать человек, но окончательная цифра может оказаться значительно выше. Он подчеркивает также, что никогда еще в стране не принимались столь основательные меры безопасности по случаю официального визита. Сразу после покушения некая радиостанция сообщила на французском языке, что ответственность за взрыв взяла на себя международная террористическая группа БРЕН.

Диктор взял телефонную трубку и прислушался. Потом продолжал:

— Только что через спутник получены кадры, заснятые американской телевизионной компанией в связи с этим официальным визитом, который окончился так трагически.

Не говоря уже о плохом качестве, кадры сами по себе были настолько отвратительными, что их вообще не следовало показывать.

Сначала они увидели прибытие самолета, потом самого президента, который довольно вяло помахал встречающим. Гость без особого интереса обозрел почетный караул и поздоровался с хозяевами, изображая улыбку. После этого показали кортеж. Охрана производила весьма надежное впечатление. Дальше последовало самое главное. Оператору телевидения явно повезло. Окажись он на полсотни метров ближе, вряд ли остался бы жив. С другой стороны, будь он на полсотни метров дальше, не снял бы такие кадры. Все произошло мгновенно. На экране возник огромный столб огня, высоко в воздух взлетели машины, животные, люди. Растерзанные тела пропали в облаке дыма, напоминающем атомный гриб. Затем последовала панорама окружающей территории. Красивый вид: фонтан, широкая улица в обрамлении пальм. И омерзительный завершающий кадр: половина лошади билась в судорогах подле груды металла, которая, вероятно, была машиной, и бесформенного обрубка, который только что был живым человеком.

Репортер комментировал взахлеб, и в голосе его звучало упоение, которое так типично для американских журналистов. Казалось, перед его восхищенным взором только что наступил конец света.

— Жуть. — Рея уткнулась лицом в спинку кресла. — В каком ужасном мире мы живем.

Но Мартина Бека ждала еще одна тягостная новость. На экране снова появился диктор:

— Поступило сообщение, что на месте происшествия находился специальный наблюдатель шведской полиции, инспектор уголовного розыска из стокгольмского отдела насильственных преступлений, Гюнвальд Ларссон.

Экран заполнила фотография Гюнвальда Ларссона. У него был туповатый вид, и фамилию, как всегда, переврали. Диктор продолжал:

— К сожалению, нам не удалось получить сведений о судьбе инспектора Ларссона. А теперь слушайте текущие новости.

— Черт, — сказал Мартин Бек. — Что за дьявольщина.

— Ты что это? — спросила Рея.

— Да я насчет Гюнвальда. Всегда-то он в самом пекле оказывается.

— Я думала, он тебе не по душе.

— В том-то и дело, что по душе. Хоть я и не говорил об этом вслух.

— Не надо таить свои мысли, — сказала Рея. — Давай-ка ляжем спать.

Двадцать минут спустя он крепко спал, положив голову на ее плечо.

Плечо скоро онемело, за ним и рука. Но она не двигалась. Лежала в темноте и лелеяла свою нежность к нему.

## V

Последняя ночная электричка из Стокгольма остановилась в Рутебру. Из нее вышел один-единственный пассажир; он был одет в темно-синий джинсовый костюм и черные кеды.

Быстро пройдя вдоль перрона, он спустился по лестнице, но, как только осталась позади ярко освещенная территория станции, замедлил шаг и не торопясь двинулся через старую часть дачного поселка, мимо штакетников, низких каменных стен и аккуратно подстриженных живых изгородей, за которыми цвели сады. Воздух был тихий, прохладный, насыщенный благоуханием.

Было самое темное время суток, но до летнего солнцестояния оставалось всего две недели, и июньское небо простерлось серо-голубым куполом над одиноким пешеходом.

Дачи по бокам безмолвно смотрели темными окнами, и единственным звуком были его собственные мягкие шаги по тротуару.

В поезде он нервничал, волновался, теперь же совершенно успокоился, сбросил напряжение.

Вспомнилось стихотворение Эльмера Диктониуса, и он забормотал в такт шагам:

~Осторожно ступай,

Но шагов не считай,

~Страх убивает шаги.

Он и сам иногда пробовал сочинять, но без особого успеха, зато охотно читал стихи и знал наизусть многие произведения любимых поэтов.

Пальцы его правой руки сжимали конец железного прута полуметровой длины, засунутого в рукав джинсовой куртки.

Миновав улицу Хольмбудавеген и очутившись среди стандартных домов, он пошел еще осторожнее, озираясь по сторонам. До сих пор ему никто не встретился, и он надеялся, что на коротком отрезке, оставшемся до цели, фортуна ему не изменит.

Здесь его легче могли заметить: сады располагались за строениями, а цветы и кусты на узкой полоске земли, отделяющей фасады от тротуаров, были слишком низкими, чтобы скрывать прохожего.

С одной стороны тянулись желтые дома, с другой — темно-красные. И вся разница, во всяком случае снаружи. Одинаковые двухэтажные деревянные постройки с мансардой; между торцами — низкие гаражи или сарайчики, словно нарочно втиснутые, чтобы соединять и в то же время разделять дома.

Человек в джинсовом костюме направлялся к крайнему дому; дальше застройка кончалась, тянулись поля и луга.

Быстро и бесшумно он прокрался к гаражу намеченного дома, на ходу прощупывая взглядом улицу и фасады домов. Нигде не было видно ни души.

Открытый гараж был пуст, если не считать прислоненного к стене у входа дамского велосипеда.

Напротив велосипеда стоял мусорный контейнер, а в глубине гаража, у задней стены — два высоких упаковочных ящика. Слава Богу, их не убрали. Он присмотрел это укрытие заранее, и было бы непросто найти взамен равноценное.

Просвет между ящиками и стеной невелик, но вполне можно поместиться.

Ящики были сколочены на совесть из шершавых сосновых досок и напоминали формой и величиной гробы.

Он протиснулся в щель, убедился, что надежно скрыт ящиками, и вытащил из рукава железный прут. Длина, толщина и тяжесть прута вполне подходили для того, что он задумал.

Оставалось только ждать, пока на смену светлой летней ночи придет утро.

Цементный пол был твердый, холодный, сыроватый, и он немного мерз, лежа на животе и уткнув лицо в сгиб левой руки. Правая рука держала прут, сохраняющий тепло его тела.

Его разбудил птичий щебет. Он поднялся на колени и поглядел на часы. Скоро половина третьего. Солнце уже всходило, осталось ждать еще четыре часа.

Около шести из дома донеслись какие-то звуки. Они были слабые, неразборчивые, и человека за ящиками подмывало прижаться ухом к боковой стене. Однако он не решился, ведь для этого пришлось бы высунуться из укрытия.

В узкую щель между ящиками он видел отрезок дороги и дом напротив. Промелькнула машина, потом совсем близко заработал мотор, и проехала еще одна машина.

В половине седьмого за стеной послышались шаги; судя по стуку, кто-то ходил в сабо. Звук удалился, снова приблизился, так повторилось несколько раз, наконец он явственно услышал низкий женский голос:

— Ну, пока. Я поехала. Вечером позвонишь?

Ответа он не уловил, но слышно было, как открывается и закрывается наружная дверь. Он стоял неподвижно, не отрывая глаза от щели.

Женщина в сабо вошла в гараж. Он не рассмотрел ее, но услышал щелчок, когда она отпирала замок велосипеда, и шаги по гравию, направляющиеся к дороге.

Когда она проезжала мимо участка, он разглядел только белые брюки и длинные темные волосы.

После этого он сосредоточил взгляд на доме напротив. Жалюзи плотно закрывало окно, находившееся в его поле зрения.

Прижимая локтем железный прут к левому боку под курткой, он выбрался из-за ящика, прокрался к боковой стене и припал к ней ухом, не спуская глаз с дороги.

Сначала он ничего не услышал, потом уловил звук шагов: кто-то поднимался по лестнице.

Дорога была пуста.

Где-то далеко лаяла собака, глухо гудел дизельный мотор, но в непосредственной близости к дому царила тишина.

Он натянул лежавшие в карманах куртки перчатки, быстро выскользнул из гаража, шмыгнул за угол и нажал ручку наружной двери.

Как он и думал, она была не заперта.

Он приоткрыл дверь, услышал шаги на втором этаже, убедился, что на дороге по-прежнему никого нет, и юркнул внутрь.

Ступенькой выше каменных плит тамбура начинался паркет прихожей; он замер, глядя направо через прихожую в просторную гостиную.

Расположение комнат ему было известно.

В правой стене — три двери; средняя, которая вела на кухню, была открыта. За дверью в левой стене — ванная. Дальше — лестница на второй этаж. Она частично заслоняла гостиную, обращенную окнами в сад за домом.

На вешалке слева от него висела верхняя одежда; под ней на каменном полу стояли сапожки, туфли и сандалии. Прямо напротив входной двери в тамбур выходила еще одна дверь. Он отворил ее, вошел и беззвучно закрыл за собой.

Он очутился в подсобном помещении, которое служило вместе прачечной и кладовой. Здесь же помещался котел центрального отопления. За ним вдоль стены выстроились стиральная машина, сушильный шкаф и центрифуга. У другой стены — два больших шкафа и верстак.

Он заглянул в шкафы. В одном висел лыжный костюм, дубленка и прочая одежда, которая редко употребляется или в которой вовсе нет надобности летом. В другом стояли длинные рулоны плотной бумаги и пятилитровая банка с белой краской.

Звуки наверху стихли.

Зажав в правой руке железный прут, он левой приоткрыл дверь и прислушался.

Внезапно на лестнице послышались шаги, и он поспешил закрыть дверь, но прижал ухо к щели.

Шаги звучали не очень отчетливо, очевидно человек был в одних носках или босиком.

Что-то грохнуло на кухне, словно упала на пол кастрюля.

Тишина…

Потом шаги стали приближаться, и он покрепче взялся за прут.

Слышно было, как открывается дверь в ванную, потом — шум спускаемой воды в унитазе. Он снова приоткрыл дверь и выглянул.

Сквозь журчанье воды до него донесся своеобразный звук, какой бывает, когда кто-то чистит зубы и в то же время пытается петь. Потом человек в ванной стал полоскать рот, откашлялся, сплюнул и снова запел, уже отчетливее и громче.

Несмотря на страшно фальшивое исполнение, он узнал песню, хотя не слышал ее лет двадцать пять. Название, кажется, «Марсельская девчонка».

…Однажды ночью в лунном свете

Лежать мне мертвой в портовом переулке…

Одновременно зашумел душ.

Он вышел в тамбур и прокрался на цыпочках к полуоткрытой двери в ванную. Журчанье воды не заглушало песни, которая теперь перемежалась блаженным фырканьем.

Держа наготове прут, он заглянул в ванную.

Перед ним была порозовевшая блестящая спина с двумя валиками жира между подушками лопаток и тем местом, где у людей обычно находится талия.

Дряблые ягодицы тряслись над бледными бугристыми ляжками; в складках под коленями синели расширенные вены; икры были покрыты бугорками.

Он смотрел на жирную шею и розовую лысину под тонкими прядками черных волос.

Покрывая несколько шагов, отделявших его от человека в ванне, он ощутил гадливость и омерзение, поднял свое оружие и одним ударом, в который вложил всю свою ненависть, раскроил череп толстяка.

Ноги убитого скользнули по гладкой эмали, и он упал ничком. Голова глухо стукнула о край ванны, тело с чмоканьем распласталось под струями душа.

Убийца наклонился, завернул краны. Кровь и мозговое вещество смешались с водой и устремились в отверстие стока, наполовину закупоренное большим пальцем ноги мертвеца.

С гримасой отвращения убийца схватил мохнатое полотенце, вытер свое оружие, бросил полотенце на голову покойника и сунул железный прут в намокший рукав куртки.

Закрыл дверь ванной, вышел в гостиную и отворил стеклянные двери в сад, газон которого граничил с прилегающим к поселку полем.

Ему предстояло пройти изрядный кусок по открытой местности до лесной опушки. Через поле наискось шла натоптанная тропа, и он зашагал по ней. Земля кругом была вспахана, зеленели всходы.

Он не оборачивался, но уголком левого глаза видел длинный ряд домов с мансардами и блестящими слуховыми окнами. Каждое окно было словно глаз, холодно смотрящий на него.

Подойдя к небольшой роще на бугре, он свернул с тропы.

Перед тем как пробиться через колючий терновник на опушке, он отпустил железный прут так, что тот выскользнул из рукава и пропал в густой траве.

Мартин Бек сидел дома один, листая журнал и слушая одну из пластинок Реи. Их музыкальные вкусы несколько расходились, но оба любили Нэнни Поррес и часто ставили ее пластинку.

Вечер, без четверти восемь; он настроился лечь пораньше. Рея ушла в школу на родительское собрание; День шведского Флага они вполне удовлетворительно отметили еще утром.

Телефонный звонок вторгся в «Я думала о тебе», и, поскольку он знал, что это вряд ли Рея, то взял трубку не сразу.

Звонил комиссар уголовной полиции Перссон из полицейского округа Мерста, известный также под кличкой Мерста-Перста. Мартин Бек считал эту кличку ребяческой.

— Я сперва позвонил дежурному, — говорил Перссон, — и он сказал, что можно звонить тебе домой. Тут у нас в Рутебру дело одно возникло, явное убийство. Голова убитого раздроблена сильным ударом по затылку.

— Где и когда его нашли?

— В типовом доме на Теннисвеген. Женщина, которая там живет, — видимо, его любовница, — пришла домой около пяти и обнаружила его мертвым в ванне. Говорит, что утром, в половине седьмого, когда она уходила, он был жив.

— Давно вы там?

— Она позвонила в семнадцать тридцать пять, — ответил Перссон. — Мы приехали сюда ровно два часа назад.

Помолчав, он продолжал:

— Вообще-то мы, наверно, сами справимся, но я подумал, что лучше сразу же тебя известить. На этой стадии трудно определить, насколько сложным окажется расследование. Орудие убийства не найдено, а женщина эта, хоть и выглядит довольно сильной, вряд ли могла нанести такой удар.

— Почему? Известны даже случаи самоубийства ударом топора по затылку. Для такого удара женской силы вполне достаточно.

— Я, наверно, неточно выразился, — сказал Перссон. — Удар нанесен не топором, а скорее тупым предметом.

— Словом, ты хочешь, чтобы мы подключились.

— Если бы я не знал, что у вас сейчас нет срочных дел, я не стал бы тебя беспокоить в такой час. Хотелось бы все-таки знать твое мнение. Вы ведь предпочитаете идти по более или менее свежим следам. Разве не так?

В голосе Перссона звучала некоторая неуверенность. Он преклонялся перед знаменитостями, а Мартин Бек по праву считался знаменитым, но прежде всего Перссона восхищало его профессиональное мастерство.

— Разумеется, — сказал Мартин Бек. — Ты поступил совершенно правильно. Спасибо, что ты так быстро позвонил.

Он был вполне искренен. Нередко местные отделения тянули с вызовом группы ЦПУ — то ли потому, что переоценивали свои ресурсы и способности и недооценивали сложность задачи, то ли потому, что мечтали утереть нос стокгольмским специалистам и самим пожинать лавры успешного расследования. Когда же они в конце концов признавали ограниченность своих возможностей, Мартин Бек и его люди, прибыв на место, порой оказывались в затруднительном положении: все следы стерты, протоколы неудобочитаемы, свидетели все позабыли, а преступник либо укатил за тридевять земель, либо скончался от старости.

— К тому же у нас и впрямь сейчас нет срочных дел, — продолжал Мартин Бек. — Вернее, не было до твоего звонка.

— Когда ты сможешь приехать? — спросил Перссон с явным облегчением.

— Приеду немедленно. Только позвоню Колль… Скакке и спрошу, может ли он тоже выехать.

По старой привычке Мартин Бек в таких ситуациях прежде всего вспоминал Колльберга. Видимо, подсознание не хотело мириться с тем, что их сотрудничеству пришел конец. Первое время после ухода Колльберга случалось даже, что Мартин Бек, приняв срочный вызов, машинально звонил ему.

Скакке был дома, и голос его, как обычно, звучал бодро и весело. Он жил в районе Сёдермальм вместе с женой Моникой и годовалой дочуркой.

Он пообещал быть на Чёпмангатан через семь минут, и Мартин Бек спустился на улицу.

Ровно через семь минут появился Скакке на своем черном «саабе».

На пути в Рутебру он спросил:

— Слыхал про Гюнвальда? Президентская голова прямо в брюхо ему угодила!

— Слышал, — ответил Мартин Бек. — Слава Богу, жив остался.

Помолчав, Бенни Скакке заметил:

— А все-таки жутко смешно, когда человека бодает обезглавленный президент.

Он слышал эту остроту в буфете полицейского управления, и тогда она показалась ему удачной. Теперь он начал в этом сомневаться.

Судя по всему, Мартину Беку она пришлась не по вкусу.

— Я еще подумал насчет его костюма, — продолжал Скакке, стараясь загладить промашку. — Гюнвальд всегда так заботится о своей одежде, и всегда ему не везет с ней. Наверно, всего кровью забрызгало.

— Наверно, — согласился Мартин Бек. — Ничего, сам живой, а это главное.

— Вот именно, главное, — усмехнулся Скакке.

Бенни Скакке исполнилось тридцать пять, последние шесть лет его часто подключали к группе Мартина Бека, и он считал, что основные уроки почерпнул, наблюдая и изучая совместную работу Леннарта Колльберга и Мартина Бека. Он обратил также внимание на особый контакт между ними и поражался тому, как они понимали друг друга без слов. Он чувствовал, что между ним и Мартином Беком такого контакта и взаимопонимания никогда не будет, что Мартин Бек никак не считает его равноценной заменой Колльберга. А потому иной раз терялся в его обществе.

В свою очередь Мартин Бек отлично понимал, что происходит в душе Скакке, стремился всячески поощрить его и показать, что ценит его работу. За годы их знакомства он видел, как растет Скакке, знал, что тот старается изо всех сил, и не только ради карьеры, а чтобы стать по-настоящему хорошим и знающим сотрудником. В свободное время Скакке не ограничивался спортом и упражнениями в стрельбе — он настойчиво изучал право, социологию, психологию, следил также за всем, что происходило в жизни полицейского ведомства, за организационными и прочими изменениями.

Жена Скакке, Моника, была на девять лет моложе его; они поженились семь лет назад. Моника работала инструктором лечебной гимнастики в одной из городских больниц, и Бенни недавно сказал по секрету Мартину Беку, что они не собираются заводить больше детей, пока средства не позволят им переехать из квартиры на Тиделиусгатан в собственный домик за городом. Он мечтал о вилле на острове Лидингё.

Скакке хорошо водил машину и лучше любого таксиста знал Стокгольм и все новые пригороды. Он без труда отыскал нужный адрес в Рутебру и пристроился к ряду машин, которые уже скопились на Теннисвеген.

Трое — мужчина, женщина и собака — стояли посреди мостовой, провожая взглядом Мартина Бека и Скакке, когда они направились к дому. Здесь не было обычной толпы зевак, которые слетаются, точно мухи на мед, едва у какого-нибудь дома останавливаются полицейские машины, но в соседних окнах кое-где виднелись лица, и в саду напротив сгрудились ребятишки, размахивая руками и оживленно переговариваясь.

Явились уже и представители прессы, но два оперативных работника, которые подошли к их машинам, пока что успешно сдерживали натиск. Фоторепортеры тотчас узнали Мартина Бека и защелкали затворами.

Дорожка к дому и гараж охранялись; постовой вежливо козырнул, пропуская Мартина Бека и Скакке.

В доме шла кипучая деятельность. Криминалисты занимались своим делом: один сидел на корточках в прихожей и фиксировал отпечатки пальцев на настольной лампе, стоявшей на низком сундучке возле телефона; яркий свет фотовспышки свидетельствовал, что и фотограф приступил к работе.

Комиссар Перссон подошел к Мартину Беку и Скакке.

— Быстро добрались, — приветствовал он их. — Может, начнем с ванной.

Человек в ванне являл собой отнюдь не приятное зрелище, так что Мартин Бек и Скакке предпочли не задерживаться около него.

— Врач только что был здесь, — сообщил Перссон. — По его мнению, этот человек умер от восьми до пятнадцати часов назад. Смерть наступила мгновенно, и удар, вероятно, был нанесен железным ломиком или лапой[4] или чем-то в этом роде.

— А кто он? — Мартин Бек кивнул в сторону ванной. Перссон вздохнул.

— К сожалению, весьма лакомый кусочек для вечерних газет. Кинопродюсер Уолтер Петрус.

— Черт дери, — вырвалось у Мартина Бека.

— Или директор Вальтер Петрус Петтерссон, как значится в его бумагах. Одежда, бумажник и портфель лежали в спальне.

— Я видел его в телевизионной программе «События недели», — заметил Скакке. — В окружении армии красоток.

— Я никогда не слышал ничего про его фильмы, — сказал Перссон. — Но имя известное.

Человек, прибывший за телом, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, и они ушли в гостиную, чтобы не мешаться.

— А где эта женщина, которая здесь живет? — спросил Мартин Бек. — И кто она такая? Только не говори, что кинозвезда.

— Нет, слава Богу, — успокоил его Перссон. — Она сейчас наверху. С ней беседует наш сотрудник. Ее зовут Мод Лундин, ей сорок два года, служит в косметическом салоне на Свеавеген.

— Ну, и как она? — спросил Скакке. — Убита горем?

— Да нет, — ответил Перссон. — Сначала-то была потрясена. Теперь, по-моему, успокоилась. Ей нельзя здесь ночевать сегодня, но она говорит, у нее в городе есть подруга, у которой она побудет, пока мы тут управимся.

— Соседей успели опросить? — осведомился Мартин Бек.

— Разговаривали только с теми, кто живет рядом и через дорогу. Говорят, не видели и не слышали ничего необычного. Но завтра мы пройдем по остальным домам на этой улице. Возможно, придется весь Рутебру обойти. В таких поселках все друг друга знают, дети ходят в одну школу, все посещают одни магазины, у кого нет машины — едут вместе в автобусе или в поезде.

— Этот Вальтер Петрус, он что — тоже здешний? — спросил Бенни Скакке.

— Нет, — ответил Перссон. — Он приезжает сюда на неделе и ночует у Лундин. А сам живет с женой и тремя детьми в собственной вилле в Юрсхольме.

— Семья извещена? — справился Мартин Бек.

— Извещена. Нам повезло, в портфеле лежал рецепт, выписанный частным врачом, мы позвонили ему, и оказалось, он у них своего рода домашний врач, хорошо знает семью. Взялся известить родных и сделать, что понадобится.

— Ясно, — сказал Мартин Бек. — Придется их тоже опросить завтра. Дело уже к ночи, сегодня нам бы управиться здесь в доме.

Перссон поглядел на часы.

— Половина десятого. Не так уж поздно. Но ты прав. Не будем тревожить родных без нужды.

Перссон был длинный и худой, с белыми, как снег, волосами и множеством веснушек на лице, из-за которых он всегда казался слегка загорелым. Горбатый нос, тонкие губы и грациозные, размеренные движения придавали его внешности нечто аристократическое.

— Хотелось бы поговорить с Мод Лундин, — заметил Мартин Бек. — Ты сказал, с ней беседует твой сотрудник. Ничего, если я поднимусь?

— Конечно, ничего, — отозвался Перссон. — Даже хорошо. И вообще, ты начальник, твоя воля.

С улицы донеслись голоса, шум; Перссон прошел на кухню и выглянул в окно.

— Чертовы щелкоперы, — пробормотал он. — Право слово, стервятники. Пойду-ка лучше, потолкую с ними.

Он направился к входной двери, напустив на себя важный и строгий вид.

Мартин Бек повернулся к Скакке.

— А ты осмотрись пока, что ли.

Скакке кивнул, подошел к книжной полке и принялся изучать корешки.

Поднявшись по лестнице, Мартин Бек очутился в большой квадратной комнате с белым ковром во весь пол. Восемь мягких кресел, обтянутых светлой кожей, окружали огромный круглый стол со стеклянной столешницей. У стены стояла мудреная и, несомненно, очень дорогая стереоустановка; в каждом углу на полках белели динамики. Из большого окна под изогнутым потолком открывался вид на мирный сельский пейзаж: широкое поле и зеленые лесные дали.

В стене напротив окна была дверь, за которой звучали невнятные голоса. Мартин Бек постучался, открыл и остановился на пороге.

На широкой двуспальной кровати с покрывалом из белого искусственного меха сидели две женщины. Они смолкли, глядя на него.

Одна из женщин была крепкого сложения и ростом значительно превосходила другую. У нее было грубоватое лицо и темные глаза; длинные, блестящие черные волосы с пробором посередине спадали на спину.

Вторая женщина была небольшого роста, немного угловатая; из-под коротко подстриженных темных волос смотрели живые карие глаза.

— Мартин, — сказала она. — Привет. А я и не знала, что ты здесь.

Застигнутый врасплох, Мартин Бек ответил не сразу.

— Привет, Оса — отозвался он. — Я тоже не знал, что ты здесь. Перссон сказал, что наверху его сотрудник.

— А, — бросила Оса Турелль, — он не делит своих подчиненных на мужчин и женщин.

Она повернулась ко второй женщине.

— Мод, это комиссар Бек. Он руководит группой расследования убийств.

Мод Лундин кивнула, Мартин Бек ответил тем же. Он еще не совсем пришел в себя от неожиданной встречи с Осой. Пять лет назад он был почти влюблен в нее.

А познакомились они больше восьми лет назад, когда ее жениха и его самого молодого сотрудника Оке Стенстрёма застрелили в автобусе вместе с еще восемью пассажирами. Оса тяжело переживала эту смерть и в конце концов решила сама пойти служить в полицию. Теперь она была младшим следователем в Мерста.

Пять лет назад в Мальмё у Мартина Бека и Осы был мимолетный роман. Одна-единственная памятная ночь, и она больше не повторилась. Теперь он был только рад этому. Оса — симпатичная женщина и хороший товарищ по службе, но с тех пор, как он узнал Рею, его просто не тянуло к другим женщинам. Оса все еще не вышла замуж, всю душу вкладывала в работу и стала очень квалифицированным следователем.

А ведь тогда он даже мог жениться на ней… Страшно подумать: быть женатым на коллеге и ни на минуту не забывать, что ты полицейский.

— Ты, наверно, хочешь побеседовать с Мод, — сказала Оса. — Мы уже потолковали, так что я могу уйти, если хочешь.

— Да, спускайся к Перссону, — согласился он. — Ты ему там пригодишься.

Она весело кивнула и ушла.

Зная, что Оса работает на совесть и отлично умеет налаживать контакт с допрашиваемыми, Мартин Бек не собирался долго говорить с Мод Лундин.

— Вы, наверно, устали и подавлены случившимся, — начал он, — так что я не буду вас особенно задерживать. Хотелось бы только узнать кое-что о ваших отношениях с директором Петрусом. Вы давно были знакомы?

Мод Лундин заправила волосы за уши и пристально посмотрела на него.

— Три года. Познакомились на одной вечеринке, после того он несколько раз приглашал меня в ресторан. Это было весной. Летом у него намечались съемки, и он нанял меня гримершей. Потом мы продолжали встречаться.

— И сколько же всего вы у него работали?

— Только на время того фильма. Потом он долго ничего не снимал, а я устроилась в косметический салон.

— А что это был за фильм?

— Он был рассчитан только на экспорт. В Швеции не показывался.

— Название помните?

— «Любовь при полуночном солнце».

— Часто вы встречались с директором Петрусом?

— Примерно раз в неделю. Иногда два раза. Обычно он приезжал сюда, но иногда мы ходили в ресторан, танцевали.

— Его жена знала о ваших отношениях?

— Знала. Но не придавала значения, лишь бы дело не дошло до развода.

— У него были такие мысли?

— Бывали. Раньше. Но мне кажется, его устраивало существующее положение.

— А вас? Вас оно тоже устраивало?

— Ну, я не стала бы возражать, если бы он предложил мне выйти за него замуж, но, вообще-то, мы и так хорошо ладили. Он был добрый, щедрый.

— Вы не представляете себе, кто мог его убить? Мод Лундин покачала головой.

— Совершенно не представляю. Нелепо все это. Я никак не могу свыкнуться с мыслью, что его убили.

Она примолкла. Он посмотрел на нее. Не заметно, чтобы очень переживала.

— Он еще там, внизу? — спросила она.

— Нет, увезли.

— Мне можно здесь ночевать?

— Нет, мы еще не закончили работу.

Она хмуро поглядела на него и пожала плечами.

— Ладно, переночую в городе.

— Вы не заметили ничего особенного, когда расставались утром? — спросил Мартин Бек.

— Ничего. Он был такой же, как всегда. Я раньше ухожу, он не любит спешить по утрам. Иногда мы ехали в город вместе. Он-то всегда вызывал такси, а я обычно еду на велосипеде до станции и там сажусь на поезд.

— Почему же такси? Разве у него не было машины?

— Он не любил сам водить. У него есть «бентли», и он иногда садится за руль, но чаще его возит кто-нибудь другой.

— Кто именно?

— Жена или кто-нибудь из сотрудников. Иногда его садовник.

— Сколько человек работает у него?

— Трое. Один занимается финансами, другой — контрактами и сбытом, и есть секретарша. Когда идут съемки, он по мере надобности нанимает еще людей.

— А что же все-таки за фильмы он снимал?

Она ответила не сразу, потом посмотрела на Мартина Бека и нерешительно произнесла:

— Не знаю даже, как и сказать вам. По правде говоря, это были порнографические фильмы. Но на высоком художественном уровне. Когда-то он снял серьезный фильм, с хорошими актерами. По мотивам одного знаменитого романа, помнится, даже приз получил на каком-то фестивале. Да только на том фильме он почти не заработал.

— А на других хорошо зарабатывал?

— Очень хорошо. Это он купил мне этот дом. А вы бы видели его дом в Юрсхольме! Роскошная вилла, парк, бассейн и все такое.

Теперь Мартин Бек более или менее представлял себе, что за человек был Уолтер Петрус. Но ему было неясно, что за женщина перед ним.

— Вы любили его? — спросил он.

Мод Лундин поглядела на него со смешинкой в глазах:

— Откровенно говоря — нет. Но он хорошо относился ко мне. Баловал меня и не ставил мне никаких условий.

После маленькой паузы она продолжала:

— Красавцем его не назовешь. Да и любовник был не ахти какой. С потенцией у него было не все в порядке, понимаете? Я была замужем восемь лет, вот тот действительно был мужчина. Разбился на машине пять лет назад.

— Значит, вы встречались не только с Петрусом?

— Случалось. Когда попадался подходящий человек.

— И он никогда не ревновал?

— Нет. Но настаивал, чтобы я рассказывала про свои отношения с другими. С подробностями. Ему это нравилось. Я обычно присочиняла, чтобы ему угодить.

Мартин Бек пристально посмотрел на Мод Лундин. Она сидела прямо и спокойно встретила его взгляд.

— Стало быть, по сути, вы встречались с ним только из-за его денег? — спросил он.

— Пожалуй, что так. Но я не считаю себя шлюхой, что бы вы ни думали. Я нуждаюсь в деньгах. Мне нравятся вещи, которые можно за них приобрести. А женщине в сорок лет и без особого образования трудно добыть деньги другим способом. Если я шлюха, то и большинство замужних женщин шлюхи.

Мартин Бек встал:

— Спасибо за беседу, за откровенность.

— Не за что. Я всегда откровенна. Можно мне теперь ехать к подруге? Я устала.

— Конечно. Только скажите комиссару Перссону, где мы сможем вас найти.

Мод Лундин поднялась и взяла маленькую белую кожаную сумку, которая стояла у изножья кровати.

Мартин Бек проводил ее взглядом. Она держалась уверенно и спокойно. Рослая, крепкая, стройная и сильная, она, наверно, была на голову выше маленького жирного продюсера.

Он думал о ее словах насчет денег, что за них можно приобрести. Уолтер Петрус приобрел за свои деньги неплохую женщину.

## VI

В окончательном заключении патологоанатома значилось, что смерть Вальтера Петруса наступила между шестью и девятью утра. Не было никаких причин подвергать сомнению слова Мод Лундин, что он был жив, когда она уходила из дому около половины седьмого. Ни Оса Турелль, ни Мартин Бек не считали ее причастной к убийству.

Конечно, тот факт, что наружная дверь была отперта, помог убийце войти в дом и застичь Петруса врасплох в ванной, но самым загадочным было, как он вообще мог подобраться к дому незамеченным. Приехал ли он на машине — вероятнее всего — или поездом, все равно казалось странным, что никто из соседей не видел его.

В дачном поселке, где все знают друг друга, во всяком случае, знают ближайших соседей и их машины, именно утром, от половины седьмого до девяти, больше всего шансов быть увиденным. В это время все на ногах, мужчины отправляются на службу, дети идут в школу, домашние хозяйки заняты уборкой или работают в саду.

Несколько дней продолжался обход той части Рутебру, которая прилегала к дому Мод Лундин, и когда были опрошены практически все, оставалось только заключить, что никто не заметил ничего подозрительного. Перссон и его сотрудники, преимущественно Оса Турелль, разрабатывали версию, по которой убийца жил по соседству, однако пока не нашли никого, кто знал бы Петруса или имел причины убивать его.

Мартин Бек и Скакке изучали личную жизнь, деятельность и материальное положение Вальтера Петруса.

Это было не так-то просто, особенно в части материального положения. Петрус явно набил руку на обмане налоговых органов, свою продукцию он сбывал за границей и, надо думать, держал немалые деньги в швейцарских банках. Не приходилось сомневаться, что он занижал свои доходы и пользовался консультацией опытных юристов. Мартин Бек в этих делах не разбирался и охотно предоставил экспертам распутывать клубок.

Акционерное общество «Петрус-фильм» помещалось в старом доме на Нюбругатан, занимая капитально переоборудованную квартиру из шести комнат и кухни. У каждого из трех постоянных сотрудников был отдельный кабинет; правда, современная конторская мебель плохо вязалась с кафельными печами, дубовыми панелями и лепными карнизами. Сам Вальтер Петрус при жизни восседал за огромным письменным столом из дорогого дерева в красивой, просторной угловой комнате с высокими окнами. Одна комната служила просмотровым залом на десять мест, еще одна — складом и архивом.

Мартин Бек и Скакке провели два утренних часа в просмотровом зале, чтобы составить себе представление о кинопродукции Вальтера Петруса. Они посмотрели один фильм целиком и отрывки еще из семи фильмов, один гнуснее другого.

Скакке поначалу смущенно ерзал в кресле, потом начал зевать. Технически все фильмы были очень слабые, и называть их, как это сделала Мод Лундин, высокохудожественными было даже не преувеличением, а явной ложью. Мартин Бек заключил, что тут она покривила душой, — или же совершенно не разбирается в этом предмете.

Актеры — если вообще можно было называть так представленных на экране исполнителей — выступали преимущественно нагишом. Расходы на костюмы явно были минимальными. Если кто-то и появлялся одетым, то лишь для того, чтобы поскорее раздеться.

Во всех фильмах фигурировали три юные девушки, когда порознь, когда вместе. Одна из них заметно смущалась и неуверенно косилась на объектив, по чьей-то команде высовывая язык, вращая глазами и извиваясь всем телом. Молодые люди, за исключением одного негра, были все рослыми блондинами. Реквизит — весьма скудный, б о́льшая часть действия происходила на одной и той же старой кушетке, только покрывало менялось.

Лишь один из фильмов можно было назвать сюжетным — тот самый, который упоминала Мод Лундин: «Любовь при полуночном солнце».

Судя по всему, он был снят в стокгольмских шхерах. Героиня, пятнадцатилетняя девочка, отправилась на байдарке на остров, чтобы отпраздновать иванов день на шведский лад. В корзине у нее лежали бутылка водки, бокал, тарелка, вилка и нож, булка хлеба, салат и белая полотняная скатерть. Вынеся на берег корзину и спиннинг, она принялась

неторопливо раздеваться, сопровождая этот процесс нелепыми ужимками, томными гримасами и непристойными жестами. Мотнув головой и издав глухой стон, героиня забросила блесну и сразу же извлекла из воды здоровенного дохлого лосося. Обрадованная уловом, она прыгала по камню, вскидывала ноги, вращала бедрами и выпячивала груди. Потом живо развела огромный костер из очень кстати очутившейся на берегу кучи плавника и поджарила на нем рыбу. Разостлала скатерть и налила себе водки в бокал, из какого обычно пьют шампанское. Едва она осушила бокал, как из моря появился юный голый блондин. Она пригласила его разделить с ней трапезу, они пили водку из одного бокала и закусывали лососем, который вдруг оказался копченым и аккуратно нарезанным, словно его купили в магазине самообслуживания. Наступила ночь, хотя июньское солнце стояло высоко в небе, и юная пара исполнила вокруг костра нечто вроде ритуальной пляски. После чего, взявшись за руки, отправилась на зеленый луг, подыскала подходящий стог и четверть часа предавалась любви в различных позах. В заключение молодые вместе вошли в переливающееся солнечными бликами море. Конец.

— Господи, — простонал Скакке. — Подумать только, что на таких вещах можно заработать миллионы. Как, по-твоему, во сколько обошлась Петрусу эта макулатура?

— Немногим больше того, что ушло на пленку, проявление и размножение, — ответил Мартин Бек. — Студия не нужна, реквизит минимальный, режиссуру, если можно говорить о таковой, он осуществлял сам. Оператору, конечно, заплатил, и подбросил немного денег так называемым актерам.

— Лосось, понятно, дороговат, — заметил Скакке. — Могла бы и сосиски поджарить.

Заведующий сбытом акционерного общества «Петрус-фильм» предложил показать еще какой-нибудь кассовый фильм из той же серии, например «Любовь и вожделение в Швеции» или «Три ночи с шведской Евой», но Мартин Бек и Скакке были сыты по горло и вежливо отказались. Им объяснили, что «Любовь при полуночном солнце» — один из боевиков фирмы, продан в восемь стран.

Исполнительница главной роли теперь находилась в одной из этих стран, кажется в Италии, продолжая делать карьеру. Другой девушке директор Петрус устроил контракт с западногерманской фирмой. По мнению заведующего сбытом, девчонки тем самым были щедро вознаграждены сверх тысячи крон, которые обычно получала героиня.

Мартин Бек предоставил Скакке рыться дальше в грязном белье фирмы «Петрус-фильм», а сам решил, что пора уже навестить ближайших родственников покойного. Он еще в пятницу звонил на дачу в Юрсхольме, но взявший трубку врач тоном, не допускающим возражений, сухо ответил, что госпожа Петрус не в состоянии принимать посетителей, тем более из полиции. И дал понять, что было бы возмутительной бесцеремонностью помешать несчастной вдове хотя бы в субботу и воскресенье немного отдохнуть.

Теперь настал понедельник, десятое июня, и солнце ярко светило, когда Мартин Бек вышел на улицу из конторы Петруса. Близились каникулы и отпуска, и тротуары были заполнены более или менее озабоченным людом.

Мартин Бек направился в сторону Эстермальмской площади. Поравнявшись с новым помещением седьмого полицейского участка, он зашел туда, чтобы позвонить по телефону.

Трубку на даче Петруса взяла женщина. Она попросила подождать, после долгого перерыва вернулась и сообщила, что госпожа Петрус готова принять его при условии, что визит будет коротким. Он обещал не засиживаться.

Потом вызвал такси.

Дачу в Юрсхольме окружал большой сад, чуть ли не парк; вдоль дороги, ведущей к дому, стояли высокие тополя. Железные ворота были распахнуты, и водитель приготовился въехать на участок, но Мартин Бек попросил его остановиться у ворот, расплатился и вышел из машины.

Идя по хрустящей разровненным гравием аллее, он разглядывал дачу и сад. Со стороны улицы участок окаймляла искусно подстриженная, плотная живая изгородь в рост человека. Дорога разветвлялась, и правая ветвь оканчивалась у большого гаража. Огромный сад был прекрасно ухожен, идеально ровная линия разделяла газоны и узкие дорожки, которые извивались между декоративными кустами и клумбами. Судя по высоте тополей и возрасту фруктовых деревьев, сад был заложен очень давно.

К такому обрамлению подошел бы старинный дом, каких было немало в этом аристократическом дачном поселке. Но перед Мартином Беком стояло современное строение в два этажа, с плоской крышей и огромными окнами.

Пожилая женщина в черном платье и белом переднике открыла дверь раньше, чем он успел нажать кнопку звонка. Она молча провела его через просторный холл, мимо широкой лестницы, ведущей на второй этаж, еще через две комнаты и остановилась в сводчатом проеме у входа в большую солнечную гостиную, противоположная стена которой была сплошь застеклена. Светлый пол из сосновых досок блестел от лака. Мартин Бек не заметил ступеньку и чуть не упал, входя в гостиную, в углу которой, около стеклянной стены, возлежала на шезлонге вдова Петруса. На террасе за стеной стояли еще шезлонги, словно на палубе пассажирского парохода.

— Гопля, — сочувственно произнесла госпожа Петрус, отпуская в то же время женщину в черном таким движением руки, будто прогоняла муху.

Та повернулась, чтобы уходить, однако хозяйка остановила ее:

— Хотя нет, погодите, госпожа Петтерссон. Она обратилась к Мартину Беку:

— Может быть, господин комиссар хочет пить? Кофе, чай, пиво или что-нибудь спиртное? Лично я предпочитаю бокал хереса.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек. — С удовольствием выпью пива.

— Пива и бокал хереса, — распорядилась хозяйка. — И принесите голландского печенья с сыром.

Мартин Бек подумал о том, что у вдовы Вальтера Петруса Петтерссона такая же фамилия, как у ее домашней работницы — кажется, так называют представительниц этой, слава Богу, все более редкой профессии. И возраст у них примерно одинаковый.

Он заранее навел справки и знал, в частности, что фамилия хозяйки и до замужества была Петтерссон, что звать ее Кристина-Эльвира, хотя она предпочитает называться Крис, что ей пятьдесят семь лет и она состояла в браке с Петрусом двадцать восемь лет. В молодости служила в конторе и перед замужеством была секретаршей в фирме, которой тогда заправлял Петрус. Продюсер Уолтер Петрус появился сравнительно недавно; много лет он был известен как Вальтер Петтерссон и торговал слегка подновленными старыми автомашинами. Занятие доходное, но не очень честное; строгие законы и усилившийся контроль вынудили его перейти в другую отрасль.

Стоя посреди гостиной, Мартин Бек продолжал рассматривать женщину в шезлонге.

Крашеная блондинка с модными мелкими кудряшками; под гримом угадывался загар; одета в черную чесучовую блузу и элегантные черные полотняные брюки. Очень худая; изможденное, болезненное лицо.

Он подошел к ней, и она милостиво подала ему тонкую морщинистую руку. В привычных выражениях, которые он, наверно, сто раз употреблял в подобных ситуациях, Мартин Бек выразил свое сочувствие и попросил извинить за навязчивость.

Он не знал, куда себя деть, — кроме шезлонга хозяйки, в этом углу не на что было сесть, но она наконец встала и прошла к огромным кожаным диванам, которые стояли в центре гостиной по обе стороны длинного стола с мраморной столешницей. Госпожа Петрус села на один диван, Мартин Бек на другой.

За стеклянной стеной с раздвижными дверями простиралась каменная терраса; ниже поблескивал плавательный бассейн. От бассейна широкий зеленый откос спускался к шеренге высоких прямых берез метрах в пятидесяти от дома. Сквозь кружевную зелень берез просвечивало голубое зеркало морского залива.

— Что верно, то верно, вид у нас красивый, — сказала Крис Петрус, проследив взгляд Мартина Бека. — Жаль, прибрежный участок не наш. Я велела бы срубить березы, чтобы лучше было видно воду.

— Березы тоже хороши, — заметил Мартин Бек.

Вошла госпожа Петтерссон, поставила на стол поднос, подала Мартину Беку пиво, а госпоже Петрус — бокал с хересом и вазу с печеньем. Забрала поднос и, не говоря ни слова, вышла.

Хозяйка подняла свой бокал и кивнула Мартину Беку. Сделав глоток, поставила бокал и сказала:

— Мы тут так уютно устроились. Когда купили участок шесть лет назад, здесь стояла какая-то жуткая старая развалюха, но мы ее снесли и построили взамен этот дом. Проект делал один из знакомых Уолтера, архитектор.

Мартин Бек подумал, что старая развалюха, несомненно, была уютнее. Помещения, которые он пока что видел, выглядели холодно и неприветливо, а сверхсовременная и, несомненно, весьма дорогая обстановка была рассчитана скорее на то, чтобы производить впечатление, чем на то, чтобы обеспечить тепло и уют.

— Вы не мерзнете зимой с такими большими окнами? — спросил он учтиво.

— Нет, что вы, у нас отопление в потолке и под полом. На террасе тоже. К тому же зимой мы здесь мало бываем. Уезжаем в более теплые края. В Грецию, Португалию, Африку…

Эта женщина явно еще не осознала, что в ее жизни наступила серьезная перемена. А может быть, перемена и не такая уж серьезная. Она потеряла мужа, но у нее остались его деньги.

Возможно, она даже желала его смерти. За деньги можно купить все, даже убийство.

— Какие отношения были у вас с мужем? — спросил он. Она озадаченно посмотрела на него, как будто полагала, что он пришел исключительно за тем, чтобы потолковать о доме, о виде из окна, о заграничных поездках. Наконец ответила:

— Очень хорошие. Мы были женаты двадцать восемь лет, у нас трое детей. Этого достаточно для прочного брака.

— Но это еще не значит, что брак был счастливый, — заметил Мартин Бек. — Что вы скажете об этом?

— За много лет привыкаешь друг к другу, приспосабливаешься, на недостатки смотришь сквозь пальцы. А вы верите в настоящие счастливые браки? Во всяком случае, мы не ссорились и не помышляли о разводе.

— Вы были посвящены в занятия мужа?

— Нисколько. Его фирма меня совсем не интересовала, я вообще не вмешивалась в его дела.

— Что вы думаете о фильмах, которые выпускала фирма вашего мужа?

— Я их никогда не смотрела. Конечно, мне известно, какого рода фильмы это были, но я свободна от предрассудков и воздержусь от оценок. Валле работал не жалея сил, всячески старался обеспечить мне и детям сносное существование.

Слово «сносное» вряд ли правильно характеризовало существование семейства Петрусов, но Мартин Бек воздержался от комментариев.

— Кстати, о детях, — сказал он. — Они, должно быть, уже взрослые. По-прежнему живут с вами?

Крис Петрус подняла бокал, повертела его в пальцах. Сделала глоток, поставила бокал на стол, потом ответила:

— И да, и нет. Старшему сыну двадцать шесть, он военный моряк. Живет у нас, когда бывает в Стокгольме, но по большей части он находится в плавании или в Карлскруне. Пьеру двадцать два, его привлекает искусство. Тоже хотел в кино работать, но эта отрасль переживает трудные времена, и он пока разъезжает, собирает впечатления, налаживает контакты. А вообще-то у него есть комната на втором этаже, так что и он тут живет, когда возвращается из поездок. Я отправила телеграмму на его последний адрес в Испании, но пока ответа нет. Не знаю даже, дошло ли до него известие о смерти отца.

Она взяла сигарету из большой серебряной сигаретницы на столе и прикурила от огромной, тоже серебряной, зажигалки.

— Ну и, наконец, Титти. Ей всего девятнадцать, но она уже неплохо зарабатывает, позируя фотографам. Живет когда у нас, когда в маленькой квартирке в Старом городе. Сейчас ее нет дома, а то бы я вас познакомила. Очень милая девочка.

— Не сомневаюсь, — учтиво заметил Мартин Бек и подумал, что в таком случае дочь явно пошла не в отца.

— Но даже если вы не интересовались делами мужа, то, все-таки, наверно встречались с его знакомыми, — продолжал он.

Крис Петрус расправила пальцами свои кудри:

— Ну как же, встречалась. Мы часто устраивали дома обеды для разных лиц, причастных к миру кино. Кроме того, Валле должен был посещать всевозможные приемы. Правда, в последние годы я редко ходила с ним.

— Почему?

Хозяйка посмотрела в окно.

— Не хотелось. Там всегда столько незнакомых людей, да еще куча молодежи, с которой у тебя мало общего. Да и Валле не очень настаивал. У меня есть свои друзья, мне с ними лучше.

Другими словами, Уолтер Петрус предпочитал не брать пятидесятисемилетнюю жену на вечеринки, на которых профессия и деньги позволяли ему волочиться за девчонками, не достигшими двадцатилетнего возраста. В шестьдесят два года он был жирный уродливый импотент с подмоченной профессиональной репутацией, но в определенных кругах он по-прежнему котировался высоко как создатель серьезного, высокохудожественного фильма, получившего приз на фестивале. Притягательная сила кино настолько велика, что многие юные девушки идут на любые жертвы и унижения, лишь бы пробиться в этот мир. И, конечно, Уолтер Петрус без колебания этим пользовался.

— Полагаю, у вас было время поразмыслить, кто мог убить вашего мужа, — сказал Мартин Бек.

— По-моему, это мог сделать только умалишенный. Страшно подумать о том, что он все еще ходит на свободе.

— В окружении вашего мужа не было никого, кому бы он дал повод…

Она перебила его, и впервые в ее голосе зазвучало волнение.

— Повод для такого поступка мог возникнуть только у сумасшедшего. Среди наших знакомых сумасшедших нет. И вообще, господин комиссар, что бы люди ни думали о моем муже, во всяком случае, никто не мог его настолько ненавидеть.

— Я вовсе не намеревался критиковать вашего мужа или его знакомых, — отозвался Мартин Бек. — Но может быть, он кого-то опасался, или кто-то чувствовал себя обиженным…

Она снова перебила.

— Валле никого не обижал. Он был добрый человек, всегда заботился обо всех своих сотрудниках. Конечно, в мире кино царит жестокая борьба, иногда приходится идти напролом, чтобы тебя не затоптали, он сам об этом говорил. Но чтобы он кого-нибудь настолько задел, это просто немыслимо.

Она допила свой херес и снова закурила. Мартин Бек подождал, давая ей успокоиться.

Через газон за стеклянной стеной шел человек в синем рабочем костюме.

— Кто-то идет, — произнес Мартин Бек. Она поглядела в сад.

— Это наш садовник, Хелльстрём.

Около плавательного бассейна садовник свернул вправо и пропал из поля зрения.

— У вас еще кто-нибудь здесь работает, кроме госпожи Петтерссон и садовника?

— Больше никого. Госпожа Петтерссон занимается хозяйством, два раза в неделю приходит уборщица. Когда мы устраиваем обед, понятно, нанимаем еще людей. Кстати, Хелльстрём не только нашим садом занимается. И живет не у нас, а в домике на соседнем участке.

— За машиной тоже он следит? Она кивнула:

— За машинами. У Валле «бентли», у меня маленький «ягуар». Хелльстрём содержит их в порядке, иногда он отвозил Валле в город. Валле сам не любил водить, так что Хелльстрём был еще и шофером. Конечно, иногда совпадало так, что мы с Валле ехали в город вместе, но вообще-то я предпочитаю свою машину, а Валле больше любил «бентли».

— Ваш муж совсем не водил машину?

— Редко. Только при крайней необходимости. — Она покрутила бокал, посмотрела на дверь. Потом встала: — Я только позову госпожу Петтерссон. Единственный недостаток этого дома — нет звонка на кухню.

Хозяйка вышла, и он услышал, как она кричит госпоже Петтерссон, чтобы та принесла графин с хересом. Вернулась и снова села на диван.

Мартин Бек подождал со следующим вопросом, пока госпожа Петтерссон не принесла графин и не удалилась. Глотнул пива, которое успело стать теплым, и сказал:

— Вам было известно о связях вашего мужа с другими женщинами?

Она ответила немедленно, глядя ему в глаза.

— Конечно, я знала про женщину, у которой он находился, когда его убили. Эта связь началась года два назад. Других у него, по-моему, не было, разве что какие-нибудь случайные, и ведь он был уже не юноша. Повторяю, я свободна от предрассудков и не мешала Валле жить, как ему удобно.

— Вы встречали Мод Лундин?

— Нет. И не желаю с ней встречаться. Валле тянуло к женщинам второго сорта, и я полагаю, что госпожа Лундин именно такова.

— У вас были связи с другими мужчинами? Она ответила не сразу:

— По-моему, это к делу не относится.

— Относится, иначе я не спросил бы.

— Если вы полагаете, что у меня есть любовник, который убил Валле из ревности, могу вас заверить, что вы ошибаетесь. Правда, много лет назад у меня был любовник, но это был друг Валле, и муж не возражал, пока это оставалось между нами. Я не собираюсь говорить вам, как его звали.

— Пожалуй, это и не нужно, — сказал Мартин Бек.

Крис Петрус провела рукой по лбу и зажмурилась. Ее жест показался ему театральным. Он заметил, что у нее наклеенные ресницы.

— А теперь я вынуждена попросить вас, чтобы вы оставили меня в покое, — произнесла она. — Право же, мне отнюдь не приятно сидеть здесь и обсуждать нашу с Валле личную жизнь с абсолютно чужим человеком.

— Сожалею, но это моя работа, я пытаюсь найти убийцу вашего мужа. Вот и приходится задавать нескромные вопросы, чтобы составить себе представление, что могло послужить причиной убийства.

— Вы обещали по телефону, что разговор будет коротким, — пожаловалась она.

— Не буду сейчас больше мучить вас вопросами, — заверил Мартин Бек. — Но, может быть, мне еще придется побеспокоить вас. Или прислать кого-нибудь из моих сотрудников. В таком случае я вам позвоню.

— Конечно, конечно, — нетерпеливо произнесла хозяйка. Он встал, и она снова милостиво протянула руку на прощание.

Выходя из гостиной — на этот раз он не споткнулся, — Мартин Бек услышал, как булькает наливаемое в бокал вино.

Госпожа Петтерссон явно была наверху. Оттуда доносились ее шаги и гул пылесоса.

Садовник тоже не показывался; ворота гаража были закрыты.

Покидая участок, Мартин Бек заметил на столбах калитки фотоэлементы, очевидно, связанные с сигнальным устройством в доме. Вот почему госпожа Петтерссон впустила его, не дожидаясь звонка.

Идя мимо соседнего участка, он увидел сквозь железную решетку садовника, который незадолго перед тем пересек газон за домом Петруса, а теперь стоял, нагнувшись, и возился с чем-то в траве. Зайти, поговорить с ним? Но в эту минуту садовник выпрямился и быстро зашагал прочь. С шипением заработала дождевальная установка, и размашистые струи оросили брызгами сочную зелень.

Мартин Бек пошел дальше, направляясь к станции.

Он думал о Рее, о том, как при встрече опишет ей быт и нравы семейства Петрусов.

Он точно знал, как она будет реагировать.

## VII

Двадцать пятого июня в полицейский участок Мерста явился молодой человек и вручил дежурному продолговатый тяжелый предмет, завернутый в газету.

После убийства в Рутебру прошло девятнадцать дней, а расследование почти не сдвинулось с места. Криминалистические исследования ничего существенного и интересного не дали; все отпечатки пальцев принадлежали самому Петрусу, Мод Лундин, ее знакомым и другим, так сказать, легальным посетителям. Только неясный след ноги за дверью, ведущей в сад, мог быть приписан злоумышленнику.

Копились папки с бесчисленными допросами соседей, членов семьи, сотрудников, друзей и знакомых, и все яснее вырисовывался портрет Уолтера Петруса. Личина щедрости и добродушия скрывала человека жестокого и беспардонного, который ни перед чем не останавливался, добиваясь своих целей. Беззастенчивостью в делах Петрус нажил много врагов, однако те люди в его окружении, у которых могли быть достаточно сильные мотивы для убийства, располагали надежным алиби. Кроме жены и детей, его смерть никому не сулила материальных выгод.

Дежурный передал сверток комиссару Перссону, тот развернул его и пригласил молодого человека в свой кабинет.

Показывая на железный прут, который был завернут в газету, он спросил:

— Что это за вещь и почему вы принесли ее сюда?

— Я нашел ее в Рутебру, — ответил тот. — И подумал, вдруг она имеет отношение к убийству Петруса. В газетах было написано, что орудие преступления не обнаружено. Один мой товарищ живет как раз напротив того дома, где это произошло, а я сегодня ночевал у него. Понятно, мы говорили про убийство, и когда я утром нашел эту штуку, то подумал, может быть, она и есть орудие преступления. Вот и решил отнести ее в полицию.

Он взволнованно поглядел на Перссона и неуверенно добавил:

— На всякий случай. Мало ли что. Перссон кивнул.

Несколько дней назад одна женщина прислала по почте разводной ключ и письмо, обвиняя в убийстве Петруса своего соседа. Ключ она нашла в его гараже, и, поскольку на металле явно были следы крови, а сосед уже совершил одно убийство, сообщала она, полиции остается только приехать и забрать его. Перссон немедленно расследовал заявление. Выяснилось, что автор письма — параноидная неврастеничка, убежденная, что сосед убил ее кошку, пропавшую три месяца назад, а «кровь» на ключе оказалась красной краской.

— Где вы нашли эту железину? — спросил Перссон.

— Собственно, ее нашел Эмиль, — ответил юноша.

— Эмиль?

— Мой пес. Мы гуляли в поле, и на опушке поводок Эмиля зацепился за куст, и когда я стал его отцеплять, увидел железину.

Перссон снова кивнул.

Заметив нерешительность на лице юноши, он приветливо сказал:

— Хорошо, что вы пришли. Вы сможете показать нам место находки, если это понадобится?

— Конечно. Я там воткнул сучок в землю. На всякий случай.

— Отлично, — сказал Перссон. — Очень разумно. Оставьте дежурному свой номер телефона, имя и фамилию, мы позвоним, если что.

— Конечно, мало ли старых железок кругом валяется, но ведь в газетах часто называют общественность Великим Сыщиком, — заключил юноша, выходя из кабинета.

Через час сверток лежал на столе Мартина, Бека. Он осмотрел железный прут, изучил увеличенные снимки повреждений на черепе убитого. Потом взял телефонную трубку и позвонил в Государственную криминалистическую лабораторию в Сольне. Попросил соединить его с начальником отдела ГКЛ[5], Оскаром Ельмом.

В голосе Ельма звучало раздражение, но к этому все привыкли.

— Ну, что там опять?

— Железный прут, — ответил Мартин Бек. — Насколько я понимаю, очень может быть, тот самый, которым убили Вальтера Петруса. У тебя, конечно, дел невпроворот, но все равно, будь другом, обработай его возможно скорее.

— Возможно скорее. У нас тут дел до рождества хватит, и каждому надо возможно скорее. Ладно, присылай. Нужна какая-нибудь специальная обработка?

— Нет, обычное исследование. Проверь, подходит ли прут к ране, ну, и все такое прочее. Он довольно долго пролежал в лесу, так что, скорее всего, будет трудно обнаружить что-нибудь, но ты уж постарайся.

— Мы всегда стараемся, — обиженно ответил Ельм.

— Знаю, знаю, — поспешил сказать Мартин Бек. — Так я посылаю его сейчас же.

— Я позвоню, когда управлюсь, — сказал Ельм и положил трубку.

Через четыре часа, когда Мартин Бек уже наводил порядок в бумагах, собираясь уходить домой, позвонил Ельм.

— Говорит Ельм. Так вот, подходит в самый раз. Сохранились минимальные следы крови и мозгового вещества, но мне удалось определить группу крови. Она совпадает.

— Отлично, Ельм, — сказал Мартин Бек. — Что-нибудь еще?

— Несколько хлопчатобумажных волокон. Даже двух видов. Белые — очевидно, от махрового полотенца, которым стирали кровь. И темно-синие, возможно, от одежды.

— Молодец, Оскар, — сказал Мартин Бек. — Еще что-нибудь?

— Земля и ржавчина. Длина прута четыреста двадцать два миллиметра, диаметр — тридцать три, он восьмиугольный, из ковкого железа. Судя по коррозии, довольно долго был подвержен ветру и влаге. Возможно, много лет подряд. Кован вручную, на обоих концах следы пайки.

— А к чему он мог быть припаян? Для чего служил?

— Прут старый, ему лет шестьдесят-семьдесят. Возможно, от какой-нибудь ограды.

— Ты совершенно уверен, что Петрус был убит этим орудием?

— Да. Совершенно. К сожалению, поверхность слишком неровная, отпечатки пальцев не зафиксируешь.

— Ничего, сойдет, — сказал Мартин Бек.

Он поблагодарил, Ельм что-то буркнул в ответ и положил трубку.

Мартин Бек позвонил в Мерсту Перссону и передал ему заключение Ельма.

— В таком случае, мы сделали шаг вперед, — сказал Перссон. — Пошлю-ка я несколько сотрудников, чтобы прочесали местность. Вряд ли будет толк, слишком много времени прошло, но все-таки.

— Тебе известно, где именно лежала эта железина? — спросил Мартин Бек.

— Парень, который ее нашел, пометил место. Я сейчас позвоню ему. Присоединишься?

— Ладно. Сообщи, когда будешь трогаться, я приеду. Мартин Бек продолжал перекладывать бумаги и папки, пока не навел на столе относительный порядок.

После чего откинулся в кресле и раскрыл папку, которую занесла утром Оса Турелль.

В папке лежал составленный ею протокол допроса двух девушек, знавших Вальтера Петруса. Судя по всему, Оса встречала одну из них раньше, когда работала в отделе по борьбе с проституцией.

Показания девушек в общем и целом совпадали. Их высказывания о Петрусе характеризовали его отнюдь не с лучшей стороны, и ни одна из них не горевала о его кончине. Обе сходились в определении одного из его качеств: он был страшный сквалыга.

Так, он ни разу не пригласил их пообедать или выпить, не подарил хотя бы пачку сигарет, плитку шоколада. Раз взял одну из них с собой в кино, да и то у него были бесплатные билеты.

Время от времени он звонил и вызывал их к себе в контору, непременно вечером, когда все сотрудники уже ушли, однако мужчина он был никудышный. Обычно у него вообще ничего не получалось, и эти неудачные так называемые любовные встречи не делали его щедрее. Иногда он давал им денег на такси, после того как они тщетно пытались его ублажить, но чаще всего просто выпроваживал, злой и надутый.

Одной из причин, почему девушки все-таки не порывали с ним, было то, что он не скупился на спиртное и наркотики. Тут его никто не назвал бы жадным. Сам Петрус избегал крепких напитков и лишь изредка выкуривал сигарету с марихуаной, но домашний бар его ломился от бутылок, и у него всегда были в запасе марихуана или гашиш.

Вторая причина — он без конца обещал им ведущие роли в будущих фильмах, сулил поездки, фестивали, Канны, жизнь в роскоши и славе.

Одна из девушек перестала встречаться с ним полгода назад, другая была у него за несколько дней до его смерти.

Она признала, что поначалу у нее хватило дурости верить в его посулы, но потом ей стало ясно, для чего она ему нужна. Последний раз у нее было так гадко на душе, он до того ей опротивел, что она решила, когда он опять позвонит, сказать ему пару ласковых и бросить трубку. Теперь она избавлена от такой необходимости.

Надгробное слово этой девушки отнюдь не свидетельствовало о теплых чувствах к Уолтеру Петрусу. Оса даже процитировала ее: «Запишите, что я охотно сплясала бы на его могиле, если только кто-нибудь потрудился похоронить эту падаль».

К протоколу была приколота записка Осы. Мартин Бек отцепил записку и прочитал:

«Мартин! Эта девушка — заядлая наркоманка. В отделе наркотиков не зарегистрирована, но явно не ограничивается только гашишем. Отрицает, что У. П. давал ей что-нибудь другое, но, может, стоит все же исследовать этот вопрос?»

Мартин Бек положил записку в ящик стола, захлопнул папку и стал перед окном, сунув руки в карманы.

Он думал над намеком Осы, что Вальтер Петрус мог быть замешан в торговле наркотиками, которая стала настоящим бедствием. Возможно, здесь намечается новый путь для расследования. Притом такой, который чрезвычайно осложнит дело.

Ни дома, ни в конторе Петруса не было найдено ничего, что позволяло бы считать его причастным к торговле наркотиками. Но ведь раньше им не приходило в голову подозревать его в этом. Теперь надо будет подключить отдел наркотиков и посмотреть, что они обнаружат.

Зазвонил телефон.

Перссон сообщал, что договорился с парнем, который может указать место находки, и скоро выезжает туда.

Мартин Бек пообещал приехать и пошел искать Бенни Скакке, но тот уже отправился домой или на задание.

Он взял телефонную трубку, чтобы вызвать такси, но передумал и позвонил в гараж. Такси до Рутебру и обратно обойдется почти в сотню крон, а пачка квитанций за месяц уже достигла изрядной толщины.

Мартин Бек не любил водить машину, садясь за руль только в крайних случаях. Но сейчас выбора не было, и он спустился на лифте в гараж, где ему подали черный «фольксваген».

Перссон ждал в условленном месте в Рутебру, и они прошли с парнем и его собакой через поле к терновнику, где был обнаружен железный прут.

Погода испортилась, стало холодно и сыро. Вечернее небо затянули низкие, серые дождевые тучи.

Мартин Бек посмотрел в сторону домов.

— Странно, что он выбрал такой путь, где его легко могли заметить, — произнес он.

— Может быть, у него на Энчёпингсвеген стояла машина, — предположил Перссон. — Будем исходить из этого и проверим завтра весь отрезок до дороги.

— Дождь собирается, — сказал Мартин Бек. — И почти три недели прошло. Вряд ли что-нибудь найдете.

— Попытка не пытка, — отозвался Перссон.

Собака забежала в лес, и владелец принялся звать ее.

— Странное имя для собаки, — заметил Перссон.

— Я знаю еще одного пса по имени Эмиль, — сообщил Мартин Бек. — Очень симпатичный пес. Живет на Кунгстенсгатан.

У него зябли ноги, хотелось домой, к Рее. Темнело, а терновник упорно не отвечал на вопрос, кто убил Уолтера Петруса.

— Пошли, — предложил Мартин Бек и зашагал обратно к машинам.

Он проехал прямо на Тюлегатан, и, пока Рея на кухне жарила рубленые бифштексы, залег в ванне, обдумывая программу работ на завтра.

Подключить и ввести в курс дела отдел наркотиков.

Произвести тщательный обыск на даче в Юрсхольме, в помещении фирмы и в доме Мод Лундин.

Бенни Скакке пусть попытается выяснить, не было ли у Петруса тайного убежища — квартиры или другого помещения, снятого под чужим именем.

Девушку, с которой беседовала Оса, следует допросить построже. Этим тоже займется отдел наркотиков.

Сам Мартин Бек уже много дней собирался снова поехать в Юрсхольм, чтобы поговорить с госпожой Петтерссон и садовником Хелльстрёмом. Но с этим можно еще повременить. Завтра ему надлежит быть в своем кабинете.

Пусть Оса поговорит с прислугой в Юрсхольме.

Интересно, чем занята Оса? Целый день не показывалась.

— Ужин готов! — крикнула Рея. — Тебе пива или вина?

— Пива! — отозвался он.

Вылез из ванны и перестал думать о завтрашнем дне.

## VIII

Начальник ЦПУ улыбался Гюнвальду Ларссону, однако улыбка эта не была ни мальчишеской, ни обаятельной, он попросту оскалил два ряда острых зубов в попытке скрыть неприязнь к посетителю. Стиг Мальм был на своем месте, а именно стоял позади шефа, чуть сбоку, с таким видом, будто все происходящее пока что его не касается.

Мальм выдвинулся на свой пост благодаря, как говорится, незаурядному умению делать карьеру, а проще — потому, что умел лизать задницы. Он знал, сколь опасно перечить высокому начальству, но знал также, что не менее рискованно чересчур помыкать подчиненными. Ведь может настать день, когда они окажутся наверху.

Поэтому он пока держался нейтрально.

Начальник ЦПУ оторвал ладони от стола и снова опустил их на столешницу.

— Что ж, Ларссон, — начал он. — Нужно ли говорить, как искренне мы рады, что ты вышел из этой ужасной истории практически невредимым.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на Мальма, лицо которого не выражало ни малейшей радости.

Заметив его взгляд, Мальм поспешил изобразить широкую улыбку и сказал:

— Да уж, Гюнвальд, заставил ты нас поволноваться. Начальник ЦПУ повернул голову и холодно поглядел на своего ближайшего помощника.

Видимо, Мальм хватил через край. Он поспешил убрать с лица улыбку. Опустил глаза. Тоскливо подумал: «Что ни делай, все не так».

У него были причины для мрачности. Если он сам или начальник ЦПУ допускали какую-нибудь промашку, на которую могли накинуться вечерние газеты, все шишки валились на Мальма. Оплошает кто-нибудь из подчиненных — опять же Мальму отдуваться. Все могло

быть иначе, обладай он толикой гражданского мужества, но до таких высот Стиг Мальм никогда не поднимался.

Выдержав паузу, начальник ЦПУ (он почему-то полагал, что долгие паузы укрепляют его авторитет) сказал:

— Но вот что странно: ты оставался там одиннадцать дней после покушения, хотя место в самолете было забронировано на следующий день. Другими словами, ты должен был вылететь шестого июня, а вернулся домой только восемнадцатого. Как ты это объяснишь?

У Гюнвальда Ларссона было два ответа на этот вопрос. Он избрал тот, который больше отвечал его нраву.

— Я заказал новый костюм.

— Неужели на пошив костюма нужно одиннадцать дней? — удивился начальник ЦПУ.

— Нужно, если хочешь, чтобы костюм был приличный. Конечно, можно и быстрее управиться, но тогда спешка тебе же выйдет боком.

— Гм-м, — раздраженно промычал начальник ЦПУ. — Не забывай о ревизорах. По какой статье бюджета прикажешь проводить твой костюм? И вообще, почему ты не мог купить его здесь?

— Я не покупаю готовых костюмов, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Я шью на заказ. А во всей Европе вряд ли найдется портной, который справился бы с задачей так, как мне надо.

— Мог бы все-таки подумать о расходах и ревизорах, — вставил Мальм.

Он был убежден, что нашел правильные и безопасные слова, но начальник ЦПУ вдруг утратил интерес к гардеробу Гюнвальда Ларссона.

— Своеобразный ты человек, Ларссон, но с годами у нас сложилось о тебе впечатление как о хорошем следователе.

— Да, — подхватил Мальм, — впечатление сложилось.

— Уже сказано, — раздраженно произнес начальник ЦПУ. — Но все же ты странный человек.

— И строптивый, — добавил Мальм.

Начальник ЦПУ повернулся к Мальму и отчеканил, явно распаляясь:

— Я не выношу ни строптивости, ни суетливости. Пора бы тебе, Стиг, уразуметь это.

Мальм явно очутился на линии огня, и было очевидно, что теперь ему надо думать, как поскорее убраться с нее. Он лихорадочно искал выход.

Гюнвальд Ларссон подмигнул ему.

Мальм был поражен, ведь их никак нельзя было назвать друзьями. Напротив, до сих пор, когда им приходилось сотрудничать, дело неизменно кончалось серьезным конфликтом.

— Стигу известно, что эти одиннадцать дней я провел не только у портного, — беззаботно произнес Гюнвальд Ларссон.

На самом деле Мальм не имел ни малейшего представления, чем занимался Гюнвальд Ларссон в командировке. Типично для высшего начальства ЦПУ, что никто не удосужился до этого дня побеседовать с Гюнвальдом Ларссоном, хотя он вернулся больше полутора месяцев назад. Да и то главной причиной вызова явно был его финансовый отчет.

Так или иначе, начальник ЦПУ перестал терзать Мальма.

Небрежно бросив: «Это хорошо, Стиг. Хорошо, что ты успеваешь следить за работой наших сотрудников», — он с любопытством обратился к Гюнвальду Ларссону:

— И чем же ты был занят?

— Ну, во-первых, разумеется, борделями. Я всегда считал, что нам следует произвести широкое обследование всех борделей мира в интересах наших моряков и других шведов, выезжающих за границу.

Гюнвальд Ларссон посетил однажды публичный дом, когда ему было двадцать два года, и тогда же решил, что это посещение останется первым и последним.

Мальм ждал, что начальник ЦПУ запустит в Гюнвальда Ларссона пресс-папье или забьется в эпилептическом припадке, однако сей важный сановник совершенно неожиданно закатился смехом.

— Ну ты силен, Ларссон, — выдохнул он через несколько минут. — Честное слово, не помню, когда я последний раз так смеялся.

Гюнвальд Ларссон подумал, что не мешало бы кому-нибудь подготовить исследование на тему о чувстве юмора у начальника Центрального полицейского управления. Вслух он произнес:

— Ну и, раз уж я там очутился, и все равно надо было ждать костюма, я заодно воспользовался случаем выяснить, что же произошло.

— А какой смысл, — сказал начальник ЦПУ. — Тамошняя полиция провела тщательнейшее расследование. Кстати, мы получили все данные. Еще когда ты там был, так что с таким же успехом могли передать их с тобой. Но ты, наверно, был занят борделями…

И он снова расхохотался.

Мальм ошалело поглядел на обоих, потом задумчиво пригладил свою шевелюру.

Дождавшись, когда начальник ЦПУ перестал хохотать и вытер глаза, Гюнвальд Ларссон ответил:

— Лично я убежден, что тамошняя служба безопасности допустила немало ошибок и выводы полицейского дознания неверны, особенно в некоторых существенных деталях. Кстати, у меня в кабинете лежит экземпляр их отчета. Вручили перед отъездом.

На минуту воцарилась тишина. Потом Мальм осмелился произнести:

— Это может оказаться важно для ноябрьского визита.

— Ошибаешься, Стиг, — заявил начальник ЦПУ. — Это не просто важно, это чрезвычайно важно. Надо немедленно созвать совещание.

— Вот именно, — подхватил Мальм.

Он был дока по части совещаний. Не мыслил себе жизни без них. Считал, что совещания просто необходимы. Без совещаний все общество провалится в тартарары.

— Кого вызывать?

Мальм уже стоял у селектора.

Начальник ЦПУ погрузился в раздумье. Гюнвальд Ларссон тоже нашел себе занятие: поочередно растягивал свои мощные пальцы, хрустя суставами.

— Гюнвальд, конечно, должен участвовать в качестве докладчика, — сказал Мальм.

— И не просто докладчика, а эксперта, — поправил начальник ЦПУ. — Но я о другом думаю. Оперативная группа еще не сформирована. Конечно, у нас в запасе много времени, но ведь и задача большая и ответственная. Пожалуй, пора создать узкую руководящую группу.

— Начальник службы безопасности, — предложил Мальм.

— Разумеется. А также начальник охраны общественного порядка и полицеймейстер Стокгольма.

Гюнвальд Ларссон зевнул, скорее из-за отвращения, чем от нехватки кислорода. Когда он представлял себе полицеймейстера с его шелковыми галстуками и подчиненным ему

несметным множеством вооруженных чурбанов, им всегда овладевала глубокая тоска. Кроме того, ему делалось страшновато. В самой глубине души.

Начальник ЦПУ продолжал:

— Необходимо создать группы специалистов разного рода, придется позаимствовать снаряжение и людей у сухопутных войск, у летчиков. Может быть, и у военных моряков. Естественно, в конечном итоге ответственность за все, что произойдет, будет лежать на одном человеке. На мне.

По лицу начальника ЦПУ нельзя было сказать, чтобы мысль о такой огромной ответственности огорчала его Он сел поудобнее и привычным жестом опустил ладони на стол.

— Или не произойдет, — вставил Гюнвальд Ларссон.

— Это ты о чем?

— Об ответственности за то, что не произойдет.

— Ты своеобразный человек, Ларссон, — сказал начальник ЦПУ. — Но весьма остроумный.

Он восстановил нить мыслей и продолжал без излишней скромности:

— Итак, на мне. На совещании, которое начнется через два часа, непременно должны присутствовать Мёллер, полицеймейстер, начальник отдела охраны общественного порядка и вы двое.

Он повел рукой в сторону Мальма и Гюнвальда Ларссона.

— Но возникает еще один вопрос. Раз уж мы немедленно приступаем к концентрации названных сил, чтобы затем по ходу дела налаживать психологическую оборону и все такое прочее, надо с самого начала утвердить руководителя оперативного центра. Опытного работника и толкового организатора. Который сумеет координировать все силы, выделенные для охраны. Наряду с этими качествами он должен быть знающим криминалистом и хорошим психологом. Кто бы это мог быть?

Начальник ЦПУ посмотрел на Гюнвальда Ларссона, и тот молча кивнул, словно ответ напрашивался сам собой.

Стиг Мальм невольно приосанился. Он тоже считал, что ответ напрашивается сам собой. Кто же, кроме него, обладает необходимыми данными для выполнения столь трудной задачи? Правда, он уже руководил одной операцией, которая завершилась не совсем удачно, но это следовало всецело отнести за счет невезения и случайностей.

— Бек, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно, — подтвердил начальник ЦПУ. — Мартин Бек. Самый подходящий человек.

Особенно на случай провала, подумал он. И продолжал вслух:

— Но главная ответственность все равно лежит на мне. Неплохо звучит. Он попытался придумать еще более совершенную формулировку.

Например: «В конечном итоге ответственность покоится на моих плечах».

— Ну чего же ты ждешь, почему не звонишь? Начальник ЦПУ вопросительно посмотрел на Мальма, тот собрался с духом и произнес:

— Бек сейчас занят. Он же подчинен мне, его группа входит в мой сектор.

— Вот как, группа расследования убийств возится с каким-то делом, — заметил начальник ЦПУ. — Ничего, найдет время. К тому же группе недолго еще осталось возиться.

Под группу расследования убийств подкапывались давно. Началом конца, очевидно, должен был стать намеченный на год тысяча девятьсот семьдесят пятый переезд с Вестберга-алле в огромный полицейский штаб на острове Кунгсхольм в центре Стокгольма.

До группы добирались по разным причинам. Отчасти из-за растущего стремления к централизации и военизации, но больше всего из-за острой зависти, терзающей большинство шведских правительственных учреждений. Группа расследования убийств слишком уж преуспевала, за ней почти не числилось нераскрытых дел. Полицию, особенно в крупных городах, привыкли рассматривать как подчиненное тупому и беспардонному руководству сборище взяточников, или безмозглых драчунов, или хулиганов в форме, однако на эту группу никто не жаловался. Большинство ее сотрудников пользовались широкой известностью и даже популярностью. Слова «группа расследования убийств выезжает» много лет служили гарантией надежности. И вполне обоснованно. Группа состояла из квалифицированных работников, которые почти всегда справлялись со своими задачами; утвердилось мнение, что они вообще не прибегают к жестоким методам.

Оба обобщения страдали изъянами. Конечно, в полиции больших городов хватало хулиганов в форме, и нередко ими руководили взяточники и садисты. Однако немало насчитывалось и порядочных людей, которые честно трудились на своем нелегком поприще. Выискать пороки у группы расследования убийств было довольно сложно, но ведь случалось же, что Мартин Бек спешил избавиться от того или иного сотрудника, которого переводили в какое-нибудь из городских управлений, остро нуждающихся в людях.

— У меня одиннадцать дел, — сообщил Гюнвальд Ларссон.

— Но ты не подчинен моему сектору, — возразил Стиг Мальм.

— Нет, благодарение Отцу Небесному. Или кому там еще.

Стиг Мальм быстро связался со всеми, даже с начальником охраны общественного порядка, у которого был острый тонзиллит и температура сорок, так что он с трудом мог говорить и оказался, так сказать, временно негодным к строевой службе. Впрочем, это не играло большой роли. За него вполне мог говорить полицеймейстер Стокгольма.

Выйдя из святая святых, Стиг Мальм и Гюнвальд Ларссон обменялись несколькими репликами.

— А ты меня сегодня выручил, — сказал Мальм. — Только…

— Что — только?

— Почему ты это сделал?

— Пожалел тебя.

— Но ведь ты меня недолюбливаешь, разве нет?

— Я считаю тебя последним ослом, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но ведь и осла можно пожалеть, разве нет?

— Наверно.

— А вообще у меня есть для тебя совет.

— Какой?

— Играй на его чувстве юмора.

— Кстати, — в голосе Мальма зазвучало любопытство. — Какие они, тамошние бордели?

— В красную и белую полоску. И такие же презервативы на тумбочках у шлюх. Через полчаса полоски переходят на тебя. Получается вроде «раковой шейки».

— А когда же они сходят? Полоски те?

— Никогда. Потому, наверно, там никто и не посещает дома терпимости.

Они разошлись по своим делам. Стиг Мальм задумчиво качал головой.

— Баран, — сказал про себя Гюнвальд Ларссон. — И я хорош: к сорока девяти годам лучшей службы себе не нашел.

Все явились в назначенный час, кроме Мёллера. Стиг Мальм и Гюнвальд Ларссон поздоровались друг с другом и с начальником ЦПУ без особенного пыла; правда, они уже виделись в этот с точки зрения погоды довольно безрадостный июльский день. Мартин Бек был в джинсовой куртке и мятых брюках; полицеймейстер, как и следовало ожидать, щеголял в белом шелковом галстуке. Можно было подумать, что он ярый роялист и носит парадный галстук с прошлой осени, когда хоронили короля Густава VI Адольфа.

Все расселись по местам за столом совещаний, только Мёллер отсутствовал. Обнаружив это обстоятельство, начальник ЦПУ произнес дежурную реплику:

— А где Мёллер?

— Должно быть, в секретариате играет с девчонками в фанты с поцелуями, — предположил Гюнвальд Ларссон.

— Без него мы не можем начинать, — заявил начальник ЦПУ. — Сами знаете, как все усложняется, когда затронут отдел безопасности.

Эрик Мёллер возглавлял отдел безопасности ЦПУ, или секретную полицию, известную также под названием сепо, однако он вряд ли сам смог бы толком сказать, чем, собственно, руководит. Секретная полиция как таковая не представляла собой ничего необычного. В штатах отдела состояло около восьмисот человек, которым полагалось заполнять служебные часы двумя делами: во-первых, разоблачать и задерживать иностранных шпионов, во-вторых, противодействовать организациям и группам, угрожающим безопасности страны. Но с годами выявилось некоторое несоответствие, ибо всем было известно, что единственное назначение сепо — выявлять, преследовать и вообще отравлять существование людям с социалистическими убеждениями. Когда дошло до того, что полиция завела картотеку на членов социал-демократической партии, псевдосоциалистическому правительству стало совсем трудно изображать невинность. Оставалось только снова и снова заявлять, во-первых, что Швеция не занимается шпионажем в других странах, во-вторых, что контроль за убеждениями сперва вовсе не существовал, потом перестал существовать (таковой контроль был запрещен законом от 1968 года). Однако вскоре была доказана лживость этих заверений. Швеция занималась шпионажем отчасти в своих, но еще больше в чужих интересах; что же до закона, запрещающего регистрировать людей с социалистическими убеждениями, то он был ловко сведен на нет чрезвычайными постановлениями.

Мало-помалу выяснилось, что часть этой деятельности осуществляется не непосредственно секретной полицией, а через различные таинственные бюро и другие фиктивные учреждения, которыми с трогательным единодушием руководили совместно полиция, военные и правительство. Когда часть этих фактов была извлечена на свет и предана гласности, режим реагировал именно так, как, увы, следовало ожидать. Используя продажное правосудие, раскопавших истину журналистов бросили в тюрьму, меж тем как видные члены правительства продолжали лгать народу в глаза. Судя по всему, члены клики и в своем кругу врали друг другу. Оттого-то некоторые и считали себя вправе полагать, что руководитель секретной полиции сам не знает, чем руководит.

Эрик Мёллер прибыл на совещание с опозданием на тридцать три минуты. Если он и впрямь играл в фанты с поцелуями, то игра явно проходила весьма бурно, потому что лицо начальника отдела безопасности блестело от пота и он тяжело дышал. Годами он был примерно равен остальным собравшимся, но комплекцией намного их превосходил. Сверх того, его отличали большие торчащие уши и венчик рыжих волос вокруг лысой макушки.

Разведчик, контрразведчик или еще кто-нибудь — в любом качестве Мёллеру было бы весьма сложно замаскироваться.

Никто из остальных не был с ним на короткой ноге. Он держался особняком. Возможно, в этом была повинна его профессия: что ни говори, нельзя не чувствовать неловкости, вынюхивая коммунистов в стране, которая кичится свободой мнений, где не считается

противозаконным быть социалистом и где давным-давно существует вполне легальная коммунистическая партия плюс несколько партий, считающих себя еще более левыми. К тому же сама правящая капиталистическая партия в минуты экзальтации именовала себя социалистической.

Единственным из присутствующих, кто откровенно не переносил Мёллера, был Гюнвальд Ларссон. И он спросил:

— Ну как твои приятели усташи? По-прежнему распиваете чаи в саду по субботним вечерам? И почему Франко до сих пор не помиловал этих угонщиков самолета, которые обречены жить в отеле «Ритц»?

Но шеф секретной полиции слишком запыхался, чтобы ответить ему.

Начальник ЦПУ открыл совещание. Он сообщил о начинающемся в четверг двадцать первого ноября визите мало популярного сенатора, сказал, что Гюнвальд Ларссон привез из командировки интересный и поучительный материал, затем поговорил о трудности предстоящей задачи в целом и ее огромном значении для престижа полиции. После чего перешел к специальным задачам каждого из присутствующих на ближайший срок.

Жаль, я не захватил с собой ту голову и не положил ее в банку с формалином, подумал Гюнвальд Ларссон. То-то был бы интересный и поучительный материал!

Новость о том, что он впервые в жизни назначен руководителем оперативного центра, застигла Мартина Бека в самый разгар сладкого зевка.

Проглотив зевок, он сказал:

— Постой, постой. Это ты обо мне говоришь?

— О тебе, Мартин, о тебе, — сердечно произнес начальник ЦПУ. — Что это, как не превентивное расследование убийства? Тебе и карты в руки. Можешь располагать всеми ресурсами, привлекать, кого хочешь, и распоряжаться людьми по своему усмотрению.

Мартин Бек хотел было отрицательно покачать головой, но подумал: Господи, как тут быть, да ведь он мне прикажет, и все. Почувствовав, что Гюнвальд Ларссон подталкивает его локтем в бок, он повернулся к нему.

— Кажется, господа спецы по убийствам проводят закрытое совещание, — сказал полицеймейстер, который постоянно старался быть остроумным, но никогда в этом не преуспевал.

Гюнвальд Ларссон пробормотал:

— Скажи, что берешься организовать общее наблюдение, предварительное изучение обстановки, периферийную охрану и все, что с этим связано.

— Как именно?

— Возьмешь людей из группы расследования убийств и отдела насильственных преступлений. Но пусть кто-то другой позаботится о ближней охране. Следит за тем, к примеру, чтобы никто не подошел к гостю и не долбанул его по котелку топором.

— Ну что вы там шушукаетесь, выкладывайте, — вмешался начальник ЦПУ.

Гюнвальд Ларссон глянул на Мартина Бека, определил, что от него активности ждать не приходится, и взял слово:

— Так вот, мы с Беком полагаем, что можем, главным образом силами группы расследования убийств и отдела насильственных преступлений, обеспечить общую координацию охранных мероприятий, включая предварительное изучение обстановки и периферийную охрану. Однако нам не хотелось бы брать на себя ближнюю охрану, — следить, значит, чтобы кто-нибудь не подошел к уважаемому гостю и не раскроил ему голову кирпичом. Эта задача больше подходит для Мёллера и его холуев.

Начальник ЦПУ откашлялся и спросил, картавя:

— Что ты об этом думаешь, Эрик?

— Думаю, что справимся, — ответил Мёллер. Он все еще не отдышался.

— Эта часть общей задачи до обидного проста, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Я взялся бы решить ее с помощью двух десятков последних болванов из стокгольмской полиции. А ведь у Мёллера всегда на стреме сотни переодетых олухов. Говорят, один из них сфотографировал премьер-министра, когда тот выступал с первомайской речью, потому что посчитал его опасным коммунистом.

— Кончай, Ларссон, — сказал начальник ЦПУ. — Довольно. Значит, ты берешь на себя эту задачу, Бек?

Мартин Бек вздохнул, но кивнул утвердительно. Он представил себе предстоящую операцию и связанную с ней тягомотину. Бесконечные совещания, суматошные политики и военные, всюду сующие свой нос. Ладно, как-нибудь. Во-первых, он не может отказаться выполнять приказ, во-вторых, у Гюнвальда Ларссона явно есть в запасе какая-то светлая идея. Он уже сделал доброе дело, избавив их от повседневного сотрудничества с секретной полицией.

— Перед тем как идти дальше, хотелось бы выяснить один вопрос, — сказал начальник ЦПУ. — Думаю, ответить на него сможет наш друг Мёллер.

— Слушаю, — стоически произнес шеф сепо, расстегивая портфель.

— Я насчет этой организации — БРРР, или как она там называется. Что нам о ней известно?

— Только она называется не БРРР, — заметил Мальм, приглаживая волосы.

— А стоило бы ее так назвать, — сказал Гюнвальд Ларссон. Начальник ЦПУ расхохотался. Все, кроме Гюнвальда Ларссона, удивленно посмотрели на него.

— Ее название — БРЕН, — сообщил Мальм.

— Вот именно, — подхватил начальник ЦПУ. — Что нам о ней известно?

Мёллер извлек из портфеля одинокий листок бумаги и лаконично доложил:

— Практически ничего. То есть известно, что ею совершен ряд террористических актов. Все удались. Впервые они вышли на сцену в марте прошлого года, когда президент Коста-Рики, выйдя из самолета в Тегусигальпе, был застрелен. Никто не ожидал покушения, и меры безопасности явно были неудовлетворительными. Не возьми сам БРЕН на себя ответственность, можно было бы подумать, что убийство совершил психопат-одиночка.

— Застрелен? — повторил Мартин Бек.

— Да. Судя по всему, снайпером, который прятался в автофургоне. Полиции не удалось обнаружить виновных.

— Следующий акт?

— В Малави, где руководители двух африканских государств встретились, чтобы урегулировать пограничный спор. Внезапно здание взлетело на воздух, погибло больше сорока человек. Это было в сентябре того же года. Несмотря на обширные меры безопасности.

Мёллер вытер вспотевший лоб. Гюнвальд Ларссон с удовлетворением подумал, что сам он не дошел еще до такого состояния.

— Далее, организация совершила два террористических акта в январе этого года. Один северовьетнамский министр и генерал с тремя штабными работниками подверглись минометному обстрелу и погибли. Их машины сопровождал военный эскорт. Злые языки приписывали этот акт другим, но БРЕН объявил по радио, что берет ответственность на себя. Уже через неделю та же организация нанесла удар в одном из штатов на севере Индии. Когда президент штата осматривал какой-то вокзал, террористы — их было не меньше пяти

человек — забросали гранатами и его поезд, и здание вокзала. Кроме того, они обстреляли толпу из автоматов. Это пока что самый кровавый акт. Приветствовать президента пришло несколько сот школьников, из них около пятидесяти было убито. Все полицейские и агенты службы безопасности тоже — кто убит, кто тяжело ранен. Президента разнесло в клочки. Это единственный случай, когда террористов видели. Они были в масках, одеты наподобие десантников. Разъехались на разных машинах и бесследно исчезли. Был еще случай в марте в Японии, когда один видный и мало популярный политический деятель задумал посетить школу. Здание было взорвано, деятель погиб, а заодно с ним — многие другие. Этот акт тоже приписывают БРЕН, хотя последовавшее затем радиосообщение не удалось как следует разобрать из-за плохой слышимости.

— Это все, что ты знаешь про БРЕН? — спросил Мартин Бек.

— Все.

— Вы сами составили эту сводку?

— Нет.

— А когда она получена?

— Недели две назад.

— Можно спросить, от кого? — осведомился Гюнвальд Ларссон.

— Можно, но отвечать я не обязан.

Но так как все знали от кого, Мёллер с покорным видом добавил:

— Си-Ай-Эй.

Один только полицеймейстер реагировал на его ответ:

— А это что, собственно, означает?

Мёллер промолчал. Мартин Бек понял, что полицеймейстер и впрямь не знает, как расшифровывается это сокращение, и объяснил:

— Сентрал Интеллидженс Эдженси.

— Это по-английски, — ехидно заметил Гюнвальд Ларссон.

— Мы и не скрываем, что обмениваемся сведениями с США, — обиженно сказал Мёллер.

— Обмениваемся сведениями — красиво звучит, — констатировал Гюнвальд Ларссон. — Благородно звучит.

— Следовательно, до тех пор секретной полиции ничего не было известно про БРЕН? — спросил Мартин Бек.

— Ничего, — невозмутимо констатировал Мёллер. — Сверх того, что пишут в газетах.

— Давайте теперь послушаем Ларссона, — предложил начальник ЦПУ. — Что ты можешь добавить по поводу этого БРЕН или как там его?

— Очень много. Типично, например, что у нас есть служба безопасности, в обязанности которой входит знать о таких организациях, как международные террористические группы, она же вместо этого интересуется исключительно социалистами и палестинцами.

— Неправда, — возразил Мёллер.

— Может быть, неправда и то, что вы палец о палец не ударили, чтобы помешать двум фашистским террористам войти в здание югославского посольства и застрелить посла? А потом выпустили их на свободу?

— Зачем же так, — сказал Мёллер.

Он сохранял полное хладнокровие, и Гюнвальд Ларссон понял, что этого человека ничем не проймешь. А потому перешел к сути дела.

— Мне известно про БРЕН столько же, сколько написано на бумажке Мёллера, и еще кое-что. Я участвовал почти на всех стадиях расследования террористического акта, который

состоялся пятого июня, и хотел бы подчеркнуть, что не во всех странах секретная полиция ограничивается подпиской на циркуляры ЦРУ.

— Не тяни кота за хвост, Гюнвальд, — сказал Мартин Бек. Гюнвальд Ларссон глянул на него. Он не очень любил Мартина Бека, но воздавал должное его проницательности и таланту следователя. К тому же Гюнвальд Ларссон и сам знал, что к числу его недостатков принадлежит известная занудность, от которой он за эти годы не смог до конца избавиться.

— Обзор покушений подсказывает кое-какие выводы, — продолжал он. — Например, все они были направлены против высокопоставленных политических деятелей, хотя во взглядах этих деятелей мало общего. Президент Коста-Рики был чем-то вроде социал-демократа, а оба африканца — типичные националисты. Вьетнамцы — только не северные, Мёллер, а представители Временного революционного правительства Южного Вьетнама — коммунисты. Президент индийского штата — из либеральных социалистов, японец был ультраконсервативным деятелем. Президент, которого отправили на тот свет на моих глазах, был фашистом, представляя прочно укоренившуюся диктатуру. С какой стороны ни взгляни, определенной политической платформы не усмотришь. Ни я, ни кто-либо другой не в состоянии предложить разумное объяснение.

— Может быть, они просто выполняют заказы, — предположил Мартин Бек.

— Я думал об этом, но нет, непохоже. Что-то тут не так. Что еще бросается в глаза, во всяком случае мне, так это тщательная подготовка и исполнение актов. Использованы самые различные методы, и каждый раз с полным успехом. Эти люди знают свое дело и не останавливаются ни перед чем. Судя по всему, они основательно обучены и тренированы. И располагают значительными ресурсами. И у них явно есть какая-то база.

— Где? — спросил Мартин Бек.

— Не знаю. Кое-какие соображения у меня есть, но я пока оставлю их при себе. И независимо от их конечных целей террористическая группа, которая все время бьет без промаха, — крайне неприятная штука.

— Расскажи теперь, что же там все-таки произошло, — попросил начальник ЦПУ.

— Да, пришлось-таки им повозиться, пока они разобрались. Взрыв был чрезвычайно сильный, кроме президента и губернатора, погибло еще двадцать шесть человек. Большинство — полицейские и представители службы безопасности, но среди убитых были также таксисты и извозчики, которые стояли поблизости. Даже на соседней улице погиб один пешеход: ему свалились на голову обломки машины. Такая сила взрыва объясняется тем, что заряд поместили у магистральной трубы городской газовой сети. Видимо, бомбу взорвал по радио человек, который находился достаточно далеко от места происшествия.

— Какие же ошибки, по-твоему, допустила полиция? — спросил Мартин Бек.

— Сама организация охраны была в полном порядке, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Схема в основном совпадала с той, которую американская секретная служба разработала после убийства Кеннеди. Но поскольку гость был заведомо непопулярным, не следовало заранее сообщать о пути следования кортежа.

— Тогда люди не смогут приветствовать и махать флагами, — заметил полицеймейстер.

— К тому же скоропалительно менять маршрут кортежа больно хлопотно, — добавил Мёллер. — Помните, как мы принимали высокого русского гостя?

— Кажется, на прощание он сказал, что нигде в мире не видел столько красивых полицейских спин, — сказал Мартин Бек

— Сам виноват, — отозвался Мёллер. — Мог бы подумать о том, что бесстрашие не всегда уместно.

— Тогда наш мир выглядел несколько иначе, — сказал Мартин Бек. — Отчаяние и разочарование еще не достигли такой степени.

Начальник ЦПУ промолчал. В то время он не был начальником ЦПУ, и мало кто ожидал, что он им станет.

— И еще одна ошибка, — продолжал Гюнвальд Ларссон, — они слишком поздно приняли превентивные меры. Ввели контроль в портах и на аэродромах за два дня до визита. Но с такими ребятами, как в БРЕН, нужно браться за дело раньше. Они являются за несколько недель.

— Ну, это уже из области догадок, — заявил Мёллер.

— Не совсем. Тамошней полиции удалось выяснить кое-что, представляющее интерес. К тому же сведения о покушении в Индии не такие уж скудные, как ты нам доложил. Один полицейский, тяжело раненный, успел перед смертью сказать, что вся маскировка террористов сводилась к шлемам, вроде тех, которые носят строители. Еще, по его словам, из тройки, которую он заметил, двое были японцы, а третий — высокий европеец лет тридцати. Когда он прыгал в машину, шлем с головы свалился, и раненый полицейский рассмотрел белокурые волосы и баки. Индийская полиция, понятно, проверяла всех покидавших страну. Среди них оказался один, отвечающий этому описанию. У него был родезийский паспорт, его фамилию записали. Но поскольку показания полицейского тогда еще не дошли до контрольных постов, не было оснований что-либо предпринимать. Родезийские власти сообщили, что не знают никого под такой фамилией.

— Что ж, и то хлеб, — сказал Мартин Бек.

— До убийства президента тамошние органы безопасности не связывались с индийской полицией. Но все выезжавшие из страны в ближайшие дни после покушения регистрировались. И среди них был человек с тем же паспортом и той же фамилией. Паспорт, почти наверное, фальшивый, фамилия тоже, но она представляет некоторый интерес. Уверен, что она вызовет у всех присутствующих смешанные чувства.

— Ну, и как он себя называл? — спросил Мартин Бек.

— Рейнхард Гейдрих, — ответил Гюнвальд Ларссон.

Начальник ЦПУ откашлялся. Потом заговорил:

— Да, этот БРЕН неприятная штука. Что до Гейдриха — так это уже история.

— Неприятная история, — подхватил Гюнвальд Ларссон. — И все акции БРЕН до сих пор обличают полное презрение к человеческим жизням.

— Попробуй защити кого-то от людей, которые взрывают бомбы по радио, — уныло произнес Мёллер.

— Как-нибудь, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Лишь бы ты обеспечил ближнюю охрану.

— Не так-то это просто, черт возьми, если я и сам вдруг взлечу на воздух, — заявил шеф секретной полиции. — Поди тут, защити его.

— Насчет бомб и прочего не беспокойся. Это мы берем на себя.

— Я вот о чем подумал, — сказал Мартин Бек. — Если там периферийная охрана была налажена как следует, человек, который взорвал бомбу, вроде бы не должен был видеть происходящего.

— И, наверное, не видел. — ответил Гюнвальд Ларссон.

— Значит, был сообщник, который находился поблизости?

— Не думаю.

— Откуда же он знал, когда взрывать?

— Я предполагаю, что он слушал радио или следил по телевизору. Радио и телевидение вели прямой репортаж об официальном визите. Так теперь заведено почти во всех странах, когда речь идет о каком-нибудь крупном событии.

— Меня еще удивляет, что БРЕН так быстро сообщил о своей причастности и что сообщение было передано французской радиостанцией.

— Передача была на французском языке, но радиостанция — вест-индская. В свою очередь, она приняла сообщение из источника, точное местонахождение которого не установлено. Вполне возможно, что это было судно или самолет.

— Гм-м, — буркнул Мартин Бек. — Похоже, нам и впрямь надо быть готовыми к встрече с БРЕН.

— Да, похоже на то, — согласился Гюнвальд Ларссон. — Я пытался анализировать схему их действий. Философия БРЕН для меня слишком высокая материя. Но кое-что мы о них знаем. Их покушения всегда направлены против известных политических деятелей. И каждый раз они были приурочены к какому-нибудь громкому событию вроде официального визита. Сейчас будет именно такой случай, когда можно ждать от них очередной вылазки.

— А что мы решим насчет превентивных мер? — спросил Мёллер. — Как мне быть — посадить на время всех чокнутых, которые способны держать у себя на стене портрет Мао?

Мартин Бек рассмеялся, никто не понял — почему.

— Зачем же, — возразил Гюнвальд Ларссон. — Кто хочет — пусть демонстрирует.

— Ты представляешь себе, о чем говоришь? — вступил полицеймейстер, выдвинувшийся из органов охраны общественного порядка. — Тогда нам придется мобилизовать полицейских со всей страны. Несколько лет назад Макнамара собирался посетить Копенгаген, так ведь не посмел, когда услышал, какие демонстрации ожидаются. А когда Рейган[6] два года назад был в Дании и обедал на королевской яхте, газеты об этом даже не обмолвились. Сам он объяснил это тем, что приезжал как частное лицо и не хотел шумихи. Это Рейган-то…

— Будь я выходной в день предстоящего визита, — сказал Гюнвальд Ларссон, — сам пошел бы демонстрировать против этого гада. Он ведь куда хуже Рейгана.

Все недоверчиво и сурово воззрились на Гюнвальда Ларссона. Все, кроме Мартина Бека, который явно был погружен в свои мысли. И все, кроме того же Мартина Бека, подумали: уместен ли этот человек на такой должности?

Потом начальник ЦПУ вспомнил о своеобразном остроумии Гюнвальда Ларссона и решил, что он просто пошутил.

— Ну что ж, — произнес он, — совещание было полезным. По-моему, мы на верном пути. Всех благодарю.

Тем временем Мартин Бек подвел итог своим размышлениям и обратился к Эрику Мёллеру:

— Мне предложили возглавить оперативный центр, и я согласился. Стало быть, тебе придется подчиняться моим распоряжениям. А это значит: никаких превентивных арестов людей, которые не разделяют твоих взглядов, разве что будут причины, признанные достаточно вескими другими членами центра, в первую очередь мной. На тебя возложена важная задача — ближняя охрана. Думай прежде всего о ней. Постарайся также не забывать, что у нас узаконено право на демонстрации и что я запретил тебе прибегать к провокациям и неоправданному насилию. Помни, что с демонстрантами надо обращаться тактично и что в этом вопросе тебе надлежит сотрудничать с полицеймейстером и начальником охраны общественного порядка. Все планы представлять мне на утверждение.

— А как же с подрывными силами в стране? Или я должен закрыть на них глаза?

— По-моему, эти подрывные силы — плод твоей фантазии. У тебя есть важная задача. Охранять сенатора. Демонстрации неизбежны, но разгонять их не надо. Достаточно снабдить полицию толковыми директивами, и все будет в порядке. Так что знакомь меня со всеми своими планами. Твои восемьсот шпионов — в твоем полном распоряжении, только чтобы все было по закону. Ясно?

— Ясно, — ответил Мёллер. — Но я полагаю, тебе известно, что есть более высокие инстанции, куда я могу обратиться, если сочту нужным.

Мартин Бек промолчал.

Полицеймейстер подошел к зеркалу и принялся поправлять свой белый шелковый галстук.

— Господа, — сказал начальник ЦПУ, — совещание окончено. Начинайте операцию. Я вполне полагаюсь на вас.

Выходя из зала, Гюнвальд Ларссон сказал Мальму:

— В следующий раз расскажи ему про «раковые шейки». Может, сработает.

Мартин Бек посмотрел на них с недоумением.

Несколько позже в тот же день к Мартину Беку — небывалый случай — явился Эрик Мёллер.

Мартин Бек задержался на Кунгсхольмсгатан, хотя ему полагалось быть либо в своем кабинете на Вестберга-алле, либо в Рутебру, либо в Юрсхольме. Ему очень хотелось расследовать убийство Петруса до того, как новое задание поглотит его целиком; он не был уверен, что Бенни Скакке сумеет подойти к преднамеренному убийству со всеми его социальными и психологическими аспектами так, как это умел делать Колльберг. Леннарт был блестящим следователем, дотошным и изобретательным; Мартин Бек порой ловил себя на мысли, что Колльберг во многом превосходил его самого.

С энергией и старанием у Скакке было все в порядке, но до сих пор он не блистал глубокой проницательностью и вообще от него вряд ли можно было ожидать особого блеска. Конечно, он мог еще совершенствоваться, учитывая его относительно молодой возраст. Ему только что исполнилось тридцать пять лет, и Мартин Бек уже успел оценить его завидное упорство и полное бесстрашие, однако чувствовал, что еще не скоро сможет со спокойной душой поручать ему сложные дела. Впрочем, Бенни Скакке и Оса Турелль составляли совсем неплохую бригаду, и от них вполне можно было ждать толковых действий, лишь бы Мерста-Перста не очень сковывал их своими директивами.

Но Скакке ему тоже предстояло временно перевести в распоряжение оперативного центра, еще больше ослабив тем самым группу расследования убийств. Сам-то Мартин Бек вполне мог нести сложную двойную нагрузку, но он очень сомневался, чтобы это было под силу Бенни Скакке.

Для Мартина Бека двойная работа уже началась. Он участвовал в решении вопроса, какие помещения отвести под оперативный центр, или главный штаб, как выражался любитель военной словесности Стиг Мальм.

В данную минуту Мартин Бек прикидывал вместе с Гюнвальдом Ларссоном состав эскорта, одновременно думая о даче в Юрсхольме.

И тут, постучавшись в дверь, вошел Мёллер, пузатый и рыжий Мёллер.

Безразлично глянув на Гюнвальда Ларссона, он повернулся к Мартину Беку и заговорил без малейших признаков одышки:

— Полагаю, ты уже думал о составе эскорта.

— У тебя и здесь спрятаны микрофоны? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Мёллер не удостоил его внимания.

Его невозможно было завести.

А иначе он, вероятно, и не стал бы шефом сепо.

— Дело в том, что у меня есть идея, — продолжал он.

— У тебя? — вставил Гюнвальд Ларссон.

— Насколько я понимаю, предполагается, что сенатор поедет в бронированной машине? — Мёллер подчеркнуто обращался только к Мартину Беку.

— Да.

— В таком случае я предлагаю, чтобы в лимузин сел кто-то другой, а сенатора посадить в какую-нибудь машину попроще, скажем, в полицейскую где-то в хвосте.

— А кто будет этот другой? — спросил Гюнвальд Ларссон. Мёллер пожал плечами:

— Да кто угодно.

— Типично, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Неужели ты и впрямь такой отъявленный циник…

Видя, что Гюнвальд Ларссон начинает злиться всерьез, Мартин Бек поспешил вмешаться:

— Это не новая идея. Ее применяли много раз, когда с успехом, когда без. В данном случае она никак не проходит. Во-первых, сенатор пожелал сам ехать в бронированной машине, во-вторых, по телевидению будет показано, кто в нее садится.

— Есть разные трюки, — заметил Мёллер.

— Знаем, — сказал Мартин Бек. — Но твои трюки нас не устраивают.

— Вот как, — отозвался шеф сепо. — Тогда привет. И он вышел.

Лицо Гюнвальда Ларссона постепенно обрело нормальную окраску.

— Трюки, — сказал он. — Чтоб ему провалиться.

— На Мёллера злиться бессмысленно, — объяснил ему Мартин Бек. — Он непробиваем, с него как с гуся вода. Ну все, я должен ехать к себе на Вестберга-алле.

## IX

Дни складывались в недели, и, как всегда, казалось, что не успело начаться короткое долгожданное лето, а уже и осень на подходе.

Между тем на дворе была еще середина июля, разгар лета: холод, дождь и редкие солнечные дни.

Мартину Беку было не до погоды. Он был занят по горло и почти не покидал своего кабинета. Часто засиживался по вечерам, когда здание пустело и воцарялась тишина. Не потому, что так было нужно, просто его не тянуло домой или же хотелось спокойно поразмыслить над вопросами, на которых он не мог сосредоточиться днем, когда посетители шли сплошной чередой и непрерывно звонил телефон.

Рея Нильсен взяла трехнедельный отпуск и уехала с детьми в Данию, к их отцу. У него была просторная дача на острове Туне. Рея поддерживала хорошие отношения с бывшим мужем и его новой семьей и каждый год ездила к ним; дети проводили там почти все каникулы.

Мартин Бек соскучился по Рее, но до ее возвращения осталась всего неделя, и он заполнял ожидание работой и проводил тихие одинокие вечера дома, в Старом городе.

Он много думал над убийством Вальтера Петруса, снова и снова изучал поступивший из разных источников обширный материал и каждый раз с досадой ощущал, что заходит в тупик.

Теперь, более полутора месяцев спустя после убийства, этим делом занимались преимущественно Бенни Скакке и Оса Турелль. Он полагался на их добросовестность и здравый смысл и почти не вмешивался.

Отдел наркотиков после долгого и тщательного расследования представил свое заключение.

Вальтер Петрус не занимался в широких масштабах продажей наркотиков, и не было причин считать его подпольным торговцем. Правда, у него всегда имелись в запасе разные снадобья, но, судя по всему, в небольшом количестве.

Сам он особенно не злоупотреблял наркотиками, изредка курил гашиш или принимал стимулирующие таблетки. В запертом ящике письменного стола в его доме были обнаружены аптечные упаковки с различными иностранными средствами, которые он, вероятно, привез из-за границы, однако всерьез контрабандой он, видимо, не занимался.

На стокгольмском рынке наркотиков его знали как постоянного клиента, он имел дело с тремя подпольными торговцами, платил по обычной цене, брал понемногу, с большими перерывами, не проявляя при этом лихорадочного нетерпения, которое отличает настоящих наркоманов.

Были допрошены еще несколько девушек того же склада, что и те, с которыми беседовала Оса. Все они получали наркотики от Вальтера Петруса, но только у него в конторе, с собой он им ничего не давал.

Две из этих девушек снимались в одном из его фильмов. Он говорил им, что будут совместные съемки с крупной зарубежной фирмой, что главная роль поручена знаменитому американскому актеру; на самом же деле речь шла о порнографической ленте с лесбийскими мотивами. Девушки признались, что из-за наркотиков не отдавали себе отчета в своих действиях во время съемок.

— Ну и свинья! — воскликнула Оса, прочитав рапорт. Оса и Скакке побывали в Юрсхольме, говорили с Крис Петрус и двумя из ее детей. Младший сын все еще путешествовал и не отзывался, хотя родные послали телеграмму на его последний известный адрес и поместили объявление в рубрике «Личное» в газете «Интернэшнл геральд трибюн».

— Не беспокойся, мамуля, он даст о себе знать, как только кончатся деньги, — едко заметил старший сын.

Оса побеседовала с госпожой Петтерссон, которая в основном ограничивалась односложными ответами. Верная служанка старого склада, она не преминула воздать хвалу своим хозяевам.

— Мне очень хотелось прочесть ей лекцию о женской эмансипации, — рассказывала потом Оса Мартину Беку. — Или сводить ее на собрание наших активисток.

Бенни Скакке беседовал с шофером и садовником Вальтера Петруса, Стюре Хелльстрёмом. О семействе Петрусов садовник высказывался так же скупо, как и домашняя работница, зато охотно толковал о садоводстве.

Немало времени провел Скакке и в Рутебру, хотя это был, собственно, участок Осы. Никто толком не знал, чем он там занят, и однажды, когда они втроем пили кофе в кабинете Мартина Бека. Оса поддела его:

— Уж не влюбился ли ты в Мод Лундин, Бенни? Берегись, мне кажется, она опасная женщина.

— По-моему, она продажная женщина, — ответил Скакке. — Но я довольно много разговаривал там с парнем, который живет напротив ее дома. Он скульптор, делает разные штуки из железного лома, получается здорово.

Оса тоже надолго пропадала, не оставляя никаких сведений, где ее искать. В конце концов Мартин Бек спросил ее, чем она занята.

— Хожу в кино. Смотрю порнофильмы. Понемногу — один-два в день. Решила просмотреть всю продукцию Петруса. Кончится тем, что я стану фригидной.

— Зачем тебе понадобилось смотреть все его фильмы? Что ты надеешься в них почерпнуть? С меня достаточно было увидеть «Любовь в сиянии полуночного солнца» или как он там называется.

Оса рассмеялась.

— Это еще пустяк перед другими. Некоторые из них значительно лучше с чисто технической точки зрения — цвет, широкий формат и все такое. Кажется, он их в Японию продавал. Не думай, что смотреть эти картины — развлечение. Особенно для женщины. Я от них зверею.

— Понимаю, — сказал Мартин Бек. — Я тоже зверею, когда женщин изображают только как сексуальный объект.

— В этих гнусных фильмах Петруса женщина — либо вещь, которой пользуются, чтобы получить удовольствие, либо животное, у которого одно на уме. Тьфу!

Оса явно завелась, и, чтобы избежать пространного выступления на тему об угнетении женщин и мужском шовинизме, Мартин Бек сказал:

— Ты не ответила, почему считаешь необходимым посмотреть все эти ленты.

Оса почесала в своей стриженной под мальчишку голове и сказала:

— Понимаешь, я беру на заметку тех, кто снимался в них. Потом выясняю, что это за люди, где живут, чем постоянно занимаются. Беседовала с двумя парнями. Один из них профессионал, он работает в секс-клубе, и съемки для него та же работа. Ему прилично платили. Второй служит в магазине мужской одежды, участвовал в съемках потому, что ему это нравилось. Практически бесплатно снимался. У меня еще длинный список, кого мне хотелось бы разыскать.

Мартин Бек задумчиво кивнул, потом поглядел на нее с сомнением.

— Не знаю, даст ли это что-нибудь, — продолжала Оса. — Но если ты не против, доведу дело до конца.

— Доводи, если вытерпишь.

— Осталось посмотреть всего-то одну картину, — сообщила Оса. — «Признания ночной сиделки». Ужас. Привет!

Кончилась эта неделя, и в последний день июля вернулась Рея.

Вечером они устроили пир: копченый угорь, датские сыры, пиво и водка — все из Копенгагена.

Рея болтала почти без перерыва, пока не уснула у него на плече.

Мартин Бек лежал, радуясь, что она наконец приехала, но водка сделала свое, и скоро он тоже уснул.

На другой день одно событие следовало за другим.

Было первое августа и лил проливной дождь.

Мартин Бек ощущал приток энергии, несмотря на легкую головную боль и вкус водки и старого сыра во рту, который даже зубная паста не перебила.

Он пришел на работу с опозданием: как-никак, разлука длилась три недели, а накануне Рее так не терпелось рассказать о своем пребывании на датском острове и они так налегали на пиво, водку и закуски, что их сразу сморил сон. Утром они решили наверстать упущенное, и, поскольку дети остались в Дании, им никто не мешал. В конце концов Рея прогнала Мартина Бека, напомнив об его ответственности и о долге начальника показывать хороший пример подчиненным.

Бенни Скакке нетерпеливо ждал его уже третий час. Не успел Мартин Бек сесть за свой стол, как он ворвался в кабинет.

— Привет, Бенни, — сказал Мартин Бек. — Ну, как дела?

— Отлично, по-моему.

— Все еще подозреваешь этого любителя железного лома?

— Нет, я его только сначала подозревал. Живет напротив, в мастерской полно железных штырей, труб и прочего хлама. Так что поначалу я на него грешил. Во-первых, он хорошо знаком с Мод Лундин, во-вторых, ему ничего не стоило перейти улицу с какой-нибудь железякой и пришибить старичка, как только Лундин укатила на работу. Чем не правдоподобная версия.

— Но ведь у него алиби?

— Ну да. У него в тот раз ночевала одна девчонка, и утром они вместе поехали в город. Кроме того, он симпатичный парень, и у него не было никаких дел с Петрусом. И девушке, как будто, можно верить. Она говорит, у нее плохо со сном, и она еще долго читала после того, как он уснул. Утверждает, что он спал как убитый до десяти утра.

Мартин Бек с улыбкой поглядел на взволнованное лицо Скакке.

— Так что же ты все-таки раскопал?

— Понимаешь, я ведь довольно долго слонялся там, в Рутебру. Ходил, изучал местность, беседовал с этим скульптором. Вчера тоже навестил его, мы распили банку пива, и я обратил внимание на большие ящики в гараже Мод Лундин Это его ящики, он пакует в них скульптуры, когда посылает на выставки. В своем гараже места нет, так Мод Лундин разрешила пользоваться ее гаражом. В этом году их с марта месяца никто не трогал. Ну вот, я и подумал, что убийца Петруса вполне мог прийти ночью, когда не надо было опасаться, что его увидят, и ждал за ящиками, пока старик не остался один в доме.

— Но потом он прошел через поле, где его все могли видеть.

— Верно. Но если он прятался за ящиками, то это, скорее всего, потому, что Вальтер Петрус обычно уходил сразу после Мод Лундин. И ему надо было использовать минуты, пока старик оставался один. А из своего укрытия он мог слышать, когда она ушла.

Мартин Бек потер переносицу.

— Что ж, это правдоподобно. А ты проверял, там вообще можно спрятаться? Ящики не придвинуты вплотную к стене?

Бенни Скакке отрицательно покачал головой:

— Нет, есть просвет, в самый раз. Правда, Колльберг с его пузом не поместился бы, а обычный человек — вполне.

Он осекся. При Мартине Беке лучше было не задевать Колльберга, но на сей раз вроде бы обошлось. И Скакке продолжал:

— Я заглянул за ящики, там на полу накопилось довольно много песка, земли и пыли. Может быть, стоит провести исследование? Попробовать зафиксировать следы ног, просеять землю — вдруг что-нибудь обнаружится?

— Пожалуй, неплохая мысль, — заключил Мартин Бек. — Я позабочусь о том, чтобы этим занялись сейчас же.

Проводив Скакке, Мартин Бек позвонил криминалистам и попросил немедленно произвести осмотр гаража Мод Лундин.

Только он положил трубку, как в кабинет без стука вошла Оса Турелль.

Она запыхалась, и вид у нее был по меньшей мере такой же взволнованный, как перед тем у Скакке.

— Садись и успокойся, — сказал Мартин Бек. — Опять порнофильм смотрела? Понравились тебе признания сиделки?

— Ужас. А пациенты-то какие. Бодрячки, я бы сказала.

Мартин Бек рассмеялся.

— Надеюсь, больше мне никогда не придется смотреть порнофильмы, — добавила Оса, — а теперь слушай.

Мартин Бек поставил локти на стол и приготовился слушать, подперев подбородок ладонями.

— Ты помнишь, я тебе про список говорила. Список всех, кто снимался у Петруса.

Он кивнул, и она продолжала:

— В некоторых лентах худшего сорта — ты, кажется, видел кое-какие из них, черно-белые короткометражки с объятиями на старом диване — так вот, там участвует девушка по имени Кики Хелль. Я попыталась ее разыскать, но оказалось, что она выехала из Швеции. Но я узнала кое-что от одной ее подруги. На самом деле Кики Хелль зовут Кристина Хелльстрём, несколько лет назад она жила в Юрсхольме на одной улице с Вальтером Петрусом. Что ты на это скажешь?

Мартин Бек выпрямился и хлопнул себя по лбу ладонью.

— Хелльстрём, — сказал он. — Садовник.

— Вот именно. Кики Хелльстрём — дочь садовника Вальтера Петруса. Подробностей пока что не знаю. Будто бы она уехала года два назад, и никто не знает, где она теперь.

— Слушай, Оса, похоже, ты напала на что-то существенное. Ты на машине?

Оса кивнула.

— Ждет на стоянке. Едем в Юрсхольм?

— Незамедлительно, — ответил Мартин Бек. — Продолжим разговор в машине.

В машине Оса спросила:

— Думаешь, это он?

— Во всяком случае, у него были причины остро ненавидеть Вальтера Петруса, — сказал Мартин Бек. — Если все было так, как мне представляется. Петрус использовал дочь садовника в своих фильмах, и когда отец об этом узнал, он вряд ли обрадовался. Сколько ей лет?

— Сейчас девятнадцать. Но фильмы четырехлетней давности, ей тогда было всего пятнадцать.

Помолчав, Оса спросила:

— А может, все было наоборот?

— То есть?

— Отец подбил ее сниматься, чтобы выкачивать деньги из Петруса.

— Ты хочешь сказать, что он торговал собственной дочерью. Бр-р-р, Оса, у тебя испорченное воображение, слишком много дряни насмотрелась.

Они оставили машину на обочине и вошли на соседний с Петрусами участок. Здесь ворота не были снабжены фотоэлементами.

Широкая дорожка тянулась вдоль изгороди налево, к гаражу и к желтому одноэтажному домику. Между домиком и гаражом стояла низенькая постройка — то ли мастерская, то ли сарай.

— Очевидно, он здесь живет, — заключила Оса, и они направились к желтому дому.

Сад был огромный, и главное здание, которое они видели от ворот, совершенно скрылось за высокими деревьями.

Хелльстрём, очевидно, услышал шаги по гравию. Он появился в открытых дверях сарая и выжидательно смотрел, как они приближаются.

Высокий, крепкого сложения, лет сорока пяти, он стоял неподвижно, расставив ноги, слегка сутулясь.

Синие прищуренные глаза, массивное мрачное лицо. В косматых темных волосах серебрилась проседь, а короткие баки и вовсе были почти белые. Он держал в руке рубанок, и несколько светлых стружек пристали к грязному синему комбинезону

— Мы оторвали вас от работы? — спросила Оса.

Хелльстрём пожал плечами и глянул через плечо в сарай.

— Да нет. Рейки тут обстругиваю. Не к спеху.

— Нам надо поговорить с вами, — сказал Мартин Бек. — Мы из уголовного розыска.

— Здесь уже был один, — ответил Хелльстрём. — Вряд ли я смогу что-нибудь добавить.

Оса показала свое удостоверение, но Хелльстрём уже отвернулся, чтобы положить рубанок на верстак у входа. Она убрала удостоверение.

— Что я могу вам сказать про директора Петруса, — продолжал он. — Я его почти и не знал, только работал у него.

— У вас есть дочь, если не ошибаюсь, — сказал Мартин Бек.

— Есть, но она тут больше не живет.

Он стоял к ним вполоборота, перебирая инструмент на верстаке.

— Мы хотели бы поговорить о ней, — объяснил Мартин Бек. — Нельзя ли зайти куда-нибудь и потолковать?

— Можно зайти ко мне, — ответил Хелльстрём. — Я только комбинезон сниму.

Оса и Мартин Бек подождали, пока он снимал комбинезон и вешал его на гвоздь. Под комбинезоном у него были синие джинсы и черная рубашка с подвернутыми рукавами. Брюки поддерживались на бедрах широким кожаным ремнем с большой пряжкой в виде подковы.

Дождь прекратился, но листва высокого каштана около дома роняла тяжелые капли.

Наружная дверь была не заперта. Хелльстрём отворил и пропустил в прихожую Осу и Мартина Бека. Потом провел их в небольшую гостиную.

Через полуоткрытую дверь они увидели спальню. Сверх того в доме была еще маленькая кухонька, выходившая в прихожую.

Диван и два разномастных кресла заполняли почти всю гостиную. В углу стоял телевизор старой марки; вдоль стены тянулась самодельная полка, наполовину заставленная книгами.

Оса села на диван, хозяин удалился на кухню, а Мартин Бек стал читать надписи на корешках. Классики, в том числе Достоевский, Бальзак и Стриндберг, и неожиданно много поэтических сборников — как в твердых переплетах, так и более дешевые издания: Нильс Ферлин, Эльмер Диктониус, Эдит Сёдергран и другие.

На кухне зашумела вода, потом в дверях появился Хелльстрём, вытирая руки грязным полотенцем.

— Может, чай приготовить, — сказал он. — Больше мне нечем угощать Кофе не пью и не держу.

— Да вы о нас не беспокойтесь, — ответила Оса

— Все равно себе заваривать, — объяснил он.

— Ну, тогда и мы с удовольствием выпьем чаю, — сказала она.

Хелльстрём вернулся на кухню, Мартин Бек сел в одно из кресел.

На столе лежала открытая книга — стихотворения Ральфа Парланда.

Садовник Вальтера Петруса явно знал толк в литературе и обладал хорошим вкусом.

Хелльстрём принес кружки, сахарницу, пакет молока, снова вышел на кухню и через некоторое время вернулся с чайником. Сел в кресло, достал из кармана джинсов мятую пачку сигарет и спички.

Закурив, разлил чай по кружкам и сказал:

— Так вы хотели поговорить о моей дочери. С ней что-нибудь случилось?

— Нам ничего такого не известно, — ответил Мартин Бек. — Где она находится?

— Последний раз писала из Копенгагена.

— Что она там делает? — спросила Оса. — Работает?

— Не знаю точно, — произнес Хелльстрём, глядя на сигарету, которую держали его загорелые пальцы.

— Когда это было? — поинтересовался Мартин Бек. — Когда она писала?

Хелльстрём не сразу ответил.

— Вообще-то она ничего не писала. Я сам туда ездил и видел ее. Весной это было.

— И чем она тогда занималась? — спросила Оса. — У нее там есть мужчина?

Хелльстрём горько усмехнулся.

— Можно сказать, что есть. И не один к тому же.

— Вы хотите сказать, что она…

— Вот именно, занимается проституцией, — с горечью перебил он и продолжал: — Потаскухой стала. Кормится этим. Тамошние органы социального надзора помогли мне найти ее. Вся истаскалась. Меня и слушать не захотела. Я уговаривал ее ехать домой — куда там.

Он помолчал, вертя в пальцах сигарету.

— Ей скоро двадцать, никто не может помешать ей жить по-своему.

— Вы ведь ее в одиночку растили?

Мартин Бек молчал, предоставив Осе вести беседу.

— Да, жена умерла, когда Кики и двух месяцев не было. Тогда мы не здесь жили, в городе.

Оса кивнула, и он продолжал:

— Мона покончила с собой, и врач объяснил, что это было вызвано какой-то там послеродовой депрессией. Я ничего не мог понять. То есть я видел, что она ходит мрачная и унылая, но думал, она из-за денег переживает, из-за нашего будущего, потому что ребенок появился.

— Где вы тогда работали?

— Я был сторожем на кладбище. Мне тогда двадцать три года исполнилось, а никакого образования не было. Отец в коммунальном хозяйстве работал, мусорщиком, мать ходила квартиры убирать. И я, само собой, сразу после школы работать пошел. Рассыльным был, грузчиком. Жили мы бедно, семья большая, постоянно нуждались в деньгах.

— А как вы стали садовником?

— Работал одно время в садоводстве в районе Свартшё. Хозяин был ничего мужик, платил за мое обучение. И на курсы шоферов послал. У него был грузовик, я возил овощи и фрукты на рынок.

Хелльстрём сделал глубокую затяжку и потушил сигарету.

— Как же вы и с работой, и с ребенком управлялись? — спросила Оса.

Мартин Бек слушал, попивая чай.

— Так и управлялся. Когда она была совсем маленькая, брал ее с собой. Как в школу пошла, до вечера сама о себе заботилась. Не ахти какое воспитание, конечно, да что было делать.

Он отхлебнул чая и с горечью произнес:

— Вот и вышло то, что вышло.

— Когда вы переехали сюда, в Юрсхольм?

— Это место я получил десять лет назад. За этот вот сад — бесплатная квартира. Взял я еще несколько садов, уже для заработка, выходило прилично. Думал, что и Кики здесь будет хорошо — и школа получше, и окружение, дети из культурных семей. Да только не сладко ей приходилось. У всех товарищей по классу богатые родители, роскошные дачи, и она стыдилась нашего дома, никогда не приводила подруг.

— У Петрусов дочь примерно в том же возрасте. Какие у них были взаимоотношения? Как-никак соседи.

Хелльстрём пожал плечами.

— Даже в одном классе учились. Но вне школы не встречались. Дочь Петрусов смотрела на Кики сверху вниз. Да и вся их семья так смотрела.

— Вы были также шофером у Петруса?

— Собственно, это не входило в мои обязанности, но я часто возил его. Когда они сюда переехали и наняли меня садовником, о месте шофера речи не было. Только приплачивали за то, чтобы следил за их машинами.

— Куда вы возили директора Петруса?

— В город — в его контору и другие учреждения. Иногда на приемы.

— И в Рутебру приходилось возить?

— Приходилось — раза три-четыре.

— Какого мнения вы были о директоре Петрусе?

— Да никакого. Работодатель, и все тут.

Подумав, Оса спросила:

— Вы ведь шесть лет у него работали, верно? Хелльстрём кивнул.

— Около того. С тех пор, как они построили тут дачу.

— За это время, наверно, немало с ним переговорили. Хотя бы в машине.

Хелльстрём отрицательно покачал головой.

— В машине мы никогда не разговаривали. А так-то речь шла все больше о саде.

— Вы знали, какие фильмы снимал директор Петрус?

— Я не видел его фильмов. В кино почти не хожу.

— Вы знали, что ваша дочь снималась в одной из его картин?

Он снова покачал головой.

— Нет.

Оса внимательно смотрела на него, но он отвел глаза. Потом спросил:

— В массовке, что ли?

— Она снималась в порнографическом фильме. Он быстро глянул на нее:

— Нет, я этого не знал.

Она продолжала смотреть на него. Подождав, сказала:

— Вы, должно быть, сильно привязаны к дочери. Сильнее, чем большинство отцов. И она к вам. Ведь у вас и у нее больше никого не было.

Хелльстрём кивнул.

— Да, только мы двое. Во всяком случае, пока она была маленькая, я жил только ею.

Он выпрямился, закурил новую сигарету.

— Но теперь она взрослая, сама себе хозяйка. Я больше не собираюсь вмешиваться в ее жизнь.

— Что вы делали в то утро, когда был убит директор Петрус?

— Работал здесь, надо полагать.

— Вы ведь знаете, о каком дне идет речь, это было в четверг шестого июня.

— Я редко отсюда отлучаюсь, и мой рабочий день начинается рано. Должно быть, и тот четверг ничем не отличался от других дней.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы были здесь? Скажем, кто-нибудь из ваших работодателей?

— Не знаю. У меня ведь такая работа, самостоятельная. Делай, что положено, а когда делаешь, роли не играет. Но обычно я приступаю около восьми. — Помолчав, он добавил: — Я его не убивал. У меня не было для этого никаких причин.

— Возможно, — вступил Мартин Бек. — И все-таки было бы неплохо, если бы кто-нибудь мог подтвердить, что вы находились здесь утром шестого июня.

— Не знаю, кто бы мог это сделать. Я живу один. Когда не занят в саду, вожусь в сарае. Всегда какое-нибудь дело находится.

— Пожалуй, придется нам все-таки поговорить с вашими работодателями и другими людьми, которые могли вас видеть, — сказал Мартин Бек. — На всякий случай.

Хелльстрём пожал плечами.

— Это когда же было. Я и сам не помню, чем занимался в то утро.

— Да, не так-то легко вспомнить, — поддакнул Мартин Бек.

— А что произошло в Копенгагене, когда вы встретили дочь? — спросила Оса.

— Ничего особенного. Она жила в маленькой квартирке, где принимала своих клиентов. Так прямо и сказала. Болтала что-то о предстоящих съемках в кино, дескать, нынешнее занятие только временное, и оно ее вполне устраивает, потому что она хорошо зарабатывает. Но все равно, как только начнет сниматься, оставит проституцию. Обещала писать, но я до сих пор не получил ни строчки. Вот и все. Выпроводила меня через час и сказала, что не поедет домой. Дескать, и мне незачем больше приезжать. А я и не собираюсь. Я ее совсем вычеркнул. Махнул рукой.

— Давно она ушла из дому?

— Да сразу, как только школу кончила. Жила у подруг в городе. Иногда наведывалась сюда. Довольно редко. Потом и вовсе пропала, и наконец я выяснил, что она в Копенгагене.

— Вы знали о ее отношениях с директором Петрусом?

— Отношениях? Какие у них могли быть отношения. Может, она и снималась у него, а так-то она для него была всего лишь дочерью садовника. И для всего их семейства. Оттого небось и не захотела жить в этом поселке снобов, где неимущих ни во что не ставят.

— Вы не знаете, дома сейчас кто-нибудь из ваших хозяев? — спросил Мартин Бек. — Я бы сходил, спросил, видели вас в то утро или нет.

— Не знаю. А вы проверьте. Да только вряд ли они следят, чем я занимаюсь.

Мартин Бек подмигнул Осе и встал. Оса налила еще чаю себе и Хелльстрёму и откинулась поудобнее на диване.

Хозяйка оказалась дома и на вопрос Мартина Бека в самом деле ответила, что ей не приходило в голову следить за садовником, лишь бы он делал все, что положено. К тому же он работает и на других участках, уходит и приходит, когда ему надо.

Мартин Бек направился обратно к дому Хелльстрёма. Он знал, что Оса умеет заставить людей говорить. Пожалуй, без него беседа даже лучше получится.

Он заглянул в гараж.

Там было пусто, если не считать запасные покрышки, свернутый шланг и двадцатипятилитровую канистру.

Дверь в сарай была приоткрыта, и он вошел туда.

Рейка, которую обстругивал Хелльстрём, была зажата в тисках верстака. У одной стены стоял различный садовый инвентарь; над верстаком висел плотничий и слесарный инструмент. Около самой двери притулилась газонокосилка, дальше к стене были прислонены свежеокрашенные оранжерейные рамы.

Стоя у верстака, Мартин Бек провел пальцем по гладкой поверхности сосновой рейки; вдруг глаза его остановились на каком-то предмете в углу, наполовину прикрытом кипой черных хлорвиниловых мешков.

Он прошел в угол и вытащил из-за мешков квадратную железную решетку. Она состояла из прочной рамы с впаянными в нее четырьмя восьмиугольными прутьями. Широкий просвет в середине и следы пайки на раме говорили о том, что первоначально прутьев было пять.

Он взял решетку и вернулся в дом Хелльстрёма.

Оса сидела с кружкой в руке и о чем-то говорила, когда он вошел в комнату. Увидев, что он принес, она замолкла.

Хелльстрём обернулся, посмотрел сперва на Мартина Бека, потом на решетку.

— Я нашел эту штуку в вашем сарае, — сказал Мартин Бек.

— Решетка из старого дома, который снесли, когда Петрус задумал строить свою виллу, — сообщил Хелльстрём. — Ею было забрано подвальное окошко. Я подумал, что она может пригодиться для чего-нибудь, так с тех пор и стоит.

— И она пригодилась вам, если не ошибаюсь. Хелльстрём ничего не ответил. Повернулся к столу и тщательно затушил сигарету.

— Одного прута не хватает, — сказал Мартин Бек.

— Его там с самого начала не было, — отозвался Хелльстрём.

Оса поднялась.

— Сомневаюсь, — произнес Мартин Бек. — Придется вам поехать с нами, попробуем разобраться.

Хелльстрём продолжал сидеть. Потом встал, прошел в прихожую и надел куртку.

Он первым вышел за ворота и спокойно ждал около машины, пока Мартин Бек укладывал решетку в багажник.

Оса заняла место за рулем, Хелльстрём и Мартин Бек сели сзади.

Всю дорогу до полицейского управления они молчали.

## X

Прошло почти три часа, прежде чем Стюре Хелльстрём признал себя виновным в убийстве Вальтера Петруса.

Куда меньше времени понадобилось, чтобы установить, что железный прут, послуживший орудием убийства, представлял собой недостающее звено в решетке, которую Мартин Бек нашел в сарае садовника.

Хелльстрём на это заявил, что прут уже отсутствовал, когда он шесть лет назад прибрал решетку, и мог попасть в любые руки.

Осмотр гаража Мод Лундин позволил обнаружить между деревянными ящиками и стеной явственный отпечаток пряжки того же вида, какая скрепляла поясной ремень Хелльстрёма. Были также обнаружены два следа обуви, частичные и нечеткие, как и тот, что был зафиксирован в саду, но, несомненно, оставленные подметками кед, которые стояли в гардеробе Стюре Хелльстрёма. Кроме того, были найдены два волоса и волокна синей хлопчатобумажной ткани.

Пока Мартин Бек терпеливо предъявлял и описывал материал, неотвратимо уличающий Стюре Хелльстрёма в причастности к убийству, Стюре Хелльстрём так же терпеливо отрицал

свою причастность. Говорил он мало, только отрицательно качал головой, выкуривая сигарету за сигаретой.

Мартин Бек распорядился принести чай и сигареты; от еды Хелльстрём отказался.

Снова пошел дождь, однообразная дробь капель по стеклу и сумрачное освещение в дымном кабинете создавали своеобразное ощущение оторванности от мира и времени.

Мартин Бек смотрел на сидящего перед ним человека. Он пытался говорить с ним о его детстве и отрочестве, о борьбе за существование свое и ребенка, о любимых книгах, о чувствах к дочери, о работе. Поначалу Хелльстрём отвечал с вызовом в голосе, с каждой минутой все скупее, а потом и вовсе смолк, понурившись и уныло созерцая пол.

Мартин Бек тоже ждал молча.

Наконец Стюре Хелльстрём выпрямился и посмотрел на него.

— А ради чего мне теперь жить, — произнес он. — Он погубил мою дочь, и я ненавидел его всеми силами души.

Он примолк, глядя на свои руки с полосками грязи под тупыми, потрескавшимися ногтями. Поднял взгляд на окно, за которым струился дождь.

— Я и теперь его ненавижу, хотя он мертвый.

После того, как он решил говорить, Мартину Беку оставалось только направлять его отдельными вопросами.

Хелльстрём сообщил, что задумал убить Петруса на пути домой из Копенгагена. Дочь рассказала ему, как с ней поступил Петрус, и ее рассказ потряс его. Он и не подозревал, что происходило.

Кики еще училась в школе, когда Петрус стал заманивать ее к себе в контору. Она не сразу решилась пойти, но он все уши прожужжал девочке про ее редкое обаяние и очарование, твердил, что стоит ей раз появиться на экране в его фильме — и будущее обеспечено.

В первый же раз, когда она пришла, он познакомил ее с гашишем. Они продолжали встречаться, и скоро он стал давать ей амфетамин и героин. Очутившись в полной зависимости от него, она согласилась сниматься, только бы получать наркотики.

Она была уже наркоманкой, когда кончила школу и ушла из дому, и ей не хватало того, что давал Петрус. Поселилась вместе с другими наркоманами, проводила время с ними, занялась проституцией, чтобы добывать деньги.

В конце концов с группой сверстников отправилась в Копенгаген и осталась там.

Когда отец разыскал ее, она сама заявила, что безнадежно влипла и не собирается ничего предпринимать, чтобы выбраться. Ощущая постоянную потребность в наркотиках, она должна была принимать много клиентов, чтобы заработать достаточно денег на ежедневную дозу.

Он всячески убеждал ее вернуться домой и пройти лечение, но дочь ответила, что ей все равно надоело жить и она будет продолжать до последнего укола, а его ждать, по ее мнению, осталось совсем недолго.

Сперва Стюре Хелльстрём себя корил, но, вспоминая, какой славной и способной девочкой была его дочь, прежде чем попала в лапы Вальтера Петруса, стал понимать, кто виноват на самом деле.

Зная, что Петрус регулярно посещает Мод Лундин, он решил убить его там. Начал следить за ним, когда тот ездил в Рутебру, и скоро установил, что утром Петрус часто остается в доме один.

В ночь на шестое июня, когда Петрус отправился к Мод Лундин, он доехал поездом до Рутебру, спрятался до утра в гараже, потом вошел в дом и убил Петруса, который даже не успел его заметить.

Только об этом он и сожалел. С таким оружием, каким он располагал, Хелльстрём вынужден был действовать сразу. Будь у него пистолет, он сперва сказал бы Петрусу, какая кара его ждет и за что.

Он покинул дом через заднюю дверь, пересек поле, лесок, старый заросший сад и вышел на Энчёпингсвеген. Потом вернулся на станцию, доехал до города и пересел на юрхольмский поезд.

И все.

— Никогда не думал, что я способен убить человека, — говорил Стюре Хелльстрём. — Но когда я увидел, до каких пределов падения дошла моя дочь, а тут эта самодовольная жирная свинья расхаживает, у меня просто не оставалось выбора. И даже полегчало на душе, когда я решился.

— Но вашей дочери это не помогло, — сказал Мартин Бек.

— Ей-то уже ничто не поможет. Да и мне тоже. — Помолчав, Стюре Хелльстрём добавил: — Может быть, мы с Кики с самого начала были обречены. И все равно я считаю, что правильно поступил. Теперь он хоть другим вредить не будет.

Мартин Бек внимательно посмотрел на Стюре Хелльстрёма. Лицо усталое, но совершенно спокойное. Они молчали. Наконец Мартин Бек выключил магнитофон, на который записывался допрос, и поднялся.

— Что ж, пошли.

Стюре Хелльстрём тотчас встал и первым направился к двери.

## XI

В середине августа Ребекку Линд выселили из квартиры.

Дом был старый, запущенный, теперь его собирались снести, чтобы выстроить новый и брать с жильцов минимум втрое больше за всевозможные современные удобства и ненужные приспособления скверного качества, зато роскошные с виду.

Так уж было заведено у стокгольмских домовладельцев, но Ребекка в этом мало разбиралась. К тому же официально квартира числилась не за ней, она не подписывала контракта и не могла, в отличие от других съемщиков, претендовать на равноценную площадь или сравнительно доступную квартиру в предместьях. Да и будь у нее контракт, вряд ли она стала бы его читать и выяснять, какими правами обладает.

По истечении месячного срока она перебралась со своей дочуркой и немудреным скарбом к друзьям, которые жили в большой общей квартире в таком же запущенном, обреченном на снос доме в том же городском районе Сёдермальм.

Одна комната — маленькая каморка с ходом через кухню, некогда служившая обителью кухарок и служанок, — пустовала, и Ребекка могла временно ею пользоваться.

Обстановку ее светелки составляли матрас, четыре красных лакированных ящика из-под пива, игравшие роль полок, большая корзина для простынь, полотенец и одежды, и детская кроватка — ее смастерил Джим перед отъездом в Америку.

Маленький чемодан, который Ребекка захватила с собой, еще когда уходила из дома, но который, по существу, потом никогда не разбирала, она засунула под кровать Камиллы. В нем лежали школьные рисунки, фотографии, письма и завернутые в старую вышивку мелкие вещицы, доставшиеся ей по наследству от маминой тетки. В чемодане хранился также дневник, подаренный матерью к пятнадцатилетию. Ребекка редко писала в нем, последняя запись была более чем годичной давности и гласила: «Я думаю, что делать дальше: идти работать или учиться. Чтобы жить в этом странном мире, нужны деньги. В том-то и вся беда.

Большинство людей на земле любят деньги, вместо того чтобы любить своих собратьев, но я надеюсь, что они образумятся и постигнут реальность, вместо того, чтобы жить иллюзиями».

Ребекка была рада, что есть крыша над головой, ей было хорошо с друзьями, и ее вполне устраивала маленькая каморка с окном, обращенным в большой двор, где два высоких дерева широко раскинули свои зеленые кроны.

Она все еще ждала весточки от Джима. И когда кто-нибудь из друзей советовал забыть его, дескать, он ее бросил, она спокойно отвечала, что слишком хорошо его знает, он не мог покинуть ее без всяких объяснений.

Она знала, что с ним что-то случилось, и с каждым днем росла ее тревога.

Еще до своей роковой попытки занять денег на поездку, Ребекка написала родителям Джима по адресу, который он оставил. Ответа не было. Ей стоило немалого труда составить это письмо: за год совместной жизни с Джимом она заметно улучшила знание английского, полученное в школе, однако с правописанием у нее не ладилось.

В январе, когда Джим ходил в американское посольство, она один раз провожала его и ждала на улице. Приблизительно через месяц после июньского судебного разбирательства Ребекка решила обратиться туда за помощью, но, когда попыталась пробиться сквозь толпу демонстрантов, собравшуюся по какому-то поводу рядом с внушительным зданием посольства, ее достаточно грубо прогнал полицейский. Вся прилегающая к зданию территория была оцеплена полицией, и одна девушка из числа демонстрантов объяснила ей, что в посольстве происходит прием.

Ребекка не подозревала, что в этот день отмечался национальный праздник США. Не скоро собралась она с духом снова пойти в посольство, опасаясь, как бы опять не попасть туда в праздник. Она слышала, что в посольствах часто отмечают праздники, и ей представлялось, что главная задача этих учреждений — устраивать приемы.

На этот раз оцепления не было, только два человека в форме, с портативными радиопередатчиками, не спеша прогуливались по тротуару перед крыльцом.

Ребекка обратилась к сидевшему за письменным столом в холле человеку в синем костюме и дымчатых очках и объяснила, зачем пришла. По мере того, как он слушал ее сбивчивое объяснение на английском языке — от волнения она сбивалась чаще обычного, — его приветливая улыбка таяла, и под конец он сухо объявил, что ей надлежит обратиться со своей проблемой в другое место.

Куда именно, не сказал.

Однажды вечером, уложив Камиллу, она села со скрещенными ногами на матрас и на ящике из-под пива принялась составлять новое письмо родителям Джима.

Dear Mister and Missis Cosgrave, — медленно выводила она, стараясь писать возможно отчетливее.

Sins Jim left me and oure dauhter Camilla in januari I have not herd from him. It is now 5 months that have gon. Do you now were he is? I am worryd about him and it would be very nice if you cold write me a letter and say if you now waht has happend to him. I now that he wold write to me if he cold, becouse he is a very god and honest boy and he loves me and oure little dauhter. She is nou 6 month and a very fine and beutiful girl. Pleas, Mister and Missis Cosgrave, write to me and tell wat has happened to Jim. With many thanks and god gretings.[7]

Rebecka Lind

Одна подруга дала ей конверт для авиапочты, и, заклеив его, Ребекка большими буквами написала свой адрес с обратной стороны. На всякий случай пошла на другой день на почту, чтобы наклеили правильную марку.

После чего ей оставалось только ждать дальше.

Ребекке не нравилось жить в городе. Сколько она себя помнила, ее всегда тянуло в деревню. Хотелось вести здоровый и простой образ жизни на природе и чтобы кругом было много детей и животных. У нее было такое чувство, словно она родилась не тогда и не там, где надо. Иногда ей казалось нелепым, что, в то время как прежде в деревне жили бедные труженики, теперь деревня скоро будет доступной только для богатеев. Старые фермы после коренной перестройки превращаются в дачи для состоятельных людей. Рыбачьи домики и бедные хуторские хибары становятся очаровательными живописными приютами, где проводят выходные дни замученные стрессом предприниматели, политики, врачи и адвокаты. Многие из красивейших уголков девственной природы преображаются в площадки для гольфа, с роскошными клубными зданиями для фешенебельных завсегдатаев. Аэродромы и атомные электростанции занимают районы, которые по-настоящему надо было сделать заповедниками. Обширные участки хорошей пахотной земли уступают место автомагистралям.

Когда Ребекка ходила по городу, погруженная в такие мысли, на нее подчас нападало желание стать посреди мостовой, остановить движение и кричать об этом во весь голос, чтобы окружающие поняли, как все по-дурацки развивается. Дыша выхлопными газами, прижимая к себе мягкое теплое тельце Камиллы, она иной раз с глубоким отчаянием думала о том, в каком мире предстоит расти ее ребенку.

В распоряжении Ребекки оставался клочок земли около домика на садовом участке, где она одно время жила. Участок находился в парке Эриксдальслюнден, не очень далеко от ее нового жилья. Каждое утро она занималась своим маленьким огородом, на котором разводила овощи, полезные для Камиллы. Ребекка неплохо разбиралась в здоровой природной пище, и ее радовало, что она может сама выращивать большую часть того, что необходимо ей и ребенку.

В хорошую погоду она часто сидела в парке. Камилла ползала по траве, а Ребекка думала о Джиме и о том, куда бы еще обратиться, чтобы узнать, что с ним.

Конец лета, скоро явится жилец каморки, которую она временно занимает, придется опять переезжать. Куда — неизвестно. Ребекка надеялась, что ее приютит кто-нибудь из друзей.

За два дня до очередного вынужденного переезда пришло ответное письмо от родителей Джима.

Его мать сообщала, что они недавно переселились в другой штат, далеко от прежнего местожительства. Вместо условного наказания, о котором говорили Джиму, он получил четыре года тюрьмы за дезертирство. Посещать его нет никакой возможности, очень уж далеко находится тюрьма, но они переписываются. Вероятно, тюремное начальство проверяет письма, поэтому Ребекка ничего не получила от него. Пусть попробует еще написать, хотя нет никакой уверенности, что письмо дойдет до него. Родители ничем не могут помочь ни ему, ни ей, ни ребенку, так как отец Джима тяжело болен, лежит в дорогостоящей больнице.

Ребекка несколько раз внимательно перечитала письмо, но по-настоящему до ее сознания дошли только слова: «четыре года тюрьмы».

Камилла спала на ее матрасе на полу. Ребекка легла рядом, прижала дочурку к себе и заплакала.

Лишь под утро, когда начало светать, ей удалось уснуть.

Вскоре Камилла разбудила ее. Открыв глаза, Ребекка вдруг сообразила, к кому обратиться за помощью.

## XII

Контора Гедобальда Роксена была такой же неопрятной, как он сам. Правда, она находилась почти в центре, на Давид-Багаресгатан, зато владелец дома раскошеливался разве только на то, чтобы сменить перегоревшую лампочку в подъезде. С тех пор как построили дом, а это было давно.

У Роксена не было ни секретаря, ни приемной, только одна комната с невероятно грязным окном и с кухонькой, где он иногда варил себе кофе. Если имелись в наличии кофе и пластмассовые стаканчики.

Кое-кто говорил, будто он чаще заглядывает в рюмку, чем в уголовный кодекс, однако эти люди ошибались. Рокотун спиртного не принимал, его нельзя было уговорить выпить даже кружку пива.

В тесном кабинете обитали две кошки и стояла клетка с несколько блеклой и лысоватой старой канарейкой. Бо́льшую часть площади занимал письменный стол, несомненно очень старинный и к тому же такой огромный, что многие дивились, какие это гениальные грузчики ухитрились некогда внести его через дверь. Сам Рокотун, вероятно в шутку, уверял, что стол сколотили прямо на месте, когда лет семьдесят назад или около того строился дом. Так сказать, еще одна версия запертой комнаты.

Сидя за столом, Роксен читал коммунистическую газету; его сигара лежала в заваленной окурками пепельнице, а неожиданно живые разноцветные глаза адвоката с любопытством посматривали поверх газетного листа на очередного клиента.

Стол был загроможден внушительными кипами деловых папок.

Адвокат, очевидно, привык, что у него не бывает больше одного клиента за раз, потому что для посетителей стояло лишь одно кресло, основательно продавленное, главным образом папками, бумагами и старыми газетами, которые лежали вровень с подлокотниками.

Он и в суде часто читал газету, к немалому возмущению многих, на радость себе, а иногда и на благо клиентам, ведь столь самоуверенное поведение адвоката лучше иных доводов говорило в пользу невиновности обвиняемого. К тому же доказывать виновность надлежит обвинителям, а они, за редким исключением, сбивались и теряли самообладание, столкнувшись с необычными методами Рокотуна. Бульдозер Ульссон принадлежал к числу редких исключений.

Через минуту-другую взгляд его прояснился, и он произнес:

— А-а, Роберта…

— Ребекка, — сказала девушка.

— Ну, конечно, Ребекка.

Роксен отложил газету и посадил на стол кошку.

Некоторые товарищи по профессии добивались его исключения из коллегии защитников, ссылаясь, в частности, на то, что кабинет Роксена — не служебное помещение адвоката, а зверинец. Сии собратья принадлежали к наиболее щеголеватым и преуспевающим, во всяком случае в денежном смысле, ибо чаще всего они проигрывали дела или же добивались полюбовных соглашений, на чем зарабатывали только сами, тогда как Рокотун иногда выигрывал такие процессы, которые любой другой шведский адвокат с самого начала назвал бы безнадежными.

То, что дело Ребекки Линд досталось Рокотуну, было ее счастьем, по крайней мере до сих пор.

— Ну, — сказал он, поглаживая кошку от носа до кончика хвоста. — дело мы выиграли. Любитель контрабандных галстуков не обжаловал решение. В апелляционном суде заседают юридические чурбаны, которые толкуют законы буквально и своеобразно. Было бы очень трудно убедить их, в чем заключается истина. Иногда я вообще сомневаюсь, что это слово

входит в их лексикон. — Он заметил ее вопросительный взгляд и поспешил объяснить: — То есть, в словарный запас. Слова — понимаешь?

Рокотун закурил сигару, сделал глубокую затяжку и выдохнул огромное кольцо дыма. Повторил процедуру и поместил второе кольцо под прямым углом к первому, получилось нечто вроде гироскопа или колец Сатурна.

С этим замечательным номером он мог бы выступать в цирке. Жаль только, что дурацкие запреты не позволяли ему демонстрировать свое искусство в суде. Он давно мечтал посадить дымовой нимб на макушку председателя суда.

У девушки был подавленный вид, и Роксен поинтересовался:

— Как поживает твой мальчуган?

— Девочка. Камилла ее зовут.

— Разумеется, — сказал Рокотун. — Да-да.

— С ней все в порядке. Я оставила ее у подруги, а сама поехала сюда. Она не любит ездить в метро. Кричит и мочит пеленки.

— Помню, когда я был маленьким мальчиком, — отозвался Роксен, — мы любили прыгать по льдинам. Разумеется, это было запрещено. Я плюхнулся в воду, и, конечно же, это произошло на глазах у полицейского.

Рокотун выпустил еще два дымовых кольца, таких же элегантных, как первые, и близких к абсолютному совершенству.

— Что было дальше? Меня притащили в полицейский суд — тогда еще были такие — и присудили к штрафу в две кроны. Это составляло все мои карманные деньги за два месяца. Не говоря уже о лупцовке, которую мне задал отец.

Он снова зацепился за ее непонимающий взгляд и объяснил:

— Попросту, он меня поколотил. Я получил, увы, несколько старомодное воспитание. — Роксен продолжал: — И ведь не было же закона, который запрещал бы прыгать по льдинам. От силы каких-нибудь две строки в правилах поведения в общественных местах. Так или иначе, в тот момент я решил рано или поздно стать юристом, хотя все кругом твердили, что я на это не гожусь. — Он неожиданно рассмеялся: — Не гожусь? В стране, где в девяноста девяти случаях из ста на место защитника можно поставить ночной горшок!

Рокотун заметил, что его речи не производят никакого впечатления на посетительницу. Отыскал на кухоньке две таблетки соды и растворил их в кружке воды. Проглотил раствор и через четверть минуты великолепной отрыжкой оправдал свое прозвище.

Его массивное лицо выражало озабоченность. Откинувшись назад в своем кресле, он потуже затянул ремень.

— Вам бы надо подтяжки носить, — деловито заметила девушка.

— Верно, — согласился Рокотун. — Да-да, разумное и правильное предложение.

Взял лист бумаги и старательно вывел аккуратными буквами: ПОДТЯЖКИ.

Потом серьезно посмотрел на посетительницу.

— Ну, Роберта…

— Ребекка, — поправила она.

— Ну, Ребекка. Чем ты так огорчена? Стряслось что-нибудь?

— Стряслось, и вы единственный человек, который когда-либо мне помогал.

Рокотун снова закурил сигару, успевшую потухнуть, пока он пил соду. Посадил себе на колени кошку и почесал ей за ухом так, что она замурлыкала.

Он ни разу не перебил Ребекку, пока та излагала свои проблемы.

— Как мне теперь быть? — беспомощно заключила она.

— Обратись в социальное бюро или в детский надзор. Поскольку ты не замужем, к тебе, наверно, уже прикрепили опекуна?

— Нет-нет, — поспешно возразила она. — Ни в коем случае. Эти люди и без того преследуют меня, словно зверя какого-нибудь. И они уже запустили Камиллу один раз, пока я сидела под арестом, а она была у них.

— Запустили?

— Ну да, неправильно кормили. Я три недели билась, чтобы наладить ей животик.

— У меня живот никогда не работал как надо.

— Это от сигар и от неправильного питания.

— Гм-м, — пробурчал Рокотун. — Возможно, возможно. Но теперь я, слава Богу, слишком стар, чтобы мне стоило отказываться от так называемых дурных привычек. Взять хотя бы тот факт, что я был женат четыре раза, курю сигары с тринадцати лет, с небольшим перерывом в годы войны, когда выменивал марихуану у американских летчиков, и при этом у меня одиннадцать детей и шестнадцать внуков. А мой брат вегетарианец и никогда не курил. У него нет детей и, по законам логики, нет внуков. Зато у него есть рак легких, и он умрет через полгода.

— Как мне теперь быть? — повторила Ребекка.

Роксен спустил на пол кошку, безобразное черно-желто-бело-коричневое создание, и сказал:

— Долголетняя борьба со всякого рода властями, особенно с высшими инстанциями, научила меня, что очень редко удается заставить кого-нибудь прислушаться, не говоря уже о том, чтобы доказать им свою правоту.

— Кто управляет этой вонючей страной? — спросила она.

— Формально — риксдаг, практически — правительство, правительственные комиссии, капиталисты и разные лица, которые избраны либо потому, что у них есть деньги, либо потому, что они представляют важные в политическом отношении группы. Например, профсоюзные боссы. А всему, так сказать, голова…

— Король?

— Нет, короля никто не спрашивает. Я подразумеваю главу правительства.

— Главу правительства?

— Ты про него никогда не слыхала?

— Нет.

— Глава правительства, премьер-министр, председатель совета министров, или кабинета министров, — выбирай, что больше нравится. Он руководит политикой страны.

Рокотун порылся в своих бумагах.

— Вот. Тут в газете есть его портрет.

— Ну и тип. А этот, в ковбойской шляпе?

— Американский сенатор, он скоро приедет к нам с так называемым официальным визитом. Кстати, он был одно время губернатором того самого штата, где родился твой дружок.

— Мой муж, — сказала она.

— В наше время никогда не знаешь точно, как выразиться. — Рокотун рыгнул.

— А можно пойти и обратиться к этому главе? Он по-шведски говорит?

— Не так-то это просто. Он не принимает кого попало, разве что перед выборами. Но можно обратиться к нему с ходатайством, иначе говоря, послать письмо.

— У меня не получится написать такое письмо, — безнадежно произнесла она.

— У меня получится, — сказал Рокотун.

Откуда-то из недр своего выдающегося письменного стола Гедобальд Роксен извлек доску с привинченным к ней древним «ундервудом».

Вставил в каретку два листа бумаги, переложив их копиркой. И принялся быстро стучать по клавишам. Человек, знакомый с машинописью, глядя на его работу, сразу понял бы, что Роксен когда-то занимался на специальных курсах.

— Это во сколько же мне обойдется, — неуверенно произнесла Ребекка Линд.

— Я так считаю, — ответил Рокотун, — если человека, который совершил преступление или причинил ущерб обществу, судят бесплатно, то с какой стати совершенно невинный человек должен платить большие деньги адвокату.

Он пробежал глазами письмо, протянул первый экземпляр Ребекке и спрятал второй в папку.

— Теперь что? — спросила она.

— Подпиши. Обратный адрес я указал.

Она несмело подписалась, пока Роксен надписывал конверт.

Он заклеил конверт, налепил марку с изображением бессильного короля и подал ей письмо.

— Когда выйдешь из подъезда, поверни направо, потом еще раз направо и увидишь почтовый ящик. Опусти письмо туда.

— Спасибо, — сказала она.

— Привет, Ро… Ребекка. Где я смогу найти тебя теперь?

— Нигде пока.

— Тогда зайди сама. Скажем, через недельку. Раньше ответа ждать нечего.

Когда она закрыла за собой дверь, Роксен убрал пишущую машинку и поднял с пола пеструю кошку. Посмотрел на газетное фото премьер-министра и сенатора, привстал и выразительно крякнул.

## XIII

Рослый блондин больше не называл себя Гейдрихом, и паспорт у него был британский, на имя коммерсанта Эндрю Блэка. Он прибыл в Швецию еще пятнадцатого октября, причем выбрал наиболее удобный путь. А именно из Копенгагена катер на подводных крыльях доставил его в Мальмё, где пограничная полиция, если не отсутствует вообще, преимущественно занята тем, что зевает и пьет кофе.

В Мальмё он взял билет на стокгольмский поезд, отменно выспался, пока холодный шведский дождь барабанил в вагонное окно, утром прибыл в Стокгольм и доехал на такси до шестикомнатной квартиры в районе Сёдермальм, которую заблаговременно сняла учрежденная БРЕН фиктивная фирма якобы для командировочных. Ожидание такси в огромной очереди на вокзальной площади было первой неприятностью, выпавшей на его долю в Швеции.

Итак, он добрался до цели без осложнений, ему ни разу не пришлось даже предъявить паспорт, он никому не называл своей фамилии и не открывал своих чемоданов. Между тем они были с двойным дном, и содержимое тайников представляло несомненный интерес. Впрочем, обычный таможенник, который ищет только спиртное и табачные изделия, да и то не слишком усердно, наверное, все равно ничего не нашел бы.

В час ленча он вышел и поел в заведении, которое называлось баром. Отметил, что еда до неприличия невкусная и поразительно дорогая. Купил несколько шведских газет, возвратился на квартиру и вскоре установил, что очень даже хорошо понимает шведский текст.

Его настоящее имя было Рейнхард Гейдт, он родился в ЮАР, вырос в семье, где говорили на голландском, африкаанс, английском и датском языках. Позже он в совершенстве овладел французским и немецким; прилично объяснялся еще на пяти-шести языках. Школу он окончил в Англии.

Практические навыки Гейдт приобретал в военизированных бандах, сперва воевал в Конго, потом в Биафре. Участвовал также в заговоре в Гвинее, подвизался в португальской разведке, потом несколько лет состоял в нерегулярных отрядах, выступавших против ФРЕЛИМО в Мозамбике. Тут его и завербовали в БРЕН.

К террористической деятельности Гейдта готовили в лагерях в Родезии и Анголе. Подготовка была чрезвычайно напряженная, при малейших проявлениях физической или душевной слабости человека переводили в управленческий аппарат. Измена и трусость карались смертью.

БРЕН был учрежден на средства частных лиц, но получал финансовую поддержку от правительств по меньшей мере трех стран. Конечной целью было создание высокоэффективной террористической группы для поддержки дряхлеющих белых режимов в Южной Африке. Внешние контакты сводились к минимуму, но все же существовали. Так, в Лондоне, под солидной вывеской одного клуба, БРЕН принимал заказы на выполнение террористических актов. Пока что был выполнен всего один такой заказ, свидетелем чего и оказался Гюнвальд Ларссон. Остальные акции — именно это делало их такими грозными и трудно объяснимыми для непосвященных — проводились для тренировки.

Террористы просто-напросто должны были показать, на что они годятся. А заодно посеять раздоры и вызвать политические трения. Это им удалось; так, покушение в Малави привело к грандиозному конфликту между затронутыми государствами, с далеко идущими военными и политическими последствиями. Покушение в Индии тоже повлекло за собой политические коллизии; что же до вьетнамского происшествия, то в Пекине и Москве продолжали подозревать в причастности к этому акту ЦРУ и режим Тхиеу.

Создатели БРЕН вполне отдавали себе отчет в том, какие проблемы неизбежно влечет за собой использование терроризма в политических целях. Либо дело обернется как в Ольстере, где участники акций плохо вооружены и не обучены: много ли проку от того, что неискушенный ирландский батрак сам себя взорвет, не зная толком, как устроена бомба и как с ней надо обращаться. Либо получится, как с некоторыми палестинскими акциями, которые подчас кончались гибелью исполнителей, ибо противник был хорошо вооружен и к тому же совершенно беспощаден.

А потому решили выковать группу, которая не знала бы неудач, пусть малочисленную, зато поистине наводящую страх.

БРЕН насчитывал не больше ста членов: десять боевых групп по четыре человека, десять человек в резерве, еще двадцать в группе подготовки. Остальные составляли управленческий аппарат, который из соображений безопасности был сведен до минимума.

Исходное ядро образовали люди, воевавшие в Биафре и Анголе, но уже оно было многонациональным, а с тех пор в организацию влились представители еще нескольких стран, в том числе японцы, которые представляли некую ультранационалистическую фалангу и считали, что служат своей родине. Был и один швед, но он еще только проходил подготовку. В целом — довольно пестрое сборище, включавшее даже двух весьма целеустремленных негров и бывшего агента израильской секретной службы.

Рейнхард Гейдт окончил подготовительный курс лучшим в своей группе, и его с полным основанием можно было считать одним из десяти самых опасных людей в мире, что ему очень льстило. Он был интересный и образованный собеседник, обладал приятной внешностью и получал удовольствие от своей, так сказать, работы. Учитывая его южноафриканское происхождение, естественно было предположить, что он действует во имя

идеи, но это было не так. Сокровенные цели БРЕН не доводились до сведения исполнителей. К тому же ЮАР пока достаточно прочно стояла на ногах.

Как бы то ни было, БРЕН доказал свою дееспособность, и следовало ожидать, что для него скоро найдется серьезное применение.

В Мозамбике белый режим уже рухнул, на очереди стояли Ангола и Намибия. И похоже было, что близится минута, когда англичанин, выйдя из самолета в аэропорту Солсбери, уже не будет чувствовать себя так же непринужденно, как в Глазго или Кардиффе.

Через три дня после Гейдта в Стокгольм прибыли оба японца. Они избрали путь через Финляндию, где сели на паром в Мариехамне. Представитель пограничной полиции равнодушно проштемпелевал их фальшивые паспорта, с привычным отвращением слушая, как один из японцев допытывается, где ближайший кинотеатр, в котором можно посмотреть порнофильм с «красивый шведский девушка».

Это «красивый шведский девушка» и побудило таможенника поспешно отметить мелом багаж японца.

— Нам бы, черт меня дери, припасти путеводители на японском и английском языках с адресами шлюх и секс-клубов, чтобы раздавать япошкам и другим психам, — сказал он своему коллеге.

— Это расовые предрассудки! — крикнул какой-то юноша из очереди. — Вы что — не понимаете? Дискриминация людей по расовым признакам запрещена законом!

Завязался спор, в пылу которого таможенник пропустил без проверки багаж и второго японца, могучего верзилы с ладонями твердыми, как доска.

Японцы участвовали в террористическом акте в Индии, но в Латинскую Америку не выезжали. Рейнхард Гейдт знал, что на них всецело можно положиться, они превосходно подготовлены, хладнокровны и беспощадны. Хоть его и причисляли к самой опасной десятке в мире, он предпочел бы не сталкиваться с ними на узкой дорожке.

Однако жить вместе с японцами было скучно. Они мало говорили, все больше сидели за какой-то непонятной игрой с множеством костяшек. По их невозмутимым лицам нельзя было понять, кто выиграл, кто проиграл, вообще — окончена игра или будет продолжаться на другой день.

В отличие от своих двух сообщников Гейдт раньше не бывал в Стокгольме и в первые дни не ленился ходить по городу, чтобы составить себе представление о его жизни. Он быстро заметил, что в городе хулиганья и подонков не меньше, чем в Нью-Йорке и некоторых районах Лондона. Подумывал даже о том, чтобы выходить на улицу вооруженным, однако припомнил, что правила организации предписывали носить оружие только при выполнении задания. Тогда он взял напрокат машину. В прокатной конторе предъявил документы на имя британского подданного Эндрю Блэка.

Через неделю он получил присланный багажом большой ящик, который был адресован до востребования. Поскольку этот ящик явно не привлек внимания таможни, он не стал забирать два других, отправленных следом за первым. Полежат и вернутся к отправителю.

Далее Гейдт посетил небольшую контору на Кунгсхольмене, назвался представителем голландской подрядной фирмы и приобрел планы всех подземных коммуникаций Стокгольма, включая метро, канализацию, газовую и электрическую сеть. Он знал, к кому надо обратиться: человек этот заблаговременно получил письменный запрос и назначил цену.

Забавнее всего то, что человек, продавший документы, в общем-то не считающиеся секретными, служил в системе шведских органов безопасности. Контора числилась то ли за военным, то ли за полицейским ведомством, он сам не знал точно, за каким из них. Зато он твердо знал, что ему на работе слишком мало платят, а потому торговал материалами для служебного пользования. Правда, как настоящий патриот, он принципиально не имел дела с

русскими. Итак, БРЕН без труда приобрел незасекреченные материалы у представителя секретной службы.

Тридцать первого октября пошли семнадцатые сутки пребывания Рейнхарда Гейдта в Швеции. Японцы продолжали развлекаться своей загадочной игрой, изредка выходя на кухню, чтобы приготовить не менее загадочные блюда. Продукты они сами покупали в магазинах города.

Все необходимое снаряжение было в наличии.

До визита сенатора оставалось три недели.

Рейнхард Гейдт съездил в международный аэропорт Арланда, бегло осмотрел его и вернулся в город. Маршрут, по которому повезут пресловутого американского гостя, представлялся довольно очевидным.

Миновав Королевский дворец, Гейдт развернулся и остановил машину на Дворцовой горке. Взял свою карту Стокгольма и спустился, как это делают все туристы, к лестнице перед дворцовым садом. Здесь он остановился и долго рассматривал окружение.

Место подходящее, никакого сомнения. Какой бы способ он ни выбрал. Вообще-то он уже решил — почти решил — остановиться на фугасе. Правда, при этом возникал риск, что и король расстанется с жизнью. Это не предусматривалось заданием, да и Гейдта такой вариант почему-то не воодушевлял. Король — это король, нечто особенное. Он заслуживает, так сказать, лучшей участи, нежели отправиться на тот свет зайцем в чужой компании. В такое ответственное путешествие. Гейдт усмехнулся про себя и покачал головой. Он принял решение. Нет, если уж венценосным головам слетать с плеч, то в особицу. Гейдт еще раз поглядел на дворец. Груда камня, массивная и довольно безобразная… Оставив машину на стоянке, он решил пройтись по Старому городу, единственной части Стокгольма, которая ему понравилась. И вообще непонятно, как люди могут жить в таком мерзком климате?

Выйдя на площадь Стурторгет, он обозрел старинную водоразборную колонку, потом свернул на Чёпмангатан. Внезапно из проулка прямо перед ним появилась женщина и зашагала в том же направлении.

Скандинавским женщинам полагается быть высокими и белокурыми, подумал Гейдт. Какой была, например, его мать-датчанка.

Эта женщина была совсем маленького роста, от силы метр пятьдесят пять. К тому же широкая в плечах. Волосы — прямые и светлые; одета в джинсы, черную спортивную куртку и красные резиновые сапоги. Руки засунуты глубоко в карманы, голова опущена, поступь решительная и быстрая.

Идя за ней почти по пятам, он свернул на Болльхюсгренд, вдруг она оглянулась, словно почувствовала, что ее преследуют, и посмотрела на него. Глаза были слегка прищуренные и такие же голубые, как у самого Гейдта. Она смерила его пытливым взором, потом взгляд ее задержался на сложенной карте в правой руке Гейдта, и она сделала шаг в сторону, пропуская его вперед.

Садясь в машину, он опять увидел эту женщину — она вышагивала по набережной Шеппсбрун. Гейдту показалось, что она еще раз пристально посмотрела в его сторону. Почему-то он снова вспомнил свою мать-датчанку, которая жила под Питермарицбургом. Управится с заданием, надо будет съездить и проведать ее.

В тот же день он позвонил входящему в группу радисту, французу по национальности, который дожидался вызова в Копенгагене. Предложил ему прибыть в Стокгольм не позже четырнадцатого ноября и дал понять, что схема действий будет примерно та же, что в прошлый раз.

В конце очередной недели Рейнхард Гейдт почувствовал, что молчаливые, вечно занятые своей игрой японские коллеги вконец ему осточертели, и решил отвести душу с

женщиной. Строго говоря, это было отступлением от заведенного порядка; до сих пор он перед операциями держался от женщин в стороне.

Огромное количество проституток в Стокгольме удручало его; особенно много было среди них совсем юных девчонок, готовых буквально на все, чтобы добыть наркотики или хотя бы деньги на заветную дозу.

Понаблюдав унылую картину женской биржи, а также далеко не утонченные методы борьбы полиции с этим явлением, он зашел в бар одного из наиболее дорогих отелей.

Рейнхард Гейдт не употреблял спиртного, но иногда с удовольствием выпивал стакан томатного сока с острой приправой. Потягивая сок, он размышлял о том, какую женщину хотел бы встретить. Желательно высокую пепельную блондинку лет двадцати пяти. Самому Гейдту было тридцать, но почему-то его особенно привлекали двадцатипятилетние. Только не профессионалки, тем более из соответствующего заведения. Он уже начал разочаровываться в мифе о «красивый шведский девушка», решив, что это лишь одно из множества измышлений, распространяемых в пропагандистских целях.

Гейдт принялся за второй стакан сока, когда в бар вошла женщина и села у другого конца стойки. Ей подали апельсиновый сок с красной ягодой и затейливо вырезанным кружочком апельсина.

Они раз-другой переглянулись, не скрывая обоюдного интереса.

Он справился через бармена, можно ли угостить даму, и получил утвердительный ответ. В эту минуту освободился табурет рядом с ней. Гейдт вопросительно посмотрел на него, и она снова кивнула.

Пересев, он с полчаса развлекал ее беседой на скандинавском наречии. Назвался датским инженером Рейнхардтом Ёргенсеном: всегда удобнее держаться возможно ближе к истине, а девичья фамилия его матери была Ёргенсен. Женщина назвалась Рут Саломонссон. Он сразу спросил, сколько ей лет, и она ответила — двадцать пять. Все подходило: волосы пепельные, глаза голубые, высокая, стройная.

Гейдт пригласил ее в кино. Почувствовал, что этот ход не совсем удачный, и предложил пообедать вместе.

Она с улыбкой ответила, что уже поела, но охотно пообедает с ним как-нибудь в другой раз.

Около четверти часа понадобилось ему, чтобы сообразить, что ее привели в бар те же побуждения, что и его.

После чего оставалось только подойти к швейцару и попросить, чтобы он вызвал такси.

Как водится у женщин в таких случаях, Рут Саломонссон пришла не одна, а с подругой.

Подруга сидела в обществе какого-то мужчины за столиком в том же баре, и в ожидании машины Рейнхард Гейдт учтиво побеседовал с ней.

Вечер удался на славу, он не ошибся в выборе и лишь через несколько часов спросил:

— А ты где работаешь?

Сам он что-то рассказывал ей про бизнес, про деловые поездки. Она прикурила от его сигареты, выпустила облачко дыма и сказала:

— В полиции.

— В полиции? — переспросил он. — Ты служишь в полиции?

— Ну да, сержант полиции.

— Интересная работа?

— Да нет, ничего волнующего. Наш отдел расследует экономические дела.

Он промолчал. Ее ответ слегка озадачил его, а вообще-то его маленькое приключение от этого стало только интереснее.

— Я не хотела говорить об этом сразу, — продолжала она. — Некоторые косо смотрят на тебя, как услышат, что ты работаешь в полиции.

— Ерунда, — произнес Рейнхард Гейдт, привлекая ее к себе.

Было около семи утра, когда он вернулся домой к своим японцам. Те укоризненно посмотрели на него и снова легли спать.

Сам он чувствовал прилив бодрости и не сомневался, что шутя одолеет все проблемы.

Принял душ, лег и провел весь день за чтением интересной книги, а именно истории морских сражений Рюге. Он читал эту книгу, как любители шахмат читают сборники выдающихся партий, снова и снова штудируя одни и те же абзацы и комбинации.

Сегодня он остановился на «Везерюбунге» — кодовое название операции германского флота против Дании и Норвегии в 1940 году. Гейдт особенно любил этот раздел и знал его назубок.

И каждый раз одинаково удивлялся. Горстка судов идет к далеким целям через море, где господствуют вражеские самолеты и корабли. Несмотря на огромное численное превосходство противника, операция неожиданно удается, обеспечивая победоносный исход всей кампании. Изумительное своей парадоксальностью совершенство.

Кстати сказать, Мартин Бек тоже время от времени брал с книжной полки Рюге.

Таким образом, хотя бы в одном интересы его и Рейнхарда Гейдта сходились, и можно посчитать забавным, что в понедельник одиннадцатого ноября, ровно за десять дней до приезда высокого гостя, они лежали и читали один и тот же раздел.

Мартин Бек тоже отдавал должное военной стороне операции «Везерюбунг» — теперь, много лет спустя после ее проведения, да и то втихомолку, боясь признаться в этом самому себе.

Он хорошо помнил, как в апреле тридцать четыре года назад разразилась гроза; тогда ему было не до разбора стратегических операций, все потонуло в топоте проклятых коричневых батальонов.

А что делал сам Мартин Бек весной сорокового? Ему шел восемнадцатый год, у него было что-то с легкими. Он трудился как мог в маленькой транспортной конторе в центре города, которую отец учредил вместе со своим компаньоном весной тридцать девятого.

Что было дальше? В сорок четвертом Мартин Бек пошел в полицию, чтобы избежать военной службы, в том же году трудные времена вынудили отца закрыть транспортную контору, а еще через пять лет он умер. Теперь все умерли, здание конторы снесли, и от городского района, где оно стояло, ничего не осталось.

Сам-то Мартин Бек, конечно, не умер. Ему пятьдесят два года, он комиссар уголовной полиции.

Операция «Везерюбунг» стала достоянием истории.

Теперь ее можно было рассматривать бесстрастно, если только допустить, что определения «хорошо» или «плохо» к истории неприложимы.

В тысяча девятьсот сороковом Рейнхарда Гейдта не было еще даже в мечтах голубоглазой датчанки на ферме под Питермарицбургом.

## XIV

Гюнвальд Ларссон обозрел свой новый костюм.

Будет ли это дурной приметой, если он наденет его в день великого события? Не придется ли ему потом стряхивать с себя кишки непопулярного сенатора или что-нибудь в этом роде? Вполне возможно. И он твердо решил надеть этот костюм в следующий четверг.

Мысли Гюнвальда Ларссона часто избирали непроторенные пути.

Пока же он облачился, как обычно, в кожаную куртку на меховой подкладке, коричневые брюки и крепкие датские ботинки на каучуке. Посмотрел на себя в зеркало, покачал головой. И отправился на работу.

Гюнвальда Ларссона огорчало, что он стареет. Близилось его пятидесятилетие, и он все чаще спрашивал себя, в чем, собственно, заключался смысл его жизни. Он весело и скоропалительно промотал бо́льшую часть своего наследства; это были, мягко выражаясь, памятные дни и для него, и для других. Он неплохо чувствовал себя военным моряком, еще лучше — служа в торговом флоте, но за каким чертом пошел он в полицию? Добровольно занял в обществе такое место, где часто приходилось поступать наперекор собственным убеждениям.

Ответ был прост. С его образованием это была единственная работа, которую он мог получить на берегу. К тому же тогда он надеялся, что сможет принести какую-то пользу. Да только оправдалась ли эта надежда?

И почему он не женился? Случаев предоставлялось множество, но теперь-то, пожалуй, поздно.

И вообще: выбрал время задаваться такими вопросами!

Доехав до полицейского управления, он поставил машину на стоянку и поднялся на лифте в отдел насильственных преступлений, где обосновался штаб оперативной группы. Комнаты были паршивые, краска облупилась, и казалось, все здание в целом вот-вот обрушится под напором нового гигантского комплекса ЦПУ, который вырастал у него перед самыми окнами.

Это нелепейшее парадное сооружение было почти завершено. Утверждалось, что его задача — сосредоточить в одном месте все полицейские силы, в частности, на случай государственных переворотов. Интересно, почему же тогда его выстроили на островке, который ничего не стоило изолировать, выведя из строя весьма уязвимые мосты?

Задолго до окончания строительства каменный колосс преподнес полиции великолепный образец загадки с запертой комнатой. Здание собирали из готовых блоков, которые устанавливались краном. В одном таком блоке строители нашли мертвого бродягу. Причиной смерти, как выяснилось вскоре, была непомерная доза героина, но ведь дверь блока была заперта. Так и не удалось установить, каким образом бродяга очутился внутри.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на электрические настенные часы. Три минуты девятого.

Четырнадцатое ноября, ровно неделя до великого дня.

Штаб размещался в четырех комнатах. Не слишком просторно; правда, полицеймейстер и Мёллер почти не показывались, начальник охраны общественного порядка тоже редко появлялся, Мальм и начальник ЦПУ не наведывались вовсе.

Чаще других здесь можно было застать Мартина Бека.

Почти всегда ему составляли компанию Гюнвальд Ларссон и Эйнар Рённ, а также Бенни Скакке и Фредрик Меландер. Последний числился старшим следователем отдела краж, но за спиной у него был не один год службы в группе расследования убийств и в стокгольмском отделе насильственных преступлений.

Старший из них по возрасту, Меландер был человек своеобразный и незаменимый. Его память работала, как вычислительная машина, только лучше. Пропуская через него все данные, члены группы были застрахованы от дублирования и всяких промашек. Замкнутый долговязый мужчина, он по большей части молча изучал бумаги и ковырялся в своей трубке. Если Меландер не сидел на рабочем месте, его наверняка можно было застать в уборной — обстоятельство, о котором знала и над которым потешалась половина столичной полиции.

Те, кто редко наведывался в штаб, располагали собственными удобными кабинетами поблизости. Так, начальник охраны общественного порядка в основном руководил своим

сектором из кабинета в старом здании на Агнегатан. И направлял Мартину Беку копии всех входящих и исходящих.

В общем, штаб был не так уж и плох. Между его членами царили непринужденные отношения, вот и теперь Гюнвальд Ларссон простым кивком приветствовал Рённа, прежде чем войти к Мартину Беку. А тот сидел, свесив ноги, на своем столе и разговаривал по телефону, одновременно листая толстую пачку рапортов.

— …Нет, — говорил он. — Я уже много раз повторял, что у меня нет никакой точки зрения на этот счет.

— …Да, вот именно, действуйте по своему усмотрению.

— …Нет, я этого не говорил.

— …Да-да, я сказал, чтобы вы действовали по своему усмотрению. У нас на этот счет нет никаких соображений. Понятно? — повысил он голос.

— …До свидания. — И положил трубку.

Гюнвальд Ларссон вопросительно посмотрел на него.

— Военные летчики, — объяснил Мартин Бек.

— На фиг, — бросил Гюнвальд Ларссон.

— Я то же самое пытался сказать, только чуть вежливее. Допытываются, хватит ли нам эскадрильи истребителей.

— И что ты им ответил?

— Ответил, что нам аэропланы вообще не нужны.

— Так и сказал?

— Ну да. Генерал сразу надулся. Должно быть, аэроплан — нехорошее слово.

— Именно. Это примерно то же, что палубу на корабле назвать полом.

— Ой-ой, надо же. Ладно, я извинюсь, если он позвонит еще, — сказал Мартин Бек. Бросил взгляд на календарик на своих часах и продолжал: — А твои друзья из БРЕН что-то не дают о себе знать.

В последние недели пограничный контроль был чрезвычайно усилен.

Гюнвальд Ларссон выдернул из ноздри жесткий волос, внимательно рассмотрел его и буркнул:

— М-м-м.

— Это как понимать? — спросил Мартин Бек. Гюнвальд Ларссон прошелся широкими шагами по кабинету, наконец произнес:

— Мне кажется, нам следует действовать так, как если бы они находились здесь.

— Ты допускаешь, что они еще не приехали?

— Вряд ли. Если они что-то затевают, значит, уже прибыли на место.

— Одним человеком им не обойтись. И все они сумели пробраться незамеченными?

На пограничных контрольных постах было задержано для проверки немало людей, но у всех документы оказались в порядке.

— Странно, конечно, — согласился Гюнвальд Ларссон. — И все же…

Он остановился.

— Есть и другая возможность, они могли приехать до того, как был усилен пограничный контроль, — сказал Мартин Бек.

— Верно, такая возможность не исключена. Гюнвальд Ларссон выглядел на редкость озабоченным.

— О чем ты задумался? — спросил Мартин Бек.

— О том, что случай очень уж подходящий для БРЕН. По времени в самый раз. И они еще не совершали акций в Европе. К тому же этот деятель…

— Непопулярен?

— Непопулярен, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — Настолько, что ему, очевидно, следует опасаться за свою голову.

— Что ж, в таком случае его приезд можно истолковать как известное проявление личного мужества, — бесстрастно произнес Мартин Бек.

Потом спросил, переводя разговор в другое русло:

— Видел вчера что-нибудь интересное?

Гюнвальду Ларссону было поручено просмотреть представленные службой безопасности фильмы об официальных визитах.

— Как тебе сказать… Кстати, о мужестве: я обратил внимание, что Никсон проехал с Тито через Белград в открытой машине. То же самое в Дублине. Никсон и Де Валера красовались в древнем «ролс-ройсе» с открытой крышей. Судя по фильму, у них был всего один охранник. Зато когда Киссинджер приезжал в Рим, половина страны была оцеплена.

— А самую классическую ленту тоже показали? Визит папы римского в Иерусалим?

— Показали, да я ее, к сожалению, видел раньше.

Визит папы в Иерусалим обеспечивала иорданская секретная полиция, и ее действия вызвали переполох, подобного которому вряд ли знала мировая история. Даже Стиг Мальм не сумел бы достичь такого эффекта.

Зазвонил телефон.

— Бек слушает.

— Привет, — сказал в трубке начальник охраны общественного порядка. — Ты смотрел бумаги, которые я тебе послал?

— Как раз сижу и смотрю.

— Как видишь, в эти два дня в остальных районах страны будет ощущаться острая нехватка в полицейских.

— Ясно.

— Я хотел только, чтобы ты это учел.

— Строго говоря, это не мое дело. Спроси начальника цепу, учитывает ли он.

— Ладно, я позвоню Мальму.

Вошел Рённ — очки на кончике носа, в руке лист бумаги.

— Вот, я тут нашел у себя на столе список СО.

— Он должен лежать на моем столе, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Положи его туда. И вообще, кому это вздумалось перекладывать его?

— Только не мне, — ответил Рённ.

— Что это за список? — спросил Мартин Бек.

— Люди, которых предпочтительно держать на привязи, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — От которых больше всего проку, когда они сидят в дежурке и играют в крестики-нолики. Я понятно выразился?

Мартин Бек взял у Рённа список. Его возглавляли достославные имена.

Список СО:

Бу Цакриссон

Кеннет Квастму

Карл Кристианссон

Виктор Паульссон

Альдор Гюставссон

Рикард Улльхольм

И так далее.

— Куда понятнее, — заключил Мартин Бек. — Да, их самое верное на дежурство посадить. А что означает СО?

— Совершенные обалдуи, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Но не писать же так открытым текстом.

Они прошли в кабинет побольше, где сидели Рённ и Меландер. Здесь на стене висела прикрепленная липкой лентой синька с планом Стокгольма и начерченным на нем предварительным маршрутом кортежа.

Как это почти всегда бывает в таких оперативных центрах, царила легкая кутерьма.

Поминутно звонил телефон, то и дело входили курьеры и вручали конверты с внутриведомственной информацией.

Меландер как раз говорил по телефону.

— Здесь, только что вошел. Он подал трубку Мартину Беку.

— Бек слушает.

— Хорошо, что я тебя застал, — произнес голос Стига Мальма.

— Ага.

— Кстати, поздравляю с фантастически изящной разгадкой убийства Петруса.

С некоторым опозданием. И не в меру громкие слова.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек. — Вообще-то главная заслуга принадлежит Осе и Бенни. Хорошо головой поработали. Особенно Оса.

— Оса?

Мальм плоховато знал кадры.

— Оса Турелль. Из угрозыска в Мерста.

— Ах, эта, — небрежно произнес Мальм.

Он был не слишком высокого мнения о следователях-женщинах.

— У тебя все? — спросил Мартин Бек.

— Нет. К сожалению.

— Что там еще?

— Командующий военно-воздушными силами только что звонил начальнику цепу.

Быстро сработано, подумал Мартин Бек. Вслух он сказал:

— Ну?

— Генерал явно…

— Взбешен?

— Ну-ну, скажем так: его огорчает недостаточное стремление полиции сотрудничать в данном деле.

— Вот как.

Мальм смущенно прокашлялся.

— Ты что — простудился? — спросил Мартин Бек.

И подумал: не повезло мне с начальством. Тут же его осенило, что сейчас дело обстоит как раз наоборот — он вправе считать себя начальником Мальма. И Мартин Бек отчеканил:

— У меня много дел. Что тебе надо?

— Понимаешь, мне представляется, что наши связи с военными — важный и щекотливый вопрос. Поэтому желательно вести переговоры с военным ведомством в духе взаимопонимания. Ну, ты сам понимаешь, это не я говорю.

Мартин Бек усмехнулся.

— А кто же тогда, черт возьми? Кто-нибудь подключился?

— Мартин, — взмолился Мальм. — Ты ведь знаешь мое положение. Не так-то легко…

— Ладно, — сказал Мартин Бек. — Что еще?

— Пока ничего.

— Тогда привет.

— Привет.

В ходе этого разговора в кабинет вошел Бенни Скакке. Он вопросительно посмотрел на Мартина Бека. Тот объяснил:

— Член коллегии Мальм. Колоритная личность, тебе еще не раз предстоит столкнуться с ним по службе.

Гюнвальд Ларссон стоял перед планом города. Сказал, не оборачиваясь:

— Не преувеличивай. Мальм всего-навсего безмозглый бюрократ, каких в управленческом аппарате не счесть.

Снова зазвонил телефон. Меландер взял трубку. Оказалось, Мёллер пожелал сообщить о своей борьбе против того, что он называл подрывными силами. Попросту, против коммунистов.

Они предоставили Меландеру объясняться с шефом сепо. Он был мастер на такие беседы. Отвечал коротко, терпеливо, твердо, никогда не повышая голоса. Звонивший не мог рассчитывать на горячее сочувствие, но и не мог пожаловаться на нелюбезное обхождение.

Остальные изучали маршрут кортежа.

Программа визита была очень проста.

Личный самолет сенатора, который, надо думать, десять раз на дню проверялся специально подобранными механиками, приземляется в аэропорту Стокгольм — Арланда в 13.00. У трапа гостя встречает представитель правительства. Вместе они проходят в зал для высокопоставленных лиц; правительство решило обойтись без почетного караула. Представитель правительства и американский гость садятся в бронированную машину и направляются к зданию риксдага на площади Сергеля. Позднее в тот же день сенатор, вернее — четыре офицера с американского эсминца, случайно оказавшегося в гавани Осло, возлагают венок на могилу старого короля.

Этой идее воздаяния почестей усопшему монарху предшествовала совершенно нелепая история. Началось с того, что сенатора запросили, будут ли у него какие-нибудь особые пожелания. Он ответил, что хотел бы посетить лопарское кочевье, где лопари живут, как пятьсот лет назад. Это пожелание вызвало легкую меланхолию у тех членов правительства, по чьей инициативе был приглашен американец, ибо оно обличало великое невежество относительно Швеции в целом и саамов в частности. Пришлось ответить, что таких кочевий не существует, и выдвинуть контрпредложение: может быть, сенатору будет интересно осмотреть военный корабль «Ваза», построенный в семнадцатом веке. Сенатор сообщил, что его не интересуют старые корабли, лучше он воздаст почести недавно умершему королю, коего не только сам сенатор, но и широкие слои народа США считают самым выдающимся шведом современности.

Новое пожелание не вызвало особого восторга. Не один министр был слегка шокирован проявлениями крайнего монархизма в связи со смертью старого короля и провозглашением нового. По их мнению, почестей отдали более чем достаточно, и через дипломатические

каналы сперва было выражено недоумение, как трактовать слово «недавно» (после кончины Густава VI Адольфа прошло больше года), затем решительно дано понять, что правительство не заинтересовано в культе умерших королей. Однако сенатор был непреклонен. Он вбил себе в башку, что возложит венок, и баста.

Посольство США оформило заказ на венок — такой огромный, что над ним работали сразу две фирмы. Сенатор сам определил размеры венка и подбор цветов. Четыре морских офицера прибыли в Стокгольм уже двенадцатого ноября; к счастью, все они были настоящие богатыри, рост — не ниже, чем метр девяносто. Похвальная предусмотрительность, ибо менее рослые моряки вряд ли смогли бы вообще оторвать венок от земли.

После этой церемонии, при которой после долгих отнекиваний согласился присутствовать глава правительства, кортеж направляется к зданию риксдага, где во второй половине дня намечались неофициальные переговоры сенатора с рядом министров.

Вечером правительство устраивает парадный обед, на котором даже лидерам оппозиционных партий с супругами предоставляется возможность потолковать с человеком, чуть не ставшим президентом США.

Политическое лицо сенатора было таково, что Херманссон[8] отказался обедать в его обществе.

На ночь сенатору отводились апартаменты в гостевом доме американского посольства.

Программа на пятницу была предельно проста.

Король устраивает завтрак во дворце. Двор еще не утвердил точную процедуру, но предварительно намечалось, что король встретит гостя в дворцовом саду и они вместе войдут в здание.

После завтрака сенатор в сопровождении одного или нескольких членов правительства едет прямиком в аэропорт Арланда, прощается и отбывает в США. Точка, конец.

Ничего особо примечательного или сложного.

Даже нелепо, что столько полицейских сотрудников всех рангов должны заниматься охраной одного-единственного человека.

Руководители этой операции сейчас стояли перед картой.

Все, кроме Меландера, который продолжал говорить по телефону.

Рённ вдруг усмехнулся без видимого повода. Гюнвальд Ларссон осведомился:

— Что с тобой, Эйнар? Скакке подхватил:

— Какая муха тебя укусила?

Гюнвальд Ларссон сурово взглянул на Скакке, тот покраснел и надолго примолк.

— Да вот, — ответил Рённ. — Подумать только, этот тип хотел посмотреть на лопарей. Пусть заедет ко мне домой и поглядит на Унду. Только поглядит, разумеется.

Ундой звали жену Рённа, она была саамка, маленькая, полная, черноволосая и кареглазая. Их сыну Матсу в марте исполнилось десять лет.

Мальчик был голубоглазый блондин, как и сам Рённ, но унаследовал бурный темперамент матери, и на долю Рённа выпала роль миротворца в семье, где чуть ли не каждый пустяк давал повод к жарким спорам на повышенных тонах.

Меландер закончил очередной телефонный разговор, встал и подошел к остальным.

— Гм-м-м, — начал он. — Я тут, как и вы, прочитал весь материал об этой диверсионной группе.

— Ну и куда бы ты заложил фугас? — спросил Мартин Бек. Меландер раскурил трубку и с твердокаменным лицом осведомился:

— А вы сами куда поместили бы этот весьма проблематичный заряд?

Пять указательных пальцев потянулись к карте города и встретились в одной точке.

— Чтоб мне провалиться, — сказал Рённ.

Все слегка оторопели. Наконец Гюнвальд Ларссон произнес:

— Если пять таких мудрецов, как мы, приходят к совершенно одинаковому выводу, можно поручиться, что он абсолютно завиральный.

Мартин Бек отошел в сторону, облокотился на конторский шкаф и сказал:

— Фредрик, Бенни, Эйнар и Гюнвальд, через десять минут вы представляете мне письменную мотивировку. Пишете порознь. И сам я тоже напишу. Покороче.

Он вернулся в свой кабинет. Зазвонил телефон. Он не стал брать трубку. Вставил в машинку лист бумаги и начал выстукивать одним пальцем.

«Если БРЕН наметил террористический акт, то, скорее всего, будет применен фугас, подрываемый на расстоянии. При той системе охраны, которую мы налаживаем, вероятно, труднее всего будет защититься от фугаса в газовой сети. В частности, потому что этот метод обеспечивает достаточно большую силу взрыва. Лично мой выбор наиболее вероятного места на въезде в Стокгольм со стороны аэропорта основывается на том, что без серьезных затруднений, и в первую очередь без перегруппировки полицейских сил, невозможно будет направить кортеж по какому-либо иному пути. Как раз в данном месте располагается много подземных ходов и коридоров, принадлежащих, главным образом, находящейся в стадии строительства системе внутренних коммуникаций метро, а также сложное переплетение канализационных труб. Сюда можно также попасть через некоторые уличные колодцы и другие ходы, если знать городские подземные коммуникации. Нам надлежит также предвидеть возможность размещения других фугасов и попытаться определить их наиболее вероятное расположение. Мотивировка Бека».

Скакке принес свое обоснование еще до того, как Мартин Бек кончил писать. За ним последовали Меландер и Гюнвальд Ларссон.

Последним явился Рённ. У него на писание ушло почти двадцать минут. Он был далеко не мастер пера.

Суть у всех была одна и та же, однако опус Рённа являл собой наиболее примечательное чтение. Он написал:

«Подземный бомбометатель, даже если он применит радиодетонацию, должен засунуть бомбу в газопровод там, где таковой имеется. В том самом месте, куда я показал, находится несколько газовых труб (пять), и, чтобы поместить где-то там бомбу, он должен, подобно кроту, либо сам прорыть себе туннель, либо воспользоваться теми ходами, которые уже есть в наличии. В том самом месте, куда я показал, имеется множество уже прорытых ходов, и если сама бомба такая маленькая, как говорит Гюнвальд, против нее невозможно будет принять меры, если только мы уже теперь не хотим направить туда целую ораву подземных полицейских и тем самым создать подземную группу, но ведь у них нет никакого опыта, так что и пользы, пожалуй, не будет.

Эйнар Рённ, следователь.

Но ведь нам неизвестно, есть ли там под землей какие-нибудь бомбовые террористы, а если они есть, то ни наземные, ни подземные полицейские их не пресекут, а еще они могут плыть по канализации, и тогда нам понадобится группа канализационных аквалангистов, вот».

Автор заметно переживал, пока Мартин Бек читал эту записку, но начальник оперативного центра ни разу не улыбнулся и положил листок поверх остальных.

Рённ соображал хорошо, только писал немного странно. Может быть, поэтому его до сих пор не перевели в старшие следователи.

Иногда злокозненные личности пускали по рукам его писания, и у многих они вызывали насмешки.

Конечно, полицейские рапорты подчас ни на что не похожи, но ведь Рённ опытный следователь, говорили люди, с него другой спрос.

Мартин Бек подошел к шкафу, выпил стакан воды, привычно облокотился, почесал лоб и сказал:

— Бенни, предупреди, чтобы с нами никого не соединяли и не впускали посетителей. Кто бы это ни был.

Скакке выполнил распоряжение, но заметил:

— А если придет начальник цепу или Мальм?

— Мальма вытолкаем в шею, — ответил Гюнвальд Ларссон. — А что до второго, пусть займется пасьянсом. У меня в столе лежат карты. Собственно, карты Эйнара, они достались ему по наследству от Оке Стенстрёма.

— Ну так, — сказал Мартин Бек. — Сперва послушайте сообщение Гюнвальда.

— По поводу техники, которую БРЕН применяет при установке фугасов, — начал Гюнвальд Ларссон. — Сразу после террористического акта, совершенного пятого июня, саперы полицейского ведомства вместе с военными экспертами начали искать другие заряды в городской газовой сети. Удалось обнаружить два невзорванных заряда. Они занимали так мало места и были так ловко замаскированы, что первый нашли через три месяца, а второй только на прошлой неделе. Хотя оба были размещены на пути следования кортежа по программе второго дня визита. Местами пришлось перекапывать землю метр за метром. Сами бомбы представляли собой весьма усовершенствованный тип зарядов, которые в свое время применяли подрывники в Алжире. Конструкция радиодетонатора самая наисовершенная.

Он остановился.

— Так, с этим вопросом все, — заключил Мартин Бек. — Теперь обсудим следующий, причем это должно остаться между нами. Только наша пятерка будет посвящена. Больше никто. Есть, правда, одно исключение, но об этом позже.

Обсуждение продолжалось два часа. Каждый высказал свое мнение.

Мартин Бек был очень доволен итогом. Что бы отдельные члены ни думали друг о друге, группа сложилась хорошая. Правда, ему пришлось довольно часто прибегать к разъяснениям, и он лишний раз пожалел, что нет Колльберга.

Скакке справился, кто звонил в эти два часа. Звонила куча народу.

Начальник ЦПУ, полицеймейстер Стокгольма, верховный главнокомандующий, командующий сухопутными силами, адъютант короля, директор радиовещания, член коллегии Мальм, министр юстиции, председатель умеренной коалиционной партии, начальник охраны общественного порядка, репортеры десятка различных газет, посол США, полицеймейстер Мерсты, секретарь премьер-министра, начальник постоянной охраны риксдага, Леннарт Колльберг, Оса Турелль, верховный прокурор, Рея Нильсен и одиннадцать неизвестных граждан.

Мартин Бек глубоко вздохнул, озабоченно глядя на список.

Жди осложнений в той или иной инстанции, а то и в нескольких сразу.

Он провел по перечню указательным пальцем, пододвинул к себе телефон и набрал номер Реи.

— Привет, — весело сказала она. — Я помешала?

— Ты мне никогда не мешаешь.

— Придешь домой вечером?

— Приду, но, наверно, поздно.

— Как поздно?

— В десять, одиннадцать, что-нибудь в этом роде.

— Что ты ел сегодня? — строго спросила она. Мартин Бек промолчал.

— Значит, ничего? Напоминаю, мы уговаривались говорить правду.

— Ты права. Как обычно.

— Ну так я тебя жду. Если сможешь, позвони за полчаса до прихода. Я не хочу, чтобы ты помер с голоду до того, как прилетит этот хмырь.

— Ладно. Обнимаю.

— Обнимаю.

Члены группы поделили список между собой. Одни разговоры были короткими, другие длинными и сложными. Гюнвальд Ларссон соединился с Мальмом.

— Тебе чего?

— Похоже, Бек пытается свалить на нас ответственность за то, что в столицу вызвано много полицейских из провинции. Начальник охраны общественного порядка звонил недавно по этому поводу.

— Ну и что?

— Мы здесь в цепу хотим только подчеркнуть, что вы не должны содействовать множеству еще не совершенных преступлений на периферии.

— А мы содействуем?

— Начальник цепу придает большое значение вопросу об ответственности. Если будут совершены преступления в других местах, мы не примем вину на себя. Цепу тут не при чем.

— Поразительно, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Будь я в составе цепу, позаботился бы о принятии превентивных мер. Чем вы, собственно, занимаетесь в цепу? Как ты себе это представляешь?

— Ответственность несем не мы, а правительство.

— Хорошо, я позвоню министру.

— Что?

— Ты отлично слышал, что я сказал. Пока.

Гюнвальд Ларссон еще никогда не разговаривал с кем-либо из членов правительства. Да и не испытывал такого желания. Тем не менее он решительно набрал номер министерства юстиции.

Его сразу соединили с министром.

— Добрый день, — начал он. — Моя фамилия Ларссон, я служу в полиции. Занимаюсь вопросами охраны в связи с предстоящим визитом сенатора.

— Добрый день. Я о вас слышал.

— Дело в том, что тут возникла, на мой взгляд, неуместная и нелепая дискуссия — кто виноват, что в следующий четверг и пятницу, скажем, в Энчёпинге и Норртэлье не будет ни одного фараона.

— И что же?

— Я хотел просить вас ответить на этот вопрос, чтобы мне не собачиться из-за этого со всякими идиотами.

— Понятно. Ответственность, разумеется, несет правительство в целом. Не будем указывать пальцем на отдельных лиц — скажем, на тех, кто выступил инициатором приглашения и настоял на нем. Я лично укажу Центральному полицейскому управлению, чтобы оно приняло все возможные меры для усиления профилактики преступлений в районах с острой нехваткой людей.

— Отлично, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Я только это и хотел услышать. До свидания.

— Минутку, — остановил его министр. — Я тут сам звонил, хотел узнать, как вы оцениваете положение с мерами безопасности.

— Мы оцениваем его как хорошее, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Работаем в соответствии с четким, но достаточно гибким планом.

— Отлично.

А ведь толковый человек, подумал Гюнвальд Ларссон. Недаром министр юстиции слыл благим исключением среди политиков-карьеристов, которые правили Швецией в период затяжного и явно неизбежного упадка.

Так и прошел остаток дня в множестве пустых по преимуществу телефонных разговоров. И курьеры без конца сновали взад-вперед.

Около десяти вечера Гюнвальду Ларссону принесли папку, содержимое которой заставило его почти на полчаса погрузиться в размышления.

Скакке и Мартин Бек еще сидели на своих местах, но уже собирались идти домой, и Гюнвальд Ларссон не хотел портить им вечер. Сперва он решил вообще ничего не говорить до завтра.

Потом передумал и молча передал папку Мартину Беку, который безучастно сунул ее в свой портфель.

До Тюлегатан Мартин Бек добрался только в двадцать минут двенадцатого.

Трудовой день завершился долгим совещанием с начальником охраны общественного порядка. Дело было важное и требовало серьезного внимания. Как распорядиться огромной армией полицейских? Как их разместить, кормить, перевозить? Где они должны находиться в тот или иной час дня? Как обращаться с демонстрантами?

Начальник охраны общественного порядка был неплохим организатором. К тому же он умел подойти непредвзято к так называемым щекотливым вопросам.

Вопрос о демонстрантах относился к их числу. Многое указывало, на то, что Эрик Мёллер намеревается скоро сделать какой-то ход и готов обратиться в высшие бюрократические инстанции, чтобы заручиться поддержкой своей позиции.

Поэтому Мартин Бек стремился разработать совершенно четкую линию. Подготовить свое решение, чтобы парировать затеи сепо.

Лично он не видел никаких причин, почему бы не дать непопулярному гостю убедиться своими глазами и ушами, что в стране достаточно людей, коим он решительно не по душе и кои воспринимают его визит как оскорбление.

Очень уж многие дела, в которых был основательно замешан этот человек, были свежи в памяти, а то и продолжались. Вьетнамская война, вмешательство в Камбодже, массовые убийства в Чили — лишь некоторые примеры.

Начальник охраны общественного порядка разделял мнение Мартина Бека.

Но кое-кто не разделял. Например, Стиг Мальм, считавший, что полицейские кордоны и заграждения должны быть размещены так, чтобы сенатор не увидел ни одного демонстранта и ни одного лозунга.

Из последнего рапорта Эрика Мёллера о настроениях масс вытекало, что демонстрации будут весьма мощными, люди съедутся издалека, чтобы выразить свое отношение к гостю. Все это выведали его шпионы.

По-видимому, так оно и было. Не следовало поддаваться привычному представлению, будто все, что бы ни затеяла секретная полиция, либо заведомый ляпсус, либо намеренная травля левых.

Мартин Бек и начальник охраны общественного порядка думали о том, как разместить полицию, чтобы демонстранты получили полную возможность выразить свои чувства, но чтобы при этом наиболее воинственные группы не прорвались сквозь полицейское оцепление к кортежу и не преградили путь баррикадами. Начальник охраны общественного порядка считал, что справится с этой задачей. После некоторых колебаний он согласился и на следующее требование: полицейским будет запрещено применять силу без крайней нужды. Нарушители этого запрета получат дисциплинарное взыскание, а в наиболее серьезных случаях будут привлечены к ответственности.

Мартин Бек попробовал добиться замены слов «привлечены к ответственности» на «уволены», но в конце концов вынужден был отступить.

Подъезд он отпер собственным ключом. Поднялся на третий этаж и потрогал дверь. Заперта. Он позвонил условным сигналом.

У Реи были ключи от его квартиры, но он ключами к ее квартире запасаться не стал: что ему делать у нее, если хозяйки нет дома? А когда она бывала дома, дверь, как правило, не запирала.

Он услышал торопливые шаги, и Рея открыла.

Она была босиком, в длинном, почти до колен, пушистом серо-голубом свитере и выглядела на диво бодрой.

— Черт. Не мог раньше предупредить. У меня в духовке одна штука, которой надо стоять еще полчаса.

Он смог позвонить ей только после совещания с начальником охраны общественного порядка, то есть десять минут назад. И доехал на патрульной машине, поскольку такси, как обычно, невозможно было вызвать.

— Господи, до чего у тебя вид усталый, — продолжала она. — Сколько тебе твердить, чтобы ты ел?

Внимательно посмотрела на него и добавила:

— Как насчет бани? По-моему, это то, что тебе сейчас нужно.

Год назад Рея оборудовала в подвале парную баню для жильцов. Когда ей хотелось помыться самой, она попросту вешала записку на подвальной двери.

Мартин Бек облачился в старый купальный халат, висевший в шкафу в спальне, а Рея тем временем наладила баню. Баня была отменная — сухая и жаркая.

Большинство молча сидят в такой бане, но Рея была другого склада.

— Ну, как твое диковинное задание? — поинтересовалась она.

— Да вроде бы ничего, только…

— Что — только?

— Нет у меня полной уверенности. Никогда не приходилось заниматься такими вещами.

— Придумали тоже, приглашать такого подонка, — сказала Рея. — Эти социал-демократы совсем стыд потеряли.

— Похоже, он не особенно популярен.

— Популярен? Жаль, если тебе удастся его уберечь.

— Ты серьезно?

— Да нет, что ты. Оружие — не лучший способ решать проблемы. Разве только в некоторых случаях.

— Например?

— Освободительные войны, которые идут уже не первый год. Возьми хоть Вьетнам. Что людям остается делать? Они вынуждены сражаться. Теперь там победа близка. Сколько еще осталось — неделя? До его приезда?

— Теперь уже меньше недели. Он будет в следующий четверг.

— Репортаж по радио или телевидению?

— Там и тут.

— Приеду на Чёпмангатан, посмотрю на это безобразие.

— Демонстрировать не собираешься?

— А что, — ответила она с сердитым видом. — Вообще-то следовало бы. Да только возраст уже не тот. Мне бы скинуть несколько лет.

— Ты слыхала про БРЕН?

— Что-то читала в газетах. Непонятно, чего они добиваются. Думаешь, готовят вылазку здесь?

— Не исключено.

— Опасный народ, похоже.

— Весьма.

— Ну как, хватит?

Температура поднялась почти до ста градусов. Рея плеснула воды на камни, и сверху спустился приятный нестерпимый жар.

Они приняли душ. Потом растерли друг друга махровыми полотенцами.

Вернувшись в квартиру, ощутили доносящийся из кухни весьма заманчивый запах.

— Кажется, готово, — заключила Рея. — Хватит сил накрыть на стол?

Только на это его и хватило. Да еще на то, чтобы поесть.

Ужин был вкусный, Мартин Бек давно так не наедался. Потом взялся за бокал с вином и притих. Она посмотрела на него:

— Да ты совсем выдохся. Иди-ка ложись.

Он и впрямь выдохся. Этот день с непрерывными звонками и совещаниями добил его.

Но почему-то не хотелось сразу ложиться спать. Очень уж хорошо он себя чувствовал в этой кухне с плетями чеснока, пучками полыни и тимьяна, гроздьями рябины.

— Рея? — произнес он наконец.

— Что?

— По-твоему, не надо было мне браться за это задание? Она подумала, прежде чем ответить. Потом сказала:

— Этот вопрос требует основательного разбора.

— А ты разберись, — сказал он, зевая.

— На мой взгляд, со стороны правительства вообще было скандальным ляпсусом приглашать этого реакционера. США давно уже выступают в роли знаменосцев войны. Не только они, конечно, достаточно назвать Израиль. Но США самые сильные и опасные. У нас тут в Швеции псевдосоциалистический режим не одно десятилетие твердит о нейтралитете. Да что это за нейтралитет, сплошной обман. Все время, задолго до холодной войны, нашу внешнюю политику направляли противники социализма и сторонники западного капитализма. Тот же Даг Хаммаршёльд, о котором одно время столько шумели, был именно таким. Его главной задачей в министерстве иностранных дел являлось обоснование внешнеполитической позиции страны. Он явно считал социалистический Советский Союз естественным врагом Швеции, а ее логическим союзником — США. Поскольку социал-демократическое правительство, хоть и сумело заморочить голову народу, будто воплощает

своего рода социализм, по существу, представляет интересы частного капитала, оно только и делает, что подавляет подлинный социализм. По его милости шведская разведка служит американским интересам. Оно выступало против сторонников освобождения Вьетнама, пока не стало ясно, что дальше обманывать народ не удастся. В данном вопросе. Вспомни хотя бы дело «Каталина», и ты поймешь, что я подразумеваю.

Дело «Каталина» принадлежало к наиболее засекреченным закулисным махинациям режима. По заданию американцев шведские самолеты совершали разведывательные полеты над советскими водами. В те времена правительство пускало в ход самую низкую ложь, разжигая антикоммунистические настроения, которые едва не привели к конечной цели всей затеи, а именно спровоцировать вступление Швеции в антисоциалистический блок НАТО.

Рея Нильсен глянула на Мартина Бека, проверяя, не уснул ли он. И продолжала:

— Ты тут на днях говорил мне про «Везерюбунг». Я не очень разбираюсь ни в шахматах, ни в мудреных морских сражениях и операциях. Но у меня хватает ума понять, что германский военно-морской штаб неплохо поработал. Как его звали, адмирала?

— Редер.

— Вот именно. Я прочитала его воспоминания, которые ты мне давал в прошлом году. Он явно был не лишен способностей, обладал личным мужеством. Но…

— Что — но?

— Ты забываешь одно обстоятельство, которое относится к «Везерюбунг». Французы и поляки все-таки заняли Нарвик и разрушили рудопогрузочные агрегаты после того, как англичане разгромили германский флот.

— Не флот, а эскадру миноносцев. У них не хватило топлива.

— Ну да, ну да, — раздраженно согласилась она. — Но главное то, что немецкий генерал — Дитль, кажется, — оказался в безнадежном положении. Был вынужден отступить в горы и просил разрешения Гитлера капитулировать. Но шведские железные дороги перебросили ему подкрепление и боеприпасы, так что он выстоял. Вот тебе еще один великолепный пример шведской политики нейтралитета. Правительство знало, что Гитлер не собирается нападать на Швецию, считает ее дружественной нацией. Тем не менее в правительстве, среди военных и, коли на то пошло, в полицейском ведомстве, тоже хватало людей, которые изо всех сил старались втянуть Швецию в войну на стороне фашистов: дескать, надо противостоять «красной угрозе». А когда русские разбили нацистов под Сталинградом и стало очевидно, что Гитлер проиграет войну, Швеция тотчас перенесла свои симпатии на США. И с тех пор верна этой позиции. Десятилетиями шведская социал-демократия дурачит массы лживой пропагандой. На самом деле она представляет интересы капитала да клики боссов, которые якобы руководят большинством рабочих. Это — преступление против народа, против каждого живущего в стране человека. И полиция причастна к этому преступлению. Знаю, знаю — ты и твоя группа расследования убийств не запятнали себя жестокими методами, и вы не участвуете в политических преследованиях. Но я отлично понимаю твоего товарища, который ушел из полиции.

— Колльберга?

— Он вообще славный мужик. И жена его мне нравится. Так вот, по-моему, он сделал правильно. Понял, что полицейское ведомство главным образом терроризирует две категории людей — социалистов и тех, кого сокрушило классовое общество. И поступил так, как требовали его совесть и убеждения.

— А по-моему, он поступил неправильно. Если все порядочные полицейские уйдут, потому что принимают на себя вину других, останутся одни болваны и дерьмо. Кстати, мы с тобой этот вопрос уже обсуждали раньше.

— Мы почти все уже обсуждали раньше. Верно? Он кивнул.

— Но ты сам задал конкретный вопрос, и теперь я тебе отвечу. Просто хотела сперва кое-что прояснить. Да, дорогой, по-моему, ты допустил ошибку. Что было бы, если бы ты отказался?

— Мне приказали бы.

— А если бы ты не подчинился приказу?

Мартин Бек пожал плечами. Он здорово устал, но этот разговор был важен для него.

— Возможно, меня отстранили бы от должности. Хотя, по чести говоря, вряд ли. Но задание поручили бы другому, это уж точно.

— Кому?

— Вероятно, Стигу Мальму, члену коллегии. Моему так называемому шефу и непосредственному начальнику.

— А он справился бы с этой задачей хуже тебя? Конечно, хуже. И все же мне кажется, вот так, по первому впечатлению, что надо было отказаться. Такое у меня чувство. Чувства анализировать трудно. Но я попробую. Наше правительство, якобы представляющее народ, приглашает заклятого реакционера, к тому же едва не ставшего президентом. Если бы его выбрали, вероятно, сейчас шла бы глобальная война. И такого типа будут принимать как почетного гостя. Кабинет министров во главе с премьером будет учтиво беседовать с ним о депрессии, о ценах на нефть и заверять, что старая, добрая нейтральная Швеция остается надежным оплотом борьбы против коммунизма. Его угостят шикарным обедом, он встретится с нашей так называемой оппозицией, которая представляет те же капиталистические интересы, что и правительство, только несколько откровеннее. Дальше ему предстоит завтрак с нашим марионеточным королем. И все это время его будут охранять так тщательно, так тщательно, что он, скорее всего, не увидит ни одного демонстранта и даже не будет знать о существовании недовольных, если ему не расскажут о них наша сепо или ЦРУ. Разве что заметит, что Херманссон не пришел на парадный обед.

— Тут ты ошибаешься. Демонстрантов не будут разгонять.

— Если правительство не струсит и не дезавуирует тебя. А что ты сделаешь, если премьер вдруг позвонит и скажет, чтобы всех демонстрантов отвезли на стадион Росунда и подержали там?

— Вот тогда я и впрямь откажусь.

Она долго смотрела на него, положив подбородок на поджатые колени и обхватив руками лодыжки. Ее волосы лохматились после бани.

Он думал о том, что она красивая женщина.

Наконец Рея сказала:

— Ты хороший человек, Мартин. Но работа у тебя гнусная. Кто эти люди, которых ты сажаешь за убийство и другие преступления? Взять хоть последний раз. Несчастный работяга решил дать сдачи капиталистической свинье, испортившей ему жизнь. Какое наказание его ждет?

— Двенадцать лет, полагаю.

— Двенадцать лет, — повторила она. — Что ж, может быть, он и не жалеет.

Лицо Реи помрачнело. И она, как это с ней часто бывало, вдруг заговорила о другом.

— Дети у Сары на четвертом этаже, поэтому можешь спать и не бояться, что они затеют прыгать у тебя на животе. Разве только я на тебя наступлю, когда буду ложиться.

Это случалось не раз, когда она ложилась позже него. Тут же Рея вернулась к прежней теме.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что на совести этого высокочтимого гостя десятки тысяч жизней. Он был одним из тех, кто особенно горячо ратовал за стратегические

бомбардировки Северного Вьетнама. Проявил себя еще во время войны в Корее, поддерживал Макартура, когда тот предложил сбросить на Китай водородную бомбу. Мартин Бек кивнул.

— Знаю.

И с трудом подавил зевок.

— Ступай-ка ты в кровать, — решительно распорядилась она. — Утром накормлю завтраком. В котором часу тебя поднимать?

— В семь.

— Ладно.

Мартин Бек лег и почти мгновенно уснул.

Рея некоторое время возилась на кухне, потом вошла в спальню и поцеловала его в лоб. Он не реагировал.

В квартире было тепло, она сняла свитер и забралась с книжкой в любимое кресло. Со сном у нее обстояло плохо, часто она не могла уснуть почти до утра. Бессонница — противный недуг, человек становится раздражительным и неуравновешенным. Раньше Рея пыталась бороться с ней красным вином, теперь же, чтобы время зря не пропадало, читала по ночам всякие скучные рефераты.

Рея Нильсен была любопытна и не стеснялась своего любопытства. Перечитав работу об исследовании личности, которую сама же написала несколько лет назад, она осмотрелась и заметила портфель Мартина Бека.

Недолго думая, открыла его и с интересом принялась изучать бумаги. Под конец достала папку, которую Мартин Бек перед самым уходом получил от Гюнвальда Ларссона.

Долго штудировала ее содержимое с напряженным вниманием и не без удивления.

Потом убрала все бумаги обратно в портфель и направилась к кровати.

Ложась, она наступила на Мартина Бека, но он спал так крепко, что ничего не почувствовал.

Она легла лицом к нему.

## XV

Мартин Бек ждал осложнений, и они начались уже на другое утро.

Эрик Мёллер собственной персоной вошел в кабинет и бросил на стол Меландера пачку бумаг, размноженных фотостатом.

— Вот наши планы ближней охраны, — сказал он. — Все готово. Мы привлекаем четыреста человек, поэтому я вызываю людей из провинции и…

Меландер ждал продолжения, спокойно покуривая трубку.

— …и из других мест.

— Каких других мест?

Мёллер не ответил. Вместо этого он спросил:

— Бек здесь?

Меландер показал черенком трубки.

Мартин Бек, Гюнвальд Ларссон и Скакке находились тут же. Они явно о чем-то беседовали, но замолчали, как только вошел шеф сепо. Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон приветствовали его кивком, Скакке нерешительно произнес:

— Здорово.

Как обычно, Мёллер слегка запыхался. Сев на свободный стул, он ослабил поясной ремень и вытер пот со лба относительно чистым носовым платком.

— Возникло новое, хотя и не совсем неожиданное, затруднение, — сообщил он.

— Вот как, — произнес Мартин Бек.

Мёллер достал расческу и попытался усмирить свой непокорный рыжий венчик. Без особого успеха. Наконец продолжил:

— Так вот, нами получены надежные данные из соседних стран, в первую очередь из Норвегии и Дании, что оттуда собираются приехать тысячи организованных демонстрантов. Целые пассажирские составы, но главным образом автобусы. И, конечно, личные машины.

— Вот как.

— Я пришел к вам, чтобы внести серьезное предложение.

— Ага.

— А именно, чтобы нам было разрешено остановить все эти группы на границе и отправить их обратно по домам.

Гюнвальд Ларссон до сих пор молчал. Тут он ударил ладонью по столу и очень громко сказал:

— Нет!

— Итак, я жду разрешения, — невозмутимо произнес Мёллер.

— Ты слышал ответ, — сказал Мартин Бек.

— Я думал, ты здесь начальник.

— Я разделяю мнение Гюнвальда.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете ситуацию, — настаивал шеф сепо. — Один Бог знает, сколько у нас будет собственных демонстрантов.

— А он знает? — спросил Гюнвальд Ларссон. — Тогда ты ошибся адресом. Церковь находится на Хантверкаргатан.

— Не одна тысяча, — как ни в чем не бывало продолжал Мёллер. — Всей нашей охране общественного порядка придется засучить рукава. В Норвегии, а тем более в Дании действуют многочисленные левые молодежные организации под видом сторонников существующего правительства Южного Вьетнама и под другими, более коварными и менее приметными личинами. У нас попросту не хватает сил, чтобы еще и с ними управиться.

— Хватит, — сказал Мартин Бек. — Начальник охраны порядка не боится.

— Я тоже не боюсь, — отозвался Мёллер. — Вообще я никогда не боюсь. Но я за то, чтобы дело было поставлено основательно. Мы делаем все, чтобы уберечь сенатора, и я не желаю, чтобы его осаждали фанатические антиобщественные элементы из трех стран. Кстати, план действий сил охраны порядка не внушает мне доверия. Кто гарантирует, что он будет выполнен?

— Мы гарантируем, — сказал Мартин Бек. — Твоя задача, насколько мне известно, обеспечить ближнюю охрану.

Мёллер отпустил ремень еще на одну дырочку.

— Знаю. Наши планы готовы. Я только что положил их на стол Меландера. Возможно, мне понадобится специальный отряд на время церемонии с венком. Когда гость выйдет из бронированной машины и будет особенно уязвим. Но с этим мы справимся. На худой конец, вы мне выделите людей.

— Вот именно, на худой конец, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Но первый вопрос важнее. Я обратился к вам с официальным предложением, вы отказываете. Без обоснования.

— Будут тебе обоснования, — сказал Мартин Бек. — За этим дело не станет.

Он посмотрел на Гюнвальда Ларссона, и тот подхватил:

— Во-первых, твои идеи противоречат нашему пониманию права на демонстрации. Демонстрации разрешены законом.

— Если они проходят мирно.

— В большинстве случаев, когда они не проходили мирно, стычки были вызваны провокациями со стороны полиции. Причем нередко насилие применяла только сама полиция.

— Это неправда, — заявил Мёллер с убежденностью заядлого лжеца.

Ему бы политиком быть, подумал Мартин Бек. Вслух он сказал:

— Мы хотим, чтобы на этот раз вышло иначе. В твоем плане есть еще одна принципиальная ошибка.

— Это какая же?

— Сотрудничество Северных стран предусматривает, в частности, право граждан свободно передвигаться по всей Скандинавии. Это право закреплено в постановлении об открытых границах. Помешать, например, группе демонстрантов из Дании въехать в страну — значит нарушить условия скандинавского сотрудничества, пойти против конвенции Северного совета. Надо ли напоминать тебе, что Швеция подписала эту конвенцию.

— Скандинавское сотрудничество, ха. Оно не мешает нам строить атомную электростанцию чуть ли не в городской черте Копенгагена. Не спрашивая датчан. Когда я был там на прошлой неделе, убедился, что из Северной гавани отчетливо видно атомную станцию в Барсебеке. Даже без бинокля.

— По-твоему, это неправильно? — мягко осведомился Гюнвальд Ларссон.

— Это не входит в мою компетенцию, — ответил шеф секретной полиции. — Просто к слову пришлось, поскольку Мартин Бек тут начал разглагольствовать о скандинавском сотрудничестве.

Он встал и остановился перед Мартином Беком, чуть не касаясь его животом.

— Значит, вы говорите — нет? Я спрашиваю в последний раз.

— Категорически, — сказал Мартин Бек. — В этом вопросе мы непоколебимы.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что над тобой есть начальники.

— В данный момент — нет, — ответил Мартин Бек. — В этом вопросе я никому не подчинен.

— Господа склонны хорохориться в данный момент, — ровным голосом произнес Мёллер. — Но придут другие времена. И, может быть, очень скоро.

Он ушел не простившись.

— Ну и что он теперь сделает? — спросил Бенни Скакке. Гюнвальд Ларссон пожал плечами.

— Небось пойдет в цепу, побеседует с Мальмом и начальником управления. А там будет видно.

Им не пришлось долго ждать.

Через четверть часа зазвонил телефон. Скакке поднял трубку.

— Член коллегии, — сообщил он, прикрывая ладонью микрофон.

Гюнвальд Ларссон взял у него трубку.

— Говорит Мальм, — услышал он. — Эрик Мёллер только что был здесь. Считает, что вы пренебрегаете его доводами.

— Мёллер может катиться, — ответил Гюнвальд Ларссон. — А что сказал по этому поводу главный псих?

— Шеф? Он на своей даче. Улетел вчера вечером. Дача начальника ЦПУ находилась в заповеднике, что всем казалось весьма странным, а кое-кому даже потешным.

— Забился в свою нору? — удивленно произнес Гюнвальд Ларссон. — В такую минуту?

— Да. Он вчера устал и нервничал. Сказал, что хочет все продумать спокойно, без помех. Его тяготит ответственность.

— Поцелуй ты меня… — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Что за грубые выражения, Ларссон. Так или иначе, шеф явно был не в своей тарелке.

— И отыгрался на тебе? Мальм не сразу ответил:

— Да.

— Ты не пробовал рассказать ему про бардаки? И раковые шейки?

— Рассказал, он даже не улыбнулся.

— Очевидно, ты не сумел правильно изложить суть дела. Мартин Бек и Скакке слушали реплики Гюнвальда Ларссона не без удивления.

— Возможно, — сказал Мальм. — Во всяком случае, я хочу вам напомнить, что Мёллер официально возглавляет службу безопасности страны. Нельзя им пренебрегать.

— Нельзя? Для меня он что есть, что нет его.

— Я и сам считаю, что вы приняли неверное решение.

— Ты считаешь? Но ведь это наше дело, верно?

— Так или иначе, он теперь обратится прямо в правительство. Считаю своим долгом довести об этом до вашего сведения как член оперативного центра, ответственный за связь.

— Правильно, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Ты блестяще справился со своей задачей. Спасибо.

Он положил трубку. Остальные вопросительно смотрели на него.

— Начальник цепу находится на своей даче и размышляет над своей ответственностью. За углом дачи, надо думать, стоит наготове полицейский вертолет. А Мёллер побежал в правительство.

— Гм-м, — пробурчал Мартин Бек.

— А при чем тут раковые шейки? — поинтересовался Скакке.

— Слишком глупо, чтобы повторять, и слишком долго объяснять, — лаконично ответил Гюнвальд Ларссон.

Он посмотрел на свой хронометр.

— Нам пора, не то опоздаем, — сказал он Мартину Беку. Мартин Бек кивнул и надел куртку. Они направились к двери. По пути Мартин Бек спросил Меландера:

— Ты уже посмотрел Мёллеров план ближней охраны?

— Только что кончил.

— Ну и?

Меландер прочищал свою трубку.

— Выглядит вполне толково.

— И то хлеб, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Но на твоем месте я посмотрел бы еще раз.

— Я так и собирался сделать, — ответил Меландер. Когда Стиг Мальм через два часа позвонил опять, Бенни Скакке был один в штабе. Меландер ушел в уборную, Рённ — на задание.

— Инспектор уголовного розыска Скакке.

— Говорит член коллегии Мальм. Мне бы Бека или Гюнвальда Ларссона.

— Они на совещании.

— Где?

— Не могу сказать.

— Ты не знаешь, где они?

— Почему, знаю, — бестрепетно ответил Скакке. — Но не скажу.

— Молодой человек, — грозно произнес Мальм. — Позволь напомнить тебе, в каком звании ты находишься. И к тому же ты подчинен моему сектору.

— В данном случае не подчинен, — сказал Скакке.

Его голос обличал полную уверенность в себе.

— Где Бек и Ларссон?

— Не скажу.

— Там есть кто-нибудь другой, с кем я мог бы говорить? Эйнар Рённ?

— Нету, ушел на задание.

— Какое задание?

— К сожалению, об этом я тоже не могу сказать.

— У тебя еще будет повод сожалеть, — отчеканил Мальм. — И довольно скоро.

Он бросил трубку. Скакке скорчил гримасу и тоже положил трубку. Тотчас телефон зазвонил опять.

— Инспектор уголовного розыска Скакке.

— Слышу, — холодно произнес Мальм. — А принять телефонограмму и передать ее комиссару Беку, когда он вернется, ты хоть можешь?

— Разумеется, — твердо произнес Скакке.

— Я получил следующую информацию прямо от правительства, — важно начал Стиг Мальм. — Шеф секретной полиции обратился к министру юстиции и обжаловал ответ, который получил от Бека сегодня утром. Министр отослал его обратно к руководству оперативного центра и сказал, что не будет вмешиваться в действия полиции. Тогда комиссар Мёллер пошел прямо к премьер-министру, который сперва колебался, но после разговора с министром юстиции пришел к тому же выводу. Принял?

— Так точно.

— И как только вернется Бек или Ларссон, мне надо с ними переговорить еще об одном деле. А вы пока можете поразмышлять над тем, как надлежит разговаривать с начальством. До свидания.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон вернулись только под вечер. Судя по всему, они были в меру довольны достигнутым в этот день.

Рённ вообще не вернулся. Он выполнял специальное задание, требующее основательной подготовки.

Поток посетителей и телефонных звонков не прерывался.

Адъютант короля сообщил, что его величество решил выйти в дворцовый сад и встретить сенатора, когда тот поднимется по северной лестнице.

Мартин Бек подчеркнул, что это решение не облегчает задачи охраны, особенно периферийной, но адъютант лаконично ответил, что король не боится.

Около пяти прибыл совершенно неожиданный посетитель. Дверь распахнулась, и ворвался Бульдозер Ульссон с опущенной головой, словно выбегающий на арену на редкость задиристый бык.

Он был одет, как обычно: мятый сине-фиолетовый костюм, розовая сорочка и чрезвычайно живописный галстук.

Меландер даже бровью не повел, но Гюнвальд Ларссон подскочил, будто его ужалили в неподобающее место. Потом удивленно спросил:

— Ты-то за каким чертом сюда явился?

— Член коллегии Мальм просил заглянуть к вам, когда у меня будет время, — весело доложил Бульдозер. — На случай, если возникнут юридические проблемы и потребуется моя помощь.

Просеменил к плану города на стене, постоял, изучая его, потом вдруг хлопнул в ладоши:

— Ну, как дела, ребятишки?

Шум привлек в комнату Мартина Бека, и он с отвращением посмотрел на гостя. Однако ответил предельно спокойно:

— Все как будто идет по плану. Никаких особых юридических проблем не возникло. Но это хорошо, что в случае чего мы можем обратиться к тебе.

— Отлично, — сказал Бульдозер. — Отлично.

— Где Вернер Рус? — ехидно спросил Гюнвальд Ларссон.

— В Канберре, в Австралии, так что я в любой момент жду от него очередного выпада. Единственная проблема заключается в том, что в четверг и пятницу я останусь без половины людей, которые закреплены за банками. И кто их забирает? Вы, с вашими охранными мероприятиями. Это будут нелегкие дни, господа. Могу вас в этом заверить. Но мы справимся. Не привыкать, как говорится.

Он обвел взглядом всех присутствующих и весело заключил:

— Счастливо, ребятишки.

Ринулся к двери и исчез прежде, чем кто-нибудь успел хотя бы кивнуть в ответ.

— Черт те что, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Только с Мальмовым умишком можно было додуматься до такого — еще и Бульдозера насылать на нашу голову.

— Мы не обязаны к нему обращаться, — бесстрастно сказал Мартин Бек.

Сообщение от короля внесло окончательную ясность в программу.

Все данные, включая маршрут кортежа, предполагалось опубликовать в печати. Лишь одно, как обычно, не предназначалось для ушей общественности: содержание и итоги беседы между высокими лицами. Можно было наперед сказать, что все сведется к пустопорожнему, бесцветному коммюнике по окончании визита.

Радио и телевидение должны были вести прямой репортаж о прибытии высокого гостя, его следовании в город, возложении венка и встрече с королем.

Вроде бы все ясно и просто, ничего не упущено.

## XVI

Стокгольмский Музей вооруженных сил расположен в районе Эстермальм, на улице Риддаргатан. Он размещается в старой казарме за просторным двориком с аккуратно расставленными и тщательно начищенными старыми пушками, занимая целый квартал между Сибиллегатан и Артиллеригатан. Ближайшее к нему здание отнюдь не воинственное — это церковь Хедвиги-Элеоноры, которая, несмотря на роскошный купол, не заслуживает громких слов и не входит в число городских достопримечательностей.

Не говорят громких слов и о Музее вооруженных сил, особенно с тех пор, как выяснилось, что в этом здании под невинной музейной вывеской была размещена часть секретных разведывательных служб.

Мартин Бек спешил, к тому же с годами он слегка обленился. Он не стал тратить время на безнадежные попытки вызвать такси, а доехал на патрульной машине. Патруль не принадлежал к пресловутому участку Эстермальм, полицейские которого были весьма

склонны к необоснованным облавам и скоропалительному применению ужасного закона, дающего полиции право задерживать людей безо всякого повода. Это были славные молодые парни, один из них даже вышел из машины и взял под козырек, когда они приехали. Правда, Мартин Бек спросил себя: кого он, собственно, приветствует — пассажира или импозантные военные экспонаты.

Сердце музея составляет большой зал с дедовскими пушками и мушкетами, однако не интерес к истории привлек сюда руководителя группы расследования убийств.

В маленькой комнатке, штудируя шахматную задачу, сидел за письменным столом тучный мужчина. Задача была на редкость сложная — мат в пять ходов, — и время от времени он записывал в блокнот ходы, которые тут же зачеркивал. Напрашивалась мысль, что он отвлекается от своих прямых обязанностей: на том же столе лежал разобранный револьвер, и деревянный сундук рядом с вращающимся креслом был почти доверху наполнен огнестрельным оружием. Некоторые экземпляры были снабжены картонными бирками, большинство — без бирок.

Тучного мужчину звали Леннарт Колльберг; много трудных лет он был ближайшим соратником Мартина Бека. Колльберг распростился с полицией почти год назад, причем его уход вызвал изрядный шум и дал повод к многочисленным едким комментариям.

Один из лучших следователей страны, вдобавок занимающий прочное руководящее положение, он оставил должность потому, что не мог больше выносить службу в полиции. Это выглядело нехорошо, и Стиг Мальм носился как полоумный по коридорам обоих зданий полицейского управления, добиваясь, чтобы приказ начальника ЦПУ — никому ни слова! — строго соблюдался.

Конечно, тайну соблюсти не удалось, о случившемся писали газеты; впрочем, они посчитали решение заслуженного следователя уйти из полиции не более удивительным, чем решение пресыщенного поездками, взятками и спиртным спортивного журналиста послать все к черту, осесть дома, заниматься детьми и смотреть футбол по телевизору.

Для Мартина Бека уход Колльберга был бедой, хотя и не настолько великой, чтобы ее нельзя было пережить. Они продолжали встречаться в частной жизни, правда редковато, но все же им случалось распить бутылку-другую вина и на квартире Колльберга в Шярмарбринке, и дома у Мартина Бека на Чёпмангатан.

— Привет, — сказал Колльберг.

Он был рад гостю, хотя и не проявил бурного восторга. Мартин Бек ничего не сказал, только похлопал старого товарища по спине.

— Интересная штука, — сказал Колльберг, кивком указывая на сундук. — Куча старых пистолетов и револьверов, присланы главным образом различными полицейскими участками. Чего только не понесли сдавать, когда риксдаг принял новый закон о праве на владение оружием. Конечно, добровольно расстались со своим арсеналом только такие люди, которые вообще не знали, что такое стрельба. Ко многим из этих феноменов даже боеприпасов нет. Правда, профессиональные коллекционеры все же достают патроны. Даже самые редкие. Какой-то искусник в ФРГ принимает заказы на любые виды боеприпасов.

Мартин Бек заглянул в сундук; там и впрямь лежали всякие диковины.

— Ни у кого в музее не было ни времени, ни охоты разобраться в этом барахле и каталогизировать его как следует, — продолжал Колльберг. — Но тут кто-то посчитал, что я подхожу для этого дела, хотя половина цепу и называет меня коммунистом.

«Кто-то» не ошибся: как систематизатор Колльберг почти не знал себе равных.

Он показал на разобранный револьвер.

— Возьми хоть вот этот. Русский наган, одиннадцать миллиметров, старый как мир. Я ухитрился его разобрать, но провалиться мне на этом месте, если я знаю, как теперь собрать его. Или вот…

Он порылся в ящике и достал здоровенный старый кольт.

— Видал, какой роскошный пугач? В идеальной сохранности. Точно такой держала у себя под подушкой Оса Турелль, после того, как убили Стенстрема. Заряженный, на боевом взводе. На всякий случай.

— Этим летом я часто виделся с Осой, — сообщил Мартин Бек. — Она работает в уголовке в Мерсте.

— У Мерсты-Персты, — хохотнул Колльберг.

— Они с Бенни недурно поработали над убийством в Рутебру.

— Убийство в Рутебру?

— Ты что, не читаешь газет?

— Читаю, только не про убийства. Бенни? Каждый раз, когда говорят про этого молокососа, я вспоминаю, что он однажды спас мне жизнь. Правда, не поведи он себя перед этим как баран, вообще не было бы надобности никого спасать.

— Бенни молодец, — заметил Мартин Бек. — Да и Оса стала толковым следователем.

— Н-да, пути Господни неисповедимы, — сказал Колльберг, который, хотя давно отрекся от официальной церкви, нередко щеголял религиозными цитатами. Он продолжал: — А ведь я думал, что вы поладите с Осой. Отличное сочетание, и жена из нее вышла бы отменная. И ты был к ней неравнодушен, хоть и не признавался. А и хороша была собой, глаз не оторвать.

Мартин Бек усмехнулся и покачал головой.

— Кстати, чем у вас кончилось в тот раз в Мальмё? — спросил Колльберг. — Когда я устроил так, что у вас в гостинице были смежные номера?

— Этого ты, вероятно, никогда не узнаешь, — ответил Мартин Бек. — А как идут дела у Гюн?

— Отлично. Работа ей по душе, хорошеет с каждым днем. А я с великой радостью занимаюсь ребятишками, когда надо. Даже научился готовить. Еще лучше, чем прежде, — добавил он скромно.

Вдруг он набросился на разобранный наган.

— Нашел! Вот этот шплинт. Ты видал когда-нибудь такой хитрющий шплинт? Я так и знал, что докопаюсь. Этот шплинт — ключ ко всей конструкции.

Он мгновенно собрал револьвер, раскрыл большую папку с разграфленными листами, заполнил регистрационную карточку и отложил наган, прикрепив этикетку к скобе.

Мартин Бек нисколько не удивился. Он привык к такой манере работы Колльберга.

— Оса Турелль, — мечтательно произнес Колльберг. — Из вас вышла бы замечательная пара.

— И ты согласился бы жениться на коллеге, чтобы все свободные часы склонять служебные дела? Да еще на честолюбивой женщине, которая мечтает сделать карьеру и возмущается условиями женского труда в полицейском ведомстве?

Колльберг задумался. Потом глубоко вздохнул и пожал своими мощными плечами.

— Возможно, ты прав. Пожалуй, та, другая, тебе лучше подходит. Я про Рею.

— Это уж точно.

— Только она очень много говорит. И плечи широки, и в бедрах узковата. Она не обесцвечивает волосы?

Он смолк, внезапно сообразив, что друг может и обидеться. Но Мартин Бек только улыбнулся:

— Я знаю других любителей чесать язык, и плечи у них на редкость широкие, чтобы не сказать — жирные.

Колльберг выловил из ящика большой пистолет, взвесил его на ладони и сказал:

— Вот этот подошел бы Гюнвальду Ларссону. SIG двести десять, калибр девять миллиметров. Можно даже никелировать его за пару тысчонок.

— У него уже есть почти такой же.

— Знаю — «Мастер». Да ведь он им никогда не пользуется. Представляешь, таскать с собой такую махину.

Он оттянул затвор, и выскочил блестящий патрон.

— Что за нерадивость. — Колльберг покачал головой. Вынул магазин, который оказался пустым, положил пистолет на листок с шахматной задачей и осведомился:

— Ты зачем пришел-то? Наверно, не за тем, чтобы о девочках поболтать.

— Хочу спросить, не возьмешься ли ты выполнить небольшое спецзадание.

— За вознаграждение?

— Конечно. Мне выделены большие средства. Почти неограниченный бюджет.

— На что?

— На охрану этого сенатора из Штатов, который приезжает в четверг. Я руковожу охранными мероприятиями.

— Ты?

— Пришлось согласиться.

— И что же я должен сделать?

— Только прочесть вот эти бумаги и один совершенно секретный документ. Посмотри и скажи, если что, по-твоему, неладно.

— Тебе не кажется, что неладно было уже приглашать такого типа?

Мартин Бек не стал отвечать.

— Берешься? — спросил он.

Колльберг оценил взглядом пачку фотостатов.

— Срок?

— Возможно скорее.

— Что ж. Говорят, деньги не пахнут. К тому же вряд ли деньги полицейского ведомства воняют хуже других. Ладно, посижу ночку. А где твой главный секрет?

— Вот. — Мартин Бек достал из кармана куртки сложенный лист бумаги. — Единственный экземпляр.

— Ладно, — сказал Колльберг. — Завтра в это же время.

— Ты пунктуален, как судебный исполнитель, — заметил Колльберг во вторник утром.

Мартин Бек стоял за его креслом и с любопытством смотрел на маленький двуствольный пистолет, который Колльберг в эту минуту регистрировал.

— «Деррингер», — объяснил Колльберг.

— Вот не думал, что такие есть в Швеции.

— Привез кто-нибудь с собой из США давным-давно. Старое добротное изделие, изготовлен в тысяча восемьсот восемьдесят первом году, ни разу не выстрелил. Даже не опробован.

— Ну?..

— Готово. Прочел все. Два раза. Ночь не спал. Мартин Бек извлек из кармана продолговатый конверт и вручил Колльбергу. Тот заглянул внутрь и тихонько присвистнул.

— Ого, стоило ночь потратить. Есть на что погулять, сегодня же, пожалуй, и наведаюсь в ресторан.

— Ты нашел что-нибудь?

— В общем-то, ничего. Хороший план. Только…

— Ну?

— Если вообще есть смысл указывать что-то Мёллеру, стоит обратить его внимание на два достаточно трудных момента. Первый, когда этот гад будет стоять вместе с королем в саду. Второй — правда, эта проблема попроще, — когда сенатор и премьер-министр будут возлагать венок.

— Дальше?

— Больше ничего. Если не считать того, что ваша совершенно секретная затея выглядит очень уж мудрено. Не лучше ли вырядить Гюнвальда Ларссона рождественской елкой со звездой и американским флагом на макушке и выставить на площади Свеаплан? И пусть бы стоял там до рождества.

Колльберг положил бумаги на стол перед Мартином Беком; главный документ покоился сверху. Достал из ящика совсем маленький револьвер и добавил:

— Чтобы народ успел свыкнуться с отвратительным и страшным зрелищем, как выразился бы член коллегии Мальм.

— Что еще?

— А еще скажи Эйнару Рённу, чтобы больше никогда не выражал свои мысли на бумаге, а если будет выражать, чтобы ни в коем случае никому не показывал. Не то не видать ему повышения, как своих ушей.

— Гм-м, — пробурчал Мартин Бек.

— Гляди, миленькая штучка, верно? — сказал Колльберг. — Никелированный дамский револьверчик, какие американские бабенки носили в сумочке или муфте на рубеже столетия или еще раньше.

Мартин Бек безучастно глянул на никелированное оружие, убирая бумаги в свой портфель.

— Пожалуй, из него можно с двадцати сантиметров попасть в капустный кочан. При условии, что кочан не будет шевелиться, — добавил Колльберг и мигом разделил револьвер на части.

— Мне пора, — сказал Мартин Бек. — Спасибо за помощь.

— Всего, — ответил Колльберг. — Передавай привет Рее, если захочешь. А там у себя лучше меня не упоминать. Я был бы тебе благодарен.

— Пока.

— Привет, — отозвался Леннарт Колльберг, протягивая руку за регистрационной карточкой.

## XVII

За прошедшие годы не один человек ломал себе голову, какие, собственно, качества делают Мартина Бека таким превосходным следователем. Начальники и подчиненные

одинаково прилежно размышляли над этим вопросом, причем больше из зависти, чем от восхищения.

Завистливые любили ссылаться на то, что на его долю достается мало дел и по большей части достаточно простые. И правда, количество задач, которые он решал, не шло в сравнение с тем, что приходилось расхлебывать некоторым отделам стокгольмского полицейского управления. Если взять отделы краж, наркотиков и насильственных преступлений, то нагрузка у них была чудовищная, а процент раскрытых преступлений — ужасающе низок. Многие рапорты вообще не успевали рассматривать и со временем сдавали в архив. Полицеймейстер, да и ЦПУ тоже неизменно ссылались на одну и ту же причину: не хватает людей.

Конечно, людей не хватало, но истина далеко не сводилась только к этому. А признать ее в полной мере никому не хотелось. Не хотелось признать, что важно качество, а не количество полицейских.

С численностью органов охраны порядка в общем-то все было в норме, а вот в подготовке сотрудников хватало изъянов, их не учили разбираться в психологии, работать с людьми. Пополнение, особенно в период экономического процветания, оставляло желать лучшего, отчасти потому, что горожане в полицию не шли, и набирать приходилось в основном безработных с малонаселенных окраин страны. Часто это были люди, совершенно незнакомые с динамикой большого города, многие из них чувствовали себя посторонними и отыгрывались, злоупотребляя силой и властью. Некоторые уходили из полиции, другие искали место подальше от больших городов.

И вообще, не так-то просто было служить полицейским в Стокгольме, где свободно заправляли гангстерские шайки и синдикаты, где наркотиков было хоть отбавляй и даже простейшие конфликты подчас вызывали с обеих сторон взрыв яростного насилия. К тому же начальник ЦПУ при поддержке многочисленных сторонников настоял на том, чтобы реорганизовать прежнюю полицию, у которой, при всех ее изъянах, было и немало преимуществ. Из гражданского, по существу, учреждения сделали централизованное военизированное ведомство, оснащенное, невесть для чего, грозными техническими ресурсами.

За всем этим стояла правительственная партия — она называла себя социал-демократической, но с годами в ней не осталось ничего социалистического и демократического, если не считать названия, служившего все более прозрачной завесой для откровенно капиталистического режима.

В работе полицейского мало радостного и почетного, и многие ее стороны автоматически вызывают недовольство и отпор.

Группа расследования убийств, издавна окруженная несколько преувеличенным ореолом сенсационности и даже романтики, представляла собой исключение.

Но Мартин Бек начинал с низов и был хорошим полицейским уже тогда, когда немногим более тридцати лет назад патрулировал улицы участка Якобсберг. Он легко находил общий язык с людьми, ум и юмор помогали безболезненно решать всякие проблемы, помогало и то, что пришел он в полицию не из армии, как многие его коллеги. Шесть лет патрульной службы не оставили у него никаких горьких воспоминаний, и он мог по пальцам сосчитать случаи, когда приходилось прибегать к силе.

Потом он начал превращаться в кабинетного работника и частенько бывал вынужден идти на компромисс с дубоватыми начальниками, однако ни эти компромиссы, ни различные маловразумительные приказы и инструкции не наносили особого ущерба его душе.

Естественно, Мартин Бек, как и большинство людей, не был равнодушен к своей карьере, но он не собирался делать карьеру любой ценой. Его всегда привлекала оперативная работа, непосредственное общение с людьми, прямое изучение обстановки.

Отвращение к кабинету, где возня с бумагами и телефонные звонки перемежались только нудными совещаниями, надо думать, затормозило его продвижение по службе.

Но после того, как в пятидесятом году он стал младшим инспектором уголовного розыска, ему довольно скоро посчастливилось попасть в группу расследования убийств. Новая работа увлекла Мартина Бека, он самостоятельно изучал криминологию и психологию, и вплоть до реорганизации ему везло на толковое начальство и хороших коллег. Свою способность находить общий язык с людьми он сохранил и развил настолько, что вскоре приобрел репутацию одного из лучших допросчиков.

Хотя сам Мартин Бек нередко демонстрировал образцы дедукции и чудеса проницательности, качеством первостепенным для себя и своих сотрудников он считал не это.

Спроси его кто-нибудь, что важнее всего в их профессии, он, наверно, ответил бы: во-первых, систематичность, во-вторых, здравый смысл, в-третьих, верность долгу.

В общем и целом Мартин Бек разделял взгляды Леннарта Колльберга на роль полиции в обществе, однако для него было бы немыслимо добровольно покинуть свой пост: слишком высоко он ставил верность долгу. По этой причине Мартин Бек сам считал себя, как правило, скучнейшим типом и частенько хандрил. Правда, в самые последние годы на душе у него полегчало, но он отнюдь не стал весельчаком и не стремился к этому.

Теперь приступы хандры вызывались, скорее всего, тем, что он был довольно высокопоставленным чиновником в обществе, которое явно не собиралось меняться к лучшему.

Однако Мартин Бек не терзался так, как Леннарт Колльберг, из-за вырождения полиции в целом. Он не считал себя причастным к этому процессу. Конечно, ошибок и злоупотреблений хватало, но лично он и его группа не были в них повинны.

К числу многих качеств, которые делали Мартина Бека превосходным следователем, следует также отнести добросовестность, хорошую память, упорство, порой граничащее с ослиным, и развитое комбинационное мышление. А также стремление вникать во все, что в какой-то мере касалось его работы. Часто это были мелочи, в конечном счете не игравшие никакой роли, но в иных случаях кажущиеся пустяки позволяли нащупать важные путеводные нити.

Получив от Леннарта Колльберга положительный отзыв о плане охранных мер в целом, он испытал известное удовлетворение: как-никак Колльберг оставался для Мартина Бека самым надежным советчиком в вопросах его профессии. Разговор их занял всего несколько минут, и он вдруг решил нанести визит, о котором думал давно, да все не мог выбрать время. Собственно, со временем и теперь было туго, но Меландер, Гюнвальд Ларссон и Скакке вполне могли справиться с более или менее бессмысленными запросами и телефонными звонками. Рённ был занят другим делом и вряд ли торчал в штабе.

И Мартин Бек попросил водителя отвезти его на улицу Давид-Багаресгатан.

Мартин Бек умел водить машину, во всяком случае, получил права еще в сороковые годы, однако он почти никогда не садился за руль, да у него и не было своей машины. Теперь, когда до великого события оставалось всего два дня, ему выделили служебную. Она была зеленого цвета, и сотрудник полиции, назначенный водителем, был в штатском.

Через пять минут Мартин Бек стоял перед дверью конторы Гедобальда Роксена.

Звонок не работал, но, постучав, Мартин Бек услышал за дверью два звука: кто-то громко рыгнул и кто-то громко мяукнул. Лишь после этого глухой голос произнес:

— Входите.

Верный своему обычаю, Мартин Бек мгновенно проскользнул внутрь, хозяин даже не успел договорить.

У Рокотуна и у его зверинца был час кормления. Две кошки лакали молоко из блюдца; престарелая канарейка смотрела, как адвокат подсыпает ей семян. В большущей пепельнице, которую, наверно, не опорожняли месяцами, дымилась сигара; заляпанный бювар занимали пакет молока, пластмассовая кружка и два бутерброда, один с копченой колбасой, другой с сыром.

Роксен рассеянно посмотрел на Мартина Бека. Потом сдвинул в сторонку бювар и сел за свой огромный стол.

— Кофеварка сломалась. — сообщил он. — Так что теперь я пью молоко. Правда, в моем возрасте молоко не очень-то полезно, но вряд ли это играет такую уж большую роль, верно?

— Пожалуй, — сказал Мартин Бек.

— Когда-то — вы, наверно, этого не помните — молоко всячески превозносили, но теперь похоже, что молочные пропагандисты во многом ошибались.

Мартин Бек отлично помнил, как пропагандировали молоко, помнил, что детям давали его бесплатно в школах, но ему не хотелось углубляться в обсуждение этого вопроса, и он попытался сразу взять быка за рога:

— С полгода назад я по вашей просьбе выступил свидетелем по делу одной девушки, которую звали Ребекка Линд.

— С другой стороны, эти кошки питаются почти исключительно одним молоком, и Верховный Прокурор — вон тот, с оранжевым пятном на морде, — живет уже двенадцать лет. Не так уж плохо для кота.

— Я по поводу дела Ребекки Линд, — повторил Мартин Бек.

— Правда, Министру Юстиции — тому черному — всего пять лет. Но предыдущий Министр дожил до девяти, хотя питался только молоком и рыбными тефтелями. Тоже был весь черный.

— Так как насчет Ребекки Линд?

— А, вы про ту девушку, — сказал Рокотун. — Хорошо, что вы тогда дали показания. Они сыграли решающую роль.

Роксен был известен своей склонностью привлекать необычных свидетелей. Так, несколько раз он пытался вызвать начальника ЦПУ свидетелем по делам о драках между демонстрантами и полицейскими — как и следовало ожидать, безуспешно.

— Я пришел по делу, — объяснил Мартин Бек. — И у меня не так уж много времени.

Рокотун молча впился зубами в бутерброд с колбасой. Пока он жевал, Мартин Бек продолжал:

— Вы ведь тогда вызвали еще одного свидетеля, но он не явился. Директора кинофирмы, некоего Уолтера Петруса.

— В самом деле? — произнес Рокотун с полным ртом.

— В самом деле.

Рокотун глотнул.

— А, вспомнил. Совершенно верно, однако он то ли помер, то ли была еще какая-то помеха.

— Не совсем точно, — сказал Мартин Бек. — Но он был убит на другой день.

— Вот как.

Казалось, ему безразлично все на свете, в том числе и бутерброды.

— Что вы хотели от него услышать?

Роксен продолжал сидеть с отсутствующим видом. Не дождавшись ответа, Мартин Бек открыл рот, чтобы повторить вопрос, но в этот самый момент адвокат поднял свободную руку:

— Совершенно верно. Теперь я вспомнил. Он нужен был мне как свидетель, чтобы обрисовать взгляды и характер девушки. Но он не явился.

— Какое отношение он имел к Ребекке Линд?

— Значит, так. Вскоре после того, как Ребекка забеременела, она прочла в газете объявление, где говорилось, что молодые девушки с располагающей внешностью могут получить хорошо оплачиваемую работу с благоприятными видами на будущее. Она ждала ребенка и сидела без денег, а потому откликнулась на объявление. И немедленно получила письмо, в котором ей предлагалось явиться в определенный час по определенному адресу, ни того ни другого сейчас уже не помню. Письмо было написано на бланке кинокомпании и подписано этим Петрусом. Кажется, фирма называлась «Петрус-фильм». Она сохранила письмо, оно выглядело вполне солидно.

Роксен замолчал. Встал с кресла, подошел к кошкам, подлил им еще молока.

— Ну, — сказал Мартин Бек. — И что же было дальше?

— А, типичная история. По указанному адресу находилась квартира, которую явно использовали как студию. Когда она пришла туда, застала этого самого Петруса и оператора. Петрус сказал, что он продюсер с обширными международными связями. Потом предложил ей раздеться. Она это восприняла спокойно, только спросила, какой фильм он будет снимать.

Роксен вернулся к своим бутербродам.

— Дальше.

Рокотун хлебнул молока из кружки и продолжал:

— По словам Роберты, Петрус ответил, что речь идет о художественном фильме для зарубежного зрителя, и обещал сразу выплатить ей пять крон, если она разденется, чтобы они решили, подойдет она или нет. Она разделась, они ее осмотрели. Оператор сказал, что она, пожалуй, сгодится, правда, роль трудная и к тому же у нее слишком маленькие груди и соски. Петрус возразил, что можно налепить соски из пластика. После этого оператор заявил, что должен испытать ее на кушетке, которая стояла тут же в комнате. И тоже начал раздеваться. Она сразу испугалась, сказала, что не согласна, и стала собирать свою одежду. Они ее не тронули, но оператор сказал Петрусу, чтобы тот объяснил ей, о чем идет речь. Потому что, если она не согласна лечь с ним, то сниматься и подавно не захочет. И Петрус начал объяснять, чтобы она не боялась: фильм будут показывать только в иностранных секс-клубах.

Роксен помолчал. Потом снова заговорил:

— Да, какими только способами не зарабатывают миллионы в наше время. В общем, Петрус описал ей всякие гадости, которые она должна была проделать. Обещал двести пятьдесят крон за первый фильм, а дальше, мол, пойдут более крупные роли. Тогда эта девушка, как бишь ее…

— Ребекка.

— Вот именно, Ребекка. Она начала одеваться и попросила, чтобы ей заплатили обещанные пять крон. Петрус заявил, что он пошутил. Она плюнула ему в лицо, тогда они выставили ее голую на лестницу, в одних гольфах и босоножках. Одежду швырнули ей вслед, а ведь это был обыкновенный жилой дом, так что несколько человек видели, как она собирает одежду и одевается. Все это она мне рассказала, когда ее уже арестовали, и спросила, разве за такое обращение с человеком не карают? К сожалению, я вынужден был ответить, что не карают. Но я сходил в контору к этому Петрусу. Он держался очень

надменно, заявил, что киношников без конца осаждают всякие шлюхи. Но признал, что одна посетительница плюнула ему в лицо.

Роксен вяло управился со вторым бутербродом. Коты затеяли драку и опрокинули блюдце.

— Не думай, Прокурор, я видел, кто зачинщик, — сказал Рокотун.

Сходил в чулан и принес тряпку.

— Что плохо у кошек — не вытирают за собой, — сообщил он. — Да, так вот, я решил вызвать свидетелем этого Петруса, ему послали повестку, но он не явился. Ну да ведь ее все равно оправдали.

Он угрюмо покачал головой.

— А Уолтера Петруса убили, — сказал Мартин Бек.

— Убивать людей противозаконно, — заметил Рокотун. — И все же… С Ребеккой что-нибудь случилось? Вы поэтому пришли?

— Насколько мне известно, ничего. Роксен снова угрюмо покачал головой.

— Я за нее беспокоюсь, — сказал он.

— Почему?

— Она приходила в конце лета. Возникли какие-то осложнения с американцем, отцом ее ребенка. Я попытался ей кое-что разъяснить, помог составить письмо. Ей непонятны наши порядки, и вряд ли ее можно осуждать за это.

— Какой у нее адрес? — спросил Мартин Бек.

— Не знаю. Когда она приходила сюда, у нее не было постоянного места жительства.

— Вы уверены?

— Да, я спросил ее, где она живет, и она ответила — в данный момент нигде.

— Стало быть, вы не представляете себе, где ее искать?

— Абсолютно. Тогда еще было лето, а многие молодые, насколько я понимаю, живут сообща либо в деревне, либо у знакомых, у которых есть квартира в городе.

Рокотун закончил трапезу, взял гигиеническую салфетку, вытер рот и руки. После чего громко крякнул, и плешивая канарейка отозвалась ему жалобным писком, напоминающим то ли сигнал SOS, то ли некое тревожное галактическое послание.

Выдвинув ящик стола, Роксен достал толстую черную записную книжку с алфавитом на полях. Судя по ее потрепанному виду, книжка явно служила ему не первый год.

— Как ее зовут? — спросил он.

— Ребекка Линд.

Он отыскал нужную страницу, пододвинул к себе старый черный телефон и сказал:

— Попробуем позвонить родителям.

Верховный Прокурор прыгнул на колени Мартина Бека, и он стал машинально гладить кота, прислушиваясь к разговору. Кот сразу замурлыкал. Роксен положил трубку.

— Это мать подошла. Родители ничего не слышали о ней со времени суда в июне. И мать говорит, это только к лучшему, все равно они отчаялись ее понять.

— Милые родители, — сказал Мартин Бек.

— Правда? А почему все-таки она вас интересует? Мартин Бек спустил на пол Прокурора, встал и направился к двери.

— Сам не пойму. Но все равно спасибо за помощь. Если она объявится, дайте мне знать. Или скажите ей, что я хотел бы с ней поговорить.

Роксен поднял руку в прощальном жесте, откинулся назад в кресле и отпустил ремень на одну дырку.

## XVIII

Подобно Колльбергу, Рейнхард Гейдт считал, что, в основном, все в порядке. Он теперь жил в двухкомнатной квартире в Сольне, снятой той же подставной фирмой, которая позаботилась о квартире в Сёдермальм.

Японцы остались на старом месте. Соблюдая все предосторожности, они смонтировали хитроумные заряды. Следующей их задачей было поместить эти заряды в намеченных точках, по возможности перед самым приездом высокого гостя.

Задолго до того, как данные о предстоящем визите просочились в печать, Гейдт располагал всеми деталями программы, а также основными положениями плана охранных мероприятий. Поставщиком и на сей раз выступил двойной агент из таинственного маленького учреждения в Эстеральме.

Радиоэксперт несколько запоздал. Один датский рыбак доставил его за хорошую плату из Гиллелейе в район Турекова; при этом он, хотя об этом никто из них, естественно, не подозревал, проследовал прямо под носом у начальника ЦПУ, который в это самое время в уединении размышлял о своей ответственности.

Звали радиоэксперта Леваллуа, он был гораздо более общительным компаньоном, чем японцы с их пристрастием к бамбуковым почкам и прочей диковинной зелени, не говоря уже о непонятной игре с маленькими костяшками.

Правда, Леваллуа привез наряду с необходимым снаряжением одну не совсем приятную новость. Слабое место БРЕН составляла недостаточно хорошо налаженная связь, иначе Гейдт был бы извещен гораздо раньше. Где-то возникла утечка, которая позволила еще где-то составить из разных данных довольно интересную картину.

Гейдта видели во время вылазки в Индии; на него обратили также внимание, когда он после взрыва покидал латиноамериканскую страну. С тех самых пор полиция настойчиво стремилась установить его личность, передавая через Интерпол в Париже имеющиеся скудные сведения всем государствам с более или менее эффективной полицейской организацией и службой безопасности.

Утечку следовало искать не в БРЕН, а в какой-нибудь из стран, где Гейдт выступал наемником в герилье. Как бы то ни было, в конце концов удалось привязать его подлинное имя к данным о внешности. Полиция в Солсбери по-прежнему утверждала, что ничего о нем не знает — вероятно, так оно и было, — зато власти в Претории, не подозревая о его деятельности, сообщили, что он южноафриканский гражданин, зовут его Рейнхард Гейдт, у себя на родине к ответственности не привлекался и, насколько известно, никогда не занимался преступной деятельностью.

Все это было бы не так уж страшно, однако вскоре после этого ФРЕЛИМО в Мозамбике представило фотоснимок достаточно хорошего качества, чтобы Интерпол смог размножить и разослать его.

Это еще не означало официального розыска. В сопроводительной записке говорилось только, что полиция латиноамериканского государства хотела бы с ним связаться и просит сообщить, где он теперь находится.

Рейнхард Гейдт мысленно выругался, вспомнив, как его сфотографировали. Это произошло два года назад: типичный несчастный случай. Во время вылазки к северу от Лоренсу-Маркиша его группа была рассеяна, и сам он вместе с несколькими другими наемниками попал в плен к ФРЕЛИМО. Правда, их освободили уже через несколько часов, но за это время кто-то успел сфотографировать пленных. Видно, с этого снимка и увеличили его портрет, разосланный Интерполом, и можно было не сомневаться, что шведская полиция

тоже получила экземпляр. Гейдт не допускал, чтобы это могло помешать задуманной акции, вот только вряд ли удастся покинуть страну так же незаметно, как он проник в нее.

Одно было ясно. В немногие оставшиеся дни его свобода передвижения будет сильно ограничена. Даже выйти на улицу рискованно. До сих пор он безбоязненно бродил по Стокгольму, теперь придется прекратить прогулки. И если все же понадобится выйти, то непременно с оружием.

Быть опознанным и арестованным в Швеции — слишком позорный конец столь многообещающей карьеры, пусть даже этот арест не спасет жизнь знаменитого американца, поскольку операция надежно продублирована.

Первым делом Гейдт избавился от зеленого «опеля». Поручил Леваллуа перегнать «опель» в Гётеборг, оставить там и вполне легально купить подержанный «фольксваген».

Квартира, которая находилась на улице Капелльгатан, была маловата для двоих, тем более, что в комнатах надо было разместить два цветных телевизора, три радиоаппарата и техническое снаряжение француза. Комнату побольше они отвели под оперативный центр, а во второй спали.

Леваллуа был совсем молод, от силы двадцать два года, и во внешности его не было ничего сугубо французского. Румяное лицо, светлые кудри. Щуплый на вид, он, как и все, проходившие обучение в лагерях БРЕН, в совершенстве владел искусством обороняться и убивать не только любым оружием, но и голыми руками.

В Швеции помехой ему было незнание языка, и в понедельник восемнадцатого ноября Гейдту пришлось сесть в машину и в последний раз перед акцией выехать в город. Леваллуа был человек предусмотрительный, он предпочитал перестраховаться и потребовал запасных источников питания на случай, если в разгар торжественной церемонии вдруг в сети пропадет ток.

Рейнхард Гейдт надел свою самую просторную куртку, и те немногие, которые его видели, могли оценить привлекательную внешность высокого, плечистого блондина нордического типа с голубыми глазами и красивым загаром. Никто не подозревал, что под курткой у него скрывается грозное оружие — армейский кольт «357 магнум», а к поясу подвешены три ручные гранаты. Две гранаты были американские, начиненные зазубренными стрелами в пластиковой оболочке. Эта конструкция, разработанная во время войны во Вьетнаме, обладала страшными свойствами, так как пластиковая оболочка не позволяла обнаружить стрелы рентгеном.[9] Третья граната была изготовлена в собственной мастерской БРЕН. Снабженная запалом мгновенного действия, она предназначалась для него самого, если он окажется в безнадежной ситуации.

Однако все обошлось благополучно. Гейдт купил четыре больших автомобильных аккумулятора и всякие непонятные детали, перечисленные в списке Леваллуа.

Француз остался доволен и живо смонтировал резервное устройство, призванное обеспечить их электроэнергией на случай аварии в сети.

После этого он собрал коротковолновый приемник и настроился на служебную волну полиции. Они слушали распоряжения патрулям, и Гейдт почти все понимал, тем более что у него в руках был цифровой полицейский код, приобретенный все у того же агента из района Эстермальм.

Леваллуа ничего не понимал, но лицо его выражало удовлетворение.

Весь вечер и бóльшую часть следующего дня он налаживал и проверял радиодетонатор. И наконец заявил, что осечки быть не должно.

Рейнхард Гейдт загодя прикидывал, как он будет покидать страну. Его внешность и комплекция осложняли дело: как ни переодевайся, все равно раскусят.

Вечером девятнадцатого он долго лежал в ванне и размышлял. А, все будет в порядке: либо выберется тайком по примеру Леваллуа, либо отсидится в квартире, пока полиция не ослабит контроль. Надо только подольше выждать, а там он найдет способ миновать пограничный пост. Возможно, дело дойдет до схватки, но схватки — его специальность. Гейдт не сомневался, что все образуется, и что шведские полицейские, на которых он может нарваться, ему не соперники. Он уже приглядывался к полиции в Стокгольме, и она не произвела на него особенного впечатления. Конечно, силы и грубости у этих парней хватает, но ведь каждому ясно, что они сплошь и рядом обращают свою силу против невинных людей, в психологии ничего не смыслят, оружие пускают в ход охотно, но неумело.

Он тщательно вымылся, почистил зубы, побрился, побрызгался дезодорантом, заботливо расчесал свои светлые баки. Рейнхард Гейдт придавал большое значение личной гигиене, многие даже назвали бы это манией. Под конец он натер все тело кремом.

Потом расстелил на полу чистые купальные полотенца и прошел в оперативный центр, где Леваллуа штудировал какой-то мудреный технический справочник, слушая одним ухом полицейскую волну.

Рейнхард Гейдт надел чистую белую шелковую пижаму и тоже с часок послушал непрерывный поток невеселых сообщений. Поножовщина, изнасилования, ограбления, четырнадцатилетняя девочка умерла от чрезмерно большой дозы наркотика, квартирная ссора, пьяная драка, торговля наркотиками, кражи со взломом, убийство, два самоубийства, снова ограбления (преимущественно пожилых людей), бесчинства хулиганов в поездах метро, всевозможные нарушения порядка, перестрелка в квартире, несколько серьезных автомобильных катастроф, облава в парке Хумлегорден на наркоманов и подозрительную молодежь. В чем она подозревалась, осталось неясным. Несколько иностранных граждан задержаны на основании какого-то нового закона, название которого ничего не говорило Гейдту. Участок за участком доносили, что камеры переполнены, нагрузка непосильная, людей не хватает. Снова убийство: женщина пришибла мужа утюгом, повздорив с ним из-за того, какую программу смотреть. Множество сварливых жильцов жаловались на своих соседей, которые либо заводили пластинки, либо устраивали кутежи, либо не укладывали своевременно детей, так что те играли и шумели, несмотря на поздний час. Коллективная драка на Мариинской площади. Новые бесчинства в метро.

Было очевидно, что в Стокгольме у полиции хлопот полон рот.

Француз до того увлекся своим справочником, что принялся собирать по нему разные замысловатые схемы.

Рейнхард Гейдт, не выключая полицейскую волну, ушел в спальню и лег. Взял мемуары Рюге и еще раз прочел на ночь главу про «Везерюбунг».

Он спал крепко и проснулся полный сил.

Принимая душ, он продолжал думать о том, как и когда покинет эту мрачную, серую страну. Постепенно в его уме отстоялся как будто подходящий вариант. Конечно, чтобы осуществить его, понадобится время, но этого добра, слава Богу, у Гейдта пока хватало.

Он приготовил себе плотный завтрак и сел за стол в элегантном утреннем халате.

Француз проснулся раньше него и забыл застелить постель. Гейдт счел это признаком распущенности и недостаточной культуры.

В оперативном центре по-прежнему говорила полицейская волна, а на столе перед Леваллуа лежало сразу три технических справочника.

Даже не поздоровавшись, он принялся ругать хлеб, который купил себе к утреннему кофе. Гейдт объяснил ему, что в Швеции нет рогаликов и вообще не найдешь свежего хлеба, разве что пойдешь сам в пекарню и вырвешь каравай из рук рабочего задолго до того, как расфасованный товар повезут в магазины.

Леваллуа покачал головой, потрясенный такими варварскими порядками.

Рейнхард Гейдт посидел, слушая радио. С утра было чуть спокойнее, но все равно у полиции хватало дел; в эту самую минуту передавалось распоряжение о первой на дню облаве на длинноволосых в районе Эстермальм. Потом последовало донесение об убийстве, которое на поверку оказалось всего-навсего самоубийством. Сразу вслед за этим сообщили еще об одном самоубийце; он явно повесился уже утром, потому что тело было теплым, когда его обнаружили в одной котельной.

Леваллуа теперь усовершенствовал схему так, что, кроме центрального узла, можно было слушать патрульные машины.

Гейдт услышал диалог между узлом и неким Арне; речь шла все о том же самоубийце.

— Висельник, — произнес Арне, и радиоимпульсы донесли отвращение в его голосе. — Шли бы вы к дьяволу.

— Адрес принят? Карлбергсвеген, тридцать восемь.

— У нас уже есть в машине один клиент. Следующий раз снабдите нас автобусом. Желательно, с хорошей вентиляцией.

— Отправляйтесь туда, ясно? — хладнокровно повторил голос из центра. — Сейчас же. Найдете его в котельной.

Кто-то в машине произнес что-то неразборчивое.

— Чего там еще? — справился центр.

— Всего лишь добрый совет, — ответил Арне. — От нас обоих. Катитесь к черту. Связь кончаю.

Участники диалога обошлись без цифрового кода. Видимо, случай был слишком банальный.

Преодолев брезгливость, Гейдт положил руку на плечо француза. Почему-то он избегал без крайней нужды прикасаться к людям.

Леваллуа поднял голову.

— Все в порядке? — спросил Гейдт.

— В полном. При условии, что Каитен и Камикадзе сделают все как следует.

— Будь спокоен. Они знают свое дело не хуже нас с тобой, и обстановка им известна. Пойдут после полуночи.

— А вдруг кто-нибудь успеет разрядить? Есть же у здешней полиции саперная команда?

— Как ни странно, нет. И не забудь, что там, где мы были в прошлый раз, полиция обнаружила резервные заряды только через несколько месяцев. Хотя там работали и полицейские, и армейские саперы, и к тому же знали, где искать.

— Значит, будут резервные заряды?

— Два. На других возможных путях кортежа — вдруг службу безопасности осенит в последнюю минуту.

— Риск минимальный, — возразил Леваллуа. — Легаши туго соображают.

— Не сомневаюсь, что ты прав. К тому же другие пути противоречат логике и влекут за собой множество новых проблем для охраны.

— Ну, тогда осечки быть не должно.

Француз зевнул.

— У меня все отработано и проверено, — продолжал он. — И япошки вроде бы не должны подвести.

— Исключено. Тем более, что они всю дорогу могут передвигаться под землей, если пожелают. Они все тщательно разведали. Десять дней назад установили три ложные мины, и никто пока не обнаружил.

— Будем надеяться.

Леваллуа потянулся и обвел взглядом комнату.

— Хорошо, что есть запасной источник энергии. Представляешь себе, если бы мы завтра вдруг оказались без тока. Вот был бы номер.

— Что-то при мне еще ни разу свет не гас.

— Это ничего не значит, — объяснил радиоспециалист. — Достаточно какому-нибудь дураку-бульдозеристу оборвать кабель, вот и влипли.

Они еще послушали полицейскую волну. Некто — явно не такой мизантроп, как Арне, — доложил, что висельника на Карлбергсвеген забрали.

— Халтурщик, — добавил он. — Пальцы ног всего полсантиметра не доставали до пола.

— Полицию застали?

Радиоволна донесла смех, потом голос из машины сообщил:

— Застали. Стояли там два мудреца и наблюдали, как мы с Арне трудимся. Нет чтобы о его родных позаботиться. Жена кричала в голос, детишки ревели. Учтите, у нас теперь полная загрузка, так что, если еще появятся, приберегите на вторую половину дня. Хотя вообще-то лучше, когда клиенты свежие.

Леваллуа вопросительно посмотрел на Гейдта, тот пожал плечами.

— Ничего интересного. Разве что для социологов.

— Как будем уходить? — спросил француз.

— А ты как думаешь?

— Порознь, как обычно. Я сразу отправлюсь тем же путем, каким прибыл.

— Гм-м, — пробурчал Гейдт. — Мне, пожалуй, придется выждать.

На лице Леваллуа отразилось облегчение. Он не спешил на тот свет, а если бы южноафриканец настоял на том, чтобы уходить на шхуне вместе с ним, вероятность провала возросла бы многократно.

— Сыграем в шахматы, — предложил радист немного погодя.

— Давай.

Рейнхард Гейдт разыграл сицилианскую партию, вариант Маршалла. Гениальный вариант, придуманный давным-давно одним американским моряком, который утер нос многим тогдашним гроссмейстерам так, что им оставалось только разевать рот от удивления. Для Гейдта в этом варианте было что-то от «Везерюбунга»: размах, бесшабашный риск.

Впрочем, хорошего игрока можно провести только один раз. После чего он берется за учебник шахматной игры и запоминает верные контрходы, которые непосвященному кажутся совершенно непонятными.

Они играли, без часов, и француз все дольше думал над очередным ходом, видя, как его позиция разваливается и, несмотря на большой поначалу перевес в фигурах, становится безнадежной. Наконец Леваллуа задумался на полтора часа, хотя его противнику было очевидно, что тут уже думать нечего, пора сдаваться. Гейдт вышел на кухню, заварил чай, потом тщательно умыл руки и лицо. Когда он вернулся в комнату, француз все еще сидел, подперев голову руками и неотрывно глядя на доску.

Через два хода он все-таки сдался.

Лицо у него было обиженное, ибо по своей натуре он не умел достойно проигрывать. Да ведь и БРЕН не приучал своих людей к мысли о возможном проигрыше. Ставкой в этой игре была жизнь.

В безвыходном положении — кончай с собой.

До самого вечера Леваллуа не произнес ни слова, дулся и молча штудировал справочники.

Полицейская волна продолжала свой мрачный речитатив.

Не дай Бог жить в такой стране, заключил Рейнхард Гейдт.

Но поскольку ему предстояло на некоторое время задержаться в ней, лучше уж привыкать.

Пока японцы ночью устанавливали заряды — и главный, и резервные, — Рейнхард Гейдт спал крепко, без сновидений.

Леваллуа долго не мог уснуть, все думал о проигранной партии. Сказал себе, что надо будет по возвращении в Копенгаген купить хороший учебник шахматной игры.

Японцы вернулись в свою квартиру около пяти утра.

Они тоже решили впредь некоторое время не показываться на улице. У них было припасено консервов не на одну неделю.

На кровати, где раньше спал Гейдт, лежали их автоматы — тщательно вычищенные, проверенные, заряженные и готовые к стрельбе. Рядом с автоматами чернела груда запасных магазинов.

На вокзале в Индии один из них израсходовал целых три магазина.

Около кровати стоял деревянный ящик, полный ручных гранат. Заряды, предназначенные на крайний случай, они носили на себе, даже когда ложились спать.

## XIX

Эта среда надолго запомнилась Мартину Беку. Не привык он к такого рода работе: нескончаемые телефонные звонки, переговоры со всевозможными бюрократическими инстанциями. Утром он первым прибыл на Кунгсхольмсгатан, вечером позже всех ушел домой. Правда, Бенни Скакке держался до последнего, но и он, несмотря на относительную молодость, под конец дня выглядел до того замученным, что Мартин Бек прогнал его.

— Ну все, Бенни, заканчивай, — сказал он. На что Скакке ответил:

— Я буду сидеть здесь столько же, сколько ты, пока есть работа.

Задиристый молодой человек, задиристый и упрямый. И пришлось Мартину Беку пойти на крайнюю меру. А именно, стать в позу начальника и отдать категорический приказ:

— Если я говорю, чтобы ты отправлялся домой, изволь подчиняться. Понял? Ступай домой. Сейчас же.

Скакке понял. С обиженным видом надел пальто и ушел.

День и впрямь выдался сумасшедший. Начальник ЦПУ справился с позывами к размышлению и развил кипучую деятельность. Обрушил через курьеров на специальную группу ни много ни мало сорок два документа различного объема и содержания. Большинство из них касалось предельно ясных дел, которые давно уже были решены и исполнены. И в каждом документе, хотя бы всего на две строки, угадывалась нотка укоризны. Начальник ЦПУ явно считал, что его недостаточно полно информируют.

Более конкретные замечания предоставлялось делать Стигу Мальму. Усталый и раздраженный, он, надо думать, страдал от двойной роли: на работе — цепная собака, дома — раб жены.

— Бек?

— Да.

— Шеф хочет знать, почему в воздухе будет только два вертолета, когда у нас их двенадцать штук, да мы еще можем призанять у военных моряков.

— Мы считаем, что двух достаточно.

— Шеф этого не считает. Он просит тебя пересмотреть вопрос о вертолетах и посоветоваться с военно-морским штабом.

— Поначалу мы вообще не собирались использовать вертолеты.

— Это безумие. С нашими вертолетами плюс вертолеты моряков мы сможем полностью контролировать воздушное пространство.

— А зачем нам контролировать воздушное пространство?

— Если бы ты принял предложение военных летчиков, мы могли бы держать над районом событий эскадрилью истребителей и столько же штурмовиков.

— Я сказал летчикам, что мы не можем помешать им летать.

— Разумеется, не можем. Но вместо того, чтобы наладить отношения с военными, ты оскорбил один из родов оружия. Так как, пересмотришь вопрос о вертолетах?

— Мы вполне достаточно занимались этим вопросом.

— Твой ответ не обрадует шефа.

— Моя задача заключается не в том, чтобы радовать его. Во всяком случае, я вижу ее в другом.

Мальм тяжело вздохнул.

— Честное слово, нелегко тут осуществлять связь.

— А ты возьми, да тоже уезжай в свое поместье и поразмысли, что к чему.

— Ты… ты жуткий нахал. Кстати, у меня нет поместья.

— Зато есть у твоей жены, если не ошибаюсь?

Мальм женился на довольно приличных деньгах, но люди, видевшие его супругу, утверждали, что она всегда кислая и злая, да к тому же некрасивая. О красоте можно судить по-разному, но кислоты и злости Мартин Бек за восемнадцать лет супружеской жизни нахлебался вдосталь. И ему было почти жаль Мальма.

Однажды ему пришлось позвонить Мальму домой, и он обменялся несколькими словами с его благоверной. После чего пришел к выводу, что супруга члена коллегии ко всему еще и весьма спесива. Вот как протекал этот разговор:

— Добрый день, это комиссар Бек. Могу я поговорить с членом коллегии?

— Вы один из его подчиненных?

— Да, в известном смысле.

— Мне приходилось слышать о вас, полицейский Бек. Но вы попали как раз в такой момент, когда господин член коллегии занят моционом. Так что сейчас с ним никак нельзя говорить.

— Что ж, тогда извините.

— Постойте, полицейский Бек. Вот господин член коллегии появился на аллее. Он сможет подойти, как только кто-нибудь примет у него лошадь.

Этот «кто-нибудь» явно отличался расторопностью, потому что уже через минуту Мальм взял трубку. Голос его звучал тихо и покорно, совсем не так, как на службе, где Мальм обычно говорил вызывающе и заносчиво.

Пока Мартин Бек вспоминал этот случай, снова задребезжал телефон. На этот раз звонили от военных моряков. Капитан второго ранга имярек.

— Я только хотел уточнить, какие вертолеты вам нужны — большие или поменьше, типа «Алуэтт»? Или, может быть, комбинированный отряд из тех и других? У каждого типа свои преимущества.

— Нам вообще не нужны аэропланы.

— Уважаемый господин комиссар, — сухо произнес моряк, — вертолет — не аэроплан. Тогда уж, скорее, летательный аппарат.

— Благодарю за информацию. Извините, что употребил неверный термин.

— Ничего. Многие ошибаются. Значит, вам совсем не понадобятся наши вертолеты.

— Совсем.

— У меня сложилось другое впечатление из разговора с начальником цепу.

— Да, произошло небольшое недоразумение.

— Ясно. До свидания, господин комиссар.

— До свидания, господин капитан второго ранга, — вежливо ответил Мартин Бек.

И так весь день. Снова и снова через его голову принимались решения, которые приходилось отменять и дезавуировать, когда по-хорошему, а когда и на повышенных тонах.

Зато теперь были подготовлены все охранные мероприятия. Из членов группы на Кунгсхольмсгатан особенно большую работу провернул Меландер. Без громких слов. Так у него было заведено.

Да и остальные не ленились.

Так, Рённу было поручено задание, которое явно поглотило его целиком.

За день он только раз появился в штабе — красноносый, под глазами мешки. Гюнвальд Ларссон тотчас спросил:

— Как дела, Эйнар?

— А, ничего. Только времени уходит больше, чем я думал. А ведь завтра в моем распоряжении будет не так уж много минут. От силы пятнадцать.

— Скорее, двенадцать или тринадцать.

— Ой-ой.

— Ты там поосторожнее, Эйнар.

Мартин Бек проводил Рённа взглядом. Гюнвальд Ларссон и Рённ, такие разные, понимали друг друга с полуслова. Даже дружили. Сам он с великим трудом ладил с Эйнаром Рённом на работе, а уж о том, чтобы встретиться в нерабочее время или потолковать о вещах, не относящихся к службе, не могло быть и речи. Легче давалось сотрудничество с Гюнвальдом Ларссоном, несмотря на его грубые манеры и склонность к оскорбительным замечаниям. Но дружбы с ним не получилось, хотя весьма натянутые поначалу отношения с годами улучшились.

А вот Рённ и Гюнвальд Ларссон — друзья-приятели. Может быть, этих отличных сотрудников сблизило то, что они превосходно дополняют друг друга? Похоже, что и вне службы они отменно ладят. Хотя образование Рённа ограничивается средней школой в Лапландии, тогда как Гюнвальд Ларссон учился в самых лучших и дорогих частных заведениях.

Лишь однажды Мартин Бек видел Рённа злым: когда Колльберг — по правде говоря, несправедливо — прошелся по адресу Гюнвальда Ларссона. Это было давно, весной шестьдесят восьмого года.

Хотя Рённ поселился в Стокгольме двадцать шесть лет назад, он так и не свыкся до конца с жизнью большого города. Стажировку он проходил в Сконе, где еще острее воспринимал свое отчуждение.

Сам-то он выражался проще. Скажем, так: «Ну и местечко, ой-ой!»

В некоторых вопросах он проявлял поразительную последовательность. Так, он твердо знал, какую искать себе подругу жизни, и женился, как уже говорилось, на саамке. Когда умер его отец, Рённ поселил мать в Стокгольме, чтобы по доброму старому деревенскому обычаю заботиться о ней. Такие прочные семейные связи с годами стали весьма необычными в Швеции. Рённ редко говорил что-нибудь о жене, еще реже о матери, но, насколько знал Мартин Бек, старушка по-прежнему благополучно здравствовала в своей однокомнатной городской квартире.

Мать Мартина Бека умерла в доме для престарелых осенью семьдесят второго года, и он не переставал упрекать себя в том, что плохо о ней заботился.

Начальник охраны порядка в этот день тоже был буквально прикован к телефонам. Непримиримая позиция Мёллера в вопросе о демонстрантах вынудила его в последнюю минуту привлечь дополнительное число полицейских из провинции, невзирая на громкие сетования одних полицеймейстеров и (таких было больше) нелестные комментарии других.

ЦПУ разослало всем полицеймейстерам страны нелепейший циркуляр, в котором можно было прочесть следующие поразительные строки:

«…желаем также подчеркнуть, что превентивные меры по предотвращению преступлений ни при каких обстоятельствах не должны ослабляться и сокращаться в объеме, а, напротив, должны быть усилены, и всем сотрудникам в указанные дни надлежит предписать, чтобы они еще более решительно выступали против антиобщественных элементов — так, чтобы возможная нехватка и отсутствие персонала не были заметны и служба неслась как обычно…»

Все претензии по этому поводу переадресовывались к начальнику охраны порядка, и ему приходилось отвечать на довольно заковыристые вопросы. Например:

— Как я могу усилить превентивные меры, если у меня в строю всего три человека? И все трое должны дежурить в отделении?

Или:

— Не лучше ли мне выставить на площади глашатая с трубой и объявить комендантский час для всех, кроме пожарных и тех, кто идет в монопольку?[10] Такой запрос поступил из Истада, где и впрямь еще не перевелись трубачи.

Гётеборг горько жаловался:

— У нас на сегодняшний вечер назначен матч чемпионата страны по гандболу. А все игроки, кроме вратаря, в Стокгольме. Как же нам быть?

Начальник охраны порядка ничего не смыслил в гандболе, зато хорошо разбирался в футболе. А потому ответил:

— В Лондоне был случай, когда очередной матч чемпионата страны пришелся как раз на какой-то официальный визит, кажется греки приезжали. Команда «Метрополитен полис» выставила девять запасных игроков и выиграла.

И он положил трубку, предоставив гётеборжцам обходиться одним вратарем.

План охранных мероприятий выглядел толково и, в общем, отвечал требованиям Мартина Бека. Предполагалось разместить на крышах снайперов, но не слишком много. Держать под контролем кое-какие квартиры и чердаки на пути следования кортежа. Обыскивать только в крайнем случае.

Задача подчиненных Мёллеру специалистов по ближней охране была не из самых трудных. На взгляд Мартина Бека, особого внимания требовали прибытие сенатора в аэропорт и посещение королевского дворца. Возможно также, церемония в честь покойного короля, которую правительство постановило провести в Риддархольмской церкви. Правда, останки Густава VI Адольфа находились в другом месте, но упомянутая церковь помещалась

в центре города — идеально, с точки зрения охраны. К тому же в ней покоились останки многих шведских королей. Сойдет, черт побери…

Правда, это повлекло за собой некоторые изменения графика, но ничего страшного.

Обо всем, что предстояло высокому гостю, было написано в газетах, которые сумели разнюхать почти все детали. Не обошлось и без критики, но полицию пока что никто не поносил.

В десять минут двенадцатого Мартин Бек погасил свет в кабинетах, вышел в коридор и запер двери. Его преследовало неприятное ощущение, что где-то он недоглядел, но где?

Не хотелось проводить эту ночь в одиночестве, и он поехал к Рее. Как раз по средам она устраивала нечто вроде вечера открытых дверей для жильцов и других гостей, а Мартин Бек ощущал острую потребность поговорить с людьми, помыслы которых не ограничивались полицейскими кордонами, снайперами, вертолетами и весьма гипотетическими бомбами. Патрульная машина подбросила его до угла Фрейгатан и той улицы, где жила Рея. Своего шофера он давно отпустил.

Через четыре минуты после того, как Мартин Бек покинул штаб, туда на лифте поднялся Гюнвальд Ларссон. Отпер двери, вошел в кабинет и, зажигая настольную лампу, заметил, что она еще горячая.

Бек, подумал он. Кто же еще.

Одежда на нем была мокрая, волосы взъерошены. За окнами, во мраке, под холодным дождем, заправляли хулиганы, воры, грабители, пьяницы и наркоманы.

Гюнвальд Ларссон устал. Всю прошлую ночь он не спал — лежал и думал о БРЕН, летающих президентских головах и тому подобном. Днем пропустил и ленч и обед и допоздна работал под открытым небом вместе с Эйнаром Рённом, которому, право же, не мешало подсобить. Природа наделила Гюнвальда Ларссона могучим здоровьем, и физическим, и психическим, но и его выносливости был предел.

В кабинете стояла кофеварка; в ящике письменного стола у Гюнвальда Ларссона лежал сахар и пакетики с чаем. Он налил в кофеварку воды, сунул штепсель в розетку и стал ждать. Правда, его с детства учили, что порядочные люди не заваривают чай в пакетиках, но сейчас у него не было выбора.

Когда чай поспел, он взял из своего ящика личную чашку; остальные пользовались пластмассовыми кружками или картонными стаканчиками.

Сидя за письменным столом, Гюнвальд Ларссон первым делом выпил несколько глотков и рассосал два кусочка сахара, чтобы согреться и восстановить нормальный состав крови. Затем достал все свои бумаги и принялся читать. У него было скверное настроение, он собрал лоб в складку над переносицей и нахмурил свои светлые брови.

Что-то стрясется, как пить дать.

Но что?

Он взял со стола Меландера составленный сепо план ближней охраны. Текст был неудобочитаем из-за множества аббревиатур, но он одолевал страницу за страницей, тщательно изучая приложенные таблицы и обзорные схемы.

И вынужден был признать, как и остальные члены спецгруппы, что план безупречен. Эрик Мёллер знал свое дело и рассуждал верно. К тому же проблема ближней охраны была не так уж сложна. Наблюдение за пунктами, которые Мёллер называл уязвимыми, должно было начаться в полночь.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на стенные часы. Без девяти двенадцать. Стало быть, некоторые из четырехсот сотрудников тайной полиции, занятых в операции, уже вышли под дождь.

Он отложил план сепо и перешел к периферийной охране. Дворцовый сад — уязвимый пункт не только с точки зрения Мёллера. Король и этот чертов американец будут стоять здесь, как на эстраде, являя собой удобную мишень для снайперов на мысу Бласиехольмен и острове Шеппсхольмен, не говоря уже о судах в проливе Норрстрём и у пристаней.

Полистав схемы, он успокоился. Пятерка мыслителей, другими словами, он сам, Бек, Меландер, Рённ и Скакке, все это предусмотрела. Мост на Шеппсхольмен закрыт уже несколько часов назад, дома вдоль пристани на мысу тщательно проверены. Особенно «Грандотель ройяль» с его многочисленными окнами.

Гюнвальд Ларссон вздохнул, продолжая перебирать бумаги. Под дворцовым садом подземных коммуникаций немного, их легко контролировать, послав туда людей в резиновых комбинезонах. Или таких, которые не боятся испортить свою одежду.

Часы на стене щелкнули. Ровно двенадцать.

Он поглядел на свой хронометр. Настенные часы, как всегда, ошибались, а именно, отставали на минуту и двадцать три секунды.

Гюнвальд Ларссон встал, чтобы передвинуть стрелки.

В этот момент послышался стук в дверь.

Члены группы никогда не стучались. Следовательно, это был кто-то посторонний.

— Войдите, — сказал Гюнвальд Ларссон.

В комнату вошла девушка. Не девушка, так женщина в возрасте от двадцати трех до тридцати лет.

Нерешительно глядя на Гюнвальда Ларссона, она поздоровалась:

— Привет.

— Здравствуй, — сдержанно ответил Гюнвальд Ларссон. Стал спиной к столу, скрестил руки на груди и спросил:

— Что угодно?

— А я тебя знаю. Ты Гюнвальд Ларссон из отдела насильственных преступлений.

Он промолчал.

— Но ты-то меня вряд ли знаешь.

Гюнвальд Ларссон рассматривал гостью. Пепельные волосы, голубые глаза, правильные черты. Хороший рост — метр семьдесят пять, может, чуть больше. Недурна собой. Одета просто и аккуратно: серая водолазка, отутюженные синие брюки, туфли на низком каблуке. Судя по ее подчеркнутому спокойствию, пришла неспроста. Однако он был почти уверен, что не встречался с ней раньше. И Гюнвальд Ларссон, нахмурив лоб, вперил в нее свои ярко-голубые глаза.

— Меня зовут Рут Саломонссон, — сообщила она. — Работаю в этом здании. Отдел экономических преступлений.

— Должность?

— Младший инспектор. У меня сейчас дежурство. То есть, в данную минуту перерыв.

Гюнвальд Ларссон вспомнил про свой чай, повернулся, взял чашку и опустошил ее одним духом.

— Предъявить удостоверение? — спросила она.

— Предъяви.

Она достала удостоверение из правого заднего кармана и протянула ему.

Гюнвальд Ларссон внимательно изучил его. Двадцать пять лет. Вроде бы все верно. Он спросил:

— И что тебе надо?

— Я знаю, что ты выполняешь специальное задание под непосредственным руководством комиссара Бека, полицеймейстера и начальника цепу.

— Достаточно Бека. Где ты об этом узнала?

— А, в этом доме хватает длинных языков. Еще…

— Что еще?

— Ну, говорят, будто вы разыскиваете одного человека, имени точно не помню. Но с приметами знакомилась.

— Где же?

— В отделе опознания. У меня там подруга работает.

— Если тебе есть что сказать, выкладывай.

— Ты не хочешь предложить мне сесть?

— Пока нет. Так в чем все-таки дело?

— Понимаешь, несколько недель назад…

— Дата, — перебил ее Гюнвальд Ларссон. — Меня интересуют точные факты.

Она смиренно посмотрела на него:

— Это было в понедельник четвертого ноября. Гюнвальд Ларссон ободряюще кивнул:

— Смотри-ка. Ну и что же случилось в понедельник четвертого ноября?

— Понимаешь, мы с одной подругой договорились пойти потанцевать. Зашли в «Амарант»…

Гюнвальд Ларссон снова перебил ее:

— В «Амарант»? Разве там танцуют?

Она примолкла.

— Я спрашиваю: в «Амаранте» танцуют? — повторил он.

Она вдруг смутилась и покачала головой.

— Так что же вы с подругой там делали?

— Мы… мы сели за столик в баре.

— Вместе?

— Нет.

— Что было дальше?

— Я познакомилась с одним датским коммерсантом, он назвался Ёргенсеном.

— Так. Дальше?

— Потом он проводил меня домой.

— Так. И что же там произошло?

— А как ты думаешь?

— Я не склонен к предвзятым мнениям. Особенно по поводу личной жизни других людей.

Она закусила губу, затем произнесла с вызовом:

— Мы были вместе. Лежали вместе, если выражаться культурно. Потом он ушел, и больше я его не видела.

На правом виске Гюнвальда Ларссона вздулась жила. Он обошел вокруг стола и сел. Ударил кулаком по столу с такой силой, что настенные часы остановились, по-прежнему показывая неверное время.

— Что это еще за фокусы, черт возьми, — яростно произнес он. — Чего ты хочешь от меня? Чтобы я развесил объявления: полиция поставляет бесплатных шлюх, обращаться в

бар «Амарант»? Какие у тебя часы приема? По понедельникам от девятнадцати до двадцати трех?

— Вот уж не ожидала такого косного, старомодного взгляда, — отпарировала она. — Мне двадцать пять лет, я незамужняя, бездетная и пока не спешу замуж.

— Двадцать пять?

— Незамужняя и бездетная, — повторила она. — Разве у меня нет права на личную жизнь?

— Почему же, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Лишь бы я не был в нее замешан.

— Пожалуй, это я могу тебе гарантировать.

Недовольный ее тоном, Гюнвальд Ларссон снова ударил кулаком по столу, на сей раз так сильно, что отдалось в локте. Он поморщился.

— Эти мне женщины-легаши, которые ходят по барам и закадривают мужиков… А потом являются сюда и несут какую-то чушь про датчан.

Он поглядел на вышедшие из строя настенные часы и на свой хронометр.

— Твой перерыв, наверно, кончился. Проваливай!

— Я ведь пришла сюда, чтобы вам немного помочь, — сказала она. — Да, видно, без толку.

— Видно, так.

— Значит, остальное можно не рассказывать?

— Я не увлекаюсь порнографией.

— Я тоже.

— О чем же тогда пойдет речь?

— Этот мужчина понравился мне, — сказала она. — Образованный, симпатичный и вообще ничего.

Она холодно посмотрела на Гюнвальда Ларссона и добавила:

— Очень даже ничего. Гюнвальд Ларссон молчал.

— И дней через десять я позвонила в гостиницу, которую он мне назвал.

— Вот как.

— Вот так. А там мне ответили, что постояльца с такой фамилией нет и никогда не было.

— Жутко интересно. Не иначе, он разъезжает по разным странам и проверяет сотрудниц полиции. Собирает материал для какого-нибудь полового исследования. Потом тиснет бестселлер. Ты выговорила себе проценты с тиража?

— Ты просто невыносим.

— Ты так думаешь? — учтиво произнес Гюнвальд Ларссон.

— Как бы то ни было, вчера я встретила ту подругу. Она тоже разговаривала с ним перед тем, как мы поехали ко мне.

— И где же ты живешь?

— Карлавеген, двадцать семь.

— Спасибо. Запишу, если кто-нибудь подарит мне на рождество адресную книжку.

Ее лицо стало злым. И упрямым.

— Да только ведь не подарят, — доверительно сообщил Гюнвальд Ларссон. — Я сам покупаю себе все рождественские подарки.

— Моя подруга несколько лет работала в Дании, и она говорит, что, если он датчанин, то из какого-нибудь глухого угла. Потому что так говорили по-датски в начале века.

— А твоей подруге сколько лет?

— Двадцать восемь.

— Какая у нее профессия?

— Она изучает северные языки в университете.

Гюнвальд Ларссон на многое смотрел пренебрежительно, в том числе и на университетское образование. Однако сейчас он призадумался.

— Продолжай, — велел он.

— Сегодня я зашла в отдел регистрации иностранцев и проверила. Там он тоже не проходил.

— Как его звали, повтори?

— Рейнхард Ёргенсен.

Гюнвальд Ларссон встал и подошел к столу Меландера.

— А как он выглядел?

— Примерно как ты. Только на двадцать лет моложе. И к тому же у него баки.

— Рост как у меня?

— Около того. Но вес, наверно, поменьше.

— Людей моего роста не так уж много.

Гюнвальд Ларссон не добрал четыре сантиметра до двух метров.

— Может, на сантиметр-другой пониже.

— И он сказал, что его зовут Рейнхард?

— Да.

— Еще какие-нибудь приметы?

— Никаких. То есть, у него сильный загар, кроме…

— Кроме?

— Кроме тех мест, где у мужчин обычно нет загара.

— И говорил по-датски?

— Да. Я бы посчитала его за настоящего датчанина. Если бы не то, что сказала вчера подруга.

Гюнвальд Ларссон отыскал на столе Меландера коричневый конверт. Взвесил его на ладони, потом вытащил фотоснимок восемнадцать на двадцать четыре. Протянул Рут Саломонссон и спросил:

— Похож?

— Он самый, только снят года два назад. По меньшей мере.

Она пригляделась внимательнее.

— Плохой отпечаток.

— Это увеличение с групповой фотографии на малоформатной пленке.

— Во всяком случае, это он. Я уверена. Как его звать по-настоящему?

— Рейнхард Гейдт. Кажется, он из ЮАР. Что он говорил о своих занятиях?

— Коммерция. Купля-продажа каких-то мудреных машин.

— И ты, значит, встретила его четвертого вечером?

— Да.

— Он был один?

— Один.

— Когда ты видела его последний раз?

— На другое утро. Около шести.

— У него была своя машина?

— Я ее не видела.

— И где он, по его словам, остановился?

— В «Гранде».

— Еще что-нибудь знаешь?

— Нет. Это все.

— Ладно. Спасибо, что пришла.

— Не за что.

— У меня тут кое-что сорвалось с языка, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Насчет бесплатных шлюх, — улыбнулась она.

— Нет, — ответил он, — насчет женщин-легашей. Нам бы побольше таких.

— Теперь мой перерыв уж точно кончился, — сказала она. — Привет.

— Минутку, — остановил ее Гюнвальд Ларссон. Постучал костяшками пальцев по фотографии и сказал:

— Этот тип опасен.

— Для кого?

— Для всех. Чтобы ты знала на случай, если увидишь его снова.

— Он убил кого-нибудь?

— Многих, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Слишком многих.

В кои-то веки у Мартина Бека выдался приятный вечер. Когда он вошел на кухню, там за столом уже сидели человек семь-восемь, и все — знакомые.

Среди них был молодой парень по имени Кент, который года два назад собирался стать полицейским. Мартин Бек с тех пор не встречал его и воспользовался случаем спросить:

— Ну и как?

— С полицейским училищем?

— Ага.

— Принять-то приняли, но я не выдержал даже одного семестра. Это же сумасшедший дом какой-то.

— А где теперь работаешь?

— В коммунальном хозяйстве. Мусор вожу. И то лучше.

Как всегда, за столом у Реи шла живая, непринужденная беседа на самые разные темы.

Мартин Бек говорил мало, сидел и отдыхал. Налитое ему вино пил не спеша, маленькими глотками, решив ограничиться одним бокалом.

Лишь однажды речь коснулась пресловутого сенатора. Одни собирались участвовать в демонстрации, другие ограничились тем, что ругали правительство.

Но тут Рея заговорила о гасконской ухе и бретонских омарах, и всякая политическая дискуссия прекратилась.

Еще она сообщила, что в воскресенье думает навестить сестру, помочь кое в чем по хозяйству.

В час ночи Рея выставила всех гостей, кроме Мартина Бека, который гостем уже не считался.

— Ты будешь завтра совсем дохлый, если сейчас не ляжешь, — сказала она.

Сама Рея тоже легла сразу, однако через полчаса снова встала и отправилась на кухню. Мартин Бек услышал, как гремят противни, но он был не в силах думать о поджаренных бутербродах с ветчиной, томатом и пармезаном. И остался в постели.

Через некоторое время она вернулась, расправила простыни и легла вплотную к нему. У нее была теплая нежная кожа с чуть заметными светлыми волосками.

Вдруг она заговорила:

— Мартин?

— М-м-м.

— Я должна рассказать тебе одну вещь. Ты не спишь?

— М-м-м.

Если он этим хотел сказать, что не спит, то слегка погрешил против истины.

— Когда ты пришел в прошлый четверг, ты был такой измотанный, что уснул раньше меня. Я еще почитала с часик. Но ты ведь знаешь, какая я любопытная. Ну и залезла в портфель, посмотрела твои бумаги.

— М-м-м.

— Там лежала одна папка с фотографией. Я ее тоже посмотрела. На ней был изображен какой-то тип по имени Рейнхард Гейдт.

— М-м-м.

— И я вспомнила одну вещь, может быть, это важно.

— М-м-м.

— Я видела этого типа недели три назад. Здоровенный блондин лет тридцати. Совершенно случайно встретила, когда уходила от тебя. Прямо на Чёпмангатан. Потом мы свернули на Болльхюсгренд. Он шел за мной в двух шагах, и я пропустила его вперед. Мужчина североевропейского типа, с картой Стокгольма в руках, я приняла его за туриста. Еще у него были баки. Светлые.

С Мартина Бека сон как рукой сняло.

— Он что-нибудь говорил?

— Нет, ничего не говорил. Просто обогнал меня. Но минуты через две я опять его увидела. Он садился в зеленую машину с шведскими номерными знаками. Я не разбираюсь в машинах, не скажу тебе, что за марка была. Правда, буквы в номере запомнились — ГОЗ. А цифры тут же забыла. Может быть, даже и не рассмотрела. Сам знаешь, у меня на цифры плохая память.

Не успела Рея глазом моргнуть, как Мартин Бек уже стоял нагишом у телефона.

— Новый мировой рекорд по скоростному бегству из объятий возлюбленной, — сказала она.

Мартин Бек набрал домашний номер Гюнвальда Ларссона. Одиннадцать гудков, двенадцать… Никто не отвечал. Он набрал номер служебного коммутатора.

— Вы не знаете, Гюнвальд Ларссон на месте?

— Был, во всяком случае, десять минут назад.

У Мартина Бека не лежала душа к выражениям вроде «оперативный штаб», и он попросил соединить его с отделом насильственных преступлений.

— Ларссон слушает.

— Гейдт в городе.

— Знаю. Только что сообщили. Одна сотрудница отдела экономических преступлений не придумала ничего лучшего, как переспать с ним в ночь с четвертого на пятое. Уверена, что

опознала. Он выдавал себя за датчанина. Показался ей симпатичным. Говорил на скандинавском языке.

— У меня тоже есть свидетель, — сказал Мартин Бек. — Женщина, которая недели три назад видела его на Чёпмангатан в Старом городе. Около дворца он сел в машину с шведскими номерными знаками. Ей показалось, что он поехал в южном направлении.

— А свидетельница твоя надежная? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Самый надежный человек, какого я знаю.

— Ух ты.

— Если пришлешь патрульную машину, приеду через двадцать минут.

— Будет сделано. — Гюнвальд Ларссон помолчал, потом добавил: — Ну и дьявол. Провел-таки нас. И времени не осталось. Что будем делать?

— Подумаем, — ответил Мартин Бек.

— Вызывать Меландера и Скакке?

— Пусть спят. Кому-то надо завтра иметь свежую голову. Сам-то как себя чувствуешь?

— Совсем было дошел, но теперь вроде очухался.

— И я тоже.

— М-м-м. Вряд ли нам придется спать сегодня ночью.

— Ничего не поделаешь, — сказал Мартин Бек. — Если сумеем обезвредить Гейдта, сразу легче станет.

— Возможно, — согласился Гюнвальд Ларссон. — Он явно парень не промах.

На этом разговор окончился. Мартин Бек начал одеваться.

— Что-нибудь важное оказалось? — спросила Рея.

— В высшей степени. Пока, и спасибо за все. Завтра вечером увидимся? У меня?

— Как пить дать, — весело отозвалась она.

— Ты ведь все равно собиралась ко мне смотреть цветной телевизор.

Проводив Мартина Бека, Рея долго лежала и думала.

Только что было так хорошо на душе, а теперь вдруг хандра напала. Быстрая смена настроений была свойственна ее впечатлительной натуре.

Ей не нравилась вся эта история. К чувству выполненного долга примешивалась смутная тревога.

А еще ей было тоскливо лежать одной на такой большой кровати.

## XX

Гюнвальд Ларссон и Мартин Бек посвятили предутренние часы усиленной умственной работе, но, к сожалению, на их работоспособности сказывались такие чувства, как досада, недовольство собой и сильная усталость. Оба ощущали, что они уже не молоды.

Несмотря на строгие меры предосторожности, Гейдт проник в страну. Следовало предположить, что и остальные члены диверсионной группы находятся в Стокгольме, притом находятся давно.

Вряд ли Гейдт здесь один.

Они знали довольно много о Рейнхарде Гейдте, но совершенно не представляли себе, где именно он обосновался, и могли только гадать, что у него на уме.

Кое-какими путеводными нитями они располагали. Конкретно двумя: внешность Гейдта и тот факт, что он пользовался зеленой машиной с шведскими номерными знаками, вероятно с буквами ГОЗ. Но марка автомобиля и завод-изготовитель не были известны, а главное — поздно что-либо предпринимать.

Откуда у него машина? Украл? Это был бы ненужный риск, а Гейдт вряд ли принадлежал к числу людей, склонных рисковать без нужды. Тем не менее как только заработали отделы, они проверили все сообщения о кражах машин. Ни одно из них не подходило к данному случаю.

Он мог ее купить, мог взять напрокат, но на проверку этих возможностей уйдут дни, если не недели. А в их распоряжении всего несколько часов.

Причем за эти часы комнаты оперативного центра из более или менее сносного рабочего места превратятся в сумасшедший дом.

Скакке и Меландер пришли в семь часов и мрачно выслушали весть о новом повороте в деле Гейдта. После чего принялись крутить диски своих телефонов, но поздно, поздно… Ибо по стопам курьеров нагрянула тьма людей, которые вдруг сочли свое присутствие крайне необходимым. Так, явился начальник ЦПУ, сопровождаемый Стигом Мальмом, явились полицеймейстер Стокгольма и начальник охраны порядка. Вскоре вслед за тем показалась радостная физиономия Бульдозера Ульссона, потом прибыли: представитель пожарной части, которого никто не приглашал, два полицейских офицера, движимых простым человеческим любопытством, и в довершение всего — статс-секретарь, коему правительство явно отводило роль наблюдателя.

Среди этого сборища мелькал и очаровательный рыжий венчик Эрика Мёллера, но к этому времени члены группы уже потеряли надежду совершить что-нибудь путное.

Гюнвальд Ларссон еще раньше осознал, что при всем желании не успеет съездить домой в Болльмуру, чтобы принять душ и переодеться, а если Мартин Бек лелеял какие-нибудь планы в этом или ином духе, они быстро были пресечены тем фактом, что с половины девятого он был прикован к телефону, отвечая преимущественно лицам, имевшим весьма косвенное отношение к визиту высокого гостя.

В суматохе в штаб сумели просочиться два аккредитованных репортера. Считалось, что эти журналисты положительно относятся к полиции, поэтому в Центральном полицейском управлении всячески старались не задеть их. Стоя в полуметре от одного из охотников за новостями, начальник ЦПУ обратился к Мартину Беку:

— Где Эйнар Рённ?

— Не знаю, — солгал Мартин Бек.

— Чем он занят?

— Тоже не знаю, — повторно солгал Мартин Бек. Протискиваясь сквозь толпу, чтобы спастись от дальнейших вопросов, он услышал, как шеф пробурчал:

— Странно. В высшей степени странная постановка дела.

В начале одиннадцатого позвонил Рённ и после долгих экивоков добился того, что к телефону подозвали Гюнвальда Ларссона.

— Ну вот, привет, это Эйнар.

— Все готово?

— Да, по-моему, все.

— Молодец, Эйнар. Устал?

— Да уж, что есть то есть. А ты-то сам?

— Свеж, как дохлая свинья, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Вчера так и не добрался до постели.

— Ну, мне-то удалось ухватить два часика.

— И то хлеб. Ты уж там поосторожнее.

— Ладно. Ты тоже.

Гюнвальд Ларссон ничего не сказал про Гейдта — во-первых, в пределах слышимости было чересчур много посторонних, во-вторых, это известие могло лишь еще больше взволновать Рённа. Если он вообще волновался.

Гюнвальд Ларссон пробился к окну, демонстративно встал спиной к остальным и уставился наружу. Его взору не открылось ничего особенного: строящийся новый суперкомплекс полицейского управления да малюсенький клочок угрюмого, серого неба.

Погода была обычная для этого месяца: ноль градусов, ветер северо-восточный, временами дождь со снегом.

Не больно-то отрадно для огромной армии постовых, да и для демонстрантов тоже.

В одном шеф сепо явно оказался прав. Все прошедшие сутки из Норвегии, а еще больше — из Дании, прибывали демонстранты. Вместе с аборигенами они теперь образовали сплошную стену от Северной заставы до площади Сергеля и здания риксдага в модернизированном, еще не обжитом и никуда не годном с точки зрения условий обитания центре Стокгольма.

В половине одиннадцатого Мартину Беку удалось вызволить тройку своих сотрудников из окружения и увести в прилегающую комнату, где Гюнвальд Ларссон первым делом запер двери и снял все телефонные трубки.

Вступительное слово Мартина Бека было очень кратким:

— Только мы четверо знаем, что Рейнхард Гейдт находится в городе, и, скорее всего, в составе полностью укомплектованной группы опытных террористов. Кто из вас считает, что с учетом этого нам следует изменить наши планы?

Все молчали, наконец Меландер вынул изо рта трубку и сказал:

— Насколько я понимаю, перед нами та самая ситуация, из которой мы все время исходили. Я не вижу никаких причин теперь пересматривать планы.

— Какому риску подвергаются Рённ и его люди? — спросил Бенни Скакке.

— Очень большому, — ответил Мартин Бек. — Во всяком случае, лично я так считаю.

Только Гюнвальд Ларссон высказался совсем в другом духе:

— Если этот чертов Гейдт или кто-нибудь из его пособников уйдет живьем, для меня лично это будет тяжелым поражением. Независимо от того, взорвут они американца или нет.

— Или застрелят его, — сказал Скакке.

— Застрелить его, по-моему, невозможно, — бесстрастно произнес Меландер. — Вся периферийная охрана основана на том, чтобы не допустить акций на расстоянии. К тому же в тех редких случаях, когда сенатор будет выходить из бронированной машины, его охраняют полицейские с автоматическим оружием и пулестойкими щитами. По плану все опасные районы взяты под постоянное наблюдение с двенадцати ночи.

— А прием сегодня вечером? — вдруг спросил Гюнвальд Ларссон. — Шампанское этому подонку подадут в пулестойких бокалах?

Один Мартин Бек рассмеялся — негромко, но от души. И сам удивился, что способен смеяться в такую минуту. Меландер терпеливо произнес:

— Прием — забота Мёллера. Если я верно понял, сегодня ресторан будут обслуживать исключительно вооруженные сотрудники службы безопасности.

— А жратва? — не унимался Гюнвальд Ларссон. — Мёллер сам будет стряпать? В таком случае бедный сенатор вряд ли доживет до утра.

— Все кулинары и повара — надежные люди, к тому же их тщательно обыщут и будут держать под наблюдением.

Наступила тишина. Меландер дымил своей трубкой. Гюнвальд Ларссон открыл окно, впуская леденящий ветер и редкий дождь вкупе со снегом и с обычной дозой копоти вместе с ядовитыми промышленными выбросами.

— У меня еще вопрос, — сказал Мартин Бек. — Кстати, времени осталось совсем мало. Кто из вас считает, что нам следует предупредить шефа секретной полиции о том, что Гейдт и, следовательно, группа БРЕН находится в Стокгольме?

Гюнвальд Ларссон презрительно плюнул в окно. Скакке заметно колебался, но ничего не сказал. И на этот раз на долю Меландера выпало сделать логический вывод:

— Ни Эрику Мёллеру, ни ближней охране не станет легче от того, что они в последнюю минуту получат эти данные. Скорее, наоборот. Можно ожидать смятения и противоречивых приказов. Ближняя охрана уже сформирована и хорошо знает свои обязанности.

— Ладно, — заключил Мартин Бек. — Как вы помните, есть ряд деталей — и не только деталей, — о которых известно лишь нам четверым и Рённу. Если что сорвется, мы будем козлами отпущения.

— Я готов блеять, — сказал Скакке.

Гюнвальд Ларссон опять презрительно плюнул в окно.

Меландер задумался. Он тридцать пятый год служил в полиции, и ему скоро исполнялось пятьдесят пять лет. Понижение в должности, а то и увольнение было бы для него весьма некстати.

— Нет, — произнес он наконец. — Мне на это не наплевать. Но я готов пойти на разумный риск. Как в данном случае.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на свои часы. Мартин Бек проследил его взгляд и заметил:

— Да, скоро пора начинать.

— Будем строго придерживаться плана? — спросил Скакке.

— Будем, если ситуация вдруг резко не изменится. Это уже на ваше усмотрение.

Скакке кивнул. Мартин Бек добавил:

— Итак, мы с Гюнвальдом садимся в один из скоростных полицейских «поршей», чтобы можно было и обогнать кортеж, и повернуть обратно, если понадобится.

В распоряжении полиции было всего с полдюжины этих черно-белых чудо-машин.

— Вы двое, Бенни и Фредрик, садитесь в радиоавтобус. Поедете в голове кортежа, между мотоциклетным эскортом и бронированным лимузином. Будете следить по обычному радио и телевизору. А также приглядывать за служебной волной. Кроме водителя, в вашем распоряжении специалист по пеленгации. Он знает об электронике все, и еще чуть-чуть.

— Ясно, — сказал Меландер.

Они вернулись в свой штаб, где теперь остался только полицеймейстер. Он стоял перед зеркалом и старательно причесывался. Потом проверил галстук — как обычно, шелковый, однотонный, на сей раз светло-желтого цвета.

Зазвонил телефон. Скакке взял трубку.

Произнеся несколько невразумительных фраз, он положил трубку и сообщил:

— Сепо — Мёллер. Выражает свое удивление.

— Не тяни. Бенни, — сказал Мартин Бек.

— Его удивляет, что в списке спецотряда оказался один из его людей.

— Что это еще за спецотряд? — вступил Гюнвальд Ларссон.

— Имя его человека Виктор Паульссон. Мёллер сказал, что сам приходил сюда утром и взял список спецотряда. Сказал, что эти люди понадобятся ему для важного задания по

ближней охране. Он уже говорил с Виктором Паульссоном, и с этой минуты спецгруппа подчинена ему.

— Проклятье! — закричал Гюнвальд Ларссон. — Нет, это просто невероятно, провалиться мне на этом месте! Он спер список идиотов! Крестики-нолики. Которых мы решили держать в дежурке.

— Теперь он держит их в своих руках, — отозвался Скакке. — И не сказал, откуда звонил.

— Стало быть, твое сокращение, которое означает «совершенные обалдуи», он понял, как «спецотряд», — заключил Мартин Бек.

— Нет! — Гюнвальд Ларссон постучал себя кулаками по лбу. — Это невозможно. Черт, дьявол. Он сказал, куда их поставит?

— Сказал только, что речь идет о важном специальном задании.

— Вроде охраны короля?

— Если речь идет о короле, — сказал Мартин Бек, — мы еще успеем что-то предпринять. В противном случае…

— В противном случае мы ни черта не сможем сделать, — перебил Гюнвальд Ларссон. — Потому что нам пора трогаться. Черт дери. Perkele.[11] Carramba[12], дьявол.

Уже сидя за рулем «порша», он продолжал кипятиться:

— И ведь я сам виноват. Почему не написал открытым текстом — «СПИСОК ИДИОТОВ»? Почему не запер список в ящике?

— Может быть, еще не все потеряно, — сказал Мартин Бек.

Машины эскорта добирались до аэродрома порознь. Гюнвальд Ларссон выбрал маршрут через улицы Кунгсгатан и Свеавеген, чтобы проверить обстановку. Всюду стояло множество полицейских, а также немало сотрудников в штатском, в том числе вызванных из провинции.

За ними выстроились демонстранты с лозунгами и плакатами и просто зеваки; последних было даже больше.

На краю тротуара перед кинотеатром «Риальто», как раз напротив городской библиотеки, стоял человек, которого Мартин Бек тотчас узнал и присутствие которого изрядно удивило его. Он был щупловат для полицейского, с обветренным лицом и слегка кривыми ногами. Одет в спортивную куртку и защитного цвета галифе, убранные в зеленые резиновые сапоги. На голове — охотничья шляпа неопределенного цвета. Непосвященный вряд ли опознал бы в нем сотрудника полиции.

— Останови на минутку, — сказал Мартин Бек. — Около той охотничьей шляпы.

— А кто это? — спросил Гюнвальд Ларссон, нажимая на тормоз. — Тайный агент или шеф службы безопасности в Корпиломболо?

— Его фамилия Рад, — сообщил Мартин Бек. — Херрготт Рад. Инспектор полиции в Андерслёве, это поселок между Мальмё и Истадом, полицейский округ Треллеборг. Но как он здесь очутился?

— И зачем? — добавил Гюнвальд Ларссон, остановив машину. — Собирается стрелять лосей в парке Хумлегорден?

Мартин Бек открыл дверцу и негромко крикнул:

— Херрготт!

Рад удивленно воззрился на него. Потом щелчком сдвинул шляпу набекрень, почти на самый глаз, искрящийся весельем.

— Ты что здесь делаешь, Херрготт?

— Сам не знаю. Меня посадили на самолет сегодня утром вместе с кучей сотрудников из Мальмё, Истада, Лунда и Треллеборга. Потом поставили здесь. Я даже не знаю толком, где я.

— Ты стоишь недалеко от перекрестка Уденгатан и Свеавеген, — сообщил ему Мартин Бек. — Кортеж проследует здесь, если все будет в порядке.

— Только что ко мне подошел один пьянчужка, попросил сходить за него в монопольку. Видно, его там уже приметили. Не иначе, я совсем деревенщина с виду.

— А ты, я гляжу, в отличной форме.

— Вот только погода собачья. И город мерзкий. Подходит тетка одна, скажи ей, где городская библиотека. А что я могу ей ответить, если не знаю даже, на какой улице стою?

— Посмотри прямо, увидишь напротив большое коричневое здание с причудливой круглой башенкой. Это и есть городская библиотека. А стоишь ты на улице Свеавеген, спиной к кинотеатру «Риальто».

— Насчет кино я уже понял, — сказал Рад. — Похоже, там хорошая картина идет.

Мартин Бек посмотрел на афишу. Она рекламировала один из фильмов Луиса Бюнюеля.

— Ты вооружен?

— Как велели.

Он приподнял полу куртки и показал большой револьвер, подвешенный к поясу, совсем как у Гюнвальда Ларссона, с той разницей, что последний предпочитал пистолет.

— Ты командуешь этим парадом? — спросил Рад. Мартин Бек кивнул.

— А как же там в Андерслёве без тебя? — осведомился он.

— Порядок. Эверт Юханссон заправляет. К тому же все знают, что я послезавтра вернусь. Будут сидеть, как мышки. И вообще: в Андерслёве ничего не происходит с того раза, помнишь, в прошлом году. Когда ты приезжал.

— А каким обедом ты меня угостил! — сказал Мартин Бек. — Приходи ко мне обедать сегодня вечером?

— Это когда мы на фазанов охотились? — Рад рассмеялся, потом продолжал: — Конечно, приду. Если только какой-нибудь бредовый приказ не помешает. Мне велено ночевать в пустующем доме вместе с еще семнадцатью мужиками. «Расквартирование» называется, слово-то какое.

— Это мы устроим. Я поговорю с начальником охраны порядка. Он сейчас мне подчинен. У тебя ведь есть мой адрес и телефон?

— Есть. — Рад похлопал себя по заднему карману. — А это кто?

Он с любопытством поглядел на Гюнвальда Ларссона, который никак не реагировал.

— Это Гюнвальд Ларссон. Служит в городском отделе насильственных преступлений.

— Бедняга, — сказал Рад. — Слыхал, как же. Да, работенка у него. И не тесно ему, здоровиле такому, в этой машиночке? Меня зовут Херрготт Рад. Дурацкая фамилия, да я привык. И у нас в Андерслёве давно перестали смеяться.

Гюнвальд Ларссон не откликнулся на обращенные к нему слова Рада. Довольствовался тем, что Бек его представил.

— Нам пора, — заметил он.

— Есть, — сказал Мартин Бек. — Значит, сегодня вечером у меня. Если стрясется что-нибудь, перенесем.

— Ладно, — ответил Рад. — А ты думаешь, что-нибудь может случиться?

— Уверен. Что-нибудь непременно случится, трудно только сказать, что именно.

— Гм-м. Надеюсь, не со мной. Как ты назвал вон ту улицу?

— Уденгатан.

— Постараюсь запомнить. Ну, дуйте дальше. Пока.

— Пока. Увидимся. Часов около восьми.

Гюнвальд Ларссон ехал быстро, используя скоростные качества машины.

По дороге они обменялись лишь несколькими репликами.

— А ничего мужик, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Не думал я, что еще остались такие полицейские.

— Остались. Хоть и маловато.

У Северной заставы Мартин Бек спросил:

— Где Рённ?

— В надежном укрытии. Но все же я немного беспокоюсь за него.

— Рённ молодец, — сказал Мартин Бек.

— Ты не часто хвалишь людей.

— Ага. Видно, такой уж у меня характер.

Вдоль всей дороги выстроились полицейские; за оцеплением, по обе стороны шоссе, стояли демонстранты. По данным полиции, около десяти тысяч, но данные явно были занижены, на самом деле их собралось, наверно, раза в три больше.

Подъезжая к зданию аэропорта, Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон увидели заходящий на посадку самолет.

Операция началась

На полицейской волне чей-то металлический голос объявил:

— Всем радиоустановкам с этой минуты выполнять команду «кью». Повторяю: команду «кью». Вплоть до особого распоряжения. Будут передаваться только приказы комиссара Бека. Прием не подтверждать.

Мартин Бек чуть улыбнулся

Сигнал «кью» применялся крайне редко. По этому сигналу прекращались все передачи на полицейской волне, радиостанции работали только на прием.

— Черт, не успел душ принять и переодеться, — пробурчал Гюнвальд Ларссон. — Все из-за этою окаянного Гейдта.

Мартин Бек скосился на коллегу и заключил, что тот выглядит куда элегантнее его самого.

Гюнвальд Ларссон остановил машину перед выходом с международных рейсов. Самолет еще не сел. У них было в запасе время. По меньшей мере несколько минут.

## XXI

Сверкающий алюминием реактивный гигант приземлился на двенадцать минут тридцать семь секунд раньше намеченного времени.

Пилот подогнал его к месту, которое Эрик Мёллер лично выбрал как самое безопасное.

Спустился автоматический трап, и — опять же на двенадцать минут тридцать семь секунд раньше намеченного времени — из кабины вышел сенатор, высокий загорелый мужчина с располагающей улыбкой и ослепительно белыми зубами.

Он обвел взглядом унылый аэродром и прилегающий чахлый лес. Затем снял свою двухведерную белую шляпу и весело помахал демонстрантам и полицейским на террасе для зрителей.

Может быть, у него плохое зрение, подумал Гюнвальд Ларссон, и он решил, что на плакатах и лозунгах написано «Да здравствует следующий президент», а не «Янки, убирайся домой» и «Проклятый убийца». Может быть, он принял большие портреты коммунистических деятелей за свои собственные, хотя сходство не такое уж разительное.

Сенатор спустился по трапу и, все так же улыбаясь, обменялся рукопожатиями с начальником аэропорта и статс-секретарем.

Следом за ним по ступенькам сошел человек в очень просторном клетчатом пальто, рослый, плечистый, лицо будто высечено из гранита. Из каменного лица торчала словно вросшая в него огромная сигара. Как ни просторно было пальто, оно заметно оттопыривалось ниже левой подмышки. Очевидно, это был личный телохранитель сенатора.

У главы правительства Швеции тоже был телохранитель, чем до него не мог похвастаться ни один шведский премьер. Тем не менее политический лидер страны предпочел ждать в зале для важных персон вместе с тремя другими членами правительства.

Группа отборных агентов Мёллера проводила сенатора вкупе с Каменным Лицом к одолженному у военных броневику. Гость проехал на броневике несколько сот метров от самолета до зала для важных персон. Мёллер предпочитал не рисковать, и все это мероприятие, как и многие другие затеи сепо, отдавало фарсом. Подобные фарсы давали людям повод считать органы безопасности сборищем баранов и идиотов, однако это было заблуждением, которое кое-кому вышло боком.

Глава правительства — нервный и желчный коротышка с женственным, несколько скорбным лицом — был начисто лишен примет отца народа, коими так кичились некоторые его предшественники. Те, кто пытался анализировать его внешность и поведение, усматривали явные признаки нечистой совести и следы детских разочарований.

Сенатор и глава правительства обменялись долгим и сердечным рукопожатием на радость телевидению и фоторепортерам, однако обошлось без поцелуев.

Зато сразу было видно, что в области рукопожатий сенатор обладает изрядным опытом, недаром он был кандидатом в президенты. Неотступно сопровождаемый переводчиком из посольства, американец подошел к каждому из присутствовавших и поздоровался за руку. Мартин Бек был одной из первых жертв и невольно отметил крепость и властную задушевность сенаторского рукопожатия.

Только Гюнвальд Ларссон внес небольшой диссонанс в торжественную процедуру. Он упорно смотрел в окно, стоя спиной к собравшимся. За окном шлепало по мокрому снегу войско Мёллера; машины кортежа занимали места за бронированным лимузином, который ждал у самых дверей.

Внезапно Гюнвальд Ларссон почувствовал, что кто-то требовательно стучит пальцем по его плечу, обернулся и увидел каменное лицо с сигарой.

— Сенатор желает пожать руку, — сообщил телохранитель; при этом сигара в его зубах слегка подпрыгивала.

В нем было столько же человеческого, сколько в чудовище Франкенштейна.

Сенатор изобразил еще более подкупающую улыбку и уставился в ярко-голубые очи Гюнвальда Ларссона желтыми, как у тибетского тигра, глазами.

Гюнвальд Ларссон секунду помешкал, вспомнил флотские забавы, протянул покрытую золотистым пушком правую пятерню и сжал руку сенатора почти в полную силу.

Улыбка политика сменилась вымученной гримасой. Каменное Лицо пристально следил за происходящим, однако сигара его не шелохнулась. Похоже было, что в репертуаре этого типа лишь одно выражение лица.

Гюнвальд Ларссон расслышал, как переводчик за спиной сенатора бормочет что-то насчет «начальника» и «специальной службы». Когда он выпустил руку заморского гостя, вид у того был такой, словно он сидел на стульчаке.

Фотографы бегали туда-сюда, щелкая затворами. Они присаживались на корточки в поисках интересного ракурса, а один даже лег навзничь на пол. Коллеги явно позавидовали, что раньше него не вспомнили этот древний прием.

Глава правительства, сопровождаемый по пятам телохранителем, носился по залу чуть ли не как Бульдозер Ульссон.

Ему не терпелось тронуться в путь, но, во-первых, полагалось выпить шампанское, во-вторых, события минимум на двенадцать минут опережали график, о чем то и дело напоминал представитель телевидения.

Мартин Бек честно осушил свой бокал, тогда как Гюнвальд Ларссон вылил шампанское в горшок с на редкость безобразным декоративным растением, пожелав ему в душе погибнуть от острого алкогольного отравления. Каменное Лицо, держа правую руку под пальто, поднял бокал левой с таким видом, будто задумал проглотить его вместе с сигарой.

Эрик Мёллер не показывался.

Мартин Бек спрашивал себя, уж не надумал ли он в духе лучших традиций сепо наблюдать за ближней охраной с вертолета. Тут же мысли его перешли на великого любителя вертолетов, Стига Мальма. Кстати, Стиг Мальм и начальник ЦПУ тоже присутствовали в зале для важных персон, где последний демонстрировал великолепное знание английского языка, непринужденно, хоть и с картавинкой, изъясняясь сперва с сенатором, потом с Каменным Лицом, который, казалось, не понял ни слова. Видимо, ему не довелось учиться ни в Принстоне, ни в Йеле.

Большую активность развил также посол США. Он был белый и не рисковал услышать прозвище «домашний негр», в отличие от своего предшественника. Глядя на многочисленную свиту посла, естественно было спросить себя, сколько же всего посольского люда содержит великая заморская держава.

Снаружи доносился рокот мотоциклов. Водители входили в специальный отряд, составленный из парней, которые потому и пошли в полицию, что им нравилось кататься на мотоциклах. Они частенько выступали на разных праздниках вроде Дня полиции. А еще им нравилось показывать, что можно лихо водить мощные машины без того, чтобы у людей напрашивалось сравнение с бомбежкой Дрездена или запуском серии ракет на мысе Канаверал — или мысе Кеннеди, как он одно время назывался.

Меландер и Скакке не считали себя важными персонами и остались сидеть в радиоавтобусе. На полицейской волне царила мертвая тишина, но комментаторы радиовещания и телевидения с великой серьезностью на лице и с торжественностью в голосе описывали весьма богатую событиями политическую карьеру бывшего кандидата в президенты, ни словом не касаясь его идеологических установок и реакционной внутри— и внешнеполитической деятельности. Зато слушатели узнали, где сенатор живет, как выглядят его псы, что он однажды чуть не стал звездой бейсбола, что жена его чуть не стала актрисой, что дочери его ничем не отличаются от большинства дочерей, что он сам ходит в магазин, что он — во всяком случае, во время предвыборных кампаний — носит готовое платье, что в Портленде, штат Орегон, на него было совершено покушение (на самом деле его стукнула по черепу упавшая с крыши ратуши черепица, после чего ему немедленно присвоили почетное звание «человек с черепичным лбом»).

Шведскому народу также сообщили, каким состоянием он владеет (состояние было изрядное) и что ему не миновать бы вызова в сенатскую комиссию, расследовавшую налоговые махинации, не будь он сам председателем этой комиссии. Жена сенатора учредила бесплатный приют для сирот, чьи отцы погибли в корейскую войну. В молодости он посоветовал президенту Трумэну сбросить первые атомные бомбы; в более зрелом возрасте был близок к правительственным кругам. Ему предлагали выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка (одна из самых неблагодарных должностей в мире), но он отказался. Далее сообщалось, что с утра сенатор непременно час катается верхом и обычно каждый день проплывает тысячу метров. По словам телерепортера, явно не симпатизирующего левым, он активно участвовал в «решениях» в Таиланде, Корее, Лаосе, Вьетнаме и Камбодже, воплощая свежее молодое веяние в мире, где политикой заправляют старики.

После чего на экранах телевизоров не очень кстати промелькнули фотографии ряда руководящих государственных деятелей самых разных направлений.

Бенни Скакке сразу назвал несколько покойных лидеров, включая Черчилля и Наполеона, которых с тем же основанием можно было бы показать, будь они живы.

Тем временем кортеж был сформирован полностью, и все расселись по местам, на минуту раньше, чем намечалось по плану.

Сенатор и шведский премьер сидели в бронированном лимузине. Премьер малость удивился, когда Каменное Лицо стал усаживаться на откидном сиденье напротив него, и едва не вышел из себя, когда сигара чуть не уткнулась ему в нос. Телохранителю премьера пришлось сесть в другую машину.

Премьер вполне вразумительно объяснялся по-английски, и стиснутый между двумя сановниками переводчик оказался практически без дела.

— Что ж, поехали, — сказал Гюнвальд Ларссон, включая зажигание.

«Порш» тронулся с места, и Мартин Бек повернул голову, желая убедиться, что колонна движется, как предписано. Все было в порядке.

Сквозь голубые стекла машины сенатор с интересом созерцал пейзаж. Впрочем, тот шведский пейзаж, который открывался его взгляду за спинами полицейских и полчищ демонстрантов, показался ему скучноватым. Долго силился он придумать какой-нибудь лестный эпитет, наконец сдался и повернулся к премьеру, призвав на помощь свою самую неотразимую предвыборную улыбку.

Политический лидер Швеции улыбнулся в ответ; его предвыборная улыбка тоже была хоть куда, однако сенатор решил про себя, что с такой улыбкой сей деятель не прошел бы даже на пост шерифа в городе Франкфорт, штат Кентукки.

Каменное Лицо сидел неподвижно.

Сенатору надоело смотреть в окно, а премьер еще в зале для важных персон израсходовал все свои стандартные фразы и избитые любезности.

Сенатор непрерывно разминал пальцы правой руки. Из сотен тысяч рукопожатий на его счету ни одно не могло сравниться с тем, которому его подверг Гюнвальд Ларссон.

Немного спустя Гюнвальд Ларссон свернул на обочину и остановился. Кортеж проследовал мимо в безупречном порядке и размеренном темпе.

— Хотел бы я знать, для чего Мёллер собирается использовать бригаду обалдуев, — сказал он.

— Поживем, увидим, — спокойно отозвался Мартин Бек.

— Что ж, дорогой Гейдт. Поглядим теперь, как шведская свинья кусается, — продолжал Гюнвальд Ларссон, перефразируя классика.

Заведя мотор, он выжал газ и обогнал автомобильный караван.

На прямой «порш» развивал целых двести двадцать пять километров.

— Хорошая машина, — заметил Гюнвальд Ларссон. — Сколько у нас таких?

— Дюжина, — ответил Мартин Бек. — От силы.

— Для чего их используют?

— Возить на дачу начальника цепу.

— Всю дюжину? Этот подонок на двенадцати машинах ездит?

— Да нет, они предназначены для поимки угонщиков и торговцев наркотиками.

Кортеж приближался к Стокгольму, но вид кругом не стал от того отраднее. Сенатор попробовал еще посмотреть в окно машины, но затем окончательно сдался.

А чего он ждал, подумал премьер-министр, ехидно улыбаясь про себя. Лопарей в ярких одеяниях с серебряными бубенчиками? Охотников с соколом на плече, скачущих во весь опор на неоседланных оленях?

Тут он заметил, что Каменное Лицо глядит на него в упор, и тотчас принялся размышлять о предстоящих важных беседах насчет платежного баланса, нефтяного кризиса и торговых соглашений.

Премьер не знал, что в эту самую минуту новый представитель Швеции в ООН выступает в Нью-Йорке перед Генеральной Ассамблеей с заявлением, верным духу социал-демократических традиций, которые теперь уже нельзя было называть даже реформистскими.

Дескать, у евреев есть право на свою землю, и у палестинцев есть право бороться за свою землю.

И ни слова о том, что речь шла об одной и той же земле.

Кортеж остановился. Еще один «порш» с крупной надписью «ПОЛИЦИЯ» на дверцах пошел в обгон колонны. Кроме Мартина Бека и Гюнвальда Ларссона, лишь несколько человек знали, в чем дело. Черно-белая спортивная машина затормозила рядом с лимузином, Оса Турелль, сидевшая за рулем, наклонилась и открыла левую дверцу. Премьер-министр пересел к ней. Оса молча выжала газ и устремилась в город. Одновременно весь кортеж снова пришел в движение. Гости равнодушно проследили глазами за процедурой, которая заняла не больше тридцати секунд.

На северной окраине Хага столпилось особенно много демонстрантов, и на первый взгляд могло показаться, что идет потасовка с полицией. На самом деле полиция стояла спокойно, наблюдая, как демонстранты выясняют отношения с кучкой контрдемонстрантов, которые размахивали флагами США, Тайваня и режима Тхиеу.

Проезжая Северную заставу, Мартин Бек снова спросил:

— Где Эйнар?

— Вон там, за углом, на Даннемурагатан, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Мы перекрыли улицу с обоих концов, но вообще-то полной гарантии нет. Кто-нибудь из жильцов может всполошиться.

— А что они сделают — позвонят в полицию? На том все и кончится, — заключил Мартин Бек.

Херрготт Рад продолжал стоять на своем посту, ухитряясь сохранять вполне добродушный вид, хотя он озяб и настроение было паршивое. Да, это тебе не Андерслёв и не волнистые поля Сёдерслетта…

С другой стороны улицы к нему протопал полицейский в форме. Обозрел Рада и остроумно справился:

— Ну и как дела?

— Ничего, — ответил Рад. — Рад?

— Как вы сюда попали?

— На автобусе.

— Документы есть при себе?

Рад достал удостоверение, полицейский взял его и начал медленно краснеть. Типичный представитель стокгольмской полиции. Рослый голубоглазый блондин с баками.

— Едут, — тихо заметил Рад. — Тебе, пожалуй, лучше вернуться на место.

Сержант козырнул и зашагал обратно через улицу.

В двухкомнатной квартире на Капелльгатан Рейнхард Гейдт говорил себе, что все идет как по писаному. Он находился вместе с Леваллуа в комнате, которую они величали оперативным центром. Работали оба телевизора и вся радиоаппаратура. По всем каналам шел прямой репортаж о первом за невесть сколько лет визите видного американского государственного деятеля. Только одно беспокоило Гейдта.

— Почему не слышно полицейской волны? — спросил он.

— Потому что они не работают. Даже патрульные машины молчат.

— Может, наши приемники не в порядке?

— Исключено, — сказал Леваллуа.

Рейнхард Гейдт задумался. Очевидно, сигнал «кью» предписывал полное молчание. Но в его списке кодов этот сигнал отсутствовал. Вероятно, им пользовались чрезвычайно редко.

Леваллуа проверил все в сотый раз. Послушал на разных частотах. Покачал головой и заключил:

— Совершенно исключено. Просто они молчат.

Гейдт усмехнулся. Леваллуа вопросительно посмотрел на него.

— Прелестно, — сказал Гейдт. — Полиция пытается таким способом заморочить нам голову. Ты видел здешних полицейских?

— Не представилось случая.

— Оттого тебе и непонятно, почему я смеюсь. Только что «хрю-хрю» не говорят.

Он поглядел на экран телевизора. В эту минуту кортеж проезжал мимо большого универмага в Рутебру.

Радио подтвердило этот факт и добавило, что толпа демонстрантов растет.

Телекомментатор был не так речист, он оживился только тогда, когда камера панорамировала на полицейских и толпу вдоль восточной стороны шоссе.

Впереди кортежа, в пятистах метрах, расчищая путь, шла полицейская машина. И такая же машина следовала за кортежем, предупреждая обгоны.

Гюнвальд Ларссон наклонился и посмотрел вверх через ветровое стекло.

— Ага, — заметил он. — Вот и один из вертолетов.

— Вижу, — подтвердил Мартин Бек.

— А ведь им положено быть над площадью Сергеля?

— Ничего, еще успеют. Угадай, кто сидит в этом летательном аппарате.

— Сенатор, — сказал Гюнвальд Ларссон. — А что, вот было бы гениально. Забрать его в аэропорту и высадить на крыше риксдага.

— Правительство и он сам были против. Ну так кто, по-твоему, сидит в вертолете?

Гюнвальд Ларссон пожал плечами.

— Откуда мне знать.

— Мальм. Я сказал ему, что это будет идеально с точки зрения связи. Сразу клюнул. Так и летит с самой Арланды.

— Ну, конечно, Мальм, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Он ведь у нас помешан на вертолетах.

Рейнхард Гейдт предвкушал потеху. Он видел потасовку у въезда в Хагу и знал, что осталось совсем немного.

Леваллуа сохранял сосредоточенный вид. Смотрел на свои приборы и схемы.

Телевидение и радио дружно передавали одно и то же.

— Кортеж выезжает из Хаги, — говорил радиорепортер. — Вдоль шоссе буквально кишат демонстранты. Они непрерывно скандируют лозунги. Возле здания суда творится что-то несусветное.

В динамиках отчетливо были слышны скандирующие голоса.

Экран телевизора подтверждал слова радиорепортера. Правда, по звуковому каналу телевидения голоса демонстрантов проходили хуже, и комментатор не стал о них упоминать.

— Сейчас специальный бронированный «понтиак» сенатора проезжает мимо ресторана «Сталльместарегорден», где вечером правительство устраивает парадный ужин, — сообщил он.

Приближалась решающая минута.

— В эту секунду машина с сенатором и премьер-министром выезжает из Сольны и пересекает границу Стокгольма.

Еще чуть-чуть…

Леваллуа указал на черную коробочку с белой кнопкой. Сам он держал в руках два оголенных провода, готовый в любую минуту замкнуть какую-то цепь. Очевидно, на тот случай, если у Гейдта отнимется палец или остановится сердце. Француз славился своей осмотрительностью, про него говорили, что он ничего не оставляет на волю случая.

Рейнхард Гейдт поднес палец к белой кнопке, не отрывая глаз от телеэкрана.

Остались считанные секунды. Глядя на черно-белый «порш», он с сожалением подумал, что отличная машина сейчас провалится в тартарары.

Пора.

Он нажал кнопку точно в нужный момент.

Ничего не произошло.

Леваллуа молниеносно соединил провода.

По-прежнему — ничего.

На экранах телевизоров кортеж миновал Северную заставу и въехал на Свеавеген. Включилась стационарная камера и показала перекресток Уденгатан и Свеавеген. Сплошное полицейское оцепление, толпы демонстрантов и зевак.

Гейдт обратил внимание на полицейского в сапогах и охотничьей шляпе и заключил, что это тайный агент.

Потом спокойно произнес:

— Промазали. Бомба не взорвалась. Сегодня явно не наш день.

Рассмеялся и добавил:

— Господин сенатор, дарю вам жизнь, хотя и не гарантирую, что надолго.

Леваллуа покачал головой. Он сидел с огромными наушниками.

— Да нет же, — сказал он. — Бомба взорвалась, когда ты нажал кнопку. Все как положено. Я до сих пор слышу, как осыпается земля или что-то в этом роде.

— Этого просто не может быть, — возразил Гейдт.

На телеэкране бронированный лимузин миновал городскую библиотеку, затем большое серое здание. Гейдт знал, что в этом здании помещается высшее коммерческое училище.

Демонстранты стояли стеной, но полиция вела себя спокойно, и никто не пытался прорвать оцепление. В воздухе не мелькали дубинки и пистолеты.

— Странно, — сказал Леваллуа.

— Непостижимо. — подтвердил Гейдт. — Я нажал кнопку в нужный момент. Что случилось?

— Не знаю. — ответил Леваллуа.

Рейнхард Гейдт взорвал бомбу в нужный момент — нужный для того, чтобы никто не пострадал.

Террористическая группа БРЕН подорвала две тысячи девяносто один мешок с песком и гору несгораемого стекловолокна.

Единственным пострадавшим можно было назвать Эйнара Рённа: его кепка взлетела на воздух и бесследно исчезла.

В распоряжении Рённа на Даннемурагатан находилось двадцать пять грузовиков, аварийная машина газовой сети, три санитарные машины, две машины с громкоговорителями и две пожарные машины — автоцистерна и автолестница. Кроме того, ему была подчинена группа из тридцати человек, самые надежные сотрудники, большинство — из охраны порядка. Все они были в защитных шлемах, и каждого второго снабдили мегафоном.

Когда проехал кортеж, у Рённа оставалось двенадцать — пятнадцать минут на то, чтобы завалить мешками участок, где ожидался взрыв. Кроме того, надо было перекрыть все подходы и проследить за тем, чтобы население этого района было в безопасности.

Пожарные и санитарные машины стояли наготове на Даннемурагатан.

Уложиться в двенадцать минут было бы трудновато; к счастью, на самом деле срок оказался чуть больше, а именно четырнадцать минут и тринадцать секунд.

Шлем был Рённу не впору, поэтому он только в последний момент снял кепку и по рассеянности положил ее на мешки с песком.

Одна из машин не успела разгрузиться — отказал стартер, — но это не повлияло на исход операции. Единственным результатом взрыва был огромный фонтан песка и белых клочьев стекловолокна, да еще сильная утечка газа, на временное устранение которой понадобилось несколько часов.

В ту самую минуту, когда дома в районе взрыва тряхнуло, как от небольшого землетрясения, постылый сенатор уже сидел в здании риксдага и пил минеральную воду. Одновременно Каменное Лицо впервые проявил человеческие эмоции; вынув изо рта сигару, он положил ее на край стола и сделал добрый глоток виски из фляги, которую носил с собой. После чего воткнул сигару на место и принял обычный вид.

Сенатор поглядел на своего телохранителя и объяснил:

— Рэй бросает курить. Поэтому не зажигает сигару.

Открылась дверь.

— А вот и министры иностранных дел и торговли, — весело объявил премьер.

Дверь снова открылась. На этот раз вошли Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон. Премьер строго посмотрел на них. И сказал:

— Спасибо, но здесь вы не нужны.

— Вам спасибо, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Мы ищем Сепо-Мёллера.

— Эрика Мёллера. Ему тут тоже нечего делать. Спросите его людей. Все здание ими кишит. Кстати, что за грохот было слышно только что?

— Неудавшееся покушение на бронированную машину.

— Бомба?

— Что-то вроде того.

— Позаботьтесь о том, чтобы виновный был немедленно арестован.

— Дурацкое распоряжение, — сказал Гюнвальд Ларссон, когда они подходили к лифту.

— Высказывание в духе Мальма, — добавил Мартин Бек. В лифте они встретились с Херманссоном. Щеки его горели, глаза смотрели с вызовом.

— Домой? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно. До конца недели.

К кому бы из агентов Мёллера они ни обращались, все отвечали:

— Он где-то здесь поблизости. Где именно — неизвестно.

Рейнхард Гейдт так и не понял, что произошло, даже когда француз в пятницу сходил за газетами.

Он не один пребывал в неведении. Начальник ЦПУ и Стиг Мальм велели немедленно вызвать Мартина Бека и Гюнвальда Ларссона. Рённ полагал, что его миссия выполнена, и поехал к себе домой в Веллингбю, где Унда и Матс громко спорили, что полезнее: геркулес или кукурузные хлопья.

Но Эйнар Рённ был горячо любим как муж и отец, и, увидев, какой он усталый, они тотчас прекратили перепалку.

— Привет, папуля, — сказал Матс. — Ну как?

— Порядок. Только вот кепка моя пропала.

— Завтра куплю тебе новую, — пообещала Унда.

Рённ предпочитал сам покупать себе головные уборы, однако воздержался от протеста.

Все посмотрели на кровать, и он лег не разуваясь. Жена и сын вместе раздели его.

— Чуешь, какого мирового отца я тебе отхватила, — сказала Унда.

— Лучшего в мире, — подтвердил Матс.

Рённ слышал их голоса, но уснул прежде, чем собрался с силами что-либо ответить.

Он спал крепко и без сновидений.

Проснувшись на другое утро, он представил себе жаренного на древесных углях хариуса, кровяные клецки и соленую салаку. И прошел на кухню, где его ожидала каша.

Немного погодя он спустился в метро и доехал до станции Фридхемсплан на острове Кунгсхольмен.

## XXII

Гюнвальд Ларссон и Мартин Бек предстали перед Понтием Пилатом через каких-нибудь полчаса после прибытия сенатора в здание риксдага.

Полицейская волна заработала снова, и на центральный узел обрушился поток донесений.

Поток слов — притом оскорбительных — обрушился и на Стига Мальма.

— Ну и ну, хорош эксперт по связи, — говорил начальник ЦПУ. — С таким же успехом я мог сидеть у себя на даче, когда все произошло. Кстати, что же все-таки произошло?

— Не знаю точно, — ответил Мальм, заметно оробев. И продолжал: — Послушай, дружище…

— Я тебе не дружище. Я верховный руководитель полицейского ведомства страны. Я требую, чтобы меня держали в курсе всего, что происходит в этом ведомстве. Понятно? Всего. А ты сейчас отвечаешь за связь. Что произошло?

— Я же сказал, что не знаю точно.

— Начальник связи, который ничего не знает, — гремел начальник ЦПУ. — Великолепно. Что ты, собственно, знаешь? Ты знаешь, когда тебе надо подтереться?

— Но ведь…

Если Мальм и вправду хотел что-то объяснить, шеф лишил его этой возможности.

— Мне непонятно, почему ни начальник охраны порядка, ни Мёллер, ни Бек, ни Ларссон, ни Пакке, или Макке, или как там его, не считают нужным явиться сюда и доложить или хотя бы позвонить…

— Да ведь коммутатор не соединяет никого, кроме твоей жены, — не без ехидства заметил Мальм.

Он немного осмелел, но до того самоуверенного Мальма, каким он сам себя видел, было еще далеко.

— Ладно, рассказывай про покушение.

— Но я правда ничего не знаю. Бек и Ларссон, кажется, уже едут сюда.

— Кажется? Эксперт по связи, который ничего не знает. Монументально. И кто же будет на этот раз бараном отпущения?

Тот же, кто всегда им бывает, подумал Мальм. Вслух он сказал:

— Фамилия нашего сотрудника не Макке, а Скакке, Бенни Скакке. И не «бараном отпущения» надо говорить, а «козлом отпущения». И слово «монументально» применяется обычно, когда говорят о каком-нибудь сооружении.

Мальм явно справился с испугом.

Начальник ЦПУ резко встал и быстро прошагал к окну, завешенному тяжелой гардиной.

— Нечего меня поправлять, — яростно произнес он. — Если я говорю «баран отпущения», значит, так положено. Если понадобятся исправления, я сам исправлю.

Сейчас полезет на стену, тоскливо подумал Мальм. Хоть бы сорвался.

В дверь постучали.

Вошли Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек не мог пожаловаться на рост, но рядом с Гюнвальдом Ларссоном он казался не таким уж внушительным.

Гюнвальд Ларссон одним взглядом оценил ситуацию и произнес:

— Так, очередная сцена. Не помешали? Повернулся к Мальму и спросил:

— Ты рассказал ему про бордели? Мальм кивнул:

— Говорит, нисколько не остроумно. Говорит, это что-то вроде цветомузыки.

— А ты сказал, как человек потом выглядит? Сказал про полоски?

— Нет. Этого я не стал говорить. Ты слишком вульгарен, Ларссон.

— Полоски? — вмешался начальник ЦПУ.

— Ага, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Словно «раковая шейка».

Начальник ЦПУ расхохотался и сел за стол, держась за живот.

— У тебя нет чувства юмора, Стиг, — сказал Гюнвальд Ларссон Мальму.

— Да уж, чего нет, того нет, — выдохнул начальник ЦПУ.

— Придется тебе, Мальм, записаться на курсы повышения квалификации остряков, — продолжал Гюнвальд Ларссон.

— А что, есть такие? — спросил Мальм.

— Ага, при университете.

Гюнвальд Ларссон заговорщически поглядел на Мартина Бека, который явно ничего не уразумел из этого странного разговора.

Тем временем начальник ЦПУ взял себя в руки.

— А теперь докладывайте все про эту бомбу.

— Мы исходили из гипотезы Гюнвальда и новейших данных, — начал Мартин Бек. — Многое говорило за то, что они верны. БРЕН еще ни разу не совершал террористических актов в Европе и совсем недавно перешел к действиям в больших городах, где сосредоточены крупные полицейские силы. К тому же наш высокочтимый гость — желанная дичь для всевозможных террористических организаций.

— Всевозможных?

— Ну да. Известно, что многие воинствующие левацкие группировки выступают против его реакционных установок и даже некоторые правые считают, что он перегибает палку. С точки зрения пацифистов, он олицетворяет войну. Этот сенатор относится к разряду политиков, которых многие опасаются — не столько из-за них самих, сколько из-за стоящих за ними сил. Словом, соблазнительная мишень для БРЕН. Опасное и для многих, исключая некоторые круги в США, ненавистное лицо. Когда его выдвинули кандидатом в президенты, многие избиратели явно были готовы голосовать за любого другого человека, так они боялись последствий его внешнеполитических идей — например, прямой конфронтации великих держав. Если говорить о Ближнем Востоке, то он упорно выступает за американскую помощь Израилю. В вопросе вьетнамской войны он один из самых ярых «ястребов». И нет никакого сомнения, что он поддерживал фашистскую хунту в Чили, ответственную за убийство президента Альенде, командующего вооруженными силами и тысяч других людей. Положительного о нем можно сказать только то, что он не лишен мужества, образован, умеет располагать к себе людей.

— А я-то считал тебя аполитичным, — заметил начальник ЦПУ.

— Так и есть. Я только излагаю некоторые факты. Осталось добавить, что он, несмотря на провал администрации Никсона, сохранил политическое влияние как в своем родном штате, так и в федеральном сенате.

Мартин Бек поглядел на Гюнвальда Ларссона, тот кивнул.

— Теперь перейдем к покушению. С самого начала у нас сложилось впечатление, что БРЕН или какая-нибудь подобная организация могут попытаться нанести удар. Поскольку июньское покушение, при котором присутствовал Гюнвальд, удалось на сто процентов, несмотря на всевозможные охранные мероприятия, мы все больше склонялись к выводу, что здесь будет применен тот же modus operandi[13], как ты, Мальм, кстати и некстати любишь выражаться. Была создана особая группа, в нее вошли пять достаточно опытных сотрудников уголовной полиции, а именно мы с Бенни Скакке от группы расследования убийств, Гюнвальд Ларссон и Эйнар Рённ из отдела насильственных преступлений, и Фредрик Меландер из отдела краж, превосходный организатор и аналитик. Каждый из нас прикинул, какое место лучше всего подходит для покушения на машину с сенатором и часть эскорта. И все указали одну и ту же точку.

— У Северной заставы?

— Вот именно. Менять маршрут не было смысла, потому что кортеж рисковал нарваться на резервные бомбы, которые мы, кстати, пока не смогли обнаружить. И мы решили принять другие контрмеры двоякого рода.

У Мартина Бека пересохло во рту, и он повернулся к Гюнвальду Ларссону, который продолжил:

— После покушения пятого июня я пришел к двум выводам. Во-первых, что бомбы нельзя запеленговать или обнаружить миноискателями. Однако важнее был тот факт, что

подрывник находился далеко от места взрыва, за пределами видимости, и у него не было помощника, который сообщил бы ему по радио, где находится в данный момент бронированная машина. Откуда же он знал, когда надо подрывать бомбу? Очень просто. Он слушал радиовещание, которое одновременно с телевидением передавало прямой репортаж о встрече президента и следовании кортежа от аэродрома к дворцу. Дополнительные сведения он получал на полицейской волне. Таким образом, он собственными глазами видел, где находится кортеж, да еще слышал по радио.

Гюнвальд Ларссон прокашлялся, но Мартин Бек явно решил передохнуть еще немного.

— Исходя из этих… м-м-м… гипотез, мы и приняли ряд мер. Первым делом провели длительную и непростую беседу с директором телерадио, и в конце концов он согласился давать не прямой репортаж, а с задержкой на пятнадцать минут. Так что на самом деле по всем каналам передавалась запись. На переговоры пригласили технических сотрудников, они сперва встали на дыбы, но потом все же уступили. Поговорили мы и с комментаторами, которым было поручено вести репортаж. Они сказали, что для них это не играет никакой роли.

Здесь наконец вступил Мартин Бек.

— Всем этим людям было предписано хранить в тайне нашу договоренность. Что до полицейской волны, то я переговорил с полицеймейстером Стокгольма и начальниками полиции прилегающих районов. Кое-кто из них артачился, но под конец все согласились.

Гюнвальд Ларссон перебил:

— Самую трудную задачу мы доверили Эйнару Рённу. В это время дня у Северной заставы оживленное движение, надо было быстро очистить весь участок и, в то же время, сделать все возможное, чтобы умерить действие самой бомбы и последующего, гораздо более опасного взрыва газа.

Гюнвальд Ларссон сделал короткую паузу и закончил:

— Дело отнюдь не простое, ведь нужно было уложиться в пятнадцать минут. В распоряжении Рённа на Даннемурагатан находилось тридцать сотрудников, половина из которых — женщины. Кроме того, ему придали две радиомашины, две пожарные машины и грузовики с песком, матами и огнеупорным изоляционным материалом.

— Никто не пострадал?

— Никто.

— Разрушения были?

— Несколько окон разбилось. И, понятно, газовый коллектор пострадал. На ремонт уйдет какое-то время.

— Молодец этот Рённ, — сказал начальник ЦПУ. — Что он сейчас делает?

— Спит дома у себя, надо думать, — ответил Гюнвальд Ларссон.

— Почему премьер-министр пересел в другую машину без нашего ведома? — вмешался Мальм.

— Ты и этого не знаешь? — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Я наблюдал за происходившим с вертолета, — сухо отозвался Мальм.

— Ух ты.

— Просто мы хотели, чтобы он и сенатор порознь проехали через критическую точку, — объяснил Мартин Бек.

Мальм ничего не ответил. Гюнвальд Ларссон посмотрел на свои часы и сказал:

— Через тридцать три минуты начинается церемония в Риддархольмской церкви. Вообще-то это Мёллера забота, но мне хотелось бы быть поблизости.

— Кстати об Эрике Мёллере, — вступил начальник ЦПУ. — Кто-нибудь из вас его видел?

— Нет, — ответил Мартин Бек. — Но мы его искали.

— Зачем?

— Есть одно специальное дело, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Как вы расцениваете вероятность новых взрывов? — спросил начальник ЦПУ.

— Как весьма незначительную, — ответил Мартин Бек. — Но мы продолжаем наблюдение с использованием всех наличных сил.

— Можно сказать, что нами пройден первый этап, — вставил Гюнвальд Ларссон. — Второй может оказаться куда труднее.

— Что ты подразумеваешь? — спросил Мальм. Он явно стремился обеспечить надежную связь.

— Поимку этих господ террористов, — сказал Гюнвальд Ларссон.

## XXIII

Венок был поистине исполинский.

Самый большой венок, какой Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон когда-либо видели, и, вероятно, самый безвкусный.

Цветовое сочетание, при всей очевидности замысла, вызывало несколько неожиданную ассоциацию. Издали вся конструкция напоминала раскрашенный неким полоумным юнгой огромный спасательный круг.

Венок состоял из четырех перемежающихся секций, две из белых, красных и синих, или, скорее, бирюзовых, гвоздик, две из васильков и желтых ромашек. На стыках этих символов американского и шведского флагов цветы перемешивались и сочетались с пучками привядших зеленых листьев. Внутренний обод венка был окаймлен посеребренными веточками сосны; вдоль внешнего обода тянулись искусно переплетенные позолоченные лавровые листья.

Мастера обеих фирм, которым было поручено сие творение, несомненно, потрудились на совесть, их никак нельзя было корить за диковинную композицию, во всех деталях разработанную самим высоким гостем.

В верхней части венка был укреплен большой позолоченный щит с плешивым орлом; из-за этой эмблемы выглядывали соединенные под углом американский и шведский флаги. Внизу висела голубая муаровая лента с выполненной золотыми буквами гениальной надписью: To the Memory of a Great Man His Majesty King Gustaf VI Adolf of Sweden from the Hearts of the People in the United States.[14] Лента была очень широкая, и текстовик, надо думать, потратил немало труда и золотой краски, выводя изящные буквы.

Венок лежал в кузове грузовика, который остановился в конце Трюккеригатан, перед южным торцом издательства «Норстедт».

Четыре офицера с американского эсминца уже полчаса стояли перед Стенбокским дворцом, ожидая приказа нести венок. Вероятно, они зябли, хоть здание дворца и защищало их от северо-восточного ветра, который нес дождь со снегом.

Только что прибывшие Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон заняли позицию на лестнице Апелляционного суда, и ветер хлестал их по лицу. Обозрев диковину в кузове грузовика, они принялись изучать обстановку.

Риддархольмен — маленький островок с десятком государственных и прочих учреждений — составляет крайнюю западную часть «города между мостами». Железная дорога и узкий Риддархольмский пролив отделяют его от Старого города; если не считать водного транспорта, на него можно попасть только тремя путями. Можно пройти по пешеходной дорожке железнодорожного моста, можно подняться по лестнице с набережной

Мункбру, наконец, можно проехать на машине по Риддархюсскому мосту, переброшенному через пролив и железную дорогу.

Все эти три пути теперь были перекрыты.

Для Эрика Мёллера и его людей не представляло труда оцепить нужный участок и проверить, чтобы там не находились посторонние. С самого утра они следили, чтобы через ограждение проходили только служащие упомянутых учреждений.

Демонстранты и зеваки теснились на Риддархюсской площади по ту сторону моста.

За десять минут до прибытия кортежа Мёллер послал двоих человек в церковь и приказал:

— Поглядите на всякий случай, вдруг туда пробрались какие-нибудь японцы с камерами на животе — и будут таращиться на церемонию.

Это задание было поручено членам спецотряда Карлу Кристианссону и младшему инспектору Альдору Гюставссону. Кристианссон был от природы редкостный лентяй, а Гюставссон — беспечный молодой человек с большим самомнением.

Войдя в храм, Гюставссон остановился и закурил сигару; Кристианссон принялся бродить по церкви, осматривая священный исторический интерьер. Ему вспомнилось, как школьником его заставляли посещать музеи и другие славные памятники; мало того, что он смертельно скучал, еще надо было писать сочинения об увиденном. Вспомнилось также, что со времени конфирмации он не заходил ни в одну церковь.

Завершив обход, Кристианссон подошел к Альдору Гюставссону, который по-прежнему стоял и покачивался с пятки на носок, окруженный облаком табачного дыма.

— Через пять минут приедет этот янки, — сказал Гюставссон. — Пошли на пост, что ли.

Кристианссон кивнул и побрел к выходу следом за Альдором Гюставссоном.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон обозревали площадь Ярла Биргера, стоя на пронизывающем ветру. По краю площади выстроился караул; еще одна цепочка вооруженных воинов протянулась от грузовика до церкви.

Внезапно Гюнвальд Ларссон протер глаза и подтолкнул локтем Мартина Бека.

— Проклятье, — сказал он. — Так я и знал. Гляди — идиотская команда!

Мартин Бек увидел, как из церкви не спеша выходит Гюставссон, сопровождаемый Кристианссоном. Одновременно появился Рикард Улльхольм — он торопливо шагал вдоль фасада церкви в сторону моста.

Мартин Бек посмотрел на часы. Осталось пять минут.

— Теперь уже ничего не поделаешь, — произнес он. — Нам остается только смотреть, чем все это кончится. Кстати, где же Мёллер?

Гюнвальд Ларссон показал на церковь.

— Вон он идет. Вместе с главными идиотами.

Он ударил себя ладонью по лбу.

Эрик Мёллер быстро направлялся к церкви; следом за ним топали Бу Цакриссон и Кеннет Квастму. У портала они остановились, и Мёллер устроил смотр своего маленького отряда.

С лестницы суда Мартину Беку и Гюнвальду Ларссону было видно, как Мёллер о чем-то говорит с каждым из четверки по очереди. Обычно столь невозмутимый, он сейчас явно нервничал, то и дело смотрел на часы и беспокойно поглядывал в сторону Риддархюсской площади, где вот-вот должен был показаться кортеж. Судя по всему, он отдавал последние распоряжения. Цакриссон и Кристианссон стали с одной стороны портала, Гюставссон и Квастму — с другой.

— Мое дело сторона, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Пусть Мёллер сам управляется. Господи, ну и спецотряд. И какой жуткий венок. Слава Богу, что предмет почестей его не увидит.

Мартин Бек поднял воротник, сунул руки в карманы и заметил:

— Не одно поколение монархов перевернется в своих могилах, когда они возложат это барахло. И вообще, что за дурацкая идея — тащить его на руках от самого Норстедта?

Гюнвальд Ларссон прищурился, глядя сквозь завесу мокрого снега на четверых офицеров, которые тем временем подошли к грузовику.

— Знать, решили, что так будет торжественнее, — отозвался он. — Мы с тобой в первом ряду партера. Аплодировать будем?

Взгляд Мартина Бека остановился на представителях прессы и телевидения, которые сгрудились у мостового устоя за церковью. В центре этой группы, оживленно жестикулируя, стоял Рикард Улльхольм. Эрик Мёллер уже шел к мосту, чтобы дать команду убрать ограждение и указать телевизионщикам, где им поставить свой автобус.

Все взоры устремились в сторону Мюнтгатан, откуда должен был появиться кортеж.

Внезапно Мартин Бек обратил внимание на хорошо знакомую личность, которая до тех пор явно пряталась за статуей на площади.

Из всех сотрудников агентурного отдела секретной полиции в Викторе Паульссоне, пожалуй, легче всего было узнать шпика, очень уж своеобразно он маскировался, чтобы незаметно слиться с окружением.

Не торопясь и не оглядываясь, он шел через площадь, старательно делая вид, что прогуливается просто так, без определенной цели.

Его одежда явно была призвана соответствовать торжественности события. Мартин Бек впервые видел Виктора Паульссона в таком облачении: тучный мужчина лет сорока, он обычно носил яркие, молодежные (как он сам полагал) костюмы, особенно когда ему поручали наблюдать за демонстрациями, студенческими сходками и политическими митингами.

Сейчас на Викторе Паульссоне было черное пальто с узким бархатным воротником, темно-серые брюки в несколько более светлую полоску и галоши. На голове — серый цилиндр, под мышкой зажата сложенная несколько раз консервативная газета.

— Где зонтик? — спросил Гюнвальд Ларссон. — Где дипломатический портфель? И он опять сбрил усы. Или же он их наклеивает, потому что на прошлой неделе он был с усами.

— Ты про те, что в духе Сальвадора Дали? — справился Мартин Бек.

В эту минуту послышались возгласы демонстрантов на Риддархюсской площади, и на Мюнтгатан показался кортеж.

Эрик Мёллер заметался, отдавая распоряжения налево и направо, потом сделал знак квартету морских офицеров, которые приняли стойку смирно, приготовившись снять с грузовика чудовищный венок.

Кортеж медленно пересек Риддархольмский мост; впереди — мотоциклисты, за ними бронированный лимузин с сенатором, премьером и Каменным Лицом, который на сей раз был без сигары. Дальше следовали машины с агентами службы безопасности, телохранителем премьера, послом США и другими видными дипломатами и членами правительства.

Молодой король тоже был приглашен на чествование своего покойного деда, но он еще не возвратился из официального визита в соседнюю страну и не смог присутствовать.

Колонна машин свернула направо и остановилась перед Стенбокским дворцом, прямо напротив Мартина Бека и Гюнвальда Ларссона.

Шофер лимузина немедленно вышел и раскрыл большой черный зонт, после чего отворил заднюю дверцу.

Подбежал телохранитель премьера с еще одним зонтом, и оба сановника, выйдя из машины, двинулись через площадь, сопровождаемые с двух сторон своими зонтоносцами. Шагавший вплотную за ними Каменное Лицо не был защищен от дождя, но его это не трогало. Он, как всегда, сохранял полную невозмутимость.

Неожиданно сенатор остановился и показал на Биргера-ярла, который обратил к ним поблескивающую от дождя могучую бронзовую спину. Вся процессия замерла и тоже воззрилась на статую.

Дождь немилосердно поливал незащищенное и все более скорбное сборище.

Премьер-министр объяснил, кого изображает статуя, сенатор энергично кивнул и явно пожелал узнать побольше об этом государственном деятеле, который, по сути, был древнейшим предшественником премьера.

Более или менее парадно одетые участники церемонии начали уподобляться мокрым курицам, взгляды щеголявших красивыми прическами дам наполнились глубоким отчаянием, а оба сановника продолжали стоять под зонтами, и премьер-министр явно настроился прочесть пространную лекцию.

Каменное Лицо стоял за спиной сенатора, глядя ему в затылок. И словно привязанный, последовал за ним, когда два деятеля со своими зонтоносцами медленно пошли в обход статуи, причем премьер продолжал лекцию, время от времени прерываемую вопросами сенатора.

— Да хватит им уже трепаться про Биргера-ярла, — раздраженно произнес Гюнвальд Ларссон. — Или пусть уж тогда возлагает венок к его памятнику.

Он поглядел на свои итальянские замшевые туфли, которые промокли насквозь и, скорее всего, были безнадежно испорчены.

— Я все стою и думаю, как древний шведский титул «риксмарск» перевести на английский, — сказал Мартин Бек. — State Marshal?

— По-моему, у американцев скорее назвали бы так начальника цепу, — отозвался Гюнвальд Ларссон.

Он встряхнулся, будто мокрый пес, и посмотрел на двух сановников, которые теперь стояли перед статуей, запрокинув голову.

— Погляди на Каменное Лицо, — сказал Мартин Век.

— Вижу, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Ему как с гуся вода. Ха-ха-ха.

— Откуда наш премьер знает столько про Биргера-ярла? Может, специально готовился? Или это вообще входит в обязанности главы правительства?

— Лично я помню о ярле Биргере только то, что он изобрел женское равноправие или что-то в этом роде, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Не иначе, я корью болел, когда мы проходили его в школе.

Сенатор как будто вдруг уразумел, что он не на экскурсии и прибыл сюда не затем, чтобы слушать лекцию о первом заступнике женщин и основателе Стокгольма.

И он подошел к четверке мокрых морских офицеров, которые в эту минуту, наверно, и впрямь предпочли бы нести спасательный круг.

Сделав рукой одобрительный жест, сенатор сказал:

— Marvelous. Exactly as I wanted it.[15]

Процессия обрела более или менее законченный вид и медленно двинулась к церковному порталу.

Глава правительства и сенатор шли впереди между шофером и телохранителем, которые изо всех сил старались держать зонты так, чтобы они, с одной стороны, защищали сановников от дождя, а, с другой стороны, не были вывернуты или вовсе вырваны из рук порывистым ветром.

— Вот было бы зрелище, если б эти два типа взмыли в воздух и полетели над заливом, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Как Мэри Поппинс, — отозвался Мартин Бек.

— Или Оле Лукойе.

Каменное Лицо не отставал от сенатора.

В трех метрах за ним шли офицеры с венком, далее следовали попарно все остальные.

Ветер трепал голубую шелковую ленту, и золоченая эмблема с орлом угрожающе качалась. Оформленные затейливыми складками флаги теперь больше всего напоминали хорошо послужившие тряпки для мытья посуды.

Тяжелая ноша явно угнетала офицеров. Да и мундиры их приобрели довольно жалкий вид.

— Бедняги, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Вот уж никогда не взялся бы за такое дурацкое дело. Я бы чувствовал себя идиотом.

— Может быть, им пригрозили какой-нибудь страшной морской казнью, — предположил Мартин Бек.

— Кстати, об идиотах, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Не пора ли нам сменить позицию, чтобы присмотреть за идиотской гвардией.

Подождав, когда прошли замыкающие процессию четыре агента службы безопасности, они стали на углу, откуда был хорошо виден церковный портал.

Справа от него, исполненные сознания великой ответственности момента, застыли, будто каменные истуканы, Кристианссон и Цакриссон.

Слева стояли Квастму и Альдор Гюставссон; Квастму вытянулся по стойке смирно.

Виктор Паульссон жался к стене Судебной палаты прямо напротив церкви. С полей цилиндра на бархатный воротничок падали большие капли; зажатая под левым локтем газета окончательно размокла.

Эрика Мёллера не было в поле зрения, но Рикард Улльхольм по-прежнему сдерживал напор фоторепортеров и телеоператоров.

Торжественное шествие медленно приближалось к порталу.

Перед входом телохранитель премьера и шофер сенатора остановились, сложили зонты и отступили назад, присоединяясь к Каменному Лицу.

В ту самую минуту, когда высокий гость и глава правительства начали подниматься по лестнице, в портале появился человек.

Это была молодая девушка с длинными белокурыми волосами и серьезным бледным лицом, на котором выделялись широко раскрытые карие глаза и плотно сжатые губы. Она была одета в замшевую куртку, длинную зеленую вельветовую юбку и кожаные сапожки.

Обеими руками она держала маленький блестящий револьвер. Остановившись на верху лестницы, она вытянула руки вперед и выстрелила.

Не больше двадцати сантиметров отделяло дуло револьвера от точки между бровями премьера, в которой пуля пробила лобную кость.

Премьер упал на стоявшего позади телохранителя с зонтом, и вместе они повалились на лестницу.

Девушка вздрогнула от сильной отдачи, потом замерла, медленно опуская руки.

Эхо выстрела раскатилось между домами, и прошло несколько секунд, прежде чем окружающие начали как-то реагировать.

Один премьер никак не реагировал. Он умер мгновенно, как только пуля проникла в его мозг.

— Проклятье, — сказал Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон вопросительно посмотрел на него.

Такая реакция была необычной для Мартина Бека.

Виктор Паульссон сорвался с места и понесся к церкви; на полпути из свернутой газеты выпал пистолет и шлепнулся прямо в лужу.

Сенатор спокойно забрал у девушки никелированный револьвер, одновременно его телохранитель выхватил из недр своего просторного пальто огромный кольт.

Виктор Паульссон подбежал к порталу, держа в руке совершенно мокрую газету.

Сенатор, не отрывая глаз от девушки, передал ее оружие стоявшему рядом Цакриссону.

Каменное Лицо прицелился в обезоруженную девушку. Даже в его могучей пятерне револьвер поражал своими размерами.

Бу Цакриссон надумал выбить у него из рук оружие выстрелом из дамского револьверчика, но телохранитель сенатора опередил его. Сохраняя полную невозмутимость, он ударил Цакриссона кольтом по руке. Цакриссон вскрикнул и выронил револьверчик.

Кеннет Квастму, который до тех пор сохранял стойку смирно, набросился на девушку и живо скрутил ей руки на спине. Она не сопротивлялась, только наклонилась вперед с искаженным от боли лицом.

Телохранитель премьер-министра поднялся на ноги, ошалело глядя на лежащего у его ног покойника. В руке он по-прежнему держал зонт.

На площади раздавались удивленные и испуганные восклицания участников процессии; примчались репортеры и фотографы во главе с Рикардом Улльхольмом.

Одновременно с Мартином Беком и Гюнвальдом Ларссоном к месту происшествия невесть откуда подоспел Эрик Мёллер. Выкрикивая распоряжения своим озадаченным агентам, он принялся расталкивать потрясенных и взволнованных людей, окруживших убитого.

Мартин Бек посмотрел на Ребекку Линд — она все так же стояла, наклонившись вперед.

— Отпусти ее, — приказал он Квастму.

Квастму продолжал держать девушку железной хваткой и открыл было рот, чтобы возразить, но Гюнвальд Ларссон подошел и оттер его в сторону.

— Я отведу ее в нашу машину, — сказал Гюнвальд Ларссон и начал протискиваться сквозь возбужденную толпу.

Мартин Бек нагнулся и поднял оружие, которое Каменное Лицо выбил из руки Цакриссона.

Совсем недавно он видел точно такое же. У Колльберга в Музее вооруженных сил.

Ему вспомнилось, что говорил Колльберг про маленький дамский револьвер.

Пожалуй, с двадцати сантиметров из него можно попасть в капустный кочан, при условии, что кочан не будет шевелиться.

Глядя на простреленный лоб главы правительства, Мартин Бек подумал, что Ребекка справилась с этой задачей.

Кругом царило полное смятение.

Только сенатор, его телохранитель и четыре морских офицера относительно спокойно восприняли случившееся. Последние положили чудовищный венок у ног премьера.

Рикард Улльхольм, весь багровый, обратился к Эрику Мёллеру, который продолжал наводить порядок:

— Я обязан заявить об этом. Это грубейший служебный проступок, я заявлю парламентскому комиссару. Скандальный проступок.

— Заткнись, — ответил Эрик Мёллер.

Рикард Улльхольм еще больше побагровел и повернулся к Кристианссону, который неколебимо стоял на своем посту.

— Я заявлю о твоем служебном проступке. На всех вас заявлю парламентскому комиссару.

— Я ничего не сделал, — возразил Кристианссон.

— Вот именно! — вскричал Улльхольм. — Об этом-то я и заявлю.

Мартин Бек повернулся к Улльхольму:

— Ну что ты тут разорался. Займись делом. Скажи людям, чтобы отошли подальше. И ты тоже, Кристианссон.

Подойдя к Эрику Мёллеру, он сказал:

— Придется тебе разбираться тут. Я повезу девушку в уголовку.

Эрику Мёллеру удалось потеснить толпу, окружившую труп премьер-министра.

Убитый глава правительства лежал на спине на мокрой от дождя паперти. У его ног красовался гротескный венок; по другую сторону венка стоял долговязый сенатор с выражением озабоченности на загорелом лице. Его телохранитель по-прежнему держал в руке свой ковбойский кольт.

Со стороны Риддархюсской площади донесся вой сирен.

Мартин Бек сунул в карман блестящий револьверчик и пошел к машине, где уже сидел Гюнвальд Ларссон с Ребеккой Линд.

## XXIV

Ситуация была отнюдь не новой для Мартина Бека.

Он — за письменным столом, на стуле перед ним — человек, совершивший убийство.

Знакомая ситуация, обычная в его работе.

Куда менее обычно то, что к допросу можно приступать менее чем через час после того, как было совершено преступление, что он сам и целый ряд других сотрудников полиции были свидетелями убийства, что преступником была девушка восемнадцати лет и что вопросы как, где и когда отпадали, оставалось только выяснить почему.

За многие годы службы в полиции он видел убийц и убитых разного ранга, из всех слоев общества, но никогда еще жертвой расследуемого им убийства не было такое высокопоставленное лицо, как глава правительства страны.

Кроме того, он не мог припомнить, чтобы ему приходилось иметь дело с таким оружием, какое теперь поблескивало перед ним на бюваре.

Рядом с никелированным револьверчиком лежала старая, потертая коробочка из светло-зеленого картона с неразборчивым текстом на ярлыке. В этой коробочке прежде хранилась пуля, пронзившая затем мозг премьер-министра; девушка достала ее из своей сумки и отдала ему еще в машине по дороге в полицейское управление.

Гюнвальд Ларссон не стал задерживаться в кабинете. Он понимал, что этот разговор Мартин Бек лучше всего проведет один, и оставил его наедине с Ребеккой.

И вот она перед ним, вся подобралась, пальцы рук сплетены на коленях, по-детски круглое лицо — бледное и напряженное. На его вопрос, хочет ли она есть, пить, курить, Ребекка отрицательно покачала головой.

— Я тут искал тебя недавно, — сказал Мартин Бек. Она удивленно посмотрела на него, потом спросила:

— Зачем это?

— Спросил твой адрес у адвоката Роксена, но он не знал, где ты живешь. После суда летом я иногда спрашивал себя, что с тобой сталось, догадывался, что тебе несладко приходится. Что ты, наверно, нуждаешься в помощи.

Ребекка пожала плечами.

— Верно, — сказала она. — Да только теперь все равно уже поздно.

Мартин Бек готов был пожалеть о своих словах. Она права. Поздно, и от того, что он только собирался помочь Ребекке, ей теперь вряд ли легче.

— И где же ты живешь сейчас, Ребекка? — спросил он.

— Последнюю неделю жила у подруги. Ее муж уехал на месяц, и она пустила нас с Камиллой к себе, пока он не вернется.

— Камилла сейчас там? Она кивнула.

— Как вы думаете, можно ей там остаться? — робко спросила она. — Хотя бы на время. Моя подруга охотно за ней присмотрит.

— Как-нибудь уладим, — ответил Мартин Бек. — Хочешь позвонить туда?

— Не сейчас. Попозже, если можно.

— Конечно. И ты вправе прибегнуть к помощи адвоката. Наверно, выберешь Роксена?

Ребекка снова кивнула.

— А я больше никого и не знаю. И он для меня столько сделал. Но у меня нет номера его телефона.

— Хочешь, чтобы он приехал сюда немедленно?

— Не знаю. Вы скажите мне, как поступить. Я ведь не знаю, что и как положено.

Мартин Бек поднял трубку и попросил дежурную разыскать Роксена.

— Он помог мне написать письмо, — сказала Ребекка.

— Знаю, — ответил Мартин Бек. — Я видел копию в его конторе позавчера. Надеюсь, ты не против.

— Против чего?

— Что я прочел твое письмо.

— Нет, почему же мне быть против. Значит, вы и про ответ знаете?

Она сумрачно поглядела на Мартина Бека.

— Да. Не очень-то ободряющий ответ. И что же ты сделала, когда его получила?

Ребекка пожала плечами, посмотрела на свои руки. Посидела молча, потом сказала:

— Ничего. Я не знала, что делать. Больше ведь не к кому было обратиться. Я думала, главный руководитель страны что-нибудь сделает, но ему было наплевать и… — Она безнадежно развела руками и продолжала почти шепотом: — Теперь это не играет никакой роли. Теперь уже все.

Она выглядела такой маленькой, одинокой, покинутой, что Мартину Беку захотелось подойти и погладить ее блестящие волосы или взять ее на руки и пожалеть. Он спросил:

— Где ты жила всю осень? Пока не устроилась у подруги?

— Где попало. Одно время мы жили на даче в Ваксхольме. Один мой приятель пустил нас туда, пока его родители ездили за границу. Потом, когда они вернулись, он сказал, что поживет у своей девушки, а нам уступил свою комнату. Но через несколько дней его хозяйка стала ругаться, пришлось нам опять уходить. Так и жили у разных друзей.

— Ты не обращалась в социальное бюро? Может быть, они помогли бы тебе с жильем.

Ребекка покачала головой.

— Не думаю. Они бы только напустили на меня детский надзор, и у меня отняли бы Камиллу. Мне кажется, в этой стране ни на какие власти нельзя положиться. Им плевать на простых людей, не знаменитых и не богатых, а то, что они называют помощью, по-моему, совсем не помощь. Сплошной обман.

Ее голос был полон горечи, и Мартин Бек понимал, что возражать не стоит. Да и с какой стати? В основном она права.

— М-м-м, — промычал он.

Зазвонил телефон. Дежурная сообщила, что ей не удалось найти Роксена ни в конторе, ни в суде. Домашний телефон в справочнике не указан.

Видимо, Рокотун жил там же, где помещалась его контора, и не завел второго телефона. Или же у него секретный номер. Мартин Бек попросил дежурную продолжать поиски.

— Не так уж важно, если вы не найдете его, — сказала Ребекка, когда он положил трубку. — Все равно на этот раз он мне не поможет.

— Не скажи, — ответил Мартин Бек. — Ты не спеши отчаиваться, Ребекка. Как бы то ни было, тебе необходим защитник, а Роксен хороший адвокат. Лучший, какого ты можешь получить. А пока со мной поговоришь. Можно попросить тебя, чтобы ты рассказала, что произошло?

— Вы же знаете, что произошло.

— Я подразумеваю то, что произошло до этого. Ты ведь не сегодня это задумала.

— Убить его, что ли?

— Ну да.

Ребекка некоторое время молча глядела себе под ноги. Потом подняла на Мартина Бека глаза, полные такого отчаяния, что он приготовился: сейчас заплачет.

— Джим умер, — глухо произнесла она.

— Как… — Мартин Бек осекся.

Ребекка нагнулась за сумкой, стоявшей на полу рядом со стулом, и принялась рыться в ней. Он достал из кармана пиджака чистый, хотя и несколько мятый носовой платок и протянул ей через стол. Она посмотрела на него сухими глазами и покачала головой. Он убрал платок обратно в карман и стал ждать, пока она найдет то, что искала в сумке.

— Он покончил с собой, — сказала Ребекка, кладя на стол перед ним конверт авиапочты с сине-бело-красной каймой. — Можете прочесть письмо от его матери.

Мартин Бек вынул из конверта шуршащий тонкий листок. Письмо было написано на машинке, тон — сухой и деловитый; из текста вовсе не видно, чтобы мать Джима сочувствовала Ребекке или скорбела о смерти сына. Вообще, письмо было свободно от каких-либо эмоций и потому казалось особенно жестоким.

Джим умер в тюрьме двадцать второго октября, сообщала мать. Сделал из одеяла веревку, привязал за верхнюю койку и повесился. Насколько было известно матери, он не оставил никаких объяснений, извинений или прощальных записок, адресованных родителям, Ребекке или кому-либо другому. Она решила известить Ребекку, поскольку знала, что та беспокоится за Джима и растит дитя, отцом которого считает его. Теперь Ребекке нечего больше ждать известий от Джима. В заключение миссис Косгрейв писала, что обстоятельства смерти Джима — судя по всему, не сама смерть, а именно ее обстоятельства — явились тяжелым потрясением для отца и еще больше усугубили его болезнь. Подпись: Грейс У. Косгрейв.

Мартин Бек сложил листок и сунул его обратно в конверт. Дата отправления на штемпеле — одиннадцатое ноября.

— Когда ты его получила? — спросил он.

— Вчера утром, — ответила Ребекка. — У нее был только адрес моих друзей, у которых я жила летом, так что оно пролежало у них несколько дней, прежде чем они нашли меня.

— Не очень-то ласковое письмо.

— Да уж.

Ребекка молча смотрела на лежавший на столе конверт.

— Не думала я, что мать Джима такая, — продолжала она. — Такая бессердечная. Джим часто вспоминал родителей, и мне казалось, что он их очень любит. Но, может быть, он больше любил отца. — Она снова пожала плечами и добавила: — Вообще-то не все родители любят своих детей.

Мартин Бек понимал, что она намекает на собственных родителей, но часть укора принял на свой счет. У него самого не ладились отношения с сыном, Рольфом, которому шел двадцатый год. Лишь после развода, а вернее, уже после знакомства с Реей, которая научила его не бояться быть честным не только с другими, но и с собой, он решился признаться себе, что просто не любит Рольфа. Глядя теперь на суровое, ожесточенное лицо Ребекки, он спрашивал себя, как отражается на душе парня отсутствие отцовской любви.

Мартин Бек прогнал мысли о Рольфе и спросил Ребекку:

— Значит, ты тогда и решилась? Когда письмо получила? Она помешкала с ответом. Мартин Бек чувствовал, что ее тормозит скорее стремление к искренности, чем неуверенность. Он уже составил себе определенное впечатление о Ребекке.

— Да, — произнесла она наконец. — Тогда и решилась.

— Откуда ты взяла револьвер?

— Он у меня давно. Я его получила года два назад, когда умерла мамина тетя. Она любила меня, в детстве я часто у нее бывала, и, когда она умерла, мне по наследству достались разные вещи, которыми я играла у нее. В том числе и этот револьвер. Но я не вспоминала о нем до вчерашнего дня и даже не знала, что у меня есть к нему патроны. Я столько переезжала, и он все время лежал в чемодане.

— Тебе приходилось стрелять из него раньше?

— Нет, никогда. Я даже не была уверена, что он в исправности. Он, наверно, очень старинный.

— Старинный, — подтвердил Мартин Бек. — Ему не меньше восьмидесяти лет.

Мартин Бек не увлекался оружием и знал о нем только самое необходимое. Будь здесь Колльберг, он мог бы рассказать, что револьвер — фирмы «Харрингтон энд Ричардсон», тридцать второго калибра, образца 1885 года. Патрон «Ремингтон», 1905 года, свинцовая пуля без оболочки, латунная гильза с малым вышибным зарядом.

— Как же ты ухитрилась так спрятаться, что тебя не обнаружили? Ведь полиция оцепила весь остров и проверяла каждого, кто туда шел.

— Я знала, что премьер-министр будет в кор… корт… забыла, как это называется…

— Кортеж, — подсказал Мартин Бек. — Торжественное шествие, а в данном случае — колонна автомашин.

— Ну, в общем, вместе с этим американцем. Прочла в газете, куда они поедут, что будут делать, и решила, что церковь подходит лучше всего. Пришла туда вчера вечером и спряталась. И ждала всю ночь и день. Там нетрудно спрятаться, и у меня была с собой простокваша на случай, если проголодаюсь или захочу пить. В церковь заходили люди, наверно полицейские, но они меня не заметили.

Команда обалдуев, подумал Мартин Бек. Где им было ее заметить.

— И это все, что ты ела целые сутки? Может быть, все-таки поешь?

— Нет, спасибо. Мне не хочется есть. Мне ведь совсем немного надо. Большинство людей у нас едят слишком много. Да у меня есть в сумке кунжут и финики.

— Ну смотри, скажешь сама, когда еще чего-нибудь захочешь.

— Спасибо, — вежливо произнесла Ребекка.

— Наверно, тебе и спать-то не пришлось как следует эти сутки.

— Не пришлось. Ночью в церкви я немного поспала. Не больше часа. Очень уж холодно было.

— Нам не обязательно долго говорить сегодня, — сказал Мартин Бек. — Можем продолжить завтра, когда ты отдохнешь. Если хочешь, тебе дадут снотворного.

— Я не принимаю никаких таблеток, — ответила Ребекка.

— Наверно, тебе там в церкви было тоскливо. Что ты делала, пока ждала?

— Думала. Все больше о Джиме. Никак не привыкну к мысли, что он мертв. Хотя вообще-то я знала, что он не вынесет тюрьмы. Ему всегда становилось не по себе в закрытом помещении.

Помолчав, она продолжала с негодованием:

— Это ужасное, унизительное, бесчеловечное наказание. Как это можно, чтобы одни люди сажали других людей в тюрьму? У каждого есть право на жизнь и свободу.

— В обществе нельзя без законов, — объяснил Мартин Бек. — И законы необходимо соблюдать.

— Может быть. Ну а те, что законы выдумывают, — они так уж лучше и умнее других? Что-то мне не верится. Вот ведь Джима взяли и обманули. Он ничего дурного не сделал. Ничегошеньки. А его все равно наказали. С таким же успехом могли приговорить его к смерти.

— Джиму вынесли приговор по законам его страны…

— Ему вынесли приговор здесь, — перебила Ребекка, наклоняясь вперед. — Когда уговорили ехать домой и заверили, что он не будет наказан, тогда и вынесли приговор. И не убеждайте меня, что это не так, я вам все равно не поверю.

Мартин Бек и не стал ее ни в чем убеждать. Ребекка снова откинулась на спинку стула и убрала рукой прядь волос, упавшую на щеку. Он ждал, что она скажет дальше, не хотел перебивать ход ее мыслей вопросами или назидательными замечаниями. Немного погодя она снова заговорила:

— Я сказала, что решилась убить премьер-министра, когда узнала о смерти Джима. Это в самом деле так, но вообще-то я, наверно, подумывала об этом раньше. Теперь уже и не знаю точно.

— Но ведь ты говоришь, что только вчера вспомнила про револьвер?

Ребекка наморщила лоб:

— Правильно. Только вчера вспомнила.

— Если бы ты раньше надумала застрелить его, то и про револьвер, наверно, вспомнила бы раньше.

Она кивнула.

— Пожалуй. Не знаю. Я знаю только, что теперь, когда Джим умер, остальное не играет роли. Мне все равно, что будет со мной. У меня во всем мире есть только Камилла. Я ее люблю, но что я могу ей дать, кроме любви? Если ей суждено вырасти и жить в этом обществе, очевидно, надо приноравливаться к такой жизни. Я не могу научить ее этому. Я

говорила себе, что она будет счастливее, если сумеет приспособиться к правилам, взглядам и законам, которые действуют в этой стране. Вообще я никогда не воображала, что ребенок принадлежит матери оттого, что она его родила. Хорошо бы, она оказалась достаточно сильной, чтобы самой определиться в жизни, когда станет постарше. — Ребекка поглядела с вызовом на Мартина Бека и добавила: — Вы, конечно, считаете, что все это безответственное ребячество, но я об этом очень много думала, правда.

— А я и не сомневаюсь. И ничего безответственного или ребяческого в тебе нет. Напротив. У тебя больше чувства ответственности, чем у большинства твоих сверстниц. К тому же ты правдива, а это тоже довольно необычно.

— Верно, — сказала Ребекка. — Все врут. Ужасно жить в таком мире, где люди врут друг другу. И думают, что так надо, чтобы устроиться в жизни. Да и разве может быть иначе, если даже те, кто всем заправляет и предписывает остальным, что делать и чего не делать, врут пуще всех. Как это можно, чтобы жулик и обманщик заправлял целой страной. Иначе его ведь не назовешь. Подлый обманщик. Я вовсе не рассчитываю, что руководитель, который его сменит, будет лучше, не такая я дура, но мне хотелось показать всем тем, кто нами правит и распоряжается, что нельзя без конца обманывать людей. Мне кажется, очень многие отлично понимают, что им морочат голову, но большинство слишком трусливы или равнодушны, чтобы рот открыть. Да и что толку протестовать или жаловаться, правителям-то наплевать. Им нет дела до простых людей, они только своей важной персоной заняты. Вот почему я его застрелила. Может, испугаются и поймут, что люди не такие уж тупые, как им представляется. Им плевать, если кто-то нуждается в помощи, плевать, если кто-то жалуется и шумит, оттого что не получает помощи, но на свою-то жизнь им не плевать. Но я…

Телефонный звонок перебил ее. Мартин Бек пожалел, что не предупредил, чтобы его пока ни с кем не соединяли. Наверно, Ребекка не часто бывала такая словоохотливая; когда он видел ее в прошлый раз, она показалась ему застенчивой и молчаливой.

Он взял трубку. Дежурная сообщила, что поиски адвоката Роксена продолжаются, но пока безуспешно.

Мартин Бек положил трубку, в ту же минуту раздался стук в дверь, и в кабинет вошел Гедобальд Роксен.

— Добрый день, — бросил он Мартину Беку, подходя к Ребекке. — Вот ты где, Роберта. Я услышал по радио, что премьера застрелили, понял по описанию так называемого злоумышленника, о ком речь, и поспешил сюда.

— Добрый день, — ответила Ребекка.

— Мы вас разыскивали, — сказал Мартин Бек.

— Я был у клиента, — сообщил Рокотун. — Чрезвычайно интересный человек. Потрясающий эрудит, знает множество увлекательных вещей. Между прочим, отец его в свое время был видный знаток фламандских гобеленов. Там я и услышал сообщение по радио.

Роксен был одет в длинное пальто в желто-зеленую крапинку, которое с трудом сходилось у него на животе. Он сбросил пальто на стул, положил свой портфель на стол Мартина Бека и увидел револьвер.

— М-м-м, недурно, — заметил он. — Не так-то просто попасть в цель из такого оружия. Помню — это было перед самой войной, — аналогичное оружие фигурировало в деле двух братьев-близнецов. Если вы кончили, то мы с Робертой…

— Ребеккой, — поправил Мартин Бек.

— Ну да. Могу я поговорить с Ребеккой?

Порывшись в портфеле, Рокотун достал старый латунный портсигар. Открыл его и извлек жеваный окурок.

Мартин Бек почувствовал, что ради Ребекки лучше всего на время оставить ее наедине с Рокотуном. Если у него будет только один слушатель, может быть, это сократит количество ассоциаций и отклонений от темы. К тому же Мартину Беку предстояло заполнять всевозможные бланки, писать протоколы и рапорты, а с этим он мог справиться и без участия Ребекки.

Он поднялся со своего кресла и сказал:

— Пожалуйста. Я скоро вернусь.

Идя к двери, он услышал голос Рокотуна:

— Да, дорогая Ребекка, неприятная история, но как-нибудь образуется. Выше голову. Помню, одна девушка в твоем возрасте, это было в Кристианстаде, весной сорок шестого, в том самом году, когда…

Мартин Бек закрыл за собой дверь и вздохнул.

## XXV

Мартин Бек верно оценил ситуацию, когда сказал начальнику ЦПУ, что риск нового покушения на сенатора очень мал. Правила БРЕН предписывали быстро нанести удар и по возможности бесследно исчезнуть. Сразу же повторять неудавшуюся акцию, чтобы исправить промах, считалось недопустимым.

В квартире на Капелльгатан Леваллуа уже принялся укладывать свое снаряжение. Он рассчитывал благополучно выскользнуть из страны, если не будет мешкать. Достаточно добраться до Дании, а дальше можно быть вполне спокойным. Француз не очень сокрушался из-за того, что произошло. Не такой у него был характер.

Положение Рейнхарда Гейдта было более затруднительным. Во-первых, полиция располагала данными о его внешности, во-вторых, его активно разыскивали.

В квартире было тепло, и он лежал на кровати в майке и белых трусах. Он только что принял душ.

Гейдт еще не задумывался всерьез, как и когда он покинет эту благоденствующую страну. Скорее всего, придется на некоторое время затаиться в квартире и ждать удобного случая.

Японцы получили такие же инструкции. Отсиживаться в квартире в Сёдермальме, пока не представится возможность покинуть ее без риска; другими словами, пока полиции не надоест подстерегать их и жизнь в стране не войдет в обычную колею. Подобно Гейдту, они запаслись консервами на месяц с лишним. С той разницей, что Гейдт, наверно, смог бы просуществовать на своеобразной японской диете от силы два дня, после чего тихо скончался бы от голода. Но его кладовка и холодильник были заполнены совсем другими продуктами, и в таком количестве, что один человек при необходимости мог бы растянуть их до конца года.

Сейчас голова его всецело была занята другим вопросом. Как они могли оплошать? Правда, еще в тренировочном лагере ему объясняли, что нельзя исключать вероятность потерь и неудач. Возможны и провалы, и убитые агенты, главное при этом, чтобы след не вел к БРЕН.

И все-таки. Леваллуа утверждает, что бомба взорвалась, а он обычно не ошибается. Возможность того, что японцы не в том месте заложили заряд, тоже исключена.

Рейнхард Гейдт умел рассуждать логично и решать самые сложные проблемы. Ему понадобилось меньше двадцати минут, чтобы сообразить, как было дело. Он встал с кровати и прошел в соседнюю комнату, где Леваллуа уже уложил свой скромный багаж и надевал пальто.

— Я понял, что произошло, — сказал Гейдт.

Француз вопросительно поглядел на него.

— Они нас попросту перехитрили. Радио и телевидение передавали не прямой репортаж. Они сдвинули передачу примерно на полчаса. Когда мы подорвали бомбу, кортеж уже проехал.

— М-м-м. Похоже на правду, — сказал Леваллуа.

— Этим объясняется и молчание на полицейской волне. Если бы она работала, трюк с радио и телевидением сразу стал бы очевиден.

Француз улыбнулся.

— А что, остроумно. Ничего не скажешь.

— Недооценили мы здешнюю полицию, — продолжал Гейдт. — Видно, не все в ней идиоты.

Леваллуа обвел взглядом комнату.

— Да, всякое бывает, — произнес он. — Ну, я пошел.

— Бери машину, — сказал Гейдт. — Все равно она мне теперь не понадобится.

Француз подумал. По всей стране, особенно вокруг Стокгольма, сейчас, наверно, расставлены полицейские кордоны. И хотя машину вряд ли выследили, все же риск остается.

— Нет, — заключил он. — Поеду поездом. Привет.

— Привет, — отозвался Гейдт. — До скорого.

— Надеюсь.

Леваллуа правильно рассчитал. Он без помех добрался до Энгельхольма на следующее утро. Оттуда автобус довез его до Турекова.

Рыбачья шхуна, как было условлено, ждала в гавани. Он сразу поднялся на борт, но в море они вышли, только когда стемнело.

На другой день Леваллуа был в Копенгагене, где ему практически ничего уже не грозило.

Хотя он не больно-то разбирался в датском языке, первые страницы газет поразили его своими заголовками. И он спросил себя, в котором часу в киоски Главного вокзала поступают свежие номера «Франс-суар».

Рейнхард Гейдт все валялся на постели, заложив руки за голову. Слушал вполуха радио и продолжал размышлять над своим первым основательным провалом. Кто-то перехитрил его, хотя подготовка была безупречной.

У кого хватило ума, чтобы так лихо его одурачить?

Когда начали передавать экстренное сообщение, он сел и удивленно прислушался.

Надо же, ко всему еще такое чуть ли не комическое совпадение!

Гейдт поймал себя на том, что смеется вслух.

Но смех смехом, а теперь ему рискованнее прежнего выходить на улицу.

Хорошо, что он предусмотрительно запасся хорошими книжками, которые можно читать и перечитывать с пользой для ума.

Рейнхард Гейдт понял, что нескоро увидит вновь Питермарицбург, и, поскольку он был большой любитель природы и свежего воздуха, ожидание обещало стать томительным.

Тем не менее он не очень унывал. Хандра для человека в его положении была непозволительной роскошью.

Для Мартина Бека венцом этого поразительного дня был телефонный звонок Херрготта Рада, который сообщил, что освободился, но, к сожалению, совершенно не представляет себе, где находится.

— И никто там у вас не знает?

— Нет, здесь все из Сконе.

— А как вас туда доставили?

— На полицейском автобусе, — ответил Рад. — Он ушел и приедет за нами только завтра утром. Единственное, что я могу сказать, — тут недалеко есть железная дорога. Поезда зеленые.

— Метро, — произнес Мартин Бек, раздумывая. — Ты в каком-нибудь предместье.

— Какое же это метро, ни одного туннеля не видно.

— Скажи ему, пусть выйдет из дома, дойдет до ближайшего угла и прочтет название улицы, — подсказала Рея, которая всегда подслушивала телефонные разговоры.

— Подключился кто-то? — рассмеялся Рад.

— Не совсем.

— Я слышал, что она сказала. Жди у телефона. Он вернулся через четыре минуты и сообщил:

— Люсвиксгатан. Тебе это что-нибудь говорит? Мартину Беку это название ровным счетом ничего не говорило, но Рея снова вмешалась в разговор.

— Он находится в Фарсте. Там такие кривые улицы, что ничего не стоит запутаться. Скажи ему, чтобы вышел и ждал на том же углу, я заберу его через двадцать минут.

— Слышу, слышу, — сказал Рад.

Рея уже надела красные резиновые сапоги. Застегивая куртку, открыла наружную дверь.

— И не смей подходить к плите, понял? — крикнула она.

— Деликатная у тебя знакомая, — рассмеялся Рад. — Как ее зовут?

— Сам спросишь, — ответил Мартин Бек. — Пока.

У Реи был старый автофургон «вольво», с помощью которого она нагоняла страх на пешеходов и автомобилистов. Знатоки презрительно называли эту конструкцию трактором или паровым катком, на самом же деле машина была отменная, потому что никогда не капризничала и не ломалась. Недаром завод снял эту марку с производства. Рея видела в этом одно из многих свидетельств того, что капитализм подчиняется только своим собственным законам.

Через сорок четыре минуты она вернулась с Радом. Видно, они сразу поладили, потому что еще из лифта до Мартина Бека доносились их веселые голоса и смех.

Сбросив куртку, Рея глянула на часы и помчалась на кухню.

Рад осмотрел квартиру и заключил:

— Не так уж и плохо для Стокгольма. Потом спросил:

— А что, собственно, произошло сегодня? В таком городе разве постовой может что-нибудь знать толком? Стой и пялься, куда тебе приказано пялиться, вот и все.

Он был прав. В таких случаях постовые знали ровно столько, сколько солдат на поле боя, а именно — ничего.

— Одна девушка застрелила премьер-министра. Спряталась в Риддархольмской церкви, а секретная полиция, которой было поручено наблюдение, прозевала ее.

— Не могу сказать, чтобы я принадлежал к числу его поклонников, — сказал Рад. — И все же я не вижу в этом никакого смысла. Через полчаса они поставят взамен другого, который будет ничем не лучше.

Мартин Бек кивнул. Потом спросил:

— Какие события в Андерслёве?

— Событий куча. Но все приятные. Например, мы с Калле спасли монопольку. Кое-кто добивался, чтобы прекратили продажу спиртного, но поди потягайся с начальником полиции и священником.

— А Фольке Бенгтссон как поживает?

— Хорошо, надо думать. Такой же, как всегда. Но вот новость: какой-то полоумный стокгольмец купил дом Сигбрит себе под дачу. — Он громко рассмеялся: — И с Бертилем Мордом чудо приключилось.

— Какое же?

— Мне надо было утрясти с ним кое-какие вопросы, как распорядиться имуществом и все такое прочее. Вдруг выясняется, что он продал свой дом, и кабак, и вещи и снова в море подался. Говорят — ему кто-то посоветовал. Кто бы это мог быть?

Мартин Бек промолчал. Это ведь он посоветовал.

— Ну вот, мы принялись его разыскивать, разослали письма во все концы на английском языке и наконец получаем ответ на роскошной бумаге от одного пароходства в Тайбэе, с острова Тайвань, и там написано, что они наняли капитана Морда четыре месяца назад в Либерии и теперь он командует теплоходом «Тайвань Сан», который направляется из Сфакса в Ботафого с грузом листьев альфа. Пришлось сдаться. Одного только не пойму: Морд ведь упился почти насмерть, на врачебное свидетельство не мог рассчитывать. Как же он ухитрился стать капитаном такого большого судна?

— Сунь пятьсот долларов надлежащему врачу в Монровии, получишь справку, что у тебя деревянная нога и стеклянный глаз, — сказал Мартин Бек. — Меня другое удивляет: что Морд сам до этого раньше не додумался.

— Сам, — хитро заметил Рад. — Значит, это ты…

Мартин Бек кивнул.

— А еще, — продолжал Рад, — меня удивили кое-какие детали следствия, если ты не обидишься. Так, рассказывали, будто убийца, как-его-там, умер от инфаркта, когда за ним пришла полиция.

— В самом деле?

— Инфаркт просто так не бывает, — сказал Рад. — Мне пришлось потом говорить с его врачом в Треллеборге, и я узнал, что у него был порок сердца. Ему запретили курить, пить кофе, ходить по крутым лестницам, волноваться. Запретили даже…

Вошла Рея, и Рад осекся.

— Что ему запретили? — спросила она.

Рад объяснил, что.

— Бедняжка, — сказала Рея и снова вышла на кухню.

— И еще одна деталь, — продолжал Рад. — Когда угнали его машину, дверца была незаперта и двери гаража распахнуты настежь. Почему? Да потому, что он сам хотел, чтобы ее украли, понимал, что она может стать уликой в деле Сигбрит Морд. До убийства он всегда запирал гараж. Небось, если бы не его мерзкая баба, не стал бы даже заявлять об угоне.

— Тебе только в группе расследования убийств работать, — сказал Мартин Бек.

— Кому? Мне? Ты спятил? Честное слово, больше никогда не буду задумываться о таких вещах.

— Кто там сказал «мерзкая баба»? — крикнула Рея из кухни.

— Надеюсь, она не «красный чулок», — произнес Рад вполголоса.

— Нет, она не феминистка, — ответил Мартин Бек. — Хотя иногда надевает красные чулки.

— Это я сказал! — крикнул Рад.

— Ладно, — отозвалась Рея, — лишь бы не про меня. Кушать подано. Марш на кухню, пока не остыло.

Рея любила готовить, особенно для себя и ценителей вкусной еды. И не переносила таких гостей, которые глотают все подряд без разбору и без комментариев.

Инспектор полиции из Андерслёва был идеальным гостем. Сам отменный кулинар, он тщательно все дегустировал, прежде чем высказаться. И каждое его высказывание было весьма похвальным.

Когда они через час с небольшим сажали Рада в такси на набережной, его лицо более, чем когда-либо, отвечало фамилии.

В пятницу двадцать второго ноября Херрготт Рад снова стоял на посту на Свеавеген, напротив библиотеки. Проезжая с кортежем мимо него, Мартин Бек помахал рукой, и Гюнвальд Ларссон кисло заметил:

— Приветствуешь своего зверобоя?

Мартин Бек кивнул.

Накануне они с Гюнвальдом Ларссоном бросили жребий, кому идти вечером на прием, и раз в жизни Мартину Беку повезло, благодаря чему и Херрготт Рад смог вкусно пообедать.

Прием в «Сталльместарегорден» прошел довольно уныло, хотя и сенатор, и временно исполняющий обязанности главы правительства старались вести себя как ни в чем не бывало. Оба в своих официальных речах упомянули о «трагическом эпизоде», но тем и ограничились, больше напирали на обычные политические фразы насчет дружбы, миролюбия, равноправия и взаимного уважения.

Гюнвальд Ларссон даже заподозрил, что речи писал для них один и тот же человек.

Мёллерова ближняя охрана в этот день не оставила ни одной лазейки, и члены спецотряда не показывались. Большинство из них дежурили на участках, другим предоставили отгул. Только Рикард Улльхольм честно трудился — во всяком случае, он сам так считал. Сидя дома на кухне, он писал и остался вполне доволен, настрочив в общей сложности одиннадцать заявлений на имя парламентского комиссара. В большинстве заявлений он ограничился обвинениями в нерадивости, непригодности и коммунизме, но в доносе на Мартина Бека пошел дальше, указав, что лично подвергся оскорблению с его стороны. Рикард Улльхольм дослужился до инспектора и в качестве такового не мог мириться с тем, чтобы ему говорили «что ты тут разорался». В каком бы чине ни был говоривший.

Гюнвальд Ларссон весь вечер томился скукой и только однажды открыл рот. А именно, глядя на оттопыренный под мышкой пиджак Каменного Лица, он обратился к Эрику Мёллеру, который в эту минуту случайно тоже оказался в гардеробе:

— Как получилось, что этот тип расхаживает с оружием в чужой стране?

— Специальное разрешение.

— Специальное разрешение? И кто же его выдал?

— Кто выдал, того уже нет в живых, — невозмутимо ответил Мёллер.

Шеф сепо удалился, и Гюнвальд Ларссон погрузился в размышления. Не очень разбираясь в юридических тонкостях, он спрашивал себя, можно ли вообще, а если да, то насколько долго можно считать имеющими силу разрешения покойников на противозаконные действия. Он так и не пришел ни к какому выводу, и вскоре поймал себя на чувстве жалости к человеку с каменным лицом.

Паршивая работенка, говорил себе Гюнвальд Ларссон. Особенно, когда ты вынужден ходить с незажженной сигарой в зубах.

Улыбка сенатора отдавала грустью, как и все мероприятие в целом, и прием кончился довольно рано.

Несмотря на это, Гюнвальд Ларссон добрался домой в Болльмуру только в половине второго. Принял душ, надел чистую пижаму, лег, прочел полстраницы своего любимого Ю. Регкса и уснул.

Сенатор к этому времени спал уже полтора часа под надежной сенью посольства. Каменное Лицо тоже отдыхал после трудового дня, аккуратно разместив на тумбочке сигару, кольт и банку пива.

На другое утро оживленно обсуждался вопрос, отменит король завтрак или нет. Он вполне мог бы это сделать, сославшись на вчерашние события и на то обстоятельство, что сам только что вернулся из официального визита в Финляндию.

Но двор молчал, и оперативной группе пришлось проводить в жизнь весь комплекс мероприятий, предусмотренных для данного случая. Как и сказал адъютант, король не боялся. Он вышел в дворцовый сад и лично встретил сенатора.

Видимо, между двором и посольством США происходили какие-то переговоры, ибо на сей раз Каменное Лицо остался сидеть в бронированном лимузине, каковой — после того как сенатор благополучно поднялся по столь уязвимой с точки зрения безопасности лестнице — занял место на стоянке при дворце. Проходя мимо машины, Мартин Бек увидел сквозь голубоватое стекло, как телохранитель отложил свою сигару и достал откуда-то банку чешского пива и коробку, в которой явно содержались бутерброды.

Сверх этой детали не произошло ничего непредвиденного. Завтрак был личным делом короля; что при этом говорилось или делалось, посторонних не касалось. И если телохранителю пришлось ограничиться скудной трапезой в автомобиле, это объяснялось очень просто: король не пожелал сидеть за одним столом с вооруженными людьми. Надо сказать, что Мартин Бек вполне его понимал.

Демонстрантов перед дворцом было куда меньше, чем ожидалось, и, когда король появился в саду, возгласы «Хотим видеть нашего короля!» вполне уравновешивали крики «Янки, убирайся домой!»

Фактор времени играл важную роль для полиции, особенно для Гюнвальда Ларссона, который вместе с начальником охраны порядка командовал мобильными отрядами периферийной охраны. Гюнвальд Ларссон то и дело поглядывал на свой хронометр и с некоторым удивлением констатировал, что все идет как по писаному. Высокопоставленные официальные лица и политические деятели, как правило, отличаются пунктуальностью, и ни монарх, ни сенатор не нарушили расписание даже на минуту. Сенатор точно в положенное время поднялся по северной лестнице в сад, и король оказался на месте. Точно по графику они обменялись рукопожатиями и через восточные ворота вошли во дворец. Злые языки утверждали, что король страдает словесной слепотой и пишет с ошибками, и что будто бы однажды он написал колорь вместо король; тем не менее он всегда являлся туда, где его ждали, с точностью до тридцати секунд.

Когда король с почетным и для многих ненавистным гостем скрылся во дворце, критический момент миновал, и Мартин Бек вместе с другими облегченно вздохнул.

Трапеза кончилась минута в минуту. Сенатор сел в бронированный лимузин всего на пятнадцать секунд позже намеченного срока.

Мёллер, как обычно, не показывался, но, по всей вероятности, находился где-то поблизости. Машины выстроились в колонну, и кортеж тронулся в долгий путь до Арланды. Район дворца был оцеплен лучшими людьми Мёллера, он располагал вполне толковыми агентами, и на сей раз весь участок был проверен заблаговременно и с великой тщательностью.

Кортеж несколько отклонился в сторону от первоначального маршрута, объезжая место взрыва, где ремонтники газовой сети далеко еще не управились со своей работой.

Машины шли быстрее, чем накануне, но Гюнвальд Ларссон пришпорил свой быстроходный «порш» и носился взад-вперед вдоль колонны.

Говорил он мало, больше думал — думал о Гейдте и его сообщниках, которые, по всей вероятности, надолго затаились.

— У нас есть неплохие путеводные нити, — сказал он Мартину Беку. — Машина и описание внешности Гейдта.

Мартин Бек кивнул.

Через некоторое время Гюнвальд Ларссон произнес словно про себя:

— Нет уж, на этот раз ты не уйдешь… — И продолжал: — Нам надо сделать два дела. Разыскать фирму, которая продала или сдала напрокат зеленую машину. И устроить засаду. Этим надо заняться немедленно. Кого выделим?

Мартин Бек хорошенько поразмыслил и, наконец, сказал:

— Рённа и Скакке. Дело нелегкое, но Скакке настойчив как черт, а Рённ располагает нужным навыком.

— Что-то раньше ты о нем так не говорил.

— С годами люди меняются. Это и ко мне относится.

В зале для важных персон в аэропорту снова было подано шампанское. И снова непьющий Гюнвальд Ларссон беззастенчиво опорожнил свой бокал в ближайший цветочный горшок.

Вдоль шоссе стояло изрядное количество демонстрантов, однако их было значительно меньше, чем накануне. Большинство провели ночь в холодных палатках, погода их не миловала, да и неожиданный поворот дела многих обескуражил. Инцидентов не было, была только куча плакатов, которые быстро размокли под дождем.

Улыбка сенатора теперь выражала скорее облегчение, чем грусть. Он обошел провожающих, пожимая им руки. Правда, подойдя к Гюнвальду Ларссону, заморский гость спрятал руку в карман и ограничился кивком и самой обаятельной предвыборной улыбкой. Каменное Лицо смотрел из-за его плеча на Гюнвальда Ларссона с мрачной солидарностью. Это был один из тех редких случаев, когда он проявлял почти человеческие чувства.

Сенатор произнес весьма нейтральную, хорошо отработанную, простую и сжатую благодарственную речь, еще раз упомянув про трагический эпизод.

После чего сел в джип секретной полиции, чтобы проехать в нем через все летное поле к надежно охраняемому самолету. Вместе с ним в машину сели Мартин Бек, Мёллер и тот самый статс-секретарь, который участвовал во вчерашней встрече (он успел уже стать министром без портфеля), а также человек с каменным лицом и сигарой.

Когда сенатор поднимался по трапу, с террасы для зрителей какой-то темнокожий дезертир покрыл его матерной бранью.

Сенатор поглядел в его сторону и, радостно улыбаясь, помахал рукой.

Десять минут спустя самолет взмыл в воздух.

Быстро набрав высоту, он описал сверкающую кривую, лег на нужный курс и меньше чем через минуту пропал из виду.

В машине на обратном пути в Стокгольм Гюнвальд Ларссон сказал:

— Хоть бы этот ублюдок разбился, да ведь не сбудется. Мартин Бек скосился на Гюнвальда Ларссона. Он никогда еще не видел его таким суровым и серьезным.

Гюнвальд Ларссон выжал газ до отказа, и стрелка спидометра закачалась около цифры двести десять. Казалось, все другие машины стоят на месте.

Никто из них не вымолвил больше ни слова, пока «порш» не замер на стоянке у здания полицейского управления.

— Вот когда начинается настоящая работа, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Найти Гейдта и зеленую машину?

— И его сообщников. Такие, как Гейдт, в одиночку не работают.

— Вероятно, ты прав, — согласился Мартин Бек.

— Зеленый драндулет, на номерном знаке буквы ГОЗ, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Думаешь, на нее можно положиться, не ошиблась в буквах? Все-таки немало времени прошло.

— Она не стала бы говорить, если бы сомневалась. Но вообще-то в таком деле немудрено и ошибиться.

— И она не дальтоник?

— Можешь быть спокоен.

— Если машина не краденая, значит, ее либо купили, либо взяли напрокат. В том и другом случае можно ее выследить.

— Вот именно, — подтвердил Мартин Бек. — Славная работенка для Скакке и Рённа. Пошлем их обходить фирмы, а Меландера посадим на телефон.

— А нам с тобой что делать?

— Ждать, — ответил Мартин Бек. — Ждать и следить за ходом событий. Как ждут эти агенты БРЕН. Теперь, когда дело сорвалось, они будут предельно осторожны. Где-нибудь затаились.

— Да, похоже на то.

Они были правы, но только на семьдесят пять процентов.

Вечером в пятницу двадцать второго ноября ситуация выглядела следующим образом.

Рейнхард Гейдт отсиживался в квартире на Капелльгатан, японцы — в Сёдермальме.

Самолет, который должен был доставить Херрготта Рада обратно в Сконе, не смог из-за обычного в этих местах тумана приземлиться на аэродроме под Мальмё и долетел до Каструпа в Дании. Направляясь по самоходной дорожке к автобусу, коему предстояло проделать путь на палубе автопарома от Драгерэ до Лимхамна и по суше до вокзала в Мальмё, где можно было взять такси до Андерслёва, Рад разминулся с Леваллуа, которого встречная полоса везла на готовый к взлету парижский самолет. Они никогда не видели друг друга, да и впредь им никогда не суждено было увидеться. Естественно, никто из них не реагировал.

Сенатор крепко спал в удобном откидном кресле, летя на запад через океан в своем личном самолете.

Каменное Лицо не утерпел. Достал спички с рекламой «Сталльместарегорден» и закурил свою сигару.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон инструктировали своих сотрудников. Рённ зевал, Меландер выколачивал пепел из трубки, выразительно посматривая на часы, Скакке, жадный до новых заслуг, внимательно слушал.

Примерно в полукилометре оттуда Ребекка Линд снова предстала перед судом, чтобы выслушать постановление о взятии под стражу. Рассмотрение дела задержалось, потому что по жребию обвинителем должен был выступить Бульдозер Ульссон, но он посчитал дело чересчур простым, к тому же его ужасала перспектива слушать тирады Рокотуна, а потому он внезапно сказался больным, хотя находился в своем кабинете.

Его заменяла женщина-прокурор, которая тотчас потребовала заключить Ребекку Линд под стражу и подвергнуть так называемой всесторонней судебно-психиатрической экспертизе, каковая обычно затягивается на много месяцев.

Ребекка Линд не произнесла ни слова. Она казалась беспредельно одинокой, хотя слева от нее сидела весьма добродушная на вид надзирательница, а справа — Гедобальд Роксен.

После выступления прокурора все с нетерпением ждали, что скажет Роксен; членам суда хотелось домой, а репортеры приготовились бежать к ближайшим телефонам.

Однако Рокотун не спешил начать.

Он долго с грустью созерцал свою клиентку, рыгнул, отпустил ремень на одну дырочку, крякнул и, наконец, заговорил:

— Версия обвинителя совершенно ошибочна. Единственное, что не подлежит сомнению, это то, что Ребекка Линд застрелила премьер-министра. Надо думать, вся страна уже видела это событие по телевизору, поскольку час назад знаменательные кадры повторили в шестнадцатый раз. В качестве защитника и юридического советника Ребекки я довольно хорошо с нею знаком, и я убежден, что ее психика здоровее и менее извращена, чем у любого присутствующего в этом зале, включая меня. Надеюсь, мне удастся доказать это на процессе, который, может быть, состоится когда-нибудь в будущем. За свою молодую жизнь Ребекка Линд не однажды приходила в столкновение с системой, произволу которой все мы вынуждены подчиняться. Она ни разу не видела ни сочувствия, ни помощи от нашего общества с его беспощадными принципами. И если прокурор требует психиатрической экспертизы на том основании, что действия Ребекки Линд не мотивированы, то это в лучшем случае свидетельствует о чистейшем недомыслии. На самом деле поступок Ребекки был вызван политическими мотивами, хотя сама она не принадлежит к какой-либо политической группировке и, несомненно, пребывает в счастливом неведении относительно господствующей политической системы, заправляющей практически всем, что происходит вокруг нас сегодня. Не будем забывать о том, что нелепая доктрина: война есть логическое продолжение политики — действует и ныне, и что эта формула разработана хорошо оплачиваемыми теоретиками на службе у капиталистического общества. Вчерашний поступок этой молодой женщины был политической акцией, хотя и неосознанной. Я берусь утверждать, что Ребекка Линд лучше тысяч других молодых людей видит, насколько прогнило наше общество. А то, что она не связана ни с какими политическими группировками и вряд ли вообще подозревает, что такое «государство смешанной экономики», может быть, лишь помогает ей яснее видеть.

В последнее время, да что там — вообще, сколько мы помним, — большими и могущественными державами всего капиталистического блока управляют лица, которые по общепринятым юридическим нормам являются откровенными преступниками. Движимые жаждой власти и погоней за наживой, они прививают народам пагубный эгоизм, отвращение к труду и образ мыслей, всецело основанный на меркантильности и самом бесцеремонном отношении к своим собратьям. Лишь в очень редких случаях таких политиков наказывают, да и то наказание чисто формальное, а преемники виновных действуют в том же духе. Наверно, я единственный в этом зале, кто еще помнит таких деятелей, как Гардинг, Кулидж и Гувер. Их действия были осуждены, но произошло ли с тех пор сколько-нибудь существенное улучшение? Мы видели Гитлера и Муссолини, Стресснера, Франко и Салазара, Чан Кай-ши и Яна Смита, Смэтса, Форстера и Фервурда, чилийскую хунту — людей, которые либо привели свои народы на край гибели, либо в своекорыстных интересах обращались со своими подданными так же, как гнусный захватчик угнетает оккупированную страну.

Судья раздраженно посмотрел на часы, но Рокотун как ни в чем не бывало продолжал:

— Кто-то назвал нашу страну маленьким, но алчным капиталистическим государством. Верно назвал. Мыслящему человеку с чистой душой, вроде этой молодой женщины, которая

будет здесь взята под стражу и жизнь которой уже погублена, такая система неизбежно должна представляться непостижимой и бесчеловечной. Однако она понимает, что кто-то должен нести ответственность, и когда ее попытки обычными человеческими путями дойти до этого лица или хотя бы добиться ответа оказываются тщетными, ею овладевают отчаяние и неудержимая ненависть. Я говорю здесь так долго потому, что мой юридический опыт подсказывает мне: Ребекку Линд не станут судить, и мои сегодняшние слова — единственное, что когда-либо будет сказано в ее защиту. Она очутилась в безнадежном положении, и ее решение хоть раз в жизни дать сдачи тем, кто загубил ее существование, вполне объяснимо.

Рокотун перевел дух, потом выпрямился и сказал:

— Ребекка Линд совершила убийство, и я, конечно, не могу возражать против взятия под стражу. Я тоже настаиваю на психиатрической экспертизе, но не по тем причинам, которые приводил обвинитель. А именно: я питаю слабую надежду, что врачи, в чьи руки ее передадут, придут к тому же выводу и убеждению, что я сам, — то есть, что она мыслит лучше и вернее, чем большинство из нас. В таком случае она может предстать перед судом, и, может быть, дело ее рассмотрят так, как подобает в правовом государстве. Да только не очень-то я на это надеюсь.

Он сел, крякнул и печально воззрился на свои запущенные ногти.

Судье понадобилось меньше тридцати секунд, чтобы объявить о взятии Ребекки Линд под стражу и направлении ее в Институт судебной психиатрии для всесторонней экспертизы.

Гедобальд Роксен оказался прав. Экспертиза длилась почти девять месяцев и завершилась тем, что Ребекку поместили в психиатрическую больницу для стационарного лечения.

Через три месяца она покончила с собой, разбив себе голову о стену.

В статистике ее смерть отнесли к разряду несчастных случаев.

## XXVI

Чуть больше недели понадобилось Эйнару Рённу и Бенни Скакке, чтобы добраться до нужной прокатной конторы. Гейдт предпочел не крупное известное предприятие вроде «Герц» или «Авис», а маленькую частную фирму.

Взятая им машина была вполне заурядной марки, а именно «опель рекорд». Цвет — зеленый, номер — ФАК 311. Не подлежало сомнению, что он тут же сменил номерной знак. Он назвался Эндрю Блэком и был вынужден дать фирме какой-то адрес. Плохо зная Стокгольм, он назвал улицу и дом в районе Танту, то есть в той самой части города, где обосновался тогда вместе с японцами. Конечно, это была не та улица и не тот дом, где он жил на самом деле, но и с такими данными можно было продолжать поиск. Восемь дней Скакке и Рённ ходили из дома в дом, справляясь о машине и показывая пресловутую фотографию.

Метод был надежный, и в конце концов клюнуло.

— Простите, вам случайно не приходилось видеть этого человека? — спросил Бенни Скакке в восемьсот пятидесятый раз, предъявив свое удостоверение.

— Как же, видела, — ответила женщина, открывшая ему дверь. — У него была зеленая машина, он жил в этом доме. На тринадцатом этаже, вместе с двумя японцами. Да они и сейчас здесь живут. Один маленького роста, другой — огромный. Но вот этот, на фотографии, переехал отсюда недели три назад. Очень симпатичные и вежливые люди — я встречалась с ними в лифте. Коммерсанты. Квартира числится за одной фирмой.

— Значит, японцы остались, — сказал Рённ.

— Да, но они что-то давно уже не выходят из дома. А перед тем принесли целые ящики продуктов, которые купили в магазине у автобусной остановки. По-моему, там были главным образом консервы.

Эта женщина явно отличалась наблюдательностью, а проще говоря, была страшно любопытной. Скакке не замедлил осведомиться:

— Вы не можете сказать, с каких пор эти японские господа не выходят из дома?

— Со времени того страшного убийства на Риддархольмене.

Она хлопнула себя по лбу ладонью и с жадным интересом произнесла:

— Уж не думаете ли вы…

Рённ поспешил ее заверить:

— Ну что вы, что вы, конечно, нет.

— К тому же убийца был сразу схвачен, — добавил Скакке.

— Да-да, разумеется, — произнесла дама. — И ведь не могла же та девушка вырядиться двумя японцами. — Она продолжала: — И вообще я не могу сказать ничего дурного про этих двух желтокожих. И про этого на фотографии тоже. Очень даже интересный мужчина.

После покушения и неожиданного убийства прошло семнадцать дней, и перед оперативной группой стояли две сложные проблемы.

Остался Гейдт в стране или ухитрился уйти?

Как одолеть двух японцев, которые, несомненно, вооружены до зубов и, несомненно, получили приказ ни за что не сдаваться, а сопротивляться до последнего и в крайнем случае взорвать себя вместе с противником?

— Я хочу взять этих иродов живьем, — сказал Гюнвальд Ларссон, мрачно глядя в окно.

— Думаешь, это вся группа? — спросил Скакке. — Эти двое и Гейдт?

— Скорее всего, их было четверо, — откликнулся Мартин Бек. — И четвертый, наверно, уже ушел.

— Почему ты так думаешь? — спросил Скакке.

— Не знаю, — ответил Мартин Бек.

Его догадки часто оказывались верными. Многие называли это интуицией, сам же Мартин Бек считал, что интуиция не играет никакой роли в практической оперативной работе; он вообще сомневался, что существует такое свойство.

Эйнар Рённ находился в Танту, в квартире, которую полиции пришлось занять чуть ли не силой. Во всяком случае, не обошлось без взяток, не говоря уже о том, что жильца временно поселили на полном государственном обеспечении в одном из наиболее роскошных отелей города.

От посторонних глаз Рённа защищала тюлевая занавеска — во всяком случае, пока он не зажигал свет. Он его не зажигал. Рённ был некурящий, и полпачки дешевых датских сигарет, которые он иногда носил в кармане, нужны ему были, только чтобы угощать приверженных к никотину злоумышленников.

В свой превосходный полевой бинокль он за шесть часов дважды видел японцев. В обоих случаях они были вооружены автоматами, и Рённ сделал про себя вывод, что японцы вовсе не похожи друг на друга, и старая басня, будто все корейцы, китайцы и иже с ними на одно лицо, басня и есть. Как и то, что говорят про цыган и саамов.

Расстояние между домами составляло около четырехсот метров, и будь Рённ хороший стрелок, — а он им заведомо не был, — к тому же вооруженный дальнобойной винтовкой с оптическим прицелом, он, наверно, смог бы обезвредить того из японцев — желательно более рослого, — который первым выглянет из-за занавески.

После десяти часов дежурства Рённа сменили. К этому времени вся эта затея успела ему основательно осточертеть.

Сменивший его Бенни Скакке был не совсем доволен полученными инструкциями.

— Гюнвальд Ларссон говорит, что мы будем брать их живьем, — кисло произнес он. — Интересно, как мы это сделаем?

— Понимаешь, Гюнвальд против того, чтобы убивать людей, — ответил Рённ, зевая. — Ты не участвовал в операции на крыше на Далагатан четыре года назад?

— Нет, я тогда служил в Мальмё.

— Мальмё… Город, где даже руководящие сотрудники уголовного розыска берут взятки и полиция присваивает казенные средства. Красота. — Он быстро добавил: — То есть, я вовсе не хочу сказать, что ты в этом тоже замешан. Нет-нет, ни в коем случае. — Он надел пальто и направился к двери. На ходу сказал: — Только не трогай занавеску.

— Не буду, не бойся.

— И если случится что-нибудь важное, немедленно набери номер, который записан вон на той бумажке. Тебя прямо соединят с Беком или Гюнвальдом.

— Спокойной ночи, — сказал Скакке.

Самому ему предстояло десятичасовое, скорее всего бессмысленное, бдение.

С наступлением ночи японцы, видимо, легли спать. Правда, одна лампа горела, из чего можно было заключить, что они спят по очереди. Скакке не сразу это сообразил, а вскоре после полуночи он впервые увидел одного из своих подопечных, того, что был поменьше ростом.

Отодвинув занавеску, японец обозрел окрестности. Вряд ли он заметил что-нибудь существенное, зато Скакке, у которого был хороший ночной бинокль, несмотря на скверное освещение, разглядел автомат, покоящийся на сгибе правой руки террориста. Ему пришло в голову, что японцам надо вести наблюдение в двух направлениях, тогда как полиции достаточно следить за той стороной дома, где находятся подъезд и дверь в подвал.

Немного спустя Скакке увидел, как шайка хулиганов, которые так расплодились за последнее время, шествует по тротуару, методично разбивая камнями уличные фонари. В шайке были и мальчишки, и девчонки, хотя на таком расстоянии различать их было трудновато. Один из японцев — все тот же малорослый — выглянул в окно, проверяя, что происходит; больше до самого утра никто из них не показывался.

Когда Рённ явился на смену в семь часов, Скакке доложил:

— Я видел одного из них два раза. Он был вооружен, но показался мне куда безобиднее наших собственных хулиганов.

С этими словами он ушел, и Эйнар Рённ занял пост у тюлевой занавески.

В полицейском управлении на Кунгсхольмсгатан тоже не происходило ничего интересного. Фредрик Меландер ушел домой сразу после полуночи, но он жил поблизости, и его несложно — во всяком случае, не слишком сложно — было вызвать при необходимости.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон засиделись. Уже давно над домами занялся унылый, наводящий тоску грязно-серый рассвет, а они все размышляли над синьками, планами квартир, чертежами домов и картами Танту.

Перед уходом Меландер сказал:

— Это обычный стандартный дом с встроенной пожарной лестницей, верно?

— Верно, — ответил Гюнвальд Ларссон. — А что?

— И пожарная лестница проходит у самой этой квартиры, верно?

Настала очередь Мартина Бека спросить:

— Ну и что?

— Просто один мой родственник живет в таком доме, — ответил Меландер. — И я знаю, как они построены. Мы с ним вместе зеркало вешали — большое, что правда, то правда, — так полстены обрушилось на пожарную лестницу, а вторая половина — в гостиную соседа.

— Ну и как сосед? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Слегка опешил. Он как раз сидел и смотрел телевизор. Футбольный матч в Англии.

— И что ты хочешь всем этим сказать?

— Хочу сказать, что это стоит учесть, особенно если будем брать их сразу с нескольких сторон.

И он ушел, явно не желая жертвовать своим ночным сном, а Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон, пока в здании на Кунгсхольмсгатан еще царила относительная тишина, начали превращать недопетую песню Меландера в некое подобие плана.

— Главное их внимание будет направлено на входную дверь, тем более, что она одна, — говорил Мартин Бек.

— Это почему?

— Они ждут, что кто-нибудь, скажем ты, высадит дверь и ворвется в квартиру во главе полчища полицейских. Если я верно представляю себе методы этих типов, они постараются уложить возможно больше нападающих, а потом, когда не останется никакого выхода, взорвут себя в надежде захватить с собой на тот свет кого-нибудь из нас.

— Бр-р-р, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— И глядишь, прибудет новое пополнение в большое полицейское управление там наверху, как говаривал Колльберг.

— А я хочу взять их живыми, — угрюмо произнес Гюнвальд Ларссон.

— Как? Выморить голодом?

— Неплохая идея. И когда в сочельник они совсем дойдут, пошлем к ним начальника цепу, выряженного Дедом Морозом, с большой миской рисовой каши. Они до того опешат, что сразу сдадутся. Особенно, если в это время нагрянет Мальм во главе отряда из двенадцати вертолетов и трехсот пятидесяти полицейских с собаками, броневыми щитами и в пулестойких жилетах.

Мартин Бек стоял у стены, облокотясь на старый железный архивный шкаф.

Гюнвальд Ларссон сидел за своим столом и ковырял в зубах разрезным ножиком.

Весь следующий час они провели почти в полном молчании.

Бенни Скакке был хороший стрелок; он доказал это не только на стрельбище, но и при исполнении служебных обязанностей. Будь он охотником за черепами, мог бы к своей коллекции кубков присоединить довольно безобразную голову, принадлежавшую человеку, которого в свое время причисляли к десятке самых опасных людей в мире.

В холле стояла его винтовка «Браунинг грейд-458 магнум».

К тому же у него был замечательный ночной бинокль. И хотя на улице царил кромешный мрак, а японцы обходились минимумом электрического освещения, он рассмотрел, что они готовятся к трапезе, которая у них явно носила характер ритуала. Они надели белые костюмы, вроде тех, в каких выступают дзюдоисты, и сели на пятки друг против друга; между ними была расстелена квадратная скатерть, уставленная тарелочками и чашечками.

Все делалось очень обстоятельно и выглядело вполне мирно. Если не считать, что под рукой у каждого лежало по автомату с запасным магазином.

Скакке не сомневался, что смог бы уложить обоих раньше, чем они успеют спрятаться или открыть ответный огонь.

А дальше?

И каков был приказ?

Бенни Скакке неохотно расстался с мыслью о снайперской стрельбе.

И мрачно уставился в темноту.

Мартину Беку и Гюнвальду Ларссону предстояло разгрызть весьма крепкий орешек.

Но сперва надо было все-таки поспать несколько часов. Они улеглись в двух свободных камерах уголовки, распорядившись, чтобы их никто не беспокоил, за исключением особо кровожадных убийц и подобных лиходеев.

Незадолго до шести они снова были на ногах и приступили к делу. Для начала Гюнвальд Ларссон позвонил домой Рённу, который только что проснулся и говорил довольно вяло.

— Эйнар, сегодня можешь не ехать в Танту.

— Ага. Вот как. Это почему?

— Ты нам нужен здесь для одного разговора.

— А кто же сменит Скакке?

— Стрёмгрен либо Эк. Не такая уж сверхсложная задача.

— И когда я должен приехать к вам?

— Как только прочтешь газету и выпьешь кофе или что там у тебя заведено делать по утрам.

— Ладно, приеду.

Гюнвальд Ларссон положил трубку и долго смотрел на Мартина Бека.

— Троих довольно, — произнес он наконец. — Один с балкона, другой через дверь, третий со стороны пожарной лестницы.

— То есть, сквозь стену.

— Вот именно.

— Запертые двери высаживать ты у нас мастер, — заметил Мартин Бек. — А как со стенами?

— Вот именно. Стену с маху не высадишь. Тут понадобится пневматический молоток с глушителем. А так как искусственные звуковые эффекты все равно не полностью отвлекут их внимание от стены и за дверью они будут следить неотступно, мне представляется, что лучшие шансы у того, кто пойдет со стороны балкона.

— Трое?

— Ну да. Разве ты не согласен?

— Согласен, но кто именно?

— Двое уже известны.

— Мы с тобой.

— Идея наша. Осуществить ее очень трудно. Можем мы переложить ответственность на кого-то другого?

— Вряд ли. Но кто…

— Скакке, — очень нерешительно произнес Гюнвальд Ларссон.

— Он слишком молод, — возразил Мартин Бек. — У него малые дети, он мечтает о карьере. И к тому же ему не хватает опыта, особенно оперативной работы. Я не вынесу, если увижу его убитым в этой квартире, как увидел Стенстрёма тогда в автобусе.

— Кого же ты мыслишь себе убитым в этой квартире? — спросил Гюнвальд Ларссон с необычной резкостью в голосе.

Мартин Бек промолчал.

— Меландер стар, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Он, конечно, не откажется, но ему в этом году исполняется пятьдесят пять, хватит с него таких операций. К тому же у него не та реакция. Мы с тобой и то уже в возрасте. Правда, с реакцией еще все в порядке.

— Выходит, остается…

— Эйнар, — сказал Гюнвальд Ларссон и глубоко вздохнул. — Я не один час об этом думал. У Эйнара есть свои минусы, они нам хорошо известны, но есть и большой плюс. Он работает с нами давно и читает наши мысли.

Сейчас бы Колльберга сюда, сказал себе Мартин Бек. Наверно, Рённ и впрямь читает мысли Гюнвальда Ларссона, но это еще не значит, что он так же хорошо читает мысли Мартина Бека. Во всяком случае, до сих пор он этого не проявил.

— Поговорим с ним, — сказал Мартин Бек. — Это ведь не такое задание, чтобы просто взять и распорядиться, мол, сделай то-то и то-то.

— Он сейчас будет, — ответил Гюнвальд Ларссон.

А пока они послали Стрёмгрена в засаду в Танту. Скакке явно слишком устал, чтобы удивляться замене. Уложил свою роскошную винтовку в ящик, смахивающий на футляр для музыкального инструмента, спустился на улицу, сел в свою почти новую машину, доехал до дома и лег спать.

Красный нос Рённа просунулся в дверь только около девяти. Он не торопился. Во-первых, голос Гюнвальда Ларссона по телефону не сулил приятных сюрпризов. Во-вторых, ему давно не представлялось случая немного передохнуть. И он предпочел ехать в город на метро, тем более, что вообще недолюбливал машины.

Как бы то ни было, он вошел в кабинет, поздоровался и сел, выжидательно глядя на своих коллег.

Мартин Бек рассуждал просто: Гюнвальд Ларссон много лет дружит с Рённом, пусть он и говорит. Гюнвальд Ларссон так и поступил.

— Мы тут с Беком основательно поломали голову, как добраться до этих типов в Танту. И нам кажется, что мы нашли мыслимое решение.

Вот именно, мыслимое, подумал Мартин Бек, слушая, как Гюнвальд Ларссон излагает их план.

Рённ долго сидел молча, потом поднял глаза. Мельком посмотрел на Мартина Бека, как будто уже нагляделся досыта и знал ему цену, и остановил пристальный взгляд на Гюнвальде Ларссоне. Тишина царила почти невыносимая. Поскольку отвечать на телефонные звонки было поручено Меландеру, никто посторонний не мог ее нарушить. Так прошла не одна минута, наконец Рённ произнес:

— Там, откуда я приехал, такие вещи называют самоубийством.

Рённ был родом из Арьеплуга. Оба преступления, зарегистрированные в этом поселке, имели место уже после того, как Рённ уехал оттуда.

В чем-то эти преступления были очень схожи между собой, а различало их то, что первое полиция смогла раскрыть, тогда как со вторым потерпела неудачу.

Дело номер один заключалось в том, что некий местный житель прямо на улице застрелил свою жену, мужчину, которого считал ее любовником, и, наконец, самого себя. Местом преступления была улица, там же были обнаружены все три трупа и орудие убийства. Были зафиксированы отпечатки пальцев и прочие следы, все сходилось. Полиция не без основания сочла следствие законченным и сдала дело в архив.

Дело номер два непосвященному могло бы показаться пустяковым, однако неожиданно возникли осложнения. Известный в округе пьянчужка по имени Нелон Нелонссон взломал около семи вечера дверь местного магазина и поставил себе титаническую задачу выпить все имевшееся в наличии пиво. Несколько человек видели, как Нелон Нелонссон совершал взлом, еще больше свидетелей часами слышали его пьяные речи и непристойные песнопения.

Дали знать в полицию, однако оба дежурных сотрудника в это время разъезжали по безлюдному краю на патрульной машине, которую Центральное полицейское управление, несмотря на упорное сопротивление всех инстанций, сумело навязать огромной лапландской зоне. Машина была оснащена счетчиком оборотов, что вынуждало полицейских совершенно попусту покрывать десятки тысяч километров. Вообще-то в поселке был еще третий полицейский, но он по случаю своего выходного дня упился до того, что его не то что довести — донести нельзя было до места преступления. Когда патрульная машина много часов спустя вернулась из тундры, пиво было выпито, а Нелон Нелонссон исчез. Впрочем, на другой день его обнаружили спящим на чердаке магазина и разбудили, однако он все отрицал. Через некоторое время он перебрался в более южные области страны и — возможно, потому, что то самое пиво ударило ему в голову, — решил проявить себя на политическом поприще. Начал как социал-демократический профсоюзный провокатор, но вскоре выдвинулся на более почетные и почтенные посты в этой шарлатанской партии.

Полицейское дознание было прекращено, дело отнесли к разряду неразрешимых.

Эйнар Рённ вырос славным парнем; когда пришла пора выбирать между военной и полицейской службой, он предпочел охрану общественного порядка. Характерное для высшего полицейского начальства отсутствие логики привело к тому, что его направили в Южную Швецию, и он служил в Лунде. Однако настоящую школу он прошел уже сотрудником отдела насильственных преступлений в Стокгольме, здесь он познакомился с миром до того циничным и грубым, отличающимся такой звериной жестокостью, что большинство не верит в его существование, пока сами с ним не столкнутся.

Подождав еще, Рённ сказал:

— Ну, а некоему Меландеру вы показывали этот свой так называемый план?

— Показывали, — отозвался Мартин Бек. — Собственно, основная идея принадлежит ему.

— Какая основная идея? Чтобы самому остаться в стороне?

Гюнвальд Ларссон и Мартин Бек старались не подать виду, как они разочарованы таким отношением к плоду своих многодневных трудов. Но Рённ вдруг подошел к окну, посмотрел на валивший на улице мокрый снег и весело произнес:

— Ну ладно уж, пишите меня. Давайте сюда ваше сочинение, почитаю еще разок.

Примерно через полчаса он снова заговорил:

— Надо понимать так, что Гюнвальд Ларссон врывается через дверь, а Мартин Бек спускается с балкона над их квартирой.

— Верно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон.

— Ну. А я с громким рычанием выскакиваю из стены. Ой-ой. И в котором часу это должно произойти?

— Когда они едят? — спросил Мартин Бек.

— В девять, — ответил Рённ. — Первая трапеза ровно в девять — плотный завтрак из нескольких блюд.

— Значит, мы берем их в пять минут десятого.

— Ясно, — сказал Рённ. — Слышь, Гюнвальд?

— Что?

— На случай, если дверь окажется незапертой, учти, что квартира находится на тринадцатом этаже. Да, а откуда мы получим все эти причиндалы?

— В ремонтной конторе, — сказал Мартин Бек.

— А кто будет ими работать?

— Полицейские, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Не подвергать же кучу работяг безрассудному риску.

— Во-во, безрассудному риску. А какие шмотки будут на нас?

Гюнвальд Ларссон скривился:

— Комбинезоны из ремонтной конторы. Слышь, Эйнар?

— Ну?

— Надеюсь, тебе ясно.

— Что именно?

— Что это сугубо добровольно.

— Ну, — ответил Рённ.

## XXVII

Была пятница тринадцатого декабря, однако никто не стал отпускать неуместных шуток по этому поводу.

Если кто-то из тройки и сомневался, что десять пневматических молотков, работающих, по сути, в замкнутом пространстве да еще на фоне двух взбесившихся экскаваторов и четырех обезумевших щебнераспределителей, создают невообразимый шум, то его сомнения мигом развеялись в пятницу утром, без двух минут девять.

Рённ трудился на пожарной лестнице с приданными ему тремя полицейскими, и надо сказать, трудился очень ловко, буря отверстия на такую глубину, чтобы стена обрушилась от малейшего толчка. Кстати, он был в отряде чуть ли не единственным, кому доводилось раньше держать в руках пневматический молоток.

Гюнвальд Ларссон, который орудовал молотком на лестнице около лифтов, быстро убедился, что эта работа ему не по плечу. Хотя он побагровел от напряжения, бур прыгал во все стороны, и единственное, в чем он вполне преуспел, — производство шума.

Мартин Бек лежал на балконе этажом выше, держа наготове алюминиевую стремянку; семья, снимавшая эту квартиру, не стала особенно возражать, когда явилась полиция и попросила их временно перебраться на другой этаж. Вторая квартира на том этаже, где поселились японцы, пустовала; дом был настолько скверный, а квартплата настолько высокая, что те, кому она была по карману, предпочитали найти себе что-нибудь получше.

Международная компания, которой принадлежали эти дома, недавно предъявила многомиллионный иск другому международному концерну, который строил их, за нарушение контракта, выразившееся в халтурной работе, жульничестве, использовании некачественных материалов и прочих грехах, ставших чуть не правилом на крупных стройках в Швеции. Пока жильцы покорно платили все, что положено и не положено, пока они молча страдали, до тех пор и домовладельцы не жаловались, хотя дома были настолько хилые, что только чудом не разваливались через минуту после приемки. Но теперь с квартирами полегчало, люди стали малость потребовательнее и уже не мирились безропотно с плодами откровенной спекуляции на жилищном кризисе.

Сквозь водосточное отверстие Мартин Бек видел балкон японцев; они дважды выходили и смотрели на экскаваторы и щебнераспределители, которые были ответственны только за часть немыслимого грохота.

На подготовку акции отводилось восемь минут, и оперативная группа уложилась в этот срок. Ровно в пять минут десятого Гюнвальд Ларссон высадил дверь и ворвался в квартиру. То, что двумя секундами раньше выглядело вполне приличной имитацией дерева, превратилось в груду непонятного мусора.

Рослый японец, бросив завтрак, вскочил на ноги с автоматом наготове, но в ту же секунду, или, вернее, долю секунды, вся стена справа от него качнулась и частично обрушилась в комнату вместе с Эйнаром Рённом; впрочем, последний устоял на ногах и выглядел довольно грозно со своим «вальтером». Одновременно Мартин Бек, соскочив со стремянки, вышиб ногой балконную дверь, причем обнаружил, что это очень интересное занятие, пусть даже дверь сделана на фуфу, из стекла и фанеры, а не из добротной древесины, между тем как Леннарт Колльберг готов был поклясться, что на его глазах Гюнвальд Ларссон в критический момент высадил дверь Стоматологической поликлиники, которую в обычных условиях только танк смог бы прошибить.

Японцы были великолепно тренированы и обладали фаталистическим мужеством; кроме того, они умели верно оценивать обстановку. Несмотря на всю их бдительность, они были застигнуты врасплох, притом сразу с трех сторон. Оставалось выполнять полученные инструкции, пока их не застрелили эти трое в оранжевых комбинезонах — очевидно, переодетые полицейские. Террористы не произнесли ни слова, даже когда Гюнвальд Ларссон, пользуясь тем, что рослый повернулся в сторону Рённа и обрушившейся стены, изо всех сил ударил его по затылку рукояткой своего «Мастер-38», отменного пистолета, который он приобрел на собственные средства, но из которого еще не застрелил ни одного человека.

Почти одновременно из белых трапезных одеяний упали на пол две деревянные коробки, по виду и размерам очень похожие на обыкновенные сигарные ящички. Каждая была соединена длинным проводом с запястьем владельца.

Нетрудно было сообразить, что это такое: компактные бомбы. Второй конец провода прикреплен к запалу. Если хоть один из японцев успеет дернуть провод, коробка взорвется, причем заряда, наверно, хватит, чтобы прикончить всех пятерых.

И почему бы им не успеть? Сильный рывок, детонация — и конец.

Гюнвальд Ларссон опешил.

Он не мог дотянуться до провода, а удар по затылку рослого не произвел никакого видимого действия.

Между тем было ясно, что японцы готовы пойти на последнюю меру, рослый уже натянул провод. Сколько осталось до конца? Пять, десять секунд?

И Гюнвальд Ларссон в отчаянии закричал:

— Эйнар! Подрывной провод!

Тут Рённ сделал нечто такое, чего ни он, ни кто-либо другой потом не мог объяснить.

Самый никудышный стрелок во всей шведской полиции поднял на несколько сантиметров свой «вальтер» и нечеловечески точным выстрелом перебил провод.

Как только оборванный провод лег на пол, Гюнвальд Ларссон с тем самым рычанием, которое собирался издать Рённ, проламывая стену, набросился на рослого японца, почти не уступавшего ему комплекцией.

Тем временем Рённ повернулся к Мартину Беку и второму японцу и спокойно произнес:

— Мартин, подрывной провод.

Перед лицом двух противников, к тому же фактически безоружный, поскольку Мартин Бек выбил автомат из его рук, террорист непозволительно замешкался. Он поглядел на Рённа, словно пытаясь проникнуть в его мысли, и только потом начал правой рукой выбирать слабину провода; при этом японец продолжал смотреть на Рённа и на пистолет в его руке, явно недоумевая: почему он не стреляет?

За это время Мартин Бек достал из внутреннего кармана конторские ножницы и преспокойно перерезал подрывной провод.

Террорист перевел взгляд на Мартина Бека, проверяя, что еще за безобразие учинил этот человек; тотчас Рённ хладнокровно ударил его сзади по голове рукояткой пистолета. Маленький японец, не успев даже пикнуть, повалился на пол, и Рённ, присев на корточки, надел на него наручники. Мартин Бек осторожно отодвинул носком коварную коробочку подальше. Вряд ли она представляла теперь непосредственную опасность, но кто знает…

Рослый японец был чудовищно силен, гибок и ловок. К тому же он был по меньшей мере лет на двадцать моложе своего противника и владел всевозможными приемами дзю-до, джиу-джитсу и суперкаратэ.

Но что он мог поделать против разъяренного Гюнвальда Ларссона? Ларссона, одержимого неукротимой ненавистью к этим людям, которые убивали за деньги, не задумываясь, кого и зачем убивают. Кто этот молодчик? Наемник на службе у подлых прогнивших режимов. Профессиональный убийца, занимающийся самым низким и отвратительным ремеслом. Гюнвальд Ларссон с уважением относился к жизни, но тут он подумал, что такие люди не имеют права жить.

Несколько минут длилась ожесточенная борьба, наконец Гюнвальд Ларссон завел руки противника за спину и семь раз ударил его лицом и грудью о стену. Уже после пятого удара японец потерял сознание, одежда его пропиталась кровью. Но Гюнвальд Ларссон не выпускал обмякшее тело противника и приготовился ударить восьмой раз.

— Хватит, Гюнвальд, — тихо произнес Мартин Бек. — Лучше надень на него наручники.

— Ага, — отозвался Гюнвальд Ларссон. Голубые глаза его прояснились, и он объяснил:

— Со мной это очень редко бывает.

— Я знаю, — сказал Мартин Бек.

Он посмотрел на бесчувственные тела японцев.

— Живые, — произнес он, словно обращаясь к самому себе. — Сумели все-таки.

— Да, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — Сумели. — Потер свои ноющие плечи о ближайшую притолоку и сказал, тоже обращаясь к самому себе: — Ну и сильный, дьявол.

Наступила разрядка, но разрядка, которая обернулась полнейшим абсурдом.

Мартин Бек прошел сперва на лестницу, потом на балкон, подавая знак, что можно прекращать шум.

Когда он вернулся в комнату, Рённ и Гюнвальд Ларссон снимали оранжевые комбинезоны с широкими люминесцентными полосами.

Незнакомый полицейский в форме заглянул в дверной проем, потом поманил кого-то рукой.

Дверь лифта открылась, и в квартиру, наклонив голову, семенящими шажками вбежал Бульдозер Ульссон.

Он посмотрел на оглушенных японцев, обозрел разрушенную квартиру, наконец, охватил добродушным взглядом Мартина Бека, Гюнвальда Ларссона и Эйнара Рённа.

— Великолепно, ребята, — сказал он. — Честное слово, не думал, что вы справитесь.

— В самом деле? — кисло произнес Гюнвальд Ларссон. — А ты-то, черт дери, что здесь делаешь?

Бульдозер Ульссон провел раз-другой кончиками пальцев по широченному галстуку американского производства с белыми республиканскими слонами на зеленом поле.

Затем прокашлялся и важно произнес:

— Хитадиши Ити и Мацума Лейдзу, вы задержаны по подозрению в покушении на убийство, в терроризме и вооруженном сопротивлении властям.

Меньший японец к этому времени очнулся и вежливо возразил по-английски:

— Простите, сэр, но это не наши имена. И добавил:

— Если это вообще имена.

— Ничего, с именами мы как-нибудь разберемся, — беспечно произнес Бульдозер.

Сделал знак стоящим за его спиной полицейским и распорядился:

— O'кей, везите их на Кунгсхольмен. Найдите кого-нибудь, чтобы разъяснил задержанным их права на английском или каком-нибудь другом языке и довел до их сведения, что завтра будет решен вопрос о взятии под стражу. Если у них нет адвоката, мы обеспечим. — Помолчал и добавил: — Только не Рокотуна.

В квартиру вошли люди Бульдозера. Арестованных увели; вернее, увели одного, а другого унесли на носилках.

— Что ж, — сказал Бульдозер. — Отличная работа, ребятишки. Да-да. Операция проведена блестяще. Одного только не понимаю: зачем вы сами беретесь за такие дела?

— Где уж тебе понять, — отозвался Гюнвальд Ларссон совсем хмуро.

— Ларссон, ты своеобразный человек, — заключил Бульдозер.

— Выбросил бы ты свой американский предвыборный галстук в мусоропровод.

— Ни в коем случае. Он мне нравится. Подарен губернатором штата Нью-Йорк, когда я там был. Он ведь республиканец. Хотел получить еще один, от мэра-демократа, но у него не нашлось лишнего. Обещал прислать перед следующими выборами. Да только выборы уже состоялись, а галстука все нет.

На секунду он даже слегка опечалился. Покачал головой и сказал:

— Вот и верь после этого людям.

И помятый синий костюм, облекающий плоть господина прокурора, проплыл к выходу.

Когда Бульдозер исчез, Гюнвальд Ларссон спросил:

— Каким образом, черт возьми? И замолчал.

Мартин Бек мысленно задавал себе тот же вопрос, но вслух ничего не сказал.

И так все ясно. У Бульдозера Ульссона везде стукачи. Он всюду сует свой нос и старается присвоить себе чужие заслуги. Мартин Бек был почти уверен, что в его группе расследования убийств стукачей нет. Но в стокгольмском отделе насильственных преступлений явно сидит человек Бульдозера.

Кто?

Эк?

Стрёмгрен?

Скорее всего, Стрёмгрен. Но попробуй заставь его сознаться.

— Ну, — усмехнулся Рённ. — Вот и кончилась потеха.

— Потеха?

Гюнвальд Ларссон наградил Рённа долгим взглядом, но воздержался от дальнейших комментариев.

Мартин Бек осматривал коварные коробочки. Скоро ими займутся эксперты.

В четырехстах метрах от них Стрёмгрен сидел и курил за тюлевой занавеской. После разговора с Бульдозером, час назад, он курил сигарету за сигаретой. И думал о том, что наконец-то появился шанс попасть в спецгруппу Бульдозера и получить желанное повышение.

Бенни Скакке лежал дома в своей кровати и был занят сугубо личным делом.

— Но где же Гейдт, черт возьми? — уныло произнес Гюнвальд Ларссон.

— Ты способен думать о чем-нибудь другом? — спросил Рённ. — Хотя бы сейчас?

— О чем, например?

— Ну, например, о том, что я перебил пулей этот провод. Хотя это было практически невозможно.

— Сколько очков ты выбил на последних стрельбах?

— Ноль, — ответил Эйнар Рённ, заливаясь краской.

— Ох, и силен же он, дьявол, — сказал Гюнвальд Ларссон, потирая поясницу.

Через пятнадцать секунд он произнес про себя:

— Где этот чертов Гейдт?

## XXVIII

Судебное заседание, на котором решался вопрос о взятии японцев под стражу, состоялось в первой половине дня шестнадцатого декабря и вылилось в фарс, какого давно не видели стены Стокгольмского суда.

В Швеции принято — очевидно, для создания видимости беспристрастия, — чтобы жребий определял, кому быть обвинителем по тому или иному делу.

Если на этот раз и тянули жребий, что крайне сомнительно, Бульдозер Ульссон явно позаботился заблаговременно о том, чтобы на всех бумажках была его фамилия, ибо он держался так самоуверенно и царственно, что сама мысль о ком-либо другом в этой роли казалась нелепой и невероятной. Костюм его был отутюжен — утром точно был отутюжен, — ботинки начищены, на груди красовался ярко-зеленый галстук с красными нефтяными вышками, возможно, подарок шаха Ирана. Во всяком случае, так утверждал сам Бульдозер Ульссон.

Он особо просил присутствовать Мартина Бека, Гюнвальда Ларссона и Эйнара Рённа, а вообще зал был до отказа набит людьми; одни пришли из чистого любопытства, другие — потому, что считали своим непременным долгом быть в курсе событий. К числу последних относились начальник ЦПУ и Стиг Мальм, восседавшие в первом ряду. В глубине зала можно было различить венчик рыжих волос, окаймляющий лысую макушку начальника сепо. В этот день он чуть ли не впервые после двадцать первого ноября появился на людях.

Японцам был выделен адвокат, рядом с которым Гедобальд Роксен показался бы Авраамом Линкольном.

Рослый террорист после схватки с Гюнвальдом Ларссоном напоминал мумию из какого-нибудь раннего фильма Бориса Карлова, зато маленький все время учтиво улыбался и кланялся каждому, кто останавливал на нем свой взгляд.

Процедура осложнялась тем, что пришлось прибегнуть к помощи переводчика.

Наиболее слабым местом в аргументации Бульдозера было то, что он не знал, как зовут задержанных. Для начала он прочел четырнадцать различных имен по списку, разосланному Интерполом. Однако «мумия» и его более общительный товарищ каждый раз отрицательно качали головой.

Наконец у судьи лопнуло терпение, и он предложил переводчику спросить японцев, как их зовут и когда они родились.

На что общительный ответил, что их зовут Каитен и Камикадзе, а также сообщил год рождения обоих. «Мумия» говорить не мог.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон обменялись удивленными взглядами, но кроме них никто не реагировал. Видимо, только им двоим было известно, что Каитен означает «человек-торпеда», а Камикадзе — «летчик-смертник». И что японец назвал годы рождения адмирала Того и адмирала Ямамото, кои родились на свет первый около ста тридцати,

второй — девяносто лет назад, между тем как всякому было видно, что задержанным нет и тридцати.

Однако суд не стал придираться, и секретарь старательно записал полученные данные.

Затем Бульдозер объявил, что задержанные подозреваются в бездне всяких преступлений, как то: оскорбление монарха, покушение на жизнь премьер-министра, короля, американского сенатора и еще восемнадцати поименованных лиц, включая Гюнвальда Ларссона, Мартина Бека и Эйнара Рённа, попытка вооруженного переворота, повреждение городской газовой сети, незаконное владение оружием, незаконное пребывание в стране, серьезное повреждение жилого дома в районе Танту, кража, контрабандный ввоз оружия, сопротивление властям, подготовка к нарушению закона о наркотиках (в квартире был найден пузырек с лекарством от кашля, содержащим настойку опия), нарушение закона о пищевых продуктах (в холодильнике лежала разделанная тушка таксы), незаконное присвоение собаки, подделка документов и нарушение закона об азартных играх (причудливые деревянные пластинки он посчитал принадлежностью азартной игры).

Дойдя до этого пункта, Бульдозер внезапно сорвался с места и выбежал из зала. Все проводили его удивленными взглядами.

Вернулся он через несколько минут, самодовольно семеня во главе шестерки своих прихвостней, которые волокли деревянный ящик величиной с гроб и большой складной стол.

Из ящика Бульдозер принялся извлекать кучу вещественных доказательств — части бомб, ручные гранаты, боеприпасы и прочее. Каждый предмет он предъявлял публике и суду, затем клал на стол.

Ящик не был еще опорожнен и наполовину, когда Бульдозер достал из него обернутую полиэтиленом голову таксы и показал сперва начальнику ЦПУ, потом Стигу Мальму, которого тут же вырвало.

Ободренный таким успехом, Бульдозер снял полиэтилен и сунул собачью голову под нос судье. Тот выхватил из грудного кармашка носовой платок, поднес его ко рту и приглушенно вымолвил:

— Довольно, господин старший прокурор, довольно.

Бульдозер приготовился извлечь остальные части обезглавленной таксы, но судья повысил голос:

— Я же сказал: довольно вещественных доказательств. Бульдозер смахнул галстуком с лица легкое разочарование, совершил по залу круг почета, остановился перед «мумией» и объявил:

— Я требую вынести постановление о взятии под стражу господ Каитена и Камикадзе. Поскольку я ожидаю дополнительный материал из-за рубежа, заранее требую продлить срок содержания под стражей.

Переводчик перевел. «Мумия» кивнул. Второй японец низко поклонился с учтивой улыбкой.

Затем слово было предоставлено защитнику, тощему мужчине, который смахивал на расплющенную с обоих концов, давно потухшую и выброшенную сигару.

Бульдозер рассеянно заглянул в ящик, достал заднюю часть таксы вместе с хвостом и демонстрировал это вещественное доказательство начальнику ЦПУ, пока тот не посинел.

— Я возражаю против заключения под стражу, — объявил защитник.

— Это почему же? — спросил судья с искренним удивлением в голосе.

Защитник долго сидел молча, наконец изрек:

— Сам не знаю.

На этой гениальной реплике прения закончились, было объявлено о взятии под стражу обоих японцев, и публика устремилась к выходу.

В доме на Капелльгатан Рейнхард Гейдт лежал на кровати и размышлял.

Он только что помылся, и путь от ванной до кровати был отмечен разостланными на полу белыми махровыми полотенцами.

Сам Гейдт лежал нагишом. В ванной он долго изучал себя в зеркало и пришел к двум выводам. Во-первых, его загар начал сходить, во-вторых, какие-либо попытки изменить свою внешность не сулили ему успеха.

Впервые операция БРЕН полностью провалилась. Удар пришелся мимо цели, и два агента, в том числе один из самых лучших, попали живьем в руки противника.

Правда, Леваллуа улизнул, но много ли от этого радости.

Врагов — тьма; в данном случае их представляла прежде всего шведская полиция.

Во вчерашней газете Гейдт обнаружил портрет человека, коему приписывался «замысел поимки двух японских террористов», — старшего прокурора Стига-Роберта Ульссона.

Он долго рассматривал круглое самодовольное лицо и броский галстук.

Что-то тут было не так.

Неужели этот Ульссон — Бульдозер, как его называли в газете, — и впрямь виновник их провала?

Рейнхард Гейдт никак не мог в это поверить. Вернее, он почти не сомневался, что это чистейшая ложь.

Нет, другой человек тоже лежит сейчас где-то на кровати, пытаясь угадать, где находится и что собирается делать Гейдт.

Этот человек, кто бы он ни был, представляет для него главную опасность.

Может быть, это комиссар полиции, который фигурировал в газетах и телерепортажах в связи с примечательными событиями двадцать первого ноября? Гейдт запомнил его внешность и имя.

Комиссар Мартин Бек.

Не стоит ли устроить встречу с этим Мартином Беком? Опыт показывает, что кремированные враги — самые безвредные.

Но точно ли этот Бек наиболее опасный противник?

Чем больше Рейнхард Гейдт обдумывал случившееся, тем сильнее проникался уверенностью, что главный враг — кто-то другой.

В самом деле, насколько вероятно, что Бек — ну, не Бек, так этот Бульдозер Ульссон — одурачил его и Леваллуа двадцать первого ноября? И при этом явно сам оказался одураченным.

Внимательно изучив фотографии, он все-таки пришел к выводу, что Мартин Бек, а Бульдозер Ульссон и подавно, не сумел бы взять Каитена живьем так, что при этом никто из участников операции не был убит и даже серьезно ранен.

Каитен — на самом деле его, конечно, звали иначе — был одним из первых силачей в группе, где проходил подготовку Гейдт. Считалось, что осилить его физически невозможно.

Гейдт не стал бы даже пытаться, наперед зная, чем это кончится.

Рейнхард Гейдт входил в десятку самых опасных людей в мире, он это знал и гордился этим: по сумме показателей он занял в группе первое место, однако в физической подготовке заметно уступал Каитену. К тому же газеты сообщили, что Каитен и его товарищ

были взяты на квартире. Просто немыслимо. И, тем не менее, кто-то это сделал, причем в операции участвовало совсем немного полицейских. По-видимому, не больше троих. Во главе с Беком.

И один из них осилил Каитена, не убив его и не пострадав при этом сам.

Этот неизвестный опасен, ибо Рейнхард Гейдт предпочел бы не сталкиваться с человеком, который одолел Каитена.

Но кто же он? Бек?

Или один из лучших агентов ЦРУ? Почему бы и нет.

В самом деле, неужели это шведский полицейский?

Если судить по тем представителям шведской полиции, которых довелось видеть Гейдту, такая возможность исключалась.

Он трижды видел по телевизору начальника всей полиции страны и один раз какого-то члена коллегии. Оба произвели на него впечатление если не откровенных идиотов, то от силы надутых бюрократов с весьма туманным представлением о полицейской работе, зато с явной склонностью к звонким пустопорожним речам.

Глава секретной полиции страны, естественно, не выступал перед широкой публикой. Но хотя этот деятель явно служил предметом всеобщего осмеяния, сомнительно, чтобы он был таким уж никудышным, каким его изображали.

Судя по всему, секретная полиция отвечала только за часть мероприятий по охране сенатора, притом как раз за ту, которая закончилась неудачей. В остальном все было задумано очень здорово. Гейдт первым готов был это признать. Кто-то его одурачил.

Кто?

Тот самый, который задал трепку Каитену и заточил его в кутузку?

И теперь где-то в этом злосчастном городе лежит, размышляя, другой человек?

Человек, достаточно интересующийся Рейнхардом Гейдтом, чтобы представлять для него серьезную опасность?

Очень даже возможно.

Рейнхард Гейдт перевернулся на живот и расстелил перед собой карту Скандинавии.

Скоро ему предстоит покинуть страну, и он уже давно наметил первый пункт назначения.

Копенгаген. Там находятся друзья Леваллуа и много других сочувствующих.

Но как туда попасть?

Возможностей несколько. Некоторые из них он отверг сразу. Например, рейсовый самолет: самолеты легче всего контролировать. А также метод Леваллуа. Для француза он вполне годился — как-никак пять лет налаживал необходимые контакты. У Гейдта таких контактов не было. Слишком велик риск нарваться на предательство.

Через Финляндию ехать было бы глупо. Во-первых, пути сообщения строго контролируются, во-вторых, о финских полицейских говорят, что они куда опаснее своих скандинавских коллег.

В общем, выходов не так уж много, зато один другого заманчивее.

Лично он, конечно, предпочел бы доехать на поезде или на машине до Осло, а там сесть на датский пароход, идущий в Копенгаген. Это было бы приличествующее его рангу отступление — в каюте-люкс и роскошных салонах.

Но можно ли такой путь считать самым надежным? Гейдт колебался. То ему казалось, что это лучший вариант, то он начинал склоняться к тому, что паром от Хельсингборга до Хельсингёра безопаснее. Особенно, если учесть предрождественскую перегрузку.

А суда на подводных крыльях, курсирующие между Мальмё и Копенгагеном? На них и без рождества подчас черт те что творится.

В принципе есть и другие пути, например паромы и малые суда, следующие из Ландскруны в Тюборг и Копенгаген. Или автопаромы из Хельсингборга, Мальмё и Треллеборга до ФРГ. Да еще железнодорожные паромы, связывающие Треллеборг с ГДР и Истад с Свиноуйсьце в Польше.

Но в Польше и ГДР очень дотошный паспортный контроль, да и вообще ему нечего делать в тех краях. Нет, выбирать надо между большим пассажирским пароходом, который идет из Осло в Данию, паромами, следующими в Хельсингёр, и судами на подводных крыльях на линии Мальмё — Копенгаген. В разгар предрождественского наплыва.

Гейдт уже забронировал каюту-люкс на пароходе «Король Улав V».

Но окончательного решения еще не принял.

Рассматривая карту, он со вкусом потянулся, так, что хрустнули суставы.

Рейнхард Гейдт был видный мужчина, блондин почти двухметрового роста. Он находился в отличной форме, и в душе его царило полное равновесие. О Каитене и Камикадзе он думал без тревоги. Никакой нажим со стороны полиции, никакие пытки не заставят их проговориться.

Но его не покидало чувство, что где-то в этом сером неуютном городе есть человек, который, быть может, в эту самую минуту силится угадать, где находится Гейдт и что он задумал.

Может быть, все-таки есть смысл разделаться с Мартином Беком? Для не такого уж богатого светлыми умами полицейского ведомства потеря будет ощутимая.

У Гейдта была дальнобойная винтовка с ночным оптическим прицелом. Он собрал ее несколько дней назад, и теперь она, тщательно вычищенная, стояла наготове в гардеробе.

Мартин Бек?

Что ж, пожалуй.

Но точно ли Мартин Бек схватил Каитена и Камикадзе и теперь старается его самого заманить в ловушку?

Он в этом сомневался.

И все-таки, пожалуй, не мешает убрать Бека с дороги. На случай, если это он его незримый противник.

Гейдт голый подошел к гардеробу, достал винтовку, разобрал и придирчиво проверил каждую деталь.

Все в порядке. В полном порядке. Он снова собрал ее. Потом достал горсть патронов из чемодана с двойным дном. Зарядил винтовку и положил под кровать.

Рейнхард Гейдт был прав, только его незримый противник находился дальше, чем он предполагал.

Даже в масштабах большого города от района Хювюдста на северо-западе Стокгольма далековато до унылого предместья Болльмура на южной или, скорее, юго-восточной окраине столицы.

Именно здесь жил Гюнвальд Ларссон. Он закупил кое-какие продукты в магазине самообслуживания, где уже давала себя знать предрождественская сумятица. Да он и сам запутался. Когда назойливая трансляция, призванная окончательно заморочить голову раздраженным покупателям, в пятый раз за короткое время начала передавать одну и ту же популярную английскую песенку в идиотском переводе, Гюнвальд Ларссон по рассеянности взял не тот сыр — шведский камамбер вместо датского бри, да еще к тому же схватил не тот

чай — «Ирл Грей» вместо «Твайнинга». Выдержал давку у кассы и вышел из магазина с ноющими суставами, усталый и злой.

После ужина он долго лежал в ванне, обдумывая различные возможные варианты. Потом растерся, надел чистую белую шелковую пижаму, домашние туфли и халат, достал большую карту Скандинавии и расстелил ее на полу.

Лежа на животе на кровати, он некоторое время приспосабливал подушки, так как схватка с коварным Каитеном оставила следы в виде болезненных кровоподтеков на груди и ногах. После чего, несмотря на поздний час, сосредоточил все внимание на карте.

Когда-то, притом не один год, Гюнвальд Ларссон, приходя домой, оставлял все мысли о работе за порогом, ухитрялся даже забывать, что он служит в полиции. Когда-то…

Сейчас он почти непрерывно думал о Рейнхарде Гейдте.

Ему уже казалось, что он знает Гейдта, как знаешь постылого коллегу или одноклассника.

Гюнвальд Ларссон не сомневался, что Гейдт еще находится в стране; и он был почти уверен, что террорист попытается использовать безумную предрождественскую свистопляску, чтобы ускользнуть.

На карте было нарисовано множество синих и несколько красных стрел.

Красный цвет обозначал пути побега, которые Гюнвальд Ларссон считал наиболее вероятными и трудно контролируемыми; синий — в общем-то чисто теоретические варианты.

Ряд синих стрел указывал на восток; большинство — на Финляндию, две-три — на Советский Союз. Некоторые вели на юг, в Польшу, ГДР и ФРГ.

В западной части карты синие стрелы соединяли Гётеборг с Иммингемом, с Тилбери-Докс в устье Темзы и с Фредриксхавном на полуострове Ютландия, а также Варберг с Грено.

Все международные аэропорты Швеции — их оказалось не так уж много — были обведены синими кружочками. Аэропорты легко контролировать, к тому же недавняя волна угонов уже заставила учредить вполне надежный контроль, который достаточно было лишь чуть усилить.

Горячие точки находились в других местах. Красные стрелки легли на шоссе в сторону Норвегии, особенно на европейские магистрали № 6 и № 18, а также на железную дорогу до норвежской столицы. Жирной красной линией Гюнвальд Ларссон пометил морской путь от Осло до Копенгагена. И сейчас его задумчивый взгляд надолго задержался на этой линии.

Потом он перевел глаза ниже, на Южную Швецию. Широкая красная черта от Хельсингборга до Хельсингёра обозначала датские железнодорожные паромы, шведские автопаромы и мелкие пассажирские суда. По этой линии идет наиболее оживленное сообщение между Швецией и Данией. Обычно суда отправляются каждые пятнадцать минут, а то и чаще.

Ландскруна связана с датской столицей двумя отдельными линиями: автопаром идет до Тюборга, а мелкие суда до внутренней гавани.

Но здесь суда ходят реже, и даже в разгар рождественских закупок поток пассажиров не так огромен, чтобы его нельзя было контролировать.

На этом участке Гюнвальд Ларссон ограничился синими стрелами.

Совсем иначе выглядело положение в Мальмё. Копенгагенскую линию здесь обслуживали железнодорожный паром, принадлежащие двум пароходствам суда среднего тоннажа и столь знаменитые катера на подводных крыльях, которые в дни повышенной нагрузки, например по большим праздникам, непрерывно снуют туда и обратно без жесткого расписания. Добавим еще автопаромы, соединяющие Лимхамн с Драгерэ; под рождество здесь проходит до пяти паромов в день.

Гюнвальд Ларссон потянулся, размышляя.

На месте Гейдта он не стал бы долго колебаться. Доехал до Осло на машине, а еще лучше поездом — и следуй дальше на пароходе до Копенгагена. Вряд ли датская полиция сумеет его перехватить. Главное — добраться до Копенгагена, а там ему все пути открыты.

Но Гейдт, возможно, рассуждает иначе, и не только потому, что никогда не был моряком.

В таком случае он сделает ставку на наибольшую толкучку, то есть на Хельсингборг или Мальмё.

Гюнвальд Ларссон встал и сложил карту.

Наблюдение надо сосредоточить в трех местах: на дорогах, ведущих в Осло, и в портах Мальмё и Хельсингборга.

На другое утро Гюнвальд Ларссон сказал Мартину Беку:

— Я всю ночь не спал, на карту таращился.

— Я тоже.

— И к какому выводу ты пришел?

— Давай-ка спросим Меландера, — сказал Мартин Бек. Они прошли в соседний кабинет, где Фредрик Меландер раскуривал свою непокорную трубку.

— Ты тоже полночи не спал и глядел на карту? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Глупый вопрос, ведь всем было известно, что Меландер по ночам не бодрствует. Ночью он занят более важным делом, а именно спит.

— Нет, — ответил Меландер. — Чего не было, того не было. А вот утром поглядел, пока Сага готовила завтрак. И потом тоже.

— Твое мнение?

— Осло, Хельсингборг или Мальмё.

— Гм-м-м, — промычал Гюнвальд Ларссон.

Они предоставили Меландеру возиться с трубкой и вернулись в кабинет, который все еще временно занимал Мартин Бек.

— Совпадает с твоими выводами?

— Точь-в-точь, — сказал Гюнвальд Ларссон. — А с твоими?

— Да. Я рассудил точно так же.

Они помолчали. Мартин Бек стоял на любимом месте у картотечного шкафа, потирая переносицу большим и указательным пальцами правой руки. Гюнвальд Ларссон подошел к окну.

Мартин Бек чихнул.

— Будь здоров, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Спасибо. Думаешь, Гейдт еще здесь?

— Уверен.

— Уверен? Не слишком ли сильно сказано?

— Возможно, — ответил Гюнвальд Ларссон. — И все-таки я уверен. Он где-то здесь, а мы не можем его найти. Даже машину его окаянную. А ты сам как считаешь?

Мартин Бек надолго задумался.

— Мне тоже кажется, что он здесь, — произнес он наконец. — Но я не уверен.

Он покачал головой.

Гюнвальд Ларссон ничего не сказал, только мрачно уставился на почти готовое исполинское здание за окном. Мартин Бек продолжал:

— Тебе ведь позарез хочется повидать Рейнхарда Гейдта? Гюнвальд Ларссон посмотрел на него:

— А ты откуда знаешь?

— Сколько лет мы знакомы?

— Лет десять, двенадцать. Может, чуть больше.

— Вот именно. Вот тебе и ответ. Снова воцарилось долгое молчание.

— Ты часто думаешь о Гейдте, — сказал Мартин Бек.

— Все время. Когда не сплю.

— Но ты не можешь быть одновременно в трех местах.

— Пожалуй.

— По справедливости, тебе выбирать. В какое место больше веришь?

— Осло, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Есть один подозрительный заказ на вечер двадцать второго, копенгагенский пароход.

— Что за пароход?

— «Король Улав V». Забронирована каюта-люкс.

— Неплохо. Кто забронировал?

— Некий Роджер Блэкмен, англичанин.

— Норвегия круглый год кишит английскими туристами.

— Верно, но они редко используют этот путь. К тому же Блэкмена не удалось обнаружить. Норвежская полиция искала.

— Значит, выбираешь норвежскую границу?

— Ага. А ты?

Мартин Бек подумал. Сказал:

— Беру с собой Бенни и еду в Мальмё.

— Скакке? Почему не Эйнара?

— Ты недооцениваешь Бенни. К тому же он знает Мальмё. И там есть еще толковые люди.

— В самом деле?

— Пер Монссон, например.

Гюнвальд Ларссон хмыкнул. Он часто хмыкал, когда не хотел сказать ни «да» ни «нет».

— Стало быть, Эйнар с Меландером отправятся в Хельсингборг, — заключил он. — Паршивое место.

— Вот именно, — согласился Мартин Бек. — Им потребуется солидная помощь. Надо позаботиться об этом. Возьмешь с собой Стрёмгрена?

Гюнвальд Ларссон ответил, упрямо глядя в окно:

— Я с ним рядом оправляться не сяду. Хотя бы мы очутились на необитаемом острове. Я и ему сказал об этом.

— Не удивительно, что ты так популярен.

— Да уж.

Мартин Бек посмотрел на Гюнвальда Ларссона и подумал, что пять лет понадобилось, чтобы приучиться выносить его, и столько же, чтобы кое-как понимать.

Еще через пять лет они, возможно, проникнутся симпатией друг к другу.

— Какие дни считаем критическими?

— С двадцатого по двадцать третье включительно, — ответил Гюнвальд Ларссон.

— То есть, пятница, суббота, воскресенье и понедельник?

— Предположительно.

— А почему не сочельник?

— Ну, считай и сочельник тоже.

— Лучше накинуть денек-другой, — сказал Мартин Бек. — Повышенная готовность…

— Уже объявлена.

— Повышенная готовность плюс наша пятерка с завтрашнего вечера, — закончил Мартин Бек. — И до конца рождественских праздников, если раньше ничего не произойдет.

— Он отчалит в воскресенье, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ты так думаешь. А как думает Гейдт?

Гюнвальд Ларссон положил свои волосатые ручищи на подоконник, созерцая серую муть.

— Не могу объяснить почему, но мне кажется, что я знаю этого чертова Гейдта. Знаю, как он рассуждает.

— Ишь ты.

Слова Гюнвальда Ларссона явно не произвели большого впечатления на Мартина Бека.

— Представляю себе, как Меландер обрадуется, — продолжал он. — Стоять и мерзнуть на пристани в Хельсингборге. В сочельник.

Фредрик Меландер по собственному желанию перевелся из группы расследования убийств в отдел насильственных преступлений, потом ушел и оттуда, чтобы избежать иногородних командировок. Хотя он был скуп, а эти перемещения отрицательно сказались на его жалованье и карьере.

— Как-нибудь переживет, — ответил Гюнвальд Ларссон. Мартин Бек промолчал.

— Слышь, Бек, — сказал вдруг Гюнвальд Ларссон, не поворачивая головы.

— Что тебе?

— На твоем месте я поберегся бы. Особенно сегодня и завтра.

Мартин Бек удивился.

— Ты о чем? По-твоему, мне надо опасаться? Этого Гейдта?

— Да.

— Почему?

— В последнее время ты частенько фигурировал в газетах, в радио— и телепередачах. Гейдт не привык к провалам. Кроме того, в его интересах отвлечь наше внимание. Приковать его к Стокгольму.

— Чушь, — сказал Мартин Бек и вышел из кабинета. Гюнвальд Ларссон глубоко вздохнул, продолжая смотреть в окно невидящими ярко-голубыми глазами.

## XXIX

Рейнхард Гейдт стоял перед зеркалом в ванной. Он кончил бриться и теперь расчесывал баки. На миг ему пришла в голову мысль сбрить их, но он тут же отбросил ее. Идея эта возникала и раньше, в другой связи: его командиры предлагали, чуть ли не приказывали ему расстаться с баками. Он внимательно посмотрел на свое лицо. Загар с каждым днем сходит. Но вообще-то внешность в порядке. Он всегда был ею доволен, и другие не жаловались. Еще бы.

Из ванной он через кухню, где только что ел, и через спальню прошел в большую комнату, которая с месяц назад служила ему и Леваллуа оперативным центром. Теперь в ней было как-то пусто и неуютно.

Поскольку он избегал выходить на улицу, единственным источником информации для него были радио и телевидение. Единственным и, в общем, достаточным. Но кое-какие пункты оставались неясными.

Каким образом, черт возьми, этот Мартин Бек смог взять Каитена?

Застать врасплох и задержать Камикадзе — еще куда ни шло, хотя теоретически и это считалось невозможным. Подобно другим, Камикадзе готовили к критическим ситуациям, и он выдержал все экзамены, однако сам Гейдт всегда считал его наиболее слабым звеном группы.

Но Каитен?

Каитен убил сотни людей множеством разных способов. Даже безоружный, он куда опаснее большинства полицейских или солдат с огнестрельным оружием. Ведь Каитен голыми руками убивал так же легко, как обыкновенный человек разбивает яйцо. Одного его удара ногой, как правило, было достаточно, чтобы прикончить противника.

Телевидение и радио уделили много внимания поимке японцев и процедуре взятия под стражу. До сих пор комментаторы снова и снова возвращаются к этой теме.

Судя по всему, этот Ульссон в лучшем случае занимался разработкой и обеспечением операции. Стало быть, по-настоящему опасным противником надо считать столь часто упоминаемого Мартина Бека. Видимо, он же перехитрил Гейдта в прошлом месяце, сорвав террористический акт. Таких полицейских на свете немного. Непостижимо, как вообще нашелся хоть один в такой стране, как Швеция.

Длинными бесшумными шагами Гейдт мерил комнаты не слишком-то просторной квартиры. Он был босиком, одет в белую майку и белые трусы. Запас одежды был невелик, и, поскольку Гейдт придавал большое значение личной гигиене, он каждый вечер стирал белье в ванной.

Перед Рейнхардом Гейдтом стояли два вопроса, требующие немедленного ответа, однако он еще не принял окончательного решения. Хотя давно сказал себе, что именно этот день, четверг девятнадцатого декабря — крайний срок.

Первый вопрос — путь бегства из страны. Когда трогаться с места, ему было совершенно ясно. А вот маршрут он еще не выбрал. Сегодня выберет. Вероятнее всего, через Осло и Копенгаген, как он и думал с самого начала, но и другие возможности остаются открытыми.

Второй вопрос — более щекотливый; о нем он вообще не задумывался до поимки Каитена и Камикадзе.

Ликвидировать Бека?

Что это даст?

Рейнхард Гейдт никогда не мыслил категориями мести или реванша. С одной стороны, ему были совершенно чужды такие чувства, как разочарование, ревность, мстительность, желание отыграться; кроме того, он был до мозга костей реалист. Все его действия диктовались практическими соображениями. Унижение, страх, гнев никогда не руководили его поступками.

В тренировочном лагере он научился принимать самостоятельные решения, тщательно взвешивать их и без колебания проводить в жизнь.

Научился он и тому, что основательное планирование составляет минимум полдела.

Все еще продолжая раздумывать, он вышел в коридор и взял с полки первый том телефонного справочника. Сел на кровать и отыскал нужную страницу. Куда проще. Гейдт прочел:

Бек, Мартин, комиссар уголовной полиции, Чёпмангатан 8, 22—80—43.

Из гардероба он достал синьки с картой города. Память у него была хорошая, и он примерно представлял себе, где находится Чёпмангатан — поблизости от Королевского дворца. Он сам проходил как раз по этой улице полтора месяца назад. Карта была очень подробная, и Гейдт сразу нашел нужный дом. Он стоял не на самой улице, а в конце узкого проулка, и прилегающие здания казались удобными для задуманного им дела.

Расстелив карту на полу, Гейдт нагнулся и вытащил из-под кровати винтовку. Безупречное оружие, как и все материальное обеспечение у БРЕН. Английского производства, с ночным оптическим прицелом, позволяющим стрелять даже при самом плохом освещении.

Гейдт взял в гардеробе свой чемоданчик «дипломат» и, разобрав винтовку, уложил в него. Потом сел на кровать, чтобы еще подумать.

Устранив Бека, он убьет двух зайцев. Во-первых, полиция потеряет своего явно лучшего и наиболее опасного для него, Гейдта, сотрудника, во-вторых, ее внимание будет приковано к Стокгольму.

Но есть и минусы. Вся полиция будет поднята на ноги — раз, все мыслимые пути выезда будут перекрыты — два. Правда, этих мер следует опасаться лишь в том случае, если убийство Бека обнаружат сразу.

Значит, если вообще убивать комиссара Мартина Бека, то только в его квартире. Гейдт еще раньше выяснил, что Бек разведен и живет один.

Так как же поступить?

Гейдт глянул на часы. Еще есть несколько часов в запасе, чтобы принять окончательное решение по обоим вопросам.

Неужели здешняя полиция до того тупа, что до сих пор не нашла машину? Как только явился Леваллуа с дурными вестями о фотографии и приметах, Гейдт поручил ему перегнать зеленый «опель» в Гётеборг и оставить на стоянке у причала, к которому подходит лондонский пароход. Затем француз, как ему было приказано, вполне легально приобрел надлежащим образом зарегистрированный подержанный бежевый «фольксваген». Эта неброская машина стояла теперь неподалеку от Хювюдста-алле.

Поразмыслив, Гейдт заключил, что тут ему не грозит никакая ловушка. И снова принялся мерить комнаты длинными, плавными, почти беззвучными шагами.

Даже удивительно, что такой могучий мужчина производил так мало шума: весы в ванной только что показали, что он весит почти сто килограммов.

Но Каитен весил сто двадцать, и в нем не было ни капли лишнего жира.

Утром того же дня Мартин Бек отправил Бенни Скакке в Мальмё. Скакке предпочел ехать на своей машине, чтобы ему начислили путевые, но Мартин Бек плохо переносил дальние автомобильные путешествия и решил сесть на последний ночной поезд. Какую-то роль сыграли и чисто эгоистические соображения: раз уж рождество летит к чертям, так он хоть вечер проведет с Реей. Если она в настроении. В чем он никогда не мог быть вполне уверен.

Рённ и Меландер отбыли поездом в Хельсингборг, и такими мрачными он их еще никогда не видел.

Гюнвальд Ларссон, большой любитель автомобильной езды, с утра пораньше двинулся в путь к норвежской границе на своей роскошной гедеэровской машине завода «Эйзенахер моторверке». И хотя на марке значилось «ЭМВ», почти все считали это ошибкой, полагая, что должно быть «БМВ».

Если Рённ и Меландер уезжали с таким видом, словно проглотили уксусу, то Гюнвальд Ларссон явно был в приподнятом настроении, а Скакке откровенно радовался. Бенни Скакке коллекционировал заслуги, а тут представлялась такая заманчивая возможность.

Мартину Беку не удалось найти Рею, но в управлении по социальным вопросам обещали передать, что комиссар заедет за ней. Он уже собрался идти домой, но, пока надевал пальто, зазвонил телефон. Разрываясь между чувством долга и более человеческими побуждениями, он вернулся к письменному столу и взял трубку.

— Бек.

— Хаммаргрен, — произнес незнакомый голос с гётеборгским произношением.

Фамилия ничего не говорила Мартину Беку, но, скорее всего, звонил сотрудник полиции.

— Слушаю, в чем дело?

— Мы нашли машину, которую вы разыскиваете. Зеленый «опель рекорд», фальшивые номерные знаки.

— Где именно?

— Здесь, в Гётеборге, в гавани Скандиа. У пристани, где причаливает «Сага». Лондонский пароход Ллойда. Машина, должно быть, уже недели две стоит.

— Дальше?

— Ну, отпечатков пальцев нет. Вероятно, стерты. Все документы на машину лежали в перчаточном отделении.

Разочарование, которое испытал Мартин Бек, не отразилось в его голосе:

— И все?

— Не совсем. Мы опросили команду «Саги», начали с Эйнара Норрмана — он у Ллойда флагманский капитан — и обошли всех офицеров. Дальше побеседовали с интендантом Харкильдом и всем обслуживающим персоналом, особое внимание уделили стюардам, официанткам и горничным. Никто из них не узнал этого типа на фотографии, вашего Гейдта.

— Интендант, — сказал Мартин Бек. — Раньше он назывался судовым казначеем.

— Что поделаешь, времена меняются. Скоро будут говорить «стена» вместо «переборки» и «пол» вместо «палубы». А там…

— Что — там?

— А там вообще можно плюнуть на пароходы и только летать на самолетах. Между прочим, Эйнар Норрман сказал, что за последние полгода ни разу фуражку не надевал. Скоро капитаны начнут отдавать концы из-за нехватки свежего воздуха.

Мартин Бек был вполне согласен с гётеборжцем, однако тот уклонился от темы.

— Ну, а что же насчет Гейдта?

— Ничего. Сдается мне, его на борту не было. С такой внешностью его бы запомнили. Ну, а машина, как я уже сказал, стояла на пристани.

— Криминалистический осмотр?

— Ничего не дал. Ровным счетом ничего.

— Ладно. Спасибо, что позвонил. Привет.

Мартин Бек энергично потер лоб. Тут может быть несколько вариантов. Можно считать машину ложным следом. Однако более вероятно, что Гейдт покинул страну на другом судне, не таком приметном, как «Сага». Гётеборгский порт большой, каждый день из него выходит не один корабль. Многие официально берут пассажиров. Другие — особенно небольшие суда — перевозят людей, которые предпочитают остаться неизвестными и могут за это заплатить.

Так что же вытекает из полученного сообщения?

Вполне возможно, что Гейдт уже несколько недель назад выехал из страны и находится далеко за пределами досягаемости.

Мартин Бек поглядел на часы. Связываться с кем-либо из выехавших сотрудников рано. И отзывать их, пожалуй, было бы неверно. Может быть, зеленый «опель» нарочно там поставлен, чтобы сбить с толку полицию. Жаль, что этот гётеборжец не выяснил, стояла ли машина там до покушения. Тогда все было бы ясно.

Теперь же кругом сплошь вопросительные знаки.

Мартин Бек захлопнул дверь своего временного кабинета и направился домой. В общем, лучше всего держаться намеченного плана.

Поезд отходит с Центрального вокзала около полуночи. До тех пор еще много времени.

Конек крыши обледенел, но вообще-то было не так уж холодно.

Рейнхард Гейдт лежал неподвижно на толевой кровле, и тепла от его тела было достаточно, чтобы корочка льда под ним и вокруг него быстро растаяла.

Он был одет в черный свитер и черные вельветовые брюки, на ногах — черные носки и черные туфли на каучуковой подметке, которую он зачернил ваксой, голова защищена надвинутым на глаза и уши черным шерстяным шлемом. На руки он натянул длинные тонкие черные перчатки.

У винтовки был черный ствол и темно-коричневый приклад. В принципе только блики на оптическом прицеле могли бы его выдать, но линзы были обработаны, чтобы не давать бликов.

Естественно, смысл всей этой маскировки заключался в том, чтобы остаться незамеченным. И хотя Гейдт не был до конца уверен в надежности принятых им мер, человек с нормальным зрением и впрямь не различил бы его с двух метров. Очутись вдруг вопреки всякой вероятности на крыше такой человек.

Сам Гейдт попал туда очень просто, через слуховое окно. Его «фольксваген» стоял на Дворцовой горке; от машины он шел в светлом плаще. Плащ вместе с чемоданчиком сейчас лежал в углу на захламленном чердаке.

Позиция была идеальная. Гейдт видел все окна Мартина Бека, поскольку все четыре выходили на восток.

Но пока что в квартире было темно и тихо.

Оптический прицел специально предназначался для снайперской стрельбы в темноте, и Гейдт даже при выключенном свете различал в комнатах некоторые детали. Адский шум уличного движения на набережной Шеппсбрун за его спиной создавал нужный фон. Английская винтовка стреляла не очень громко, и звук единственного выстрела, несомненно, потонул бы в какофонии, создаваемой работой моторов, визгом тормозов и выхлопами.

От нужных окон Гейдта отделяли каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят метров; да будь расстояние в десять раз больше, он все равно не мог бы промахнуться.

Полную неподвижность сохранять было невозможно. Время от времени Гейдт слегка шевелил пальцами и ногами, чтобы не окоченеть. Он досконально изучил все приемы, знал, как незаметно разминать мелкие мышцы, чтобы не подвели в решающую минуту.

И он снова и снова проверял оптический прицел, это подлинное чудо техники.

Он пролежал так, наверно, минут сорок, когда в лифтовой шахте зажегся свет, а затем осветилось и крайнее из четырех окон.

Рейнхард Гейдт вдавил приклад в плечо и просунул в скобу указательный палец.

Погладил спусковой крючок. Он хорошо освоил свое оружие и точно знал, где с какой силой нажимать.

Его план был прост. Действовать мгновенно, застрелить этого Бека, как только он покажется, и быстро, но без спешки убираться восвояси.

Кто-то прошел мимо первого, второго окна и остановился перед третьим.

Как всякий хороший стрелок, Гейдт расслабился и ощутил, что его тело наполняется приятным теплом и будто сливается воедино с винтовкой.

Указательный палец правой руки лежал на спусковом крючке. Рука не дрожала; он полностью владел собой физически и психически.

Кто-то стоял спиной к третьему окну.

Но не тот человек.

Женщина.

Небольшого роста, широкоплечая.

Прямые светлые волосы, короткая шея.

Одета в яркий вязаный джемпер, короткую твидовую юбку и, по-видимому, колготы.

Внезапно она повернулась и посмотрела через окно на небо.

Рейнхард Гейдт узнал ее еще раньше, чем рассмотрел белокурую челку и пытливые ярко-голубые глаза.

Прошлый раз он видел ее больше полутора месяцев назад.

Тогда она была в черной куртке, выцветших синих джинсах и красных резиновых сапогах.

Он помнил также, где именно ее видел. Тут, на Чёпмангатан, потом на другой улице, название которой вылетело у него из головы, и сразу после того на Дворцовой горке.

Гейдт не имел ни малейшего представления, кто она, но узнал тотчас и, надо думать, удивился бы такому совпадению, будь он вообще способен удивляться. Теперь же он просто навел оптический прицел на ее светлые волосы и пришел к выводу, что они у нее не крашеные, как ему показалось в тот раз.

В поле зрения появился мужчина. Довольно высокий, с широким лбом, прямым носом, широким тонкогубым ртом и мощной нижней челюстью.

Гейдт сразу опознал в нем человека, которого показывали по телевизору. Это был его враг, Мартин Бек. Тот, кто сперва сорвал террористический акт, потом обезвредил Каитена, физически самого сильного из всех агентов БРЕН, и кого теперь следовало устранить, чтобы облегчить Гейдту отступление.

Мужчина взял женщину за плечи, повернул лицом к себе и обнял.

Не такой уж опасный на вид, подумал Гейдт, слегка приподнимая ствол так, что крестик оптического прицела пришелся на переносицу полицейского.

Убить его сейчас ничего не стоило, но тогда он должен немедленно убить и женщину тоже. Все зависит от ее реакции. Гейдт видел ее только мельком, но догадывался, что она достаточно сообразительна. Если быстро сориентируется — успеет укрыться и поднимет тревогу, а тогда его позиция на крыше станет отнюдь не завидной. Окажись поблизости несколько полицейских, и темнота уже не будет для него надежной защитой. Напротив, он очутится в смертельной западне, отрезанным от всех путей отступления.

Рейнхард Гейдт быстро и трезво взвесил все за и против. Потом решил, что время еще есть, можно подождать и посмотреть, как разовьются события.

Рея Нильсен поднялась на цыпочки и шутливо куснула Мартина Бека за щеку.

— У меня теперь регламентированный рабочий день, — сказала она. — И начальство есть. Как еще оно посмотрит на то, что за три четверти часа до конца работы меня забирает полицейский.

— Особые обстоятельства, — объяснил Мартин Бек. — К тому же мне не хотелось возвращаться домой одному.

— Что за особые обстоятельства?

— Сегодня ночью уезжаю.

— Далеко?

— В Мальмё. По правде говоря, мне уже положено быть в пути.

— Почему же ты здесь?

— Решил сперва провернуть одно дело.

— Где? В спальне?

— Допустим.

Они отошли от окна. Рея покрутила в руках модель корабля, которую он сам собрал, и подозрительно посмотрела на Мартина Бека:

— И надолго ты уезжаешь?

— Не знаю точно. Дня на четыре, на пять.

— Значит, и в сочельник тебя не будет? Черт возьми, я даже не успела тебе подарок купить.

— И я тебе. Но к сочельнику я, наверно, все-таки вернусь.

— Наверно? Кстати, обрати внимание, какая я нарядная сегодня. Юбка, блузка, ажурные колготы, туфли, клетчатый бюстгальтер и такие же трусики.

Мартин Бек рассмеялся.

— Ты над чем смеешься? Над моей женственностью?

— Без одежды она нагляднее.

— Ты милый, — вдруг заявила она.

— В самом деле?

— Честное слово. Если я верно читаю твои мысли, нам лучше пройти в спальню.

— Ты всегда верно читаешь мои мысли.

Она сбросила туфли так, что они разлетелись в разные стороны. Потом трезво заметила:

— Но сперва лучше проверить кладовку и холодильник. Чтобы тебе потом не грозил голодный бунт.

Она вышла на кухню. Мартин Бек подошел к окну и выглянул наружу. Он увидел ясное звездное небо — подлинное метеорологическое чудо для этого времени года.

— Откуда этот омар? — крикнула Рея.

— С Центрального рынка.

— Из него можно приготовить кучу вкусных блюд. Сколько у нас времени?

— Это зависит от того, как долго ты будешь копаться на кухне, — ответил он. — Вообще-то времени достаточно. Несколько часов.

— Ясно. Иду. Вино у тебя есть?

— Есть.

— Отлично.

Рея Нильсен разделась по пути из кухни в спальню. Сперва швырнула на пол джемпер.

— Кусается, — объяснила она.

Когда она дошла до кровати, на ней оставался только клетчатый бюстгальтер.

— Помоги расстегнуть, — попросила она, пародируя кокетство. — Редкий случай, я же никогда не ношу бюстгальтер. Сегодня так уж вышло.

Они не стали задергивать занавески, ведь обычно некому было заглядывать в окна.

С того места, где лежал Рейнхард Гейдт, кровати не было видно, но он заметил, что свет в спальне погас, и примерно представил себе, что там происходит.

Через некоторое время свет зажегся, и женщина подошла к окну. Обнаженная.

Через оптический прицел он бесстрастно смотрел на ее левую грудь. Крестик пришелся как раз на широкий светлый сосок, и увеличение было настолько сильным, что он заполнил все поле зрения. Гейдт заметил даже светлый волосок длиной около двух сантиметров над самым соском.

Почему она его не выдернет? Он чуть опустил ствол. Теперь крестик лег на точку пониже левой груди. Сердце.

Рейнхард Гейдт слегка нажал на спусковой крючок, оставалось утопить шептало.

Еще четверть миллиметра, пуля вырвется из ствола и поразит цель.

Учитывая мощность вышибного заряда, сила удара отбросит женщину к задней стене, но еще раньше она умрет от шока. Независимо от того, какая часть сердца будет поражена.

Рея Нильсен стояла у окна.

— Сколько звезд, — сказала она. — Зачем тебе непременно ехать в Мальмё? Все из-за того же гнусного типа с баками? Из-за Гейдта?

— Из-за него.

— Знаешь, чем он, по-моему, занят в эту минуту? Сидит на острове Бали с красоткой на коленях и ловит золотых рыбок. Ладно, пошли займемся омаром.

В пятидесяти метрах оттуда Рейнхард Гейдт подумал, что все это неинтересно и ни к чему. Протиснулся сквозь слуховое окно на чердак, разобрал винтовку и убрал в чемоданчик. Надел свой светлый плащ и спустился на улицу.

Неторопливо шагая по Болльхюсгренду, он принял решение, когда, как и где выедет из страны.

**XXX**

С той поры, когда Мартин Бек и его сверстники были детьми, рождество из милого традиционного семейного праздника успело превратиться в широковещательное торговое действо, коммерческую свистопляску. Месяц с лишним, вплоть до великого дня — сочельника, оголтелая реклама нещадно истязала нервы людей, причем с единственной целью: выжать из них все деньги до последнего гроша. По идее рождество — праздник малышей, но сколько бедных малюток плачут от стресса и изнеможения задолго до того, как нанятый (и нередко пьяный в лоск) Дед Мороз наконец постучит в дверь.

Многие отрасли коммерции делали всю ставку на рождество. Взять продажу книг. Писатели, чьи книги не разошлись во время рождественской страды, могли, как правило, класть зубы на полку, ибо в сочельник вечером перед книжными прилавками словно опускался железный занавес. Правда, это почему-то было характерно именно для Швеции — даже в милой соседней Дании книги продавались во все времена года, и спрос на них определялся качеством.

Сверх того, на жителей страны находило какое-то судорожное стремление к перемене мест. Тянулись нескончаемые автомобильные вереницы; раскупались все билеты на коллективные воздушные экскурсии в Гамбию, Мальту, Марокко, Тунис, Малагу, Израиль, Канаду, Португалию, на Капри, Родос, Канарские и Фарерские острова и в прочие, малопривлекательные в это время года края; донельзя запущенные государственные железные дороги формировали кучу дополнительных составов; весьма неудобные автобусы устремлялись к самым таинственным целям — таким, как Сэфле, Боргхольм и Хьо. Даже в пригородные катера и в суда, идущие на Готланд, набивалось полно пассажиров.

Мартин Бек не смог уснуть в поезде, хотя высокий ранг позволил ему добыть билет в купе первого класса. И не только потому, что второй пассажир храпел, скрипел зубами, разговаривал во сне и поминутно слезал с верхней полки, чтобы отправить естественную надобность, как говорят манерные представители высшего общества. Это началось уже в Эльвшё, и, когда поезд загремел по стрелкам на въезде в Мальмё, бедняга в четырнадцатый раз двинулся в уборную. Не иначе, он страдал воспалением мочевого пузыря.

Однако все это не трогало Мартина Бека, во всяком случае, не слишком трогало. А не давали ему покоя мысли, которые разбегались во все стороны. Больше всего он думал о Гейдте.

Несколько часов назад, когда Рея стояла перед окном в его квартире на Чёпмангатан, а сам он, лежа на кровати, любовался ее спиной и крепкими икрами, ему вдруг вспомнилось предупреждение Гюнвальда Ларссона, и он еле удержался от того, чтобы вскочить и оттащить ее от окна. Гюнвальд Ларссон редко говорил такие вещи, и только если на то были веские причины. Несколько позже, пока Рея, непрерывно болтая и гремя посудой, превращала омара в изысканное лакомство, Мартин Бек прошел по комнатам и опустил все занавески.

Гейдт, конечно, опасен, но точно ли он находится в Швеции?

И можно ли считать сей вопросительный знак достаточно веской причиной, чтобы Мартин Бек испортил рождество четверым добросовестным сотрудникам, у троих из которых к тому же есть дети?

Что ж, будущее покажет. Или ни черта не покажет.

В глубине души Мартин Бек желал, чтобы Гейдт выбрал путь через Осло. Возможность хорошенько врезать ему по сопатке будет лучшим рождественским подарком для Гюнвапьда Ларссона.

Еще он подумал о том, что Меландер и Рённ способны заразить своей флегматичностью всю Хельсингборгскую полицию. А впрочем, они оба молодцы. Меландер всегда им был, и Рённ, вопреки обилию пессимистических предсказаний, стал молодцом, так что, если Гейдт изберет этот путь, ему вряд ли удастся уйти.

Вот Мальмё… Да уж, Мальмё с точки зрения пограничного контроля — чистый ад. Почти все наркотики и многое другое поступает в страну через Мальмё.

Человек с недержанием мочи первым соскочил на пол, и, поскольку Мартин Бек поленился отвернуться, пришлось ему созерцать процесс одевания. Мелькали носки, трусы, майки, долго длилась возня с брюками и подтяжками; все же наконец и Мартину Беку предоставилась возможность одеться.

Он потопал в «Савой», где останавливался каждый раз — правда, не так это часто случалось, — и был очень тепло встречен швейцаром с длинными фалдами.

Поднялся в свой номер, побрился, принял душ, доехал на такси до полицейского управления и вошел в кабинет Пера Монссона. Год выдался для местной полиции тяжелый, отчасти даже удручающий, но по Монссону этого не было видно. Он безмятежнее прежнего жевал свои вечные зубочистки.

— Бенни? — сказал Монссон. — Его здесь нет. Он поселился на гидропланной пристани.

В Мальмё невесть почему суда на подводных крыльях называют гидропланами, хотя на самом-то деле гидроплан — вид самолета.

— А как остальные точки?

— Всюду строжайший контроль. Да только очень уж много народу едет в эти дни в Данию. И оттуда. Прямо психоз какой-то. Но…

— Ну?

— Внешность у него подходящая, у этого Гейдта. Косая сажень. Ему прямо хоть на четвереньки становись и собакой прикидывайся. Да только в Данию запрещено возить собак. Тамошние лисы заражены бешенством.

— Не знаю, не знаю, — сказал Мартин Бек. — Мало ли высоких людей. Гюнвальд Ларссон, например, будет повыше Гейдта.

— Гюнвальдом Ларссоном только малых детишек пугать, — заметил Монссон, вооружаясь новой зубочисткой.

— Ты все знаешь об этих линиях — твое мнение?

— Гм-м-м. Иногда мне начинает казаться, что я вообще ничего не знаю. Легче всего контролировать железнодорожный паром «Мальмёхюс». Тут у него никаких шансов. Затем так называемые большие пароходы «Орел», «Грипен» и «Эресунн». Посложнее будет с автопаромами в Лимхамне — всеми этими «Гамлетами» и «Офелиями». Ну, и самое жуткое место — гидропланная пристань, ад кромешный.

— Гидроплан — это самолет, — поправил Мартин Бек.

— А, все одно — пекло. Один отчаливает, другой причаливает, и зал ожидания все время битком набит, не протиснешься.

— Понимаю.

— Ни черта ты не поймешь, пока сам не увидишь. Штурманов, которые должны билеты проверять, запросто сносят. У таможенников и пограничников есть комната, где они могут спрятаться и перекусить, не то из них в пять минут блин сделают. Потом хоть просовывай под дверь дома, где ждет жена.

Монссон примолк, потому что зубочистка застряла в зубах. Но тут же добавил:

— Извини за избитую остроту.

— А что же тогда делает Скакке?

— Бенни? Стоит на пристани и мерзнет на ветру. Аж весь синий. Со вчерашнего дня все так и стоит.

Гюнвальд Ларссон тоже мерз, но у него для этого было, с одной стороны, больше, с другой — меньше оснований. Конечно, на норвежско-шведской границе похолоднее, чем в Мальмё, зато он был лучше одет — лыжные ботинки, толстые шерстяные носки, кальсоны (хотя он их ненавидел), вельветовые брюки, дубленка и каракулевая шапка.

Прислонившись спиной к сосне, которая росла почти на самой границе, он не спускал глаз с бесконечного потока машин, таможенной будки, пограничного шлагбаума и временного заграждения, рассеянно слушая град проклятий, которыми водители осыпали дотошных полицейских. Это называется открытая граница? Куда подевалось северное сотрудничество? Или в Норвегию теперь въезжать так же сложно, как в Саудовскую Аравию? Может быть, это из-за нефти в Северном море? Или из-за того, что вся шведская полиция состоит из идиотов? Какой я вам Гейдт, черт возьми? И вообще, какое дело полиции до моей фамилии? Пока я швед и в Скандинавии действует постановление об открытой границе,

полиции не касается, как меня зовут — Чаплин, Пат или Паташон. Вы поглядите только, какая очередь выстроилась по вашей милости!

Гюнвальд Ларссон вздохнул и поглядел на автомобильную очередь. Она и впрямь была изрядная, тогда как машины, идущие встречным курсом, без помех проносились в Швецию из доброй старой соседней страны. К тому же некоторые полицейские у заграждения вели себя на редкость несуразно. Ведь каждому из них выдана фотография Гейдта и подробное описание примет. Каждому известно, что он плохо владеет шведским, но прилично говорит по-датски. Что ему около тридцати лет и рост его метр девяносто пять. Так нет же, иные по десяти минут мотали душу из лысых шестидесятилетних стариков с типичным шведским произношением. Но Гюнвальд Ларссон не один год жизни убил на бесплодную борьбу с полицейской тупостью. Пусть теперь этим занимается какой-нибудь другой Дон-Кихот.

Почти все машины везли на крышах лыжи, снежные скутеры, оленьи рога. Рога какой-то ловкач продавал по бешеной цене уже на шведской стороне границы. Гюнвальд Ларссон созерцал эту картину с глубоким отвращением.

Он любил Лапландию нежно и бескорыстно — но только летом.

Рённ и Меландер вовсе не мерзли. Они сидели в относительно удобных креслах в будке со стеклянными стенами, которую смонтировала для них хельсингборгская полиция. Два отличных электрокамина поддерживали внутри приятное тепло, и время от времени молодые полицейские приносили кофе в термосах, пластмассовые кружки, пирожные и датские сдобные булочки. Почти весь поток выезжающих из страны направляли мимо будки, и, если кто-то заслуживал более пристального внимания, у Рённа и Меландера имелись под рукой великолепные призматические бинокли. Кроме того, они были связаны по радио с сотрудниками, которые проверяли пассажиров в автомашинах и поездах. И все-таки оба сидели с кислым видом. Рождество-то насмарку.

Они почти не говорили, разве что когда соединялись по телефону с домом и жаловались женам.

Такова была обстановка в пятницу двадцатого декабря, за четыре дня до сочельника. В субботу стало еще хуже, в том смысле, что неработающих прибавилось, и поток людей через Эресунн возрос неимоверно. Всеми осуждаемая идея моста через пролив казалась дежурящим уже не столь нелепой. Мост хоть можно перекрыть.

Когда Мартин Бек, пробившись сквозь толпу беснующихся людей, у которых билеты не были прокомпостированы, но которые все же рвались на очередной рейс, добрался до пристани катеров на подводных крыльях, оказалось, что штурман, отмечающий билеты на готового к отправке «Бегуна», — датчанин и крайне подозрительно относится к лицам, называющим себя комиссарами уголовной полиции и не могущим подтвердить свои слова документами. Мартин Бек сегодня надел другую куртку и, конечно, забыл удостоверение в гостинице. В конце концов его выручил Бенни Скакке, коего к этому времени все штурманы уже знали в лицо.

Мартин Бек очутился на пронзительно холодном, сыром ветру, столь типичном для южношведской зимы, а особенно для Мальмё. Он смотрел на своего ближайшего сотрудника, за спиной которого Деды Морозы раздавали рекламные проспекты, излагающие, чем может порадовать гостей столица Дании, несмотря на экономический кризис и угрозу девальвации.

Скакке выглядел ужасно. Щеки — синие, лоб и нос — совсем белые, и вся кожа выше шерстяного шарфа — словно пергамент.

— Давно ты стоишь тут? — спросил Мартин Бек.

— С половины шестого, — ответил Скакке, стуча зубами. — Точнее, с четверти шестого. Когда отправился первый катер.

— Сейчас же пойди и проглоти что-нибудь горячее, — распорядился Мартин Бек. — Живо.

Скакке исчез, но уже через четверть часа он снова стоял на посту. Лицо его обрело несколько более нормальную окраску.

В субботу ничего особенного не произошло, если не считать, что появились охотники подраться. Мартину Беку вспомнился читанный недавно циркуляр, из которого следовало, что шведы, американцы и, пожалуй, финны драчливее других национальностей. Конечно, огульное обобщение, но иногда можно было подумать, что не так уж оно далеко от истины.

Около десяти вечера Мартин Бек вернулся в гостиницу. Сверхусердный Скакке остался, твердо намеренный не уходить с поста, пока не отчалит последнее судно. Он явно не очень-то доверял своим бывшим коллегам в местной полиции.

Взяв ключ от номера, Мартин Бек направился к лифту, но передумал и зашел в бар. Как всегда в предрождественские дни, народу хватало, но у стойки отыскался свободный табурет.

— Здравствуйте, здравствуйте, — приветствовал его бармен с феноменальной памятью. — Виски со льдом, как обычно?

Мартин Бек колебался. После многих часов, проведенных на ветру, лед его не очень прельщал. Он глянул на соседа, который тянул из большого стакана какой-то золотистый напиток. На вид недурно. Он перевел взгляд на лицо пьющего. Моложавый мужчина лет пятидесяти, бородатый, с длинными лоснящимися волосами.

— Советую попробовать, — сказал бородач. — «Золотой крюк». Или «Голден хук», как его называют американцы. Здешнее изобретение.

Мартин Бек последовал совету. Напиток и впрямь был приятный, и он — без особого успеха — попытался угадать состав. Потом вдруг снова посмотрел на соседа и сказал:

— А я вас узнал. Вы тот репортер и любитель ботанических экскурсий, который прошлой осенью нашел Сигбрит Морд около озера Бёрринге.

— Уф, — бородач чуть не подавился. — Лучше не напоминайте. Хотя бы не здесь. — Присмотрелся к Мартину Беку и добавил: — Ну конечно. Вы тот полицейский комиссар из Стокгольма, который потом меня допрашивал. А теперь чем обязаны?

— Служба, — ответил Мартин Бек, пожимая плечами.

— Ну-ну, — сказал бородач. — Дело ваше.

Три минуты спустя Мартин Бек пожелал ему доброй ночи, поднялся в номер и лег. Он до того устал, что не хватило даже сил позвонить Рее.

Воскресенье, двадцать второе декабря, на пристани — немыслимое столпотворение. Магазины явно работали, потому что Дедов Морозов с рекламными проспектами прибавилось. И среди напирающих пассажиров было множество детей. Полдень, час пик, праздничная атмосфера. Впрочем, с атмосферой дело как раз обстояло не лучшим образом. Северный ветер — сырой, пронизывающий, холодный — нещадно хлестал голую пристань.

Два катера ждали сигнала — датский «Летучая рыба» и шведский «Крачка». Набьют до отказа людьми — и пошел.

Проводив датский катер, Бенни Скакке, дежуривший около сходней, направился к шведскому. Мартин Бек стоял у входа на посадку, за спиной у штурмана, который одной

рукой в бешеном темпе прокалывал билеты, а другой — нажимал кнопку счетчика пассажиров.

Сильный порыв ветра заставил Мартина Бека отвернуться. В эту минуту слух его уловил обращенные к штурману датские слова.

Он снова повернул голову.

Никакого сомнения.

Рейнхард Гейдт миновал наружный полицейский кордон, миновал билетный контроль и уже шагал к сходням; не больше метра отделяло его от Мартина Бека.

Скакке находился от них в двадцати пяти метрах, на полпути между отчалившим катером и тем, который сию минуту должен был тронуться.

Единственным багажом Гейдта была бумажная сумка с изображением Деда Мороза.

Скакке тотчас узнал южноафриканца, круто остановился и потянулся за пистолетом.

Но Рейнхард Гейдт первым заметил Скакке и угадал в нем сотрудника полиции. Оставалось только убедиться, что тот его опознал.

Когда правая рука Скакке метнулась за пазуху, Гейдту уже все стало ясно. Кому-то предстояло умереть в ближайшие секунды, и Гейдт был уверен, что не ему. Он убьет этого полицейского, потом перепрыгнет через ограждение и затеряется в уличной давке. Выпустив пакет, Гейдт откинул полу куртки.

Бенни Скакке был хорошо тренирован и реагировал быстро, но Рейнхард Гейдт был в десять раз быстрее. Даже в кино Мартин Бек не видел ничего подобного.

Впрочем, он и сам был не из медлительных. Шагнув вперед, Мартин Бек сказал: «Минутку, мистер Гейдт», — и поймал правую руку террориста.

Но южноафриканец уже выхватил свой грозный кольт, и его сил хватило на то, чтобы поднять руку, хотя Мартин Бек крепко держал ее.

С ужасающей ясностью Скакке осознал, что жизнь его поистине висит на волоске и что Мартин Бек подарил ему шанс остаться в живых.

Он тоже успел выхватить свой «вальтер», прицелился и выстрелил с твердым намерением убить противника.

Пуля попала Гейдту в рот и застряла в шейных позвонках.

Несмотря на все помехи, несмотря на совершенно безнадежную ситуацию, несмотря на то, что он фактически был уже мертв, Рейнхард Гейдт спустил курок своего кольта «357 магнум». Пуля поразила Бенни Скакке в правое бедро, довольно высоко, от ее удара он завертелся юлой и упал прямо на цепочку ошарашенных Дедов Морозов. Никто из них не успел даже подхватить его и смягчить падение.

Скакке лежал ничком, из ноги обильно сочилась кровь, но он был в сознании. Когда Мартин Бек упал на колени рядом с ним, он первым делом спросил:

— Как там? С Гейдтом?

— Ты убил его. Наповал.

— А что еще я мог сделать.

— Все правильно. Это был твой единственный шанс. Откуда-то вынырнул Пер Монссон, источая аромат свежезаваренного кофе.

— «Скорая помощь» будет сию минуту, — сказал он. — Ты только не двигайся, Бенни.

Не двигайся, подумал Мартин Бек. Будь у Гейдта в запасе еще хоть десятая доля секунды, Бенни Скакке замер бы навсегда. И сотой доли хватило бы, чтобы на всю жизнь сделать Скакке калекой. Теперь, похоже, обойдется. Мартин Бек успел убедиться, что рана не слишком опасная.

На пристань высыпали полицейские и принялись оттеснять зевак от убитого.

Когда послышался вой сирены «скорой помощи», Мартин Бек выпрямился и подошел к Гейдту. Лицо было несколько обезображено, а так-то он и мертвый выглядел хоть куда.

Человек, поднявший трубку на пограничном посту у европейской магистрали № 18, явно был не в духе.

Очень уж часто трезвонил этот проклятый телефон, да и очередь автомашин продолжала расти, никакой возможности справиться с ней.

— Да, — сказал пограничник, — кажется, здесь. Погодите. Прикрыл микрофон ладонью и повернулся к своему товарищу:

— Гюнвальд Ларссон — это не тот верзила в миллионерских шмотках, который торчит там у дерева?

— Он, — ответил товарищ. — По-моему, он.

— Его к телефону. Этот окаянный Гейдт, о котором все говорят. То есть, тьфу, звонит-то не Гейдт.

Гюнвальд Ларссон вошел в помещение и взял трубку. Извлечь что-либо из его слов было трудно, потому что он ограничивался односложными репликами.

— Так.

— Ага.

— Мертв?

— Жаль.

— Кто?

— Скакке?

— А сам он?

— Ну пока.

Он положил трубку, поглядел на постовых в будке и сказал:

— Можете снимать ограждение, больше не понадобится. Пусть проезжают.

— А ты?

— Поеду домой.

— Еще не умаялся?

Гюнвальд Ларссон вдруг осознал, что давно не смыкал глаз.

Он и впрямь умаялся. Уже в Карлстаде сдался и подъехал к городской гостинице.

В Хельсингборге Фредрик Меландер положил трубку и довольно улыбнулся. Потом посмотрел на часы. Лицо Рённа, который сидел рядом и слушал разговор, тоже выражало откровенную радость.

Сочельник они отпразднуют дома.

В пятницу 10 января 1975 года выдался как раз такой вечер, каких хотелось бы побольше. Когда все относительно спокойны и пребывают в ладу с миром и собой. Когда все плотно поели, выпили и знают, что завтра свободный день, если только не стрясется что-нибудь из ряда вон выходящее, непредвиденное и ужасное.

Подразумевая под словом «все» очень маленькую частицу человечества.

Человека четыре.

В этот вечер Мартин Бек и Рея пришли к Леннарту Колльбергу и его жене, и вместе они выполнили названную выше программу, создав тем самым предпосылки к тому, чтобы чувствовать себя так хорошо, как это вообще возможно.

Говорили они не очень много, главным образом потому, что были заняты игрой, которая называется «составление кроссворда» и выглядит весьма просто. У каждого участника по ручке и по листку бумаги, на котором начерчено двадцать пять клеток, и каждый по очереди называет какую-нибудь букву. Эти буквы вписывают в клетки; заглядывать в чужие листки нельзя.

— Икс, — сказал Колльберг в третий раз подряд, и все тяжело вздохнули.

Что-то в этой игре не так, подумал Мартин Бек. Хотя бы то, что Колльберг выиграл четыре раза из пяти. В пятый раз выиграла Рея.

Впрочем, Мартин Бек и Гюн Колльберг привыкли к тому, что им не везет в игре, и не очень переживали.

— Икс, как в слове экс-полицейский, — юмористически пояснил Колльберг.

Как будто все и без того уже не убедились, что нет никакой возможности в третий раз найти применение этой злосчастной букве. После долгого раздумья Мартин Бек оторвал глаза от своих клеток, пожал плечами и сдался.

— Слышь, Леннарт.

— М-м-м?

— Помнишь — десять лет назад?

— Когда мы охотились на Фольке Бенгтссона, сразу после реорганизации? Да-а, есть что вспомнить. А все, что потом было? Нет, лучше не вспоминать.

— Думаешь, все тогда началось? Колльберг поежился. Потом произнес:

— Нет, не тогда. И, к сожалению, не сегодня кончится.

— Игрек, — сказала Рея.

После чего все надолго примолкли.

Настало время подсчитывать очки. Записав цифры, Мартин Бек убедился, что и на этот раз проиграл.

— Но одно совершенно ясно, — заговорил Колльберг. — Была допущена ошибка. Сделать полицию зачинщиком насилия — все равно, что ставить телегу впереди лошади.

— Ха, я выиграла, — сказала Рея.

— Точно, — подтвердил Колльберг.

И продолжал, сжалившись над Мартином Беком:

— Да брось ты себя терзать. Преступность весь западный мир захлестнула в эти последние десять лет. Эту лавину в одиночку не остановишь и не отведешь. Она будет расти и расти. И ты тут не при чем.

— Будто бы?

Все перевернули свои листки и начертили новые клетки. Кончив чертить, Колльберг снова посмотрел на Мартина Бека:

— Твоя беда в том, Мартин, что тебе досталась не та работа. И живешь ты не в те времена. Не в той части мира. И система не та.

— Это все?

— Приблизительно все, — сказал Колльберг. — Ну так, мне начинать. Я говорю икс. Икс, как в слове Маркс.

**1**

Центральное полицейское управление.

**2**

так

**3**

Осталась двадцать одна минута, если я не ошибаюсь *(англ.)*. Здесь и далее, если не отмечено другое, видимо, прим. перев. или ред., хотя в исходной электронной версии не указано.

**4**

Видимо, якоря.

**5**

Криминалистической лаборатории.

**6**

В 1967—1975 гг. губернатор штата Калифорния.

**7**

Дорогие мистер и миссис Косгрейв. После того, как Джим оставил меня и нашу дочь Камиллу в январе, я ничего от него не слышала. Уже прошло пять месяцев. Вы не знаете, где он? Я беспокоюсь за него и буду очень благодарна, если вы мне напишете, что вам о нем известно. Я знаю, что он непременно написал бы мне, если бы мог, потому что он очень хороший и честный парень и любит меня и нашу дочурку. Ей уже шесть месяцев, она очень славная и красивая девочка. Умоляю вас, мистер и миссис Косгрейв, напишите мне, что с Джимом. Заранее благодарю, желаю вам всего доброго (искаж. англ.)

**8**

*Херманссон, Карл-Хенрик* — видный деятель шведского рабочего движения, бывший в течение многих лет председателем «Левой партии — коммунисты Швеции».

**9**

Абсолютно неверно. Рентгеновские лучи проходят через любую пластмассу.

**10**

Государственный винный магазин.

**11**

Финское ругательство.

**12**

Испанское ругательство.

**13**

Механизм действия *(лат.)*

**14**

Памяти великого человека его величества короля Швеции Густава VI Адольфа от народа Соединенных Штатов *(англ.)*

**15**

Чудесно. То самое, что я хотел *(англ.)*

---